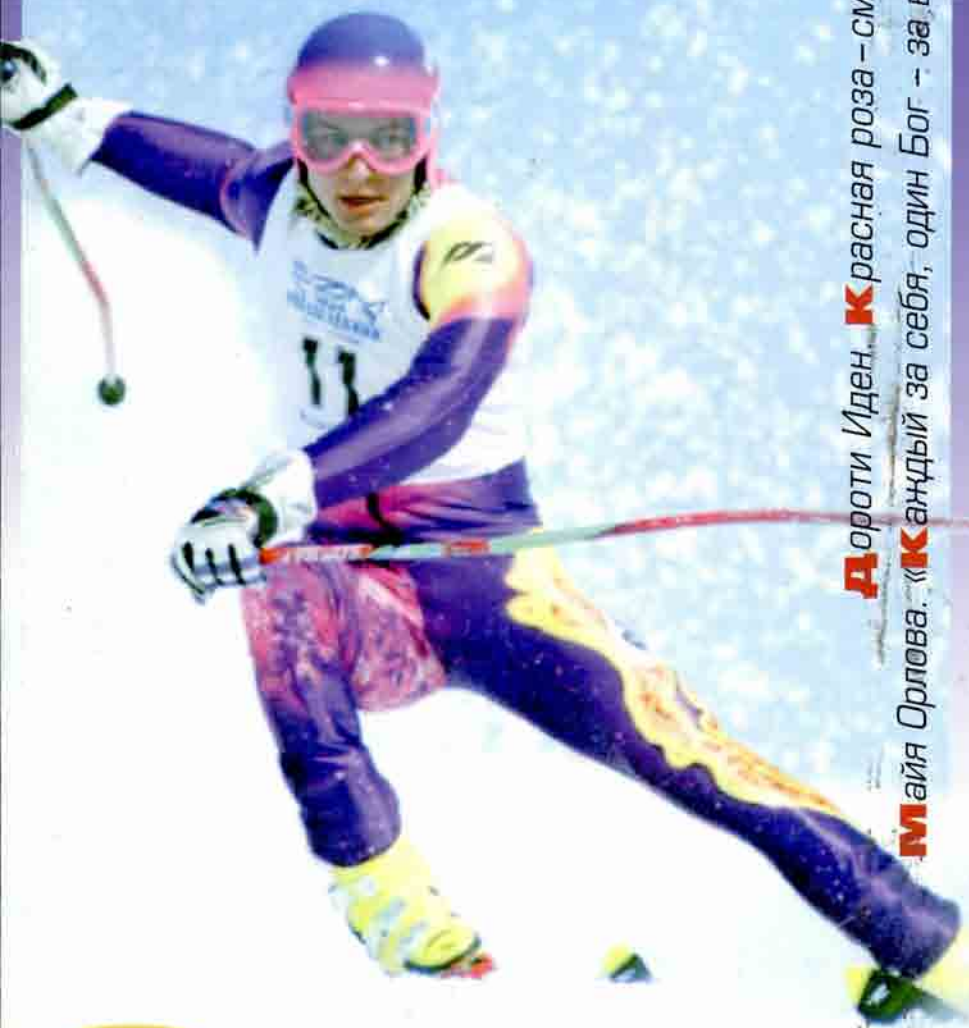

СМЕНА

Дороги Иден, **К**расная роза – смерть
Майя Орлова. «**К**аждый за себя, один Бог – за всех»

3'98

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

СМЕНА

Главный редактор

Михаил Низипов

зам. главного редактора

**зам. главного редактора
главный художник**

Редколлегия:

*Валерий Гуринович
Борис Данюшевский
Николай Левичев
Сергей Попов
Виталий Федоров
Тамара Чичина*

*Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал*

'98

(1601) МАРТ

*Основан
в январе
1924 года.*

Сдано в набор 19.1.98

Подписано и печати 5.2.98

Бумаж офсетная

Печать офсетная

Тираж 55 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва

Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок

250-29-39 — отдел реализации

250-49-98 — отдел рекламы

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег. № 014832

Учредитель —

коллектив редакции журнала "Смена".

Рисунки, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

Valid Design Alliance

Издательство "Открытые системы"

Отпечатано в типографии

"Strubal" (Австрия)

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1998

- 20 Людмила Шаменкова
ПОТОМКИ
Рассказ
- 154 Дороти Иден
КРАСНАЯ РОЗА — СМЕРТЬ
Детектив

- 4 Андрей Филиппов
ПРИТЯЖЕНИЕ НЕВЕСОМОСТИ
- 38 Анатолий Дерябин
ДОЛГОВОЙ УХАБ
- 86 Галина Брынцева
ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРЬЕРЫ
- 92 Майя Орлова
“КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ, ОДИН БОГ — ЗА ВСЕХ”
- 116 Фотоперисаж
Романа Денисова
НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ, ПОД ВОДОЙ...
- 126 Николай Вертов
ХЛЕБ “ВЕРТУХАЯ”
- 146 Анатолий Лысенко:
«ЕСЛИ КРОКОДИЛА ВОВРЕМЯ КОРМИТЬ — ОН СПОКОЕН...»
- 266 Андрей Головенкин
В ТРИ ПОГИБЕЛИ

3
В НОМЕРЕ:
'98

стр. 92

На 1-ой обложке
фото Романа Денисова.

Андрей Молчанов
ПАДЕНИЕ ВАВИЛОНА

Новый остросюжетный роман московского писателя можно было бы отнести к жанру чисто политическому — речь идет об анции «Вавилон», в которой не последнюю роль играет противостояние двух государств, — если бы не житейские, порой забавные, порой наиверные повороты судьбы главного героя, волею обстоятельств попадающего сначала сержантом в конвойную роту, а затем в Германию в период ухода войск, и, наконец, в Америку...

- 48 Любовь Русева
**НЕЛИЦЕМЕРНЫЕ
ДРУЗЬЯ**
- 64 Лилия Байрамова
БОТТИЧЕЛЛИ
- 104 Александр Кравцов
МИР ЛОВИЛ ЕГО, НО...
- 135 Лидия Рагозина
**И ЗВУК ХРУСТАЛЬНЫЙ
В ТИШИНЕ...**
- 138 Алексей Егоров
**ИКОНА ПИШЕТСЯ
ДУШОЙ**
- 263 Людмила Кандалова
ВАЛЕРИЯ КОЦАРЕВА

15 Новелла Матвеева

стр. 64

Сергей Золовнин **ПОХИЩЕНИЕ**

Кто расследовал и доводил до суда уголовное дело о похищении известного профессора медицины, не сговариваясь, признают редко какое организованное преступное формирование способно и сегодня сравниться с тем, что несколько лет назад орудовало в Сочи, в Сухуми, в Рязани...

98

ПРИТЯЖЕНИЕ

НЕВЕСОМОСТИ

новейшая история космонавтики пишется сегодня... артистами, журналистами, дипломатами

Натиск папарацци у космической бездны

Еще пять-шесть лет назад в Центре управления полетом, что в подмосковных Подлипках, после каждого старта пилотируемого космического корабля мрачно шутили: ну вот, дескать, стартовала очередная пропавшая экспедиция. Ведь затем в течение всего полета пресса почти не рассказывала о том, какая работа идет на борту орбитального комплекса.

Но года два назад все изменилось. Стоило грузовину "Прогресс М-34", что называется, вцепиться в солнечную батарею, а потом шарахнуть по модулю "Кристалл", как в ЦУП слетелись научно-технические папарацци. (Да, гибель принцессы Дианы высветила острейшую проблему взаимоотношений прессы и общества: смысл этого итальянского словечка расширился от "те, кто пишет светскую хронику" до "журналист — искатель жареного во всем".)

фото ЦПК им. Ю.А. Гагарина

Как комары, они пищали своими сотовыми телефонами, внося тем самым помехи в ведение связи специалистов с орбитальной станцией, вслушивались в каждый шорох в эфире, ловя вести о новых неисправностях или нештатных ситуациях.

Небритые, невыспавшиеся, помятые, в засаленных джинсах и тяжелых ботинках в стиле "Нэвел Трофи", репортеры западных СМИ дымили сигаретами, уставляли баннами с пивом и кока-колой полированные плоскости гостевого балкона главного зала ЦУПа. На мебели оставались липкие круги и смятые обертки от "биг-маков". Служба режима только успевала желвачками играть. Ведь еще совсем недавно здесь сидели президенты и послы, министры крутых оборонных ведомств и секретари ЦК разных компартий, академики и генералы в штатском. А то и сам Винтор Степанович с Альбертом Гором!

— Пронятые папарацци! — выговаривал мне обладатель военной выправки и мощного затылка, одетый в штатский костюм. — Налетели на Васю Циблиева, так у всех сложилось впечатление, что они с ним сделают то же, что с принцессой Дианой. Получается, журналюги питаются кровью. Нет, не дождетесь!

И, морщась, понес выбрасывать забытую кем-то жестянку, переполненную "благоухающими" окурками.

Сам командир 23-й длительной экспедиции на станцию "Мир" полковник авиации Василий Циблиев после своего приземления, с трудом сдерживаясь, выразился о современных манерах иных корреспондентов так:

— Для заголовков ваших газет было бы лучше, чтобы с орбиты приземлились трупы.

Это сказал человек, переживший пожар на станции (газетчики писали,

что экипаж три дня потом жил в противогАЗах), а спустя несколько недель еще и ее таран восьмитонной сигарой грузового корабля, пробоину, из-за которой пришлось "отснять" целый модуль, спешно рубя кабели, проложенные через люк. Иначе он не захлопывался и воздух через дыру уходил в космос. Экипажу вскоре просто стало бы нечем дышать. Из-за этой спешки у американца Майкла Фозла в захлопнутом модуле остался мешок со всеми личными вещами. До прихода следующего грузовика он жил в одних трусах, чистя зубы не щетной, а кусочком марли, намотанной на палец и пропитанной спецоставом. Что, впрочем, является штатным для наших космонавтов. Не в смысле трусов, а в смысле запасной технологии стоматологической профилактики пародонтоза.

Да тут еще и при посадке на Землю на корабле В.Циблиева не сработали двигатели мягкой посадки.

— Хорошо, что в правом кресле, в районе которого был удар о грунт, никого не было, — рассказывал он мне. — Представляешь, запас видеонассет с записями по итогам ряда экспериментов — в пыль. А если бы там сидел человек?

Он вернулся на Землю с учащенным сердцебиением, по-научному тахикардией. Из-за этого перед посадкой врачи вполнину снизили ему физкультурную нагрузку. А обычно надо ежедневно в невесомости бегать до тридцати восьмого эта, прицепившись резиновыми гутами к беговой дорожке, тредбану. Прописали сердечные препараты...

Сможет ли командир в таком состоянии посадить корабль, волновались папарацци? Не передать ли лучше управление бортинженеру? Если не справится автоматика?

Командир все-таки руководил посадкой сам. В первые секунды после приземления он еще не знал — вот ведь, худа без добра не бывает — что, например, в США он стал самым популярным человеком года, "заставившим плануть всю Америку". Что его экспедиция вошла в историю космонавтики, как "первая непропавшая" после долгого перерыва, а не только как 23-я очередная. И что после него непропавшей станет и 24-я, которая летает сейчас во главе с командиром Анатолием Соловьевым, и предстоящая 25-я...

— Да, нештатные ситуации на орбите вновь привлекли к нам внимание прессы, — говорит сменный руководитель полетом орбитального комплекса "Мир" Игорь Голубев. — За это внимание только и можно быть благодарными. Но ужас, что пишут иные представители журналистского цеха. Безграмотно с точки зрения знания космической техники, истории ее развития, без понимания смысла освоения космического пространства, без желания разобраться. А какие выдумывают idiotские кричащие заголовки! Вот, к примеру, о пожаре на орбите: "Враги сожгли родную хату. Приключения космонавтов-вредителей". О нештатной ситуации: "Бортовой компьютер на "Мире" работает хуже арифмометра". Подытоживая полет: "В авариях на "Мире" обвиняют людей"...

Хочется горько усмехнуться, но такая психическая атака привела к нашумевшему финалу "первой непропавшей" экспедиции. Президент Б.Ельцин неизвестно с чьей подачи, но как бы позабыл презумпцию невиновности и на экскурсии по заводу имени Хруничева, где делают блоки орбитальных поселений и тяжелые ракеты-носители "Протон", высказал мнение, что техника у нас хорошая.

Значит, дескать, виноват во всем человеческий фактор.

Пошли слухи, что экипаж не получит денежного вознаграждения за полет. Кончилось, правда, тем, что и Василия Циблиева, и бортинженера Александра Лазуткина отправили в Сочи, в отпуск, выплатив поначалу семьдесят процентов гонорара каждому. Сейчас они отдохнули, получили оставшиеся тридцать. И еще долго будут ездить по миру. Специалисты США, Германии, Японии и других стран из первых уст хотят узнать о положении дел на станции. Ибо в 1998 году в космосе начинается сборка орбитального поселения нового поколения — "Альфы". Она вберет в себя весь опыт "Мира", в том числе и наработанные в ходе нештатных ситуаций технологии ремонтных работ. И инструменты. И даже новую практику общения специалистов с прессой. О которой теперь знаешь, что от нее можно всего ожидать. И поэтому папарацци никто не верит.

Ностальгические яйца из будущего

...Перепелиные яйца, пять штук, я купил на Ярославском рынке. А рядом, в магазине "Рубин", бутылку "смирновской" водки и газированную воду с портретом Чумана на этикетке. И вышел на проспект Мира. По субботам меня здесь забирает машина, которая доставляет в ЦУП артистов — участников телевизионных сеансов психологической поддержки летающего экипажа орбитальной станции. Я же на общественных началах бескорыстно выступаю как постоянный ведущий этого космического мини-телевидения. Наша аудитория пона — космонавты на стан-

ции "Мир" и тысячи инженеров и специалистов, дежурящих по наземному комплексу управления полетом, от Москвы до Петропавловска-Камчатского.

Командиром "Мира" сейчас летает Анатолий Соловьев. Это один из асов космонавтики, у него уже больше всех выходов в открытый космос — четырнадцать. Но лет пять назад, в одном из своих предыдущих полетов, он был первым в истории космонавтики... галактическим птичкином.

В инкубаторе на борту станции вылуплялись птенцы японского перепела. Яйца я купил из ностальгических соображений — ведь тогда я в порядке энтузиазма притащил домой из Института медико-биологических проблем спецлетку и семью этих птичек — три курочки и петушка. И несколько месяцев терпел в квартире запах курятника и торжествующие крики петуха. Зато у меня были свежие перепелиные яйца — диетический продукт в 5 раз ценнее куриного. Зачем он нужен на борту орбитальной станции, об этом чуточку позже.

А сейчас постараемся ответить на вопрос, зачем нам так уж надо летать в космос, осваивать новое жизненное пространство? Дело в том, что наша планета, матушка-Земля, не такая уж огромная, как представлялась людям в древности. Юрий Гагарин облетел ее за полтора часа, все восклицая, какая она красивая и маленькая. Ученые подсчитали, что максимально она сможет прокормить где-то шесть миллиардов человек. Может, они и ошиблись, но не намного и не в принципе. Ресурсы Земли не бесконечны. Сейчас на ней обитает уже более 5 миллиардов человек — времени, как вы понимаете, у нас осталось совсем немного.

Английский ученый Мальтус выступил в этой связи в свет теорию, оправдывающую войны и массовое уничтожение людей. Мол, численность людей сокращается, зато оставшиеся продлевают себе возможность жить, дышать, есть, пить. Разумеется, не все могут принять такое антигуманное учение. Альтернативой ему считается выход цивилизации в космос, освоение околоземного и околосолнечного пространства, жизнь внутри искусственных космических островов, на Луне, на Марсе, на малых телах — астероидах. В процентах современных конструкторов, таких, как американец О'Нейл, каждая космическая колония имеет население до полумиллиона человек. А комфорт там рисуется выше классом, чем на Гавайях. И уж куда выше, чем на Вавилоне-5, фантастической станции, сериал о которой показывают школьникам по телевизору.

Автором же альтернативы является русский ученый-энциклопедист, один из самых оригинальных философов XX-го столетия, смотритель Румянцевской библиотеки Николай Федорович Федоров. Это о нем Лев Толстой говорил: этот старец, он умней меня! Молодой Циолковский читал те книги, которые подбирал ему Федоров, автор двухтомного "Общего дела". Делом этим общим он считал одно — направить науку на преодоление старения, каждый человек должен приобрести бессмертие. А затем заняться воскрешением всех предшествующих поколений. Ясно, что места на Земле всем не хватит — предстоит экспансия в космическое пространство.

Зачем, надо полагать, теперь понятно. Но все же лучше вторившего Федорову позднее К.Э. Циолковского не скажешь: освоение космоса принесет человечеству бездну могуще-

ства и горы хлеба. Или хотя бы робкую надежду выжить, войти в гармонию с природой и попытаться понять, сколько мы уже прошли шагов на пути к биологическому бессмертию. Если у Циолковского, которого в начале его пути все считали фантазером, вскоре появился великий практик-воплотитель его идей С.П.Королев, то мы вправе ожидать появления практика-воплотителя и идей Н.Ф.Федорова.

Если пононкретней, наную же пользу принесло освоение космоса? Об этом можно говорить долго — спутники связи, телефонизация, телевидение, разведка недр...

Но вернемся к перепелиным яйцам. Точнее, к космической биологии. Дело в том, что японский перепел из всех пернатых был отобран учеными как звено замкнутого, или частично замкнутого экологического цикла будущих лунных баз и марсианских кораблей. Ведь в двухгодичный полет не возьмешь одни только консервы. Воду для питья регенерируют из атмосферы. А еда — что делать с ней?

Решили часть пищи тоже воспроизводить на борту. Как? Путем новейшей биотехнологии, в которой участвуют одомашненные мухи, их личинки, различные овощи и грибы, перепелки, сами космонавты. Упрощенно ее можно описать так: фекалии птиц и людей загружают в бокс и выпускают на них мух. Мухи откладывают яйца. Из них развиваются личинки, которые перерабатывают "вторичный продукт" в биологически чистый перегной. На нем затем произрастает урожай шампиньонов, огурцов, помидоров, салата. Личинки мух идут на корм перепелкам, выплывающимся из уинальных яиц. А те — в космический гриль. И все повторяется снова.

Конверсия этой биотехнологии такая. Личинок мух земные, а не космические фермеры выпускают на отстойники фекалий на свинофермах или у коровников. И перегной получают, и фекалии эти не стекают по весне в оттаявшие ручьи и реки, как сейчас, вызывая ежегодный мизологический кризис в нашем водопроводе.

Путевка в космос для... киноактера!

Есть у шоферов такая поговорка: машина ломается в пути. Починил — ездай, подсаживай пассажиров. Как раз это крылатое выражение больше всего подходит к ситуации, сложившейся сейчас на борту орбитального комплекса, если к ней добавить грандиозный космический проент известного режиссера Юрия Кары ("А завтра была война...", "Вор в законе", "Мастер и Маргарита"). Это мастер детективно-авантюрного жанра, в фильмах которого всегда торжествует справедливость. Этим летом, очень вероятно, российско-голливудская съемочная площадка развернется на высоте 450 километров над планетой.

На Земле чудо уже произошло: нашли актера для полета в космос — умного, да еще со здоровой печенью. И не простого, а 47-летнего Владимира Стеклова из "Ленкома", чье исполнение роли Михаила Фрунзе в фильме "Непогашенная Луна" так врезалось в память зрителям. Именно он отобран медицинской комиссией Института медино-биологических проблем для прохождения спецтренировок в ЦПК им. Ю.А.Гагарина и дальнейшей подготовки к полету на корабле "Союз ТМ" и станции "Мир". Где на его плечи ляжет орга-

низация и съемка целого куска новой художественной ленты (пока даже без рабочего названия) по роману Чингиза Айтматова "Тавро Кассандры".

...Но отбор кандидатов еще не закончен. Сквозь медицинские фильтры, как верблюд сквозь игольное ушко, протягиваются Валерий Леонтьев, Николай Еременко, Константин Эрнст и Александр Любимов (программа "Взгляд"). Из женщин названа Ольга Набо. Из заокеанских звезд, по сообщению Юрия Кары, за право участия в фильме борются Джон Траволта и Том Хэнкс. Полетят ли в космос они? Нет, пока в смете проекта таких расходов не предусмотрено. Впрочем, нашлись бы деньги... Режиссер-продюсер Юрий Кара в наше рациональное время вызывает сочувствие, как Монро Стар из скоттфидджеральдовского "Последнего магната" — полет любого артиста обойдется ему в 15 миллионов американских долларов.

Антеры, отбирающиеся в космонавты, сознают, что это не тусовка, вроде последнего нашумевшего хита-мордобоя "Марс" в жанре "фэнтези" с чемпионом по единоборствам Оливье Грюнером, который в считанные дни был снят в задних помещениях гигантского универсама. Нет, это серьезно.

— Чтобы получить "добро", нужно пройти десятки тончайших тестов, анализов и проб, а также "вступить в противоестественную связь с рядом медицинских инструментов", — отшучивается Владимир Стеклов. — Среди консультантов, чьи советы по поддержанию физической формы пошли на пользу, выступали Муса Манаров и Валерий Поляков, наиболее известные орбитальные долгожители.

Напомним, что интрига романа "Тавро Кассандры" заключается в

том, что один российский ученый, забаррикадивавшийся на орбитальной станции и назвавший себя космическим монахом Филофеем (действие происходит в ближайшем будущем), нашел, как ему кажется, решение вечной проблемы борьбы добра и зла. Ученый открыл, что родимые пятна на лбу беременных женщин — не что иное, как сигнал эмбриона человечеству, что он не желает появляться на свет. Ибо предчувствует судьбу, которая динтует ему нести в этот мир зло: он может развиться в Гитлера, Пол Пота, Сталина или в тирана типа серийного убийцы, или элементарного садиста. Чтобы выявить эти эмбрионы, ученый направил из космоса на Землю особые лучи. Результат — родимые пятна у женщин, вынашивающих младенцев с "негативным" будущим, начинают пульсировать. Это и есть "тавро Кассандры", названное так по имени мифологической предсказательницы. Филофей направляет письмо Папе римскому, одновременно его публикует солиднейшая европейская газета. Что тут начинается!..

Рабочий сценарий выходит за рамки романа, в котором Филофей, не дождавшись ответа от Папы, сводит счеты с жизнью, превратясь в маленький зазеленевший спутник после выхода в открытый космос с минимальным запасом кислорода. В будущей киноленте гениального космического монаха во имя блага планеты одновременно решают убрать и ФСБ, и ЦРУ. На борту орбитального комплекса для этого летит один, за ним другой сотрудник спецслужб. Но они — мужчина и женщина. После драки, снятой в уникальных для мирового кинематографа условиях невесомости, вспыхивает любовь. Результат — зачатие. Появится ли тавро Кассандры на лбу матери, чья профессия уби-

вать, вынашивающей плод от такого же хладнокровного киллера? Обречены ли на вечное сосуществование добро и зло, как плюс и минус, как два полюса магнита? И что есть поной и умиротворение?

Отношение российских космических асов к грядущему кинематографическому процессу на их тщательно оберегаемой орбитальной территории, где ещё не ступала нога ни одного суматошного киношника, настороженно-доброжелательное.

— Там не гуманитарное, как в театре, где есть гримерные и костюмерные комнаты, а техническое пространство, то есть система "человек-машина", — среагировал на известие о кинопроекте заместитель руководителя полетом станции "Мир" Сергей Крикалев, который, при положительной конъюнктуре, одновременно с артистами будет готовиться в ЦПК им. Ю.А. Гагарина к полету на другой, международной космической станции "Альфа". — Актер-космонавт? Почему нет? Только следует помнить следующее: ему, как, скажем, уже летавшему представителю журналистского цеха, придется обязательно пройти тщательную техническую подготовку. Получить в ЦПК новое высшее образование. Попрыгать с парашютом, научиться управлять реактивным истребителем, выжить в пустыне и в заснеженной тундре во время тренировок на предмет вынужденной посадки спускаемого аппарата. Затем научиться пилотировать космический корабль на тот случай, если выйдут из строя его командир и бортинженер. Тогда он получит диплом космонавта-исследователя. А это и есть путевка в космос.

Муса Манаров, летчик-космонавт, отличившийся в свое время тем, что выполнил на борту станции "Мир" все телевизионные съемки на

профессиональной камере "Бетанам" вместо специально посланного для этого на орбиту японского тележурналиста Тоехиро Акияма (тогда все время невзвонивши себя чувствовал, делал что-то не то), считает:

— Драна в невесомости может быть только одна — мешок на голову. Ведь все приемы единоборств рассчитывались для условий земной тяжести, когда человек стоит на ногах, а не плавает в воздухе. Не сделаешь подножку — не переведешь противника в партер. Стрелять и угрожать оружием на станции просто глупо из-за последствий разгерметизации. Не знаю, что тут могут придумать специалисты. Какое-нибудь внегравитационное дзю-до? Да, на станции есть профессиональная кинокамера, которая дает картинку в тысячу раз более качественную, чем "Бетанам". Я снимал ею через иллюминатор проход грузового корабля "Прогресс" над среднеазиатскими пустынями. Виды Земли получаются отличными. Но вот как быть со съемкой ракурсов внутри станции? Ведь необходимо специальное, киношное освещение. Его надо разработать, привезти на станцию, установить в местах предполагаемых сюжетов. Телесвет, включаемый на время, когда экипаж что-то рассказывает телезрителям после стыковки, не годится, он не такой мощный и не может гореть так долго, как требуется киношникам. Они ведь снимают несколько дублей...

... Если уж зашла речь о журналистах, стремящихся в космос, нельзя не вспомнить другой малоизвестный эпизод, переносившийся с проектом Юрия Кары. Семь лет назад по программе "Космос — детям" медицинский отбор для подготовки к полету на станцию "Мир" проходили

тридцать журналистов. В числе кандидатов пробовал космос "на зуб" и автор этих строк. Заунывными головами нас страшали, мол, не упал после гонки на велоэргометре, хо-хо, посмотрим, как отсидишь вращение на кресле КУНа, на котором проверяют устойчивость организма к укачиванию.

Мне все хотелось, чтобы дело шло интереснее. Тогда я предложил провести меня через КУК два раза. Первый — как положено, а второй — после воздействия Кашпировского, сеансы которого в то время не сходили с телеэкранов. И сравнить разницу, если она будет. До реализации предложения дело не дошло, но тогда я не мог представить, что через семь лет космическая медицина напрямую приступит к таким исследованиям. Ведь от внимания прессы, рассказавшей о раскручивающемся кинопредприятии, ушел почему-то такой фант: среди кандидатов на полет отбирается и Анатолий Михайлович Кашпировский (неизвестно, правда, на роль повсюду настаивающего жертву киллера или космического монаха Филофея).

Первый раз на КУК в Институт медико-биологических проблем он приехал в мае, когда шли последние дни очень трудного эксперимента — 120-суточного лежания вниз головой, имитировавшего условия космического полета, с участием журналиста, то есть меня. К нам в палату вбежала нянечка. Ах, Кашпировский, говорит, встал из установки с вращающимся креслом побледневший. От него такое биополе, что мне дурно! Скорее измерьте мне давление! И — ба-бах, как бы без чувств, прямо на кровать, где дремал вниз головой наш самый спортивный Юрий Гортун, по прозвищу "Наш Гагарин!". Тот вздрогнул и не совсем

печатными словами стал выяснять, почему на него падают люди. А затем в еще более крепких выражениях высказал, что он думает о кино, как о самом важном из искусств, и о воздействии телевидения на слабонервных.

Сейчас смешно, а тогда мы напугались. Как могли, объяснили пожилой женщине, мол, такие пробы очень серьезные и не раз еще увидит она побледневших, а то и позеленевших кандидатов. А то, не исключено, и без сознания.

Ибо космический полет — это пребывание организма человека в экстремальных условиях. Царящие там, на орбите, условия — насилие над человеческой природой, а не профсоюзный санаторий, где, как мечтал С.П. Королев, уже в этом веке смогут набирать здоровье люди.

Чуть позже, в первых числах июня, когда наша команда гипокинезийщиков встала, после завтрака я скрылся в тиши опустевшей столовой, чтобы поработать над книжкой. Раскрыл компьютер "ноутбук", а ноги положил на табуретку. Вены, по совету врачей, следовало беречь от вертикального положения, ибо кровь, как у космонавтов после полета, сильно напирала в отвыкшие от нее после длительной лежки нижние конечности. Крови ведь в них как бы почти не осталось. Даже термин для этого придумали в авиакосмической медицине — "куруные ноги".

Вошел антер Владимир Стенлов с подносом, сел рядом и стал уписывать штатную пшеничную кашу, заедая ее яйцом вкрутую. Тяжело спрашивает? И чего ты в шерстяных носках, тепло ведь?

Я знал, что он проходит пробы на полет и сделал то, чего никогда не сделает воспитанный человек в

обычных условиях, когда другой рядом ест. Снял носок и показал пятку.

— Грубая кожа со ступни сошла, понимаешь, — говорю. — Пятна стала, как у ребенка. В толстых носках не так больно ходить.

Стеклов не дрогнул, жевать не перестал. С тех пор мы подружились. Разговорились было, как снимать кино на станции "Мир". Вспомнили, как представлял себе эротику и человеческую красоту в невесомости на заре космической эры великий Циолковский.

Жизнь людей в эфирном поселении (прообразом такого поселения сегодня является станция "Мир" — А.Ф.), как он рисовал себе, протекает с величайшим комфортом. Люди трудятся, пишут романы и снимают кино, любят, учатся, отдыхают в климате вечной весны, дыша воздухом, наполненным ароматом многочисленных плодов, лишенном микробов и вредных насекомых...

В работе "Цели звездоплавания" (1929 год) читаем:

"...Итак, атмосфера чиста, воздух влажен по желанию, температура и состав атмосферы регулируются тоже по желанию. У нас вечный неиссякаемый источник чистой дистиллированной воды, кислорода, тепла и пищи. Одежды не нужны.

Нет тяжести, не отекают ноги, не гнуты ветки растений от плодов. Свободно распространяются соки растений, не стесняясь тяжестью.

Температура жилища вполне зависит от нас. Какая же может быть надобность в одежде? Прикрываются слегка только неблагообразные части тела, которых мы привыкли стыдиться: половые органы и грудь женщин; хотя последнее можно бы оставить, тем более что у кормящих матерей сосцы тут не отвисают безобразно, как на Земле. Со временем

отвынут прикрывать и половые органы. Но пока человек — полуживотное, это необходимо. Дозволительно прикрываться всем желающим: у иных некрасивое тело, какие-либо уродства, старость. Все могут носить какие угодно одежды и украшения с согласия общества..."

Мы помолчали. Вспомнили теперешнюю ситуацию на станции "Мир", выработавшей свой двойной моторесурс. В затененных, недоступных закоулках собирается неизвестная уже грибковая плесень, из проржавевших магистралей просачивается антифриз, всплывают кислородные шашки и экипаж хватается за огнетушители, сутнами неся вахту в противогазах. Самое место для неприкрытых сосцов и обнаженных женских попок.

...Вскоре после экскурсии в "эфирный остров" у меня закружилась голова. Стеклов помог подняться на второй этаж, прилечь. Там и сфотографировались.

На другой день раздосадованный Стеклов опоздал на вращение на кресле КУКа.

— Из центра Москвы до Щукинской ехал час, одни пробки! Невозможно, какой тут спокойный пульс, давление! И в театре прогон за прогоном, на носу премьеры!

Он волновался, а мы, уже ученые испытатели, советовали: дыши глубже, спокойно, спокойно. Ты же актер, аутотренинг знаешь, применяй эту технику. И вообще, идешь на полет, должен выступать примером для нас, наземных "космонавтов". Это нам надо расстраиваться, ведь у нас шансов взлететь куда меньше. Он хмыкал и бежал взвешиваться...

...Проект российско-американского фильма, включающий реальный космический полет, можно счи-

тать новой ступенькой для кино и для космонавтики. На наших глазах рождается пятая, после военного, инженера, врача и журналиста, космическая профессия — актер. Голливуд, привыкший делать видеоряд на компьютерных спецэффектах, вряд ли понимает серьезность затычного режиссером Юрием Карой. В американской "фабрике грез" еще днем с огнем поискать того человека, который слышал о космизации и экспансии человечества за пределы Земли, и зачем вообще это надо. Но именно таков исторический контекст происходящего, когда на экране телевизора пятого поколения мы наблюдаем стыковку "Шаттла" с "Миром". Приятно сознавать, что Россия тут выступила первой, пригласив к участию в фильме заокеанских знаменитостей. Инициатива, как говорится, за нами...

Рассказывают, что в шестидесятые годы на одном из кинофестивалей на пресс-конференции выступали вместе Юрий Гагарин и Джина Лоллобриджида. Первого космонавта планеты спросили, каких звезд он предпочитает: тех, что на небе, или тех, что на Земле? Те, что на небе, отвечал со своей неизменной улыбкой Гагарин, более доступны. Тогда Джина Лоллобриджида кинулась ему на шею, доказывая, что никакой звездной болезни у нее нет... Так на заре космической эры соприкоснулись такие несовместимые, на первый взгляд, вещи, как космонавтика и кино. На орбите при съемках "Тавра Кассандры" будут трудиться звезды экрана и асы космоса, штатная смена станции "Мир". Образуют ли они этим летом уникальное созвездие, покажет время. Но так хочется верить, что задуманное удастся. ■

ВАМ, ЭРУДИТЫ!

Если вы хотите на какое-то время отвлечься от забот да еще и расширить свой кругозор — нет лучшего способа, чем поломать голову над хорошим кроссвордом.

А то, что кроссворды, публикуемые "Сменой", именно таковы, убедилось не одно поколение наших читателей.

Но лишь два кроссворда в номере — это, согласитесь, для настоящих эрудитов маловато.

А потому мы решили: лучшие кроссворды "Смены" выпустить сборником.

Каждый из любителей интеллектуальных игр уже в ближайшее время может стать его обладателем.

Для этого надо прислать в редакцию "Смены" открытку или письмо, указав свой обратный адрес.

Мы обязательно вышлем сборник наложенным платежом в любую точку страны.

СОНЕТ

В защиту поэтов Аполлонической школы

*Любой, кто пишет на бумаге,
А не на каше с молоком,
Не на песке и не на флаге, —
С идеей "книжности" знаком.*

*Любой, кто пишет стих пером,
А не обломком ржавой шпаги,
И не струей вина из фляги, —
С грехами "книжности" знаком.*

*И кто стремится в книжный том
Свои отправить сочиненья,
И кто о книге сложит мнение, —
Глядишь, закижен целиком...*

*Так не судите ж ни о ком
Словами зла и обвиненья.*

САМО СОБОЙ

(Стихи, в которых автор отклоняет обвинения в том, что он, автор, утверждает-де только "элементарные", сами собой разумеющиеся вещи, в то время, как другие люди так и сыплют открытиями.)

*Вроде бы "само собою разумеется",
Что в отравленных местах даль не розовеет?
Вы же, гари напустив, опять мотор включаете.
Значит НЕ "само собою разумеется"!*

*Вроде бы, "само собою разумеется",
Что рубаха ткется, а пшеница — сеется,
Только вы-то этого и не примечаете.
Значит НЕ "само собою разумеется"!*

*Вроде бы, "само собою разумеется":
Где участь жар горит — бедный обогреется.
Впрочем, брезгаете вы даже состраданием!
Значит НЕ "само собою разумеется".*

*Вроде бы, "само собою разумеется",
Что на всяк юдольный грех — Заповедь
имеется,
Но приходит к вам, видать, почти с опозданием...
Значит НЕ "само собою разумеется".*

*Вроде бы "само собою разумеется",
Что на совесть и на стыд надобно надеяться,
Только вы-то — на иное что-то уповаете.
Значит НЕ "само собою разумеется".*

*Вроде бы, "само собою разумеется"
Все, о чем пою, что в моем сердце делается...
Только вы-то этого и не понимаете.
Значит НЕ "само собою разумеется"?!*

ЧЕСТЕРТОН

*Просили его унывать,
Молили его унывать,
Но он стоял на своем
И не хотел унывать.*

*Зоя ему в ухо жуужжал,
Что мир отменил блудлив;
Толстой резину тянул
Почти на тот же мотив,*

*Что мир, конечно, хорош,
Но счастьем в нем — не бывать...
А он — стоял на своем
И не хотел унывать!*

*Просили его унывать,
Молили его унывать,
— Отстаньте! — он им отвечал
И не желал унывать.*

*Просил его царь Соломон,
Молил его скальд Оссиан,
Просили, — валялись в ногах! —
Фрейд и Шатобриан...*

*А там уж и Старость: — Пора
Позиции, — шепчет, — сдавать!
Но он
Настоял на своем
И не захотел
Унывать.*

ПОД ЗАЩИТОЙ

*Грусть!
Это ты ворожила
Вдоль неодетых дубрав,
Терпкой приправой служила
Жизни
На краешке прав.*

*Грусть!
Это ты золотела
В сумраке дней молодых.
Только вот выдать не смела
Счастья, сокрытого в них.*

*Так у черемухи черной,
(Зимней, а все же не злой),
Есть потаенный, подкорный,
Сплошь зеленеющий слой.*

КОШКИ

*Лев дворцовый
Под лиственной ржавью
Держит мощную лапу на шаре,
Помышляя о круглой державе
И владетельном государе.*

*Что сказать? Я же знаю в лицо их:
Все коты — отраженья друг в друге.
А в роду у них каждый котенок
Любит мяч покатать на досуге.*

*И на шар, остановленный с маху
Грациозным движеньем знакомым,
Налагает когтистую лапу,
Точно лев перед герцогским домом.*

*Он, быть может, подобран в канаве,
И силенок-то в нем — недостаток,
Но и он помышляет о славе —
О свободе, о нас, о державе! —
Царь Зверей — с головы и до пяток!*

Протожки

Людмила Шаменкова

Провозившись с час, Юля открыла, наконец, распухшую дверь своей недостроенной дачи и, войдя в холодное, как погреб, помещение, подумала: “Надо бы ее, к черту, продать!” Промозглость, поднимаясь от подошв, въедалась в тело, пробирала до костей. Закоченевшими ногами Юля протопала к дровяной куче под крыльцом, выдернула несколько смерзшихся поленьев и, вернувшись в дом, сбросила их на пол.

Скорей затопить, отогреть этот ледащий скворечник, куда она навевается все реже и реже.

Лет шесть назад, начиная строительство, она мечтала свить здесь уютное гнездышко для всей семьи. Увы, мечты не сбылись... Ее единственный сын, женившись, покорно последовал за своей избранницей, не пожелавшей оставаться под одной крышей со свекровью. Они отделились и теперь проводят лето в глухой костромской деревушке.

Оставшись в одиночестве, Юля охладела к строительству и перестала понимать, к чему ей дача, и зачем вообще она живет на этом свете.

Уложив в топке дрова, Юля подносит к ним пучок горячей лучины. Нехотя вспыхнул огонь, но сырая и холодная печь не желает его принимать, едкий дым лезет в комнату, и вскоре Юля перестает различать погруженные в сизый туман предметы. У нее слезятся глаза, она открывает дверь, в надежде, что дым найдет дорогу на улицу. Какое-то время туман еще держится, потом начинает рассеиваться и таять.

Снова становятся различимыми такие знакомые, но как будто одичавшие в отсутствие хозяйки вещи.

— Ну ладно, ладно, — утешает Юля неживых обитателей дома. — Сейчас отогреетесь...

И “обитатели”, словно поверив Юлиным словам, охорашиваются, приходят в себя, заново вживаясь в порученные им роли.

Первый выстрел в печи возвещает о начале горения. Вслед за ним раздается целый каскад искристых взрывов, которые пробуждают в Юлиной душе воспоминания о счастливых днях, проведенных здесь с маленьким внуком. Была нужда — привозили ребенка, а теперь... Юля смотрит в огонь, прислушивается к его гудению, и мысли ее начинают

рисунок Натальи Алейниковой

выстраиваться в ином порядке, закругляясь на неожиданном выводе: “Не хотят — не надо... Лбом стену не прошибешь. Что делать, если невестка против. Они, молодые, нынче все такие, не нужны им родители...”

Когда-то она находила хоть какое-то утешение, приезжая сюда, как она говорила, “глотнуть” свежего воздуха, полюбоваться на свой маленький сад. А теперь даже это последнее ее пристанище не приносит ей радости, а наоборот, вызывает желание совершить дикий отчаянный поступок, например, взять и поджечь эту дачу — назло всем чертям... Она поднимает голову, и взгляд ее останавливается на деревянной доске над печкой, к которой подвешены керамические желтые кружки. У вещей есть душа, Юлия давно это знает. Вот и кружки, блеснув глянцевитыми боками, как бы подмигивают ей: не отчаивайся, а поезжай-ка к Антонине.

Знакомиться Юлия не умела. Все, что другим давалось легко и играючи, для нее было почти неразрешимой проблемой. Готовясь к встрече с незнакомым человеком, она прокрутила в голове десятки приличных для ее возраста вариантов поведения — от умудренного спокойствия до комедийной беззаботности. В конце концов, ни к чему не придя, она решила остаться такой, какой была на самом деле.

Надев костюмчик, чей сдержанно-деловой стиль нарушало пышное жабо легкой блузки, она отправилась на свидание, предварительно переговорив с Антониной по телефону. Открылась дверь, и Юлия увидела перед собой седоусого человека с загорелым лицом трудолюбивого дачника. Из-за его спины выглядывала Антонина. Увидев подругу, она начала без всякого вступления: “Батюшка сказал, что ничего зорного...” Но Юлия ее пресекла: “Все толстеешь...” Опешившая Антонина прикусила язык и нагнулась, чтобы достать для Юлии домашние тапочки. “Нет, нет, не надо”, — вежливо возразил хозяин. Юлия протянула ему руку и назвала свое имя. Тот представился: “Арсений Иванович”. Их глаза встретились, и Юлия ничего не увидела во взгляде нового знакомого, кроме мутноватой голубизны.

Квартира, куда попала Юлия, поражала обилием красивых, безусловно старинных вещей. На стенах — портреты красавиц в богатых рамах, по углам — изящные столики на гнутых ножках, на полках подсвечники, бронзовые часы, безделушки, в центре гостиной — рояль с резным пюпитром. Все говорило о том, что здесь живут люди, причастные к миру искусства.

Хозяин пригласил Юлию сесть на диван, украшенный львиными головами, коротко изложил условия ее будущего пребывания в деревне на правах, как бы сказать, экономки: готовить еду, поддерживать порядок в доме, ухаживать за огородом, приглядывать за старой матерью. Услышав о матери, Юлия вздрогнула: если ему за шестьдесят, то сколько же лет мамаше? Вслух она произнесла:

— Что ж, и горшки выносить?

Он смутился.

— Нет, это я беру на себя.

— А как насчет платы?

— Вы будете жить на всем готовом, — уклончиво ответил Арсений Иванович.

— Значит, за харчи? — деловито уточнила Юлия.

— Ну, там посмотрим, у меня можно хорошо отдохнуть. Место красивое, рядом озеро, есть лодка, удочки, дивный лес вокруг, заготовите грибов и ягод. Кроме того, я приобрел большой участок земли, где можно организовать хозяйство.

— Какое? — поинтересовалась Юлия.

— Заготовка сена или плантация лекарственных трав — еще не решил.

— И это ваше хозяйство тоже ляжет на меня? — поинтересовалась Юлия.

— Нет, что вы... Это все требует большого физического труда.

В разговоре выяснилось, что Арсений Иванович постоянно живет в деревне, а московскую квартиру, по примеру многих пенсионеров, сдает в аренду состоятельным иностранцам. “Наверное, выпить не дурак”, — подумала Юлия, разглядев на кончике носа предполагаемого работодателя коварные фиолетовые жилки.

— Пьете, небось? — буркнула.

— Выпиваю, — поправил хозяин, — но пьяным меня никто никогда не видел.

Антонина шумно вздохнула.

— Юль, я ведь тебя предупреждала. — И, повернувшись к Арсению Ивановичу, сказала: — Вы не думайте, она хорошая. Работящая, честная, ну и сами видите — все при ней.

Что она имела в виду, осталось неясным. Но хозяин, бросив взгляд на Юлю, подтвердил:

— Вижу... Готовить умеете? — поинтересовался.

— Ой, она такие пирожки печет, отпад... — ввернула Антонина.

— Так вы согласны? — обратился хозяин к госте.

Юля ответила не сразу. Конечно, он думает, что облагодетельствовал ее своим предложением. И он, конечно, уверен, что она тут же проглотит наживку. Юлю подмывало закончить разговор и уйти, оставив этого халявщика с носом. Но она сдержалась и сказала:

— Я подумаю.

Придя домой, она взяла лист бумаги, расчертила его пополам, на одной стороне написала: “да”, на другой “нет”. Левая половина с озером, лодкой и грибами-ягодами заполнилась быстро. Справа она написала: “старая мать, фиг вместо платы, непредсказуемость возможных проблем”.

Перевесило все же “да”, потому что Юлия при всей ее склонности к практической выгоде, как правило, подчинялась эмоциям, даже когда созревало, что они неуместны. На этот раз ее решение оправдывали вовсе не корыстные, а самые обыкновенные, лежавшие в глубине ее сознания, причины, и сводились они к одному: она хотела быть рядом с кем-то, все равно с кем, хоть с чертом, хоть с дьяволом, на худой конец даже с пьницей. Вот как надоело ей качаться былинкой на ветру одиночества.

Дня через два она позвонила Антонине.

— Ну как, решила? — опасливо спросила подруга.

— Да, — сказала Юля, — была не была... Рискнем, где наша не пропала.

С работой Юлии Витальевне крупно не повезло. По воле случая она попала в захудалый журналчик научно-технического направления, в расчете когда-нибудь перейти на творческую работу. Шло время, менялись редакторы, в журнал приходили новые люди, а Юля все сидела за пишущей машинкой, и никто не выказывал никакого интереса к ее попыткам стать репортером. Она считала, что ее недооценивают, строят козни, мешают себя зарекомендовать, и потому тяготилась своей работой и время от времени предпринимала шаги, чтобы перейти в другое издание. Однако у нее не было никого, кто бы помог осуществить ее заветную мечту. И ей ничего не оставалось, как стучать по клавишам ненавистой машинки, то и дело поправляя съезжающие с носа очки движением указательного пальца.

Правда, иногда она приходила в какую-нибудь редакцию сама по себе ("Вы член?" — спрашивали ее там. "Нет, не член". "А-а", — разочарованно) и оставляла там свою заметку. Иногда ее печатали. Но чаще теряли и обещали найти.

Шли годы. Бросить работу, дававшую ей надежный кусок хлеба, она не могла из-за сына, которого растила самостоятельно. Так тянула она свою лямку, пока не наступило время, которое все изменило.

С появлением множества журналов и журналчиков, заваливших прилавки предприимчивых торговцев макулатурой, издание, где работала Юля, стало задыхаться от безденежья. Это вынудило шефа начать сокращение штатов за счет внедрения компьютерной техники. И Юлия Витальевна оказалась на улице. В первые же дни обретенной "свободы" она ощутила резкий контраст между зевотой пустого желудка и обилием продуктов на уличных "шатрах" и в магазинах. Слишком большое испытание — угроза голода — было ей не под силу. Она кинулась искать работу. В отделе кадров страховой компании ее принял нервный мужчина, заваленный всевозможных размеров и расцветок рекламными буклетами и прочими зазывными материалами.

Юля села напротив него и приготовилась слушать разъяснения о характере предполагаемой работы. Кадровик закурил и стал разглагольствовать о том, как быстро можно разбогатеть, заключая договора о страховке с владельцами новых автомашин. Юля представила, как будет упрашивать "лицо кавказской национальности" застраховать свое имущество от угона, пожара или наводнения, и поняла, что ничего у нее не получится.

Следующий визит она нанесла нахальной, хорошо упакованной тетке из отдела распространения книжной продукции. Тетка презрительно взглянула на Юлины отечественные сапоги и деловито осведомилась: "Холода не боитесь?" "Что, на улице торговать?" — вопросом на вопрос парировала Юля. "Ну да..." "Меня обсчитают, — сказала Юля, мстя за сапоги. — С арифметикой у меня со школы плоховато..."

И тут как раз подвернулась Антонина со своим вдовцом, которого ей в свою очередь порекомендовал кто-то из знакомых. “По крайней мере будут кормить”, — успокоилась Юля, для которой еда всегда представлялась основной заботой в ее жизни.

Через некоторое время Арсений Иванович позвонил ей и доложил, что все готово к отъезду. Квартира сдана, деньги получены, машина на ходу.

Первые дни пребывания в непривычной обстановке, среди непривычных вещей всегда тяжелы и тревожны. Юлю тяготит ощущение, что ее ввели в дом как прислугу. Лежа на горбом диване, она устремляет взор в широкие прокопченные доски потолка и ехидно спрашивает себя: ну что, спаслась от одиночества? На душе у нее беспокойно. Она понимает теперь, что обиду, нанесенную детьми, невозможно вылечить простым перемещением тела в другую обстановку. Да, возможно, она сможет переключить внимание на что-то другое, ее не будет травмировать обитание в пустом домике, где не слышно голоса любимого внука, она, быть может, на время забудет неприятности, связанные с потерей работы. Но и здесь, в гостях у потомка знаменитой в прошлом семьи, она вряд ли обретет успокоение. И снова ее одолевают раздумья о близких людях. “Дети — причина всего, — думает она. — Будь все нормально в семье, разве двинулась бы я с насиженного места?” Чувство, похожее на стыд, прокрадывается в ее сердце. Зачем этот старик, зачем эта высохшая, как мумия, старуха? Обслуживать.

Она переворачивается на бок, гонит от себя плохие мысли, “влипла так влипла”, — твердит про себя. Потом начинает прислушиваться. За дверью — небольшая комнатка, похожая на чулан, где обитает до наступления тепла Арсений Иванович. Он кашляет от своего неизменного “Беломора”, шаркает шлепанцами, включает очень тихо транзистор. Юля усмехается. Дверь в ее комнату не закрыта. Интересно, что у него на уме? Через минуту-другую раздается храп. И Юля командует себе: “Засыпай!”

Наутро является соседка Катя с трехлитровой банкой молока. Загорелое лицо сияет улыбкой, на полной шее переливаются бусы из поддельного жемчуга, а зубы — точно как жемчуг. Она приветливо, по-своему здоровается и, поставив банку, чего-то ждет. Юля догадывается, что ей хочется узнать новости и разнести их по деревне, поэтому сама решает выспросить у Кати то, что ей интересно. Например, давно ли овдовел Арсений Иванович и кто была его жена. Она не успевает и рта раскрыть, как Катя ее опережает: “А вы надолго сюда?” Юля говорит: “Как получится”, — и тут же выбрасывает свой вопрос: “А я у них какая по счету?” Катя не ожидала такого подвоха — и как это гостя залетная так быстро все сообразила!

— Ой, да у них каждое лето другая, — простодушно отвечает она.

— Что так?

— Дак кто ж его знает. Может, кто замуж мечтал, а он против. Может, плохо благодарил.

— Жадный, что ли?

— Да не сказать. Когда начальство приезжает, тут и вино-водка рекой, и закуска на столе.

— Какое начальство? — интересуется Юля.

— Так он в районе человек известный. К нему все едут. Дом-то этот тоже не простой. Тута разные артисты жили, художники приезжали, он ведь, хозяин ваш, не простого племени. Из бывших. Отец его был писателем, а отцов брат — художник. Их многие деревенские помнят.

И потекли деревенские будни. Первым делом Юля вымыла окна, выставила вторые зимние рамы, постирала занавески. Когда Арсений Иванович подошел к месту под яблоней, где она стирала, Юля показала ему черную-пречерную воду в корыте и спросила:

— А что, прежние-то ваши прислужницы совсем не занимались окнами?

Он смущенно пожал плечами:

— Да как-то не интересовался.

Уборка заняла несколько дней. И вот заблестели крашеные полы, ветер заиграл чистым тюлем на окнах, засверкала в кухне начищенная песком посуда. А потом — готовка обеда, опять посуда, вечером — лейки с водой — грядки поливать.

Усталая, бредет Юля на озеро. Нагретая за день вода приятно освежает тело.

— Купаться ходили? — спрашивают ее высыпавшие за ограду женщины.

— Ага, — отвечает Юля.

И они, желая ее остановить, цепляются к ней с новым вопросом:

— Вода-то теплая? А Арсений почему не с вами?

А Арсений с утра до вечера суетится, решая с местным населением хозяйственные вопросы. Разговоры о кровле, о дровах, о навозе сопровождаются выпивкой за колченогим столом, установленным в саду. По случаю жары хозяин ходит в шортах, без майки. Сутулый, худой, на груди — серебряный крестик. Юля замечает, что у него красиво посаженная голова, изящно вылепленные уши, руки утратили гибкость, но тонки и, пожалуй, аристократичны, если бы не траурная кайма под ногтями. Речь у Арсения Ивановича интеллигентная, но долгое пребывание в деревне все же сказывается. Вместо “принести” он говорит “принесть”, вместо “что?” вопрошает “чаво?” Юля понимает, что хозяйствует он из рук вон плохо. Сад крапивой зарос, повсюду валяются беспризорные лопаты, грабли, ведра. Забор валится набок и вызывает к ремонту. Вместо того, чтобы взяться за дело самому, Арсений Иванович старается спихнуть работу на кого-нибудь из деревенских мужиков и при этом рьяно торгуется. “Мне на хлеб не хватает, а ты такую цену загнул!” — кричит он очередному умельцу. Дело не слаживается. Приходит другой, жадно обыскивающий глазами стол, на котором жмутся друг к другу пустые стаканы. И опять начинается торг. И по новой наливаются стаканы, делающие речь хозяйина сбивчивой и несвязной. В конце концов, никого не наняв, Арсений Иванович садится ужинать.

— А знаете, Юля, вы позволите так вас называть? Вам повезло. Вы попали в уникальную семью, прославившую российскую культуру. Род

Муромцевых уходит своими корнями в глубокую древность. Этот дом, где мы с вами находимся, принадлежал моему отцу. Здесь собирались известные люди искусства: актеры, певцы, художники, поэты... Шутили, спорили, ловили рыбу...

— А как, кстати, называется озеро? — перебила Юлия.

— Сверчище, — ответил хозяин.

— От слова “сверкать”?

— Советую вам почаще в нем купаться. Помолодеете.

Этот совет Юлия восприняла как “месть” за непроявленный интерес к истории уникальной семьи, но ничего не ответила.

Однажды нагрянули в деревню областные реставраторы. Их заинтересовало полуразрушенное здание селекционной станции, в котором некогда жили дальние родственники Арсения Ивановича. Реставраторы нашли чертежи уже — увы! — не существующей усадьбы и загорелись идеей — восстановить чудом уцелевший флигелек в том виде, в каком он пребывал в прежние годы. Слушая рассказы молодого бородатого парня, видя нервную оживленность его спутника, Юлия с грустью думала о том, что их проект не только неосуществим, но и попросту неуместен. Ну не глупо ли толковать о каком-то флигеле, когда заранее известно, что денег на реставрацию никто не даст. Она пожалела молодых людей, которые безусловно хотели приложить знания к чему-то полезному, хотя и понимали всю бессмысленность своего приезда. Интересно, что они будут делать, если их уволят, как уволили меня, думала Юлия. Что ж, поговорили, помечтали — и то благо.

Когда реставраторы уехали, Арсений Иванович полез в свой архив, где, по его мнению, должны быть документы, подтверждавшие факт принадлежности дома предкам Муромцевых.

— Я слышал, — говорил он, перебирая бумаги, — что некоторым владельцам недвижимости удалось отсудить то, что когда-то принадлежало старинной родне. У меня есть знакомый, его фамилия очень известная, который недавно побывал в усадьбе своих предков. Дом, конечно, плохо сохранился, там содержались инвалиды со всего района, но, имея деньги, можно было бы его восстановить. У моего друга таких денег нет, так я посоветовал ему обратиться к банкирам.

— А им зачем этот дом?

— Базу отдыха оборудовать. С бассейном, бильярдом, теннисной площадкой.

— Фантазии, — изрекла Юлия. — Они нынче отдыхают на Мальвинских островах.

И все-таки Арсений Иванович ухватился за идею заполучить обломок родового поместья и уселся писать петицию областному начальству. Стук машинки напоминал Юле о ее бесславном сидении в редакции научно-технического журнала. И ей ничего не оставалось, как предложить хозяину услуги машинистки.

— Вы меня осчастливите! — обрадовался Арсений Иванович. — Вы станете моей... помните жену Достоевского, кажется, Анна Григорьевна Сниткина... Я, знаете, пишу мемуары о своем дяде. Великий был че-

ловек. Театральный режиссер. Но я не хочу касаться его творчества. Об этом уже написано. В английской литературе есть термин “скелет в шкафу”. В каждой семье есть своя тайна, о которой не принято говорить. Дядя был дважды женат. Вторая жена, можно сказать, отправила его на тот свет. Мои воспоминания — о том, как все это было. Страсть, ревность, козни, борьба, безумие... Хотите прочитать?

И он выложил перед ней несколько густо исписанных страниц, Юлия с трудом разобрала: “Фрагмент № 6”.

“Это было вскоре после войны. Мы с отцом и матерью плыли на теплоходе в Астрахань, где нас должен был встречать дядя Иван. Он только что женился во второй раз и проводил свой отпуск на островах в устье Волги. Добирались долго. Сначала на машине, потом на лодке. Прибыли к вечеру. Закат пламенел во всю ширь неба, вода тоже отсвечивала розовым и красным. Дядя ловко греб по направлению к острову, и я удивлялся, как это он находит дорогу среди бесчисленных протоков и зарослей камыша. Вот мелькнул огонек, как бы притягивая нас к конечной цели нашего путешествия. Дядя обрадованно сказал: “Видите маячок?” Лодка причалила к берегу, и мы пошли прямо на огонь, то ли уху, сейчас не помню. Позади виднелась палатка, и я, мальчишка, подумал, что эта женщина — не то, что другие — отчаянная. Дядину новую жену звали Ксения. Она пела партию царевны Лебедь в Большом театре. Дядя был в нее страстно влюблен. На спектаклях, где она была занята, он всегда сидел в третьем ряду партера и, закинув голову, неотрывно смотрел на свою звезду. Дядин развод для многих, кто его знал, был неожиданностью. Считалось, что он поступил неразумно, оставив прекрасную добрую женщину, мать его единственного сына, ради оперной дивы с неуравновешенным характером. Мои родители тоже осуждали дядю. Однако отказаться от приглашения на остров не могли. Не знаю, как старикам, но мне эта поездка на многое открыла глаза.

Сквозь заросли камышей, куда я забрался, исследуя местную фауну, увидел я купавшуюся Ксению. Было тихое, теплое утро, вода тоже была теплой. Стоя по пояс в воде, молодая женщина, очевидно, не умевшая плавать, то окуналась по горлышко, то вновь выныривала из воды. Вот она двинулась по направлению к берегу, и передо мной возникла божественная, будто высеченная из мрамора, фигура. Капли воды переливались на ее плечах, на бедрах, груди... Она распустила волосы, и они рухнули ей на плечи, потекли по спине, как бы довершая увиденную мной красоту последним, с ног сбивавшим очарованием. Я похолодел от захлестнувшего меня восторга и впервые в жизни открыл простую, все объясняющую истину: женское тело делает мужчину безоружным. Вернувшись в “лагерь”, где дядя колдовал над жаровней со свежесловленной рыбой, я стал наблюдать за Ксенией. И как ни странно, в одежде она показалась мне не очень красивой. Когда она улыбалась, над ее зубами обнажалась тонкая полоска розовых десен.

Настала пора возвращаться. Уселись в лодку, поплыли. Отец греб, а дядя, положив голову на колени своей жены, пребывал в счастливом молчании по уши влюбленного человека.

Эта встреча надолго запомнилась мне. Но с течением времени образ купающейся Ксении стал утрачивать былую ясность, в ее поведении появились черты, которые поколебали мою уверенность в непобедимой силе женской красоты.

Ксения была помешана на своей родне. Она, достигшая небывалого успеха, содержала всех: больную мать, неудачливого брата, младшую сестру-студентку. Удивительным образом в этой женщине сочетались черты опекуниши, беззаветно помогавшей близким, с замашками хищницы, ловко выманивающей деньги из дядиною кармана. Он был очень богат, имел роскошную квартиру, обставленную мебелью из красного дерева, имел сбережения. Казалось бы, человек такого масштаба был вправе рассчитывать на элементарное внимание со стороны жены. Но, увы, этого внимания не было. Дядю кормили жареной колбасой.

Опекунская миссия Ксении, отнимавшая у нее много времени и сил, в конце концов, свела на нет ее дивный голос. Неизвестно, осознал ли дядя свою ошибку, но здоровье его стало резко ухудшаться. Он умер в 62 года, оставив Ксении все, что имел. Таким образом она стала обладательницей дядиною наследства, которое растеклось по карманам многочисленной Ксениной родни.

Память сохранила много эпизодов, которые так или иначе увязываются с образом “скелета в шкафу”. Об этом, затаенном, известном разве что очень близким людям, не принято говорить. И потому, наверное, многие мемуары, записки о встречах с известными, даже знаменитыми людьми всегда отдают холодной парадностью. Моя задача иная — показать их жизнь такой, какая она была...”

Закончив читать, Юлия привычным жестом поправила съезжавшие с переносицы очки и задумалась. “Скелет в шкафу” обнажил обыкновенную досаду автора мемуаров на семью “чужаков”, отобравших наследство великого Муромцева. Ах, кабы не Ксения, то досталось бы красное дерево тем, кто был ближе к орденоносцу, лауреату, и прочее. Вот ведь что наделала дива оперная, Гамаюн голосистый. Недаром тебя осуждала обиженная родня.

Впрочем, кому нужны твои догадки, Юлия? И права ли ты, подвергая придирчивому анализу престарелого потомка славной семьи? Ну написал, как умел, как видел, — и ладно. Остановившись на этой мысли, Юлия сказала хозяину:

— А знаете, это интересно. У вас определенно есть слог. Так что пишите дальше.

Но писать было некогда. Наехали ребята из областного телевидения. Сняли дом знаменитой семьи, яблоню, посаженную отцом Арсения Ивановича, скамью, где он любил отдыхать. Дошла очередь и до Арсения Ивановича. Довольный вниманием к своей особе, он вдохновенно живописал деяния великих деятелей искусства, вторгался в глубины истории, размышлял о плачевном состоянии культуры в наше непростое, трудное время. Чувствовалось, что выступать перед телекамерой ему не впервой.

— Я мечтаю открыть мемориальную комнату в этом доме, — говорил он, поглаживая седые усы. — Нельзя забывать тех, кто отдал свой талант, свои знания, жар своего сердца людям.

После съёмки разгоряченный Арсений Иванович полез в погреб, достал французский коньяк. Телевизионщики охотно пили и ели, а Юля даже не присела за стол и никому из мужчин не пришло в голову предложить ей выпить.

Когда они уехали, Арсений Иванович, все еще пребывавший в лучах озарившей его славы, вдруг спохватился:

— Юлия Витальевна, а вы-то что же? Давайте-ка выпьем с вами, — и он налил рюмку “Камю”.

— Настоящий? — спросила Юля, кивнув на бутылку.

— Конечно! — убежденно произнес хозяин. — Жена-покойница из Парижа привозила.

— Что ж, помянем жену, — быстро проговорила Юля, и было непонятно, жена ли виновница тоста, или привезенный ею коньяк.

Расчувствовавшись, Арсений Иванович впал в воспоминания об умершей, и Юля услышала трогательную речь о том, каким чудесным человеком была его Ириночка — видный специалист Внешторга, подруга жизни, мать единственного их сына.

Юля покорно слушала, презирая себя за то, что признания хозяина оставляют в ее душе чувство, похожее на ревность и даже досаду. Она не хотела знать того, чего не хотела. И уловив момент, когда Арсений Иванович услышал голос матери, призывавшей его найти палку, удалилась к себе.

Юля лепит вареники с вишней и время от времени поглядывает через окно на Арсения Ивановича, который сидит под широким холщевым зонтом и что-то пишет, разложив листы на колченогом столе. Над сладкой вишней кружатся осы. Юля напевает какой-то мотивчик из модной песни, пустой бутылкой раскатывает тесто, тонким стаканом вырезает кружочки, которые заполняются ягодами. Она лепит и лепит вареники, а в голове ее порхает легкомысленная озорная мыслишка: “А почему бы и нет? Он одинок, у меня тоже никого нет. Ему нужна женщина, хозяйка, а мне — близкий человек. И к тому же, — размышляет она, — мое материальное положение таково, что одной оставаться мне никак нельзя, с голоду подохну. А он все-таки при деньгах”.

— Ну-с, что у нас сегодня на обед? — слышится голос Арсения Ивановича.

— Суп овощной и вареники с вишней, — отвечает Юля.

— О-о! — восторгается хозяин. — Юля, вы незаменимый человек!

Следя неизменной привычке, он наливает из канистры рюмку сагогона и садится за стол. Обед ему нравится. И только слепая старуха в конце трапезы недовольно ворчит: “Слишком кисло”.

Юля вздыхает. “Не для тебя старалась”.

Из соседней деревни приехал на мотоцикле Чешуйкин — учитель физики восьмилетней школы. Переступив порог, стал жаловаться на нравы нынешних подростков.

— Представляешь, Арсений, пропала карта из школьного музея.

— Какая? — не понял Муромцев.

— Генеалогическая, — объяснил Чешуйкин, — где изображена ветвистая сеть родственных связей твоего прославленного рода. И кому она понадобилась, ума не приложу.

Арсений Иванович забеспокоился.

— Плохо хранил, вот и исчезла! Такой ценный экспонат. Поди-ка, сделай такую же. Ты представляешь, сколько сейчас запросят за ксерокопии?

— Да представляю, — мямлил незадачливый Чешуйкин.

Тут же на столе появилась бутылка, и Юлия заподозрила, что генеалогическое дерево лишь предлог для ветвистого разговора с возлияниями.

Прислушиваясь к звону граненых стаканов, она пыталась представить себе что-то вроде престарелой яблони с круглыми плодами, на каждом — имярек и степень родства. До нее долетали известные со школьных лет фамилии: Плетневы, Долгорукие, Вяземские, и где-то в хитроумных сплетениях брачных связей с неизбежным появлением новой поросли в виде детей висело яблоко, откуда шли новые ветви, одна из которых завершалась самим Арсением Ивановичем. Сознать это было, наверное, приятно, и Юлия поняла, откуда у хозяина столь благоговейное отношение к далеким предкам. Да и как не любить, не лелеять память о некогда живших людях, когда выходило, что все они, как ручейки, питающие реку, сосредоточились в нем, живущем ныне.

Настала пора заготовок, и Юлия целыми днями возилась с банками, огурцами и соленьями. Бесконечно горела газовая плита, с лица Юлии стекали капли пота. Заметив, с каким трудом она закатывает банки, Арсений Иванович предложил ей свою помощь. Она вытерла горячее мокрое лицо концом фартука и уступила ему место за кухонным столом. И тут произошла странная вещь: он поднес ее руку к своим губам. Должно быть, в знак благодарности.

Шли дни. Арсений Иванович по-прежнему хлопотал о передаче в бессрочную аренду одноэтажного флигеля. Однажды он возвратился из очередной поездки по району с большой мраморной доской. Буквы, высеченные на ее поверхности, были нечеткими, и Арсений Иванович, втащив доску на террасу, принялся очищать надпись сухой тряпкой. Наблюдая за его движениями, за мельканием покрасневшего его лица, Юлия почему-то подумала, что дощечка обошлась хозяину в кругленькую сумму.

— Ну и куда вы ее приколотите? — поинтересовалась она.

— На стену дома, конечно, — ответил Арсений Иванович.

— А зачем?

— Чтобы люди помнили. Вы прочитали надпись? — И он развернул доску так, чтобы Юлия смогла увидеть то, что высечено на мраморе: «В этом доме жили И.А. и Н.А. Муромцевы, внесшие большой вклад в развитие российской культуры».

Скептический Юлин ум тотчас же выстроил картину посещения дома вездесущими туристами: по озеру плывет катер, на нем — разношерстная толпа. Гид, представитель туристической фирмы, ведет их по дорож-

ке к дому и начинает вещать о том, кто здесь бывал и какой след оставил в памяти поколений. Потом приезжих знакомят с Арсением Ивановичем, и тот демонстрирует любопытным генеалогическое дерево, где висят яблочно-далекие потомки. Зная, что соловья баснями не кормят, Юля не забывает и о другой стороне путешествия: приезжих влекут на берег озера, где уже варится уха из лещей, выловленных местными умельцами. Потом выходят одетые в сарафаны девушки с туесками луговой земляники, и туристы охотно раскупают ягоды и спешат на катер.

Был чудесный вечер. Юля прохаживалась вдоль берега озера, любуясь красками удивительно нежного заката. Неожиданно перед ней выросла фигура Арсения Ивановича.

— Горе какое, — сказал он, потирая висок, — у Карамановых сына убили.

— Где? — вздрогнула Юля.

— Да в Чечне. Телеграмма пришла.

Не дождавшись, как Юля отзовется на это событие, он замолчал.

— Ну что же мы стоим, пойдемте, — сказала она, чуть дотрагиваясь до его руки.

На поминках они сидели рядом, и Юля испытывала на себе любопытные, как бы предрекавшие что-то взгляды. Ей было не по себе не только от близости хозяина, но и от осознания некоего несоответствия между обыденностью ничем не сокрушаемой деревенской жизни и этой трагедией — гибелью молодого парня, труп которого, наверное, зарыли в братской могиле.

К столу садились по очереди: человек двадцать поминали и закусывали, столько же толпилось во дворе, дожидаясь, когда освободятся места.

Мать погибшего, в черном платье с заплаканными глазами, за столом не сидела, а только подносила угощение и выставляла все новые бутылки с водкой. Отец молчал, будто окаменев. Над ним на стене висел портрет молодого человека в военной форме. Чистое открытое лицо.

— Люди ждут, — тихо сказала Юля хозяину.

— Да, да, — отозвался он, поднимаясь.

Тишина стояла в доме. Говорить ни о чем не хотелось. И только сердце сжималось от тяжелого чувства вины. Вот живут они тут, суетятся, огурцы солят, ягоды собирают, а там льется кровь, птицы кружат над трупами убитых, летят по небу цинковые гробы. Почему они не хотят об этом думать? Выключили телевизор, заглушили радио, — не мешайте, не терзайте душу горькими словами. Уже нет сил жалеть невинных и проклинать виноватых. Горечь и стыд чувствовала Юля. И странные видения просыпались в ее мозгу. Будто давно-давно такое уже было.

Утром, как обычно, Катя принесла молока.

— Беда-то какая, — начала она, скорбно качая головой. — Такой был парень, Колька, тихий, непьющий, грамотный.

— А вы чего ждали? — отозвался из своей каморки Арсений Иванович. — За Ельцина голосовали, вот и получайте.

— Нечего нас попрекать Ельциным, — возразила Катя, — Нахлебались мы при прежних вождях. А ты лучше скажи, кто за коммунистов

голосовал. Такие, как наш директор совхоза. Работать не умеет, все поля бурьяном позарастали, а власть ему подавай.

Арсений Иванович спорить не стал, ушел по своим делам, а Юля с Катей все еще обсуждали постигшее деревню несчастье.

Из черной "Волги" вышел мужчина в шикарной белой ветровке и такого же цвета кепочке на голове. "Еще кого-то несет", — подумала Юля, разгибая уставшую от прополки спину. На ней льняные шорты и маечка-топка, открывавшая шею и верхнюю часть груди. Приезжий, видимо, очередной "друг" Арсения Ивановича, хищно оглядел открытые Юлины ноги, тонкую талию, красиво очерченную грудь и неожиданно выдохнул: "Какая роскошь". Угадав в нем бывалого искусствителя по женской части, она, смеясь, отмахнулась: "Ой, ну что это вы".

— Ну, я вам говорю — роскошь, я-то знаю лучше, чем вы... — настаивал приезжий, приглушая голос и озабоченно оглядываясь.

— А-а, пропащий великий пропойца, — пропел Арсений Иванович, ставляя руки для широких объятий. — Какими судьбами?

— Какими, какими, ты же знаешь, жена болела, о поездке нечего было и думать. Дочери с внуками здесь обитали, а мы, горемычные, сидели в Москве. Слава Богу, кончился этот кошмар.

— Ну, а сейчас как она, ничего?

— Ничего, но, конечно, еще слабовата. Так чего приехал, ты не дашь на недельку электрорубанок, баню хочю строить.

— Дело нужное, — одобрил хозяин, — но рубанок не дам. Самогону, пожалуйста, налью, а инструмент не проси. Знаю я наших умельцев, запорют за милую душу.

— Ну ладно, — кивнул гость, как будто заранее зная исход разговора. — Тогда наливай.

Появилась знаменитая канистра.

— Юленька, сообразите что-нибудь закусить!

Юля сняла рабочие перчатки, продефилировала мимо мужчин к водопроводной трубе, где был устроен кран для умывания.

— Слушай, где ты нашел это создание? — донесся до Юли голос приезжего.

— А ты на чужой каравай рот не разевай, — отвечивал хозяин.

— Новая, что ли? — не переставал допытываться гость.

— Юленька, вы скоро? — намеренно громко крикнул Арсений Иванович.

— Иду! — Пройдя мимо грядок, стала красиво подниматься по ступенькам крыльца, чувствуя затылком, что оба старых дурака пускают слюни, глядя на ее крепкие загорелые ножки.

Они выпивали и закусывали, а Юля подавала еду и тарелки. За столом шел разговор, похожий на винегрет: мелькали имена Ельцина, Грачева, Дудаева, коммунисты сменяли Жириновского, от курса доллара переходили к сетованиям на дороговизну всего и вся, ругали радио и телевидение за пошлость и дешевые боевики, возлагали надежду на новых, еще не заявивших о себе политиков. Юля в разговоре не участвовала, а когда гость (как выяснилось, бывший журналист-международник)

отбыл, с досадливым чувством подумала: “Вот, даже посторонний мужик разглядел во мне женские достоинства, а этот...” И она вздохнула. Почему он упорно сохраняет дистанцию между собой и ею? Неужели он настолько стар, что его не волнует присутствие женщины? Или все дело в генеалогической амбиции? Ну, ладно, поживем — увидим.

У хозяина много так называемых “друзей”, потому что он никому не отказывает в рюмке. С большой головой к нему обращаются часто, особенно по утрам, когда необходимо опохмелиться. То и дело заявляется к нему Катин муж по имени Феликс. Он невысок, широкоплеч, у него загорелое дочерна, изрезанное глубокими морщинами лицо, на котором сияют, как два озера, голубые глаза. Он едва заметно волочит больную ногу. Из-за ноги не работает, но еще не пенсионер. Живут они с Катей за счет своего хозяйства, скотины, кур и случайных заработков, перепадавших от дачников (к коим сельское население причисляет и Арсения Ивановича).

— Ну что, хозяин, нальешь? — бодро спрашивает Феликс, не пускаясь в лишние разговоры.

Тот уходит за канистрой. А Феликс, поблескивая глазами, задает Юле прямой простодушный вопрос:

— Как у вас — сладилось? Задул он тебе? А то смотри, я бы не прочь.

Юля сердится:

— Скажешь тоже, жеребец нахальный!

— А что, я ничего. Дело житейское.

Арсений выносит рюмку, гость рассматривает ее содержимое на свет и заявляет:

— Мало льешь, мы привыкли стаканами.

— Заработай — налью, — отвечает хозяин.

И Феликс с готовностью:

— Хочешь, баню тебе растоплю, воды нанесу?

— Идет, — соглашается хозяин, норовивший любое дело спихнуть на чужие плечи.

— Только уговор, — продолжает Феликс, — будешь вместе с бабой мыться, как полагается у нас, у деревенских.

— Ладно, ладно, — небрежно соглашается Арсений Иванович, как о деле, не стоящем внимания.

Пока они возьмется с дровами и водой, Юля собирает чистое белье. Ей почему-то не по себе. С чего это он сразу согласился мыться вместе с ней? Она открывает дверцу доисторического шкафа, ищет трусы, майку, носки, свежее полотенце, она ворошит, перебирает белье, нащупывает трикотажную ночную сорочку, в мелкий цветочек. Укол ревности пронизывает ее сердце. Ей кажется, что от ткани исходит едва уловимый запах женского тела. Почти сорок лет совместной жизни — не шутка. Знал ее молодой, стройной, потом расплывшейся, грузной, большегрудой, седой...

Легкая изморозь пробежала по телу Юли, — эта ткань хранит чужое тепло, — плавное движение руки скользило по изгибам уже несуществующей жизни. Наверное, он и сейчас помнит аромат жены. А она,

Юля... Хм. Явилась на развалины Карфагена. Ей стало жаль себя. Чего ты хочешь? Обноска чужой судьбы. Спрятала сорочку, отвернулась и замурылыкала мотивчик модной песенки: "Бежит ручей, течет ручей, и я ничья, и ты ничей".

Голос Арсения отвлек ее от ревнивых мыслей:

— Юля, баня готова!

Войдя в предбанник, она решительно сбросила с себя одежду и вошла в горячий, обволакивающий тело пар. Арсений Иванович был уже там. Она взяла тазик, налила из круглого бака горячей воды. Наверное, он смотрит на нее. Ну и пусть... Она косится в его сторону. Ее пугает его нагота, полуприкрытая паром. Но она все же пытается рассмотреть то, что составляет достоинство мужчины. Ничего особенного. Более чем скромно. Арсений в откровенных разговорах с нею выдавал себя за великого бабника. Хвастал, наверное. А может, и правду говорил. Теперь он подходит к баку с водой и оказывается повернутым к ней спиной. У него худой, слегка отвислый зад, слабые узкие голени, отвисшая под лопатками кожа... Да, был орел, да весь вышел... Юля намыливает плечи и руки. "Спинку потереть? — предлагает он нарочито бодреньким голоском. "Потри, конечно", — она не замечает, как легко перешла на "ты". Он старательно трет, захватывая движениями рук ее бедра и широкий зад. Она слышит: "У тебя шелковистая кожа". "А что, бывает в крапинку?" — пытается она шутить. "Все", — объявляет он, передавая ей мочалку. "Хоть бы обнял, дурак". — Он не слышит ее призыва. "Хорош парок!". "Давай-ка, я тебя веничком охлестаю!" — предлагает она. "Давай!" — весело отвечает он.

Она берет веник, окунает его в кипящую в котле воду и внахлест бьет его по спине.

— Ну ты уж слишком, — остерегается он. А она еще и еще раз стегнула. В ней закипает желание проучить его за упрямую тупость. И она от души хлещет и хлещет веником, вкладывая в каждый взмах свою досаду.

Он кричит:

— Перестань, сдаюсь!

В ответ она протягивает ему веник.

— Теперь ты меня отхлещи да покрепче!

Теперь она всерьез хочет, чтобы он выбил из нее ее дурь, чтобы боль пересилила игравшую в ней обиду.

А что, прыгает в голове озорная мысль, если самой к нему прижаться? Ведь не каменный же он! Для чего ей даны природой эти налитые сочной силой груди, для чего эти полные бедра, нежные соблазнительные руки — неужели только для мытья и прополки? Для чего нужна ее широкая задница — неужели для того, чтобы охлестывать ее веником? Подойди, будь смелее, или ты не баба? Она поворачивает голову и видит его сидящим на лавке и занятым намыливанием живота. Ну и черт с тобой! — решает она и, вылив на себя ушат воды, уходит в предбанник одеваться.

Поднявшись на террасу, она наливает из канистры стопку самогона и залпом выпивает.

Минут через десять появляется Арсений. Он в махровом халате, с гладко причесанной шевелюрой.

— С легким паром! — ядовито произносит Юля, но он не улавливает яда.

— Хорош был парок!

Прощаясь с ней перед сном, он, к ее удивлению, взял ее лицо в свои руки и поцеловал в губы:

— Спокойной ночи.

Август подходил к концу. Лил дождь. С крыши текли струйки воды, и Юля выбежала подставить ведра и тазы, чтобы не пропала драгоценная влага. И как раз в те минуты, когда она бегала с посудиною, к калитке подкатила машина, из нее вышли четверо: парень с девушкой и пара постарше. Вся кавалькада, спасаясь от дождя кто зонтом, кто развернутым над головой плащиком, трусцой побежала к дому. Быстро вбежав на крыльцо, парень крикнул:

— Отец, встречай гостей!

Арсений Иванович обрадованно расставил руки, заговорил быстро, улыбочиво:

— Вот нечаянная радость. Что же телеграммой не предупредили?

— До нас кое-что дошло, — загадочно ответил молодой потомок, целуя отца.

Гости расселись за столом на террасе, посыпались вопросы о здоровье, о делах... Тут показалась и Юля с плащиком на плечах.

— Это моя помощница Юлия Витальевна, — представил ее Арсений Иванович, — мой ангел-хранитель.

Юля поздоровалась, прошла на кухню и принялась готовить салат. Голоса на террасе сплетались в причудливый узор, посвященный великому клану Муромцевых.

— Его жена, — говорила женщина, как догадалась Юля, сватья хозяйина, — теперь продает картины отца, чтобы прокормить сына-тунеядца...

Юля расставила тарелки и попросту, не отдавая себе отчета — почему, обратилась к хозяину:

— Арсений, принеси бокалы.

— Сейчас, — подхватился он, устремляясь в комнату, где жила мать. Женщина подозрительно взглянула на Юлю.

— Вы давно тут?

— Давно, — ответила она.

— И надолго?

— Как получится. Извините, но в этом доме почему-то обожают олово, так что не обессудьте... — И она положила возле каждой тарелки по гнutoй бедняцкой вилке.

— Да-а? — протянула женщина. — А вы что же, на серебре едите?

— Да нет, у меня мельхиор...

Арсений расставил принесенные бокалы. Юля, как подобает прислуге, ушла к себе. Потом в ее комнату вошли молодые — сын Арсения Ивановича с женой. Бегло оглядев помещение, будто проверяя, все ли на месте, сын спросил:

— А где вы будете спать?

— Как где? — удивилась Юля. — Где обычно — здесь...

— Нет, знаете, так не получится, — перебил он ее. — Родители Алены, — он кивнул на жену, — люди немолодые, не в бане же им ночевать...

— Поговорите с отцом, — небрежно бросила Юля, не покидая насиженного места.

Молодые ушли советоваться. Голоса стали резче, сын почти срывался на крик, отец протестовал: "Ничего подобного!"

В конце концов разместились: кто на террасе, кто в каморке, кто в комнате старухи.

Юля долго не могла заснуть. К ветвистому генеалогическому дереву она прикрепила еще одно "яблоко" с надписью "сын". Да, мелькает знатная семейка... Видно, природа решила отдохнуть на сыночке. Слишком он нервный, разбросанный какой-то. Говорит отрывисто, в глазах — беспокойный огонь. И ей стало абсолютно ясно, что они — она имела в виду всю компанию — они не позволят.

Проснувшись и выйдя на террасу, Юля обнаружила, что все уже позавтракали. Сватья, переодетая в сарафан, допивала чашку кофе, и из ее белого, выпуклого горла выкатывались круглые пузыри жеманных фраз:

— Мы тут посоветовались и решили, что хозяйством будет заниматься Катя, Катерина Васильевна, соседка. За плату, конечно. Она уже дала согласие. Платить будут мужчины, у нас в семье так заведено, ну, а мы, женщины, займемся огородом. Мы уже и договор подписали — хотите взглянуть? — И она протянула Юле какой-то листок.

Юля не стала смотреть и повернулась к Арсению Ивановичу. Он казался растерянным и виноватым. Лицо красное. Глаза смотрят вниз.

— Юлия Витальевна прекрасная машинистка, — заикаясь, произносит Арсений Иванович.

Но Юля не стала слушать, как он будет выпутываться.

— У вас тут много полыни, — беззаботно сказала она.

— Что? — убито выдавил он.

— Аллергия у меня началась.

— На что?

"На вас", — чуть не брякнула Юля, но сдержалась и попросила:

— Отвезите меня на станцию.

По дороге домой она, чтобы досадить себе, подсчитывала, сколько сэкономила, питаясь за счет потомка знаменитой семьи. И выходило — сущие крохи. ■

ДОЛГО

На вопросы читателей "Смены" отвечает
доктор экономических наук,
профессор Анатолий ДЕРЯБИН.

? *О «кризисе неплатежей» говорят уже несколько лет. Не могли бы вы рассказать, отчего он возник? Можно ли с ним бороться? А если можно, то как?*

Аленсей БЫЧКОВ, г.Одинцово
Московской области

Деньги — кровь экономики. Это сравнение общеизвестно и даже набиле оскомину, но позволяет очень хорошо понять, что происходит с нашим "экономическим организмом". А происходит вот что: ему не хватает "крови" — денег в наличной, а главное — безналичной форме. Не хватает из-за не очень умно проведенной, сугубо монетаристской борьбы с инфляцией.

Для того, чтобы экономика нормально работала, необходимо, чтобы в обороте находилась денежная масса, как минимум равная половине годового валового внутреннего продукта (ВВП). Сейчас эта цифра примерно в четыре раза (!) меньше и составляет лишь 12-13 процентов от ВВП.

Что будет с живым организмом, который лишился трех четвертей потребной ему крови? Он умрет? Нет, сначала он будет защищаться. Изю всех сил будет сохранять главные (как ему кажется) органы: мозг (в случае с экономикой — неимоверно разбухшие столичные органы управления) и сердце (банки, кредитные общества, страховые компании — то, что "качает" деньги). Они, эти органы, будут снаб-

жаться кровью. Зато "замерзают" и даже "отмирают" конечности. Пере-стают действовать руни — то, что работает: фабрики и заводы; отказывают ноги — то есть транспорт...

Такою картину "острой кровяной недостаточности" мы сейчас и видим: гипертрофированные, богатые, блистающие презентациями столичные "сердце и мозг" — и рядом едва холодеющие провинциальные производители — "руни-ноги"...

Проблема неплатежей, возникшая в 1992—1993 годах из-за того, что гайдаровская инфляция "съела" не только накопления граждан, но и оборотные средства предприятий, могла быть решена тогда же — легко и быстро. И мы, экономисты, в то время предлагали конкретные способы ее решения. Но сделано ничего не было — и "нехватка крови" стала расти и расти... Сейчас по стране кредиторская задолженность ("то, что должен я") составляет (приведем цифру в пересчете на доллары, чтобы не путаться с нулями) — 90 миллиардов, а дебиторская ("то, что должны мне") — 42 миллиарда. И эта ситуация, когда все должны всем, парализует экономический организм.

Есть нужда в отечественных товарах; есть те, кому они необходимы позарез. Но потенциальные покупатели купить их не могут, потому как у них нет денег. А нет у них денег оттого, что с

ВОЙ ЖАБ

ними не расплатились за их собственную продукцию... Возникают безумные бартерные цепочки длиной в 10—15 наименований предметов; на этом обмене (характерном для экономики наемного века, когда денег не знали, а топоры меняли на шкуры!) наживаются бесчисленные посредники...

Зачастую порочный круг неплатежей открывает государство. Оно не платит по своим долгам — и проценты за просрочку этих обязательств тоже, естественно, не платит, и штрафы — тоже... Вот правительство дает обувной фабрике госзаказ: изготовить партию армейских ботинок. (Рассказываю реальный случай, а имя подобным историям — легион!) Предприятие взяло кредит. Купило кону, подметки... Рабочие сделали обувь. В срок отгрузили заначку...

Государство за этот государственный заказ не расплатилось. А обувной фабрике надобно платить зарплату своим рабочим. И кредит необходимо отдавать, да еще и проценты по нему. К тому же, раз продукция изготовлена и поставлена, требуется заплатить налоги (тому же государству!), сделать платы в социальные фонды, а коли не заплатил в срок — начисляются еще и пени, и штрафы...

В итоге добросовестно сработавшее предприятие — на пороге банкротства. Рабочие за свой труд не получили ни копейки... И вот таким

(или похожим образом) "замерзают" отечественные заводы и фабрики: средняя их прибыль упала с дореформенных 20 процентов до смешных 9 процентов...

Правительство с кризисом неплатежей (который само же и спровоцировало) никак не борется. Точнее, борется — но на уровне увещаний, угроз, заклиний. А такими методами его не решить. Нужна твердая, умная и последовательная воля государства.

Необходимо, во-первых, не на словах, а на деле ограничить естественных монополистов — транспортников, энергетиков, газовиков. Во многом именно из-за непомерно возросших тарифов — на перевозки, свет и газ — страдают предприятия. Они не могут платить огромные деньги за эти услуги. Ведь цены на продукцию естественных монополий росли в последнее время в два раза быстрее, чем средний индекс цен по стране!

Нужны (под жестким контролем правительства) точечные вливания средств в те производства, что особо необходимы стране. "Вливание" не только оживит конкретный завод или фабрику — ведь эти деньги, полученные от государства, предприятие (в том числе) отдаст своим рабочим в виде зарплат. И эти деньги рабочие понесут в магазины. Купят что-то, что произвела другая наша фабрика или завод — стало быть, на

тех производствах тоже появятся какие-то деньги...

Суровый заслон надо поставить утечке капиталов за рубеж. Если удастся данке не полностью его прервать, а хотя бы приостановить, это сразу увеличит денежную массу внутри страны, волеет в экономину порцию "свежей крови".

Необходимо стимулировать сдачу долларов. Сделать так, чтобы хранить и копилить было бы выгодно не "зеленые", а "деревянные". Доллары в нашей стране во многом понадобились из-за того, что не хватает рублей. Но чужая валюта — это яд для экономики (как кровь другой группы — яд для организма). Напомню, что многие страны в период экономической реформы (Япония, например, или Южная Корея) под страхом уголовной ответственности запрещали хождение у себя иностранной валюты.

И, наконец, вот этот гипертрофированный "мозг" — не надо ли над ним сделать операцию? "Усечь" его? Не пора ли уменьшить огромную армию чиновников? Ведь в России, сократившей свою территорию по сравнению с СССР, их стало не меньше, а больше! "Мозг" этот зачастую не принимает решения, не управляет организмом — а просто паразитирует на нем!.. Раньше о борьбе с разбуханием бюрократического аппарата хотя бы говорили — теперь даже разговоры затихли...

Не надо думать, что все эти предложения по борьбе с неплатежами — чистая публицистика. Они подкреплены конкретными расчетами. Институт экономики РАН (где я работаю) предлагал их правительству. Будет ли результат? Не знаю...

? Едва ли не каждый день мы слышим по телевидению: правительство рассчитывается с долгами по зарплате

к такому-то числу... Потом проходит время — называется другой день, еще через какое-то время — другой... А военные, учителя, врачи, шахтеры, работники предприятий, выполняющих госзаказы, — по-прежнему сидят без денег... Когда же правительство на деле, а не на словах, отдаст свои долги? Или на это уже не стоит надеяться?

Василий ГУРЬЕВ, Смоленск

Долги правительство не отдаст, нкуда будет придерживаться прежних взглядов — тупо-монетаристских. Откуда оно их, деньги, может взять, когда денег — нет? И не будет до тех пор, пока не увеличится их количество в обращении — с нынешних 12-13 процентов хотя бы до 50 процентов от ВВП.

Нынешнее всеобщее безденежье, как утверждают некоторые — результат несознательных, случайных ошибок молодых реформаторов. А мне кажется, что безденежье организовано очень дане сознательно: раз денег нет — то и цена на "государственной распродаже" падает. (Если у пьяницы с утра "трубы горят" — он золотые часы за бутылку продаст!) Так на фоне всеобщего безденежья и падает цена наших заводов и фабрик. Предприятиям до зарезу нужны средства — чтобы со своими рабочими расплатиться, сырье для нового производственного цикла купить... А денег нет. Вот и продают они контрольные панеты акций собственных предприятий тем, у кого деньги есть. А есть деньги на Западе.

Как получилось, что двое эмигрантов из бывшего Союза смогли скупить почти всю нашу алюминиевую промышленность? Как крупнейший целлюлозно-бумажный комбинат, производящий треть газетной бумаги в стране, продали за один миллион долларов?.. А сколько еще предприятий по стране скуплены за бесценок?..

На ваш вопрос я бы ответил, не боясь показаться циником, так: до тех пор, пока правительству (или кому-то важному в правительстве) выгодно, чтобы в стране было мало денег, оно долги по зарплатам, пособиям, пенсиям и пр. — НЕ ОТДАСТ.

? Многие развивающиеся страны должны России огромные деньги. Неужели нельзя с них "страсти" эти долги и благодаря этому поправить экономическое положение страны? Поможет ли нам то, что Россию приняли в Паринский клуб?

Ю.С. ИВАНОВ, Пермь

России достались в наследство от Советского Союза огромные долги развивающихся стран. Примерно 30 миллиардов долларов нам должна Куба; по 20 миллиардов каждая из трех стран — Монголия, Индия, Вьетнам; 12 миллиардов — Сирия; 8 миллиардов — Афганистан... А, кроме того, займы у нас брали (и не вернули!) Мозамбик, Йемен, Эфиопия, Алжир, Ангола... Всего долг нашему государству составляет, по разным оценкам, от 140 до 160 миллиардов долларов.

То, что Россия вступила в Паринский клуб, может помочь нам получить хотя бы часть долга. (Паринский клуб — это сообщество стран — крупнейших кредиторов; он объединяет 18 самых богатых государств заемщиков: США, Японию, Англию, ФРГ, Францию и другие.) С их помощью Россия надеется получить средства от стран-должников.

Но, конечно, рассчитывать на все 140—160 миллиардов — не стоит. Впервые, когда Россия вступила в клуб, задолженность пересчитали. Давали мы займы по курсу, когда один доллар равнялся 60 "инвалютным копейкам"; теперь согласились на другое соотношение: былой "инвалютный рубль" эквивалентен 60 американским цен-

там. Это сразу же уменьшило сумму долга до 84 миллиардов. Кроме того, большинству должников мы предоставили всевозможные скидки — от 67 до 80 процентов суммы задолженности. Получается, в "сухом остатке", что Россия может претендовать на 25 миллиардов долларов.

Но не все эти миллиарды Паринский клуб в состоянии "вытрясти". Клуб работает с долгами только тех государств, что готовы с ним сотрудничать — а далеко не все должники России на это согласны. Реально Паринский клуб может поспособствовать вернуть нам 12 миллиардов долларов. Это, конечно, совсем не 140 миллиардов — но хоть что-то... "От худого должника, — как говорит русская пословица, — хоть битым стеклом бери!"

И уже в будущем году Россия должна получить в счет погашения долгов 1,25 миллиардов долларов — причем "кэшем", то есть деньгами, а не малоликвидными товарами (какими-нибудь резиновыми тапочками или цинковнами, как бывало). Если раньше нам удавалось получить с бедных стран не больше 150—200 миллионов долларов в год, то теперь, после вступления в Паринский клуб, эта сумма возрастет, как считают, раза в три—четыре.

Беда еще в том, что Россия ухитрилась надавать займы всем без исключения "новым независимым странам" — бывшим советским республикам. Некоторые из этих долгов (например, грузинский или армянский) можно списывать, как безнадежные. По другим задолженностям — украинской, к примеру (4,5 миллиарда долларов) — идут переговоры: официальный Киев стремится растянуть выплату на 25 лет. Иные займы уже решено, как возвращать — на не очень-то выгодных для нас условиях: Нигерия, например, отдаст 134 миллиона долларов в течение десяти лет, начиная с 2000 года.

Кание-то ссуды мы потеряли "с концами". Например, "Назахэнерго" задолжало за поставленную Россией электроэнергию 340 миллионов долларов и... объявило в одночасье о собственной ликвидации. А преемник этой компании заявил, что за долги предшественника не отвечает! Подобную схему "списания ссуд" использовали и некоторые другие представители соседних республик... Они считают, что кому-то, а России можно не платить, или платить в последнюю очередь.

Формально должны нашей стране многие; должны очень большие суммы, но фактически получить их — очень и очень сложно.

? Сможет ли Россия сама расплатиться с теми задолженностями, которые унаследовала от Советского Союза и уже задолжала самостоятельно? Не попадут ли наши внуки и правнуки в вечную кабалу от западных государств?

Г. и Л. СТАХОВЫ, г. Железнодорожный Московской области

Россия унаследовала не только займы бывшего Союза, но и его долги. Было их в 1991 году — 102 миллиарда долларов. Сейчас, за семь лет, сумма внешнего долга выросла до 141 миллиарда долларов — и еще около 700 триллионов рублей ("старыми деньгами") составляет государственный внутренний долг (на эту сумму выпущены государственные казначейские обязательства — ГКО, обязательства общегосударственного займа и другие ценные бумаги...). На обслуживание долга Россия расходует 4,4 процента ежегодного валового внутреннего продукта (ВВП). С обслуживанием внешнего долга дело обстоит (как ни странно) легче, чем с долгом внутренним. По внешним долгам можно еще договориться об отсрочке, о льготных процентах... С внутренним долгом де-

лать этого ни в коем случае нельзя, потому что отказ платить вовремя сразу подрывает доверие к рублю.

В 1998 году мы получим займы от ведущих капиталистических стран еще 9,6 миллиардов долларов, а выплатим им по своим долгам (вместе с накопившимися процентами) 7,4 миллиарда долларов. То есть реальные финансовые вливания со стороны Запада составят 2,2 миллиарда "зеленых".

Способна ли Россия расплатиться с долгами? Да, пока способна. Даже если мы не будем особо рассчитывать на погашение долгов нам (от развивающихся стран). Золото-валютные резервы страны составляли (осенью прошлого года) примерно 25-30 миллиардов долларов. Долг нашего государства не превысил критической черты заимствования — а она, эта критическая черта, определяется мировым финансовым сообществом так: превышение долга над экспортом в два раза или же сумма долга, большая, чем 40 процентов годового ВВП.

Нам было бы куда легче, если бы отечественный капитал незаконно или полузаконно не утекал бы за границу. Александр Хандруев, заместитель председателя Центробанка, считает, что масштабы этого вывоза — от 12 до 15 миллиардов долларов в год. Но, по-моему, это очень скромная оценка. Нелегальный вывоз достиг катастрофических величин! Во всяком случае, Международная организация по торговле и развитию ООН (ЮНКТАД) полагает, что только в 1996 году из России незаконно было вывезено 46-54 миллиарда долларов. А пик воровства пришелся на 1992 год. Тогда до 70 процентов всей российской валютной выручки (за экспорт нефти, леса, газа, никеля...) не возвращалось в страну, а оставалось за рубежом — главным образом на частных счетах. Вот когда в основном и

наживались многомиллионные состояния "новых русских"!

Множество наличных долларов ходят в руках у населения. Центральный банк считает, что их — около 25 миллиардов, а независимые эксперты полагают, что эта цифра куда больше — от 60 до 100 миллиардов. Эта "зеленая наличность" — тоже, в сущности, наш долг перед США.

Расплатиться с долгами Западу мы в принципе можем — но это будет не так просто. Без разумной, целенаправленной государственной политики мы попадем в тяжелое положение. Возьмем послевоенную Японию. Для этой страны тогда был очень тяжелый период. Но в те годы японское правительство взяло курс на создание внутреннего рынка и отечественных перерабатывающих производств. У нас же перерабатывающая промышленность (текстильная, швейная, радиоэлектронная...) нынче в загоне, а сырьевые предприятия (черной и цветной металлургии, целлюлозно-бумажной промышленности...) перешли в руки иностранцев. Они — работают на экспорт и создают то самое положительное торговое сальдо, которое помогает расплачиваться с текущими кредитами.

Основная же выплата кредитов (и процентов по ним) оттянута на тот период, когда ожидается подъем российской экономики. Но, боюсь, мы этого подъема не заметим — ведь в те годы нам придется отдавать весь прирост продукции за рубеж, расплачиваясь с долгами...

Не проедаем ли мы тем самым достояние потомков, наших детей и внуков?

Каждое поколение должно оставлять детям больше, чем имело само. Это касается и любой семьи, и всего государства. Мы же, похоже, оставим своим наследникам меньше, чем сами получили от собственных родителей. И

это не только благодаря тому, что на них "повиснут" наши сегодняшние долги, но и из-за состояния экономики страны.

Основные фонды промышленности сейчас изнашиваются примерно в десять раз быстрее, чем восстанавливаются. Приблизительно в десять раз сократились инвестиции. Возьмем такую важную отрасль, как электроэнергетика: примерно треть электростанций выработало свой ресурс (к 2000 году эта цифра увеличится до 2/3). Полностью прекратилось строительство ГЭС. Не возводятся такие запланированные новые станции, как Бурейская, Богучанская, Иргинская и другие. Это может привести в начале будущего века к настоящему энергетическому кризису.

Около половины капитала предприятий, то есть всего нашего национального богатства, существовало в виде оборотных фондов. "Гайдаровское" повышение цен лишило заводы и фабрики оборотных средств. Теперь их — практически нет, а если и есть, то — заемные.

Точно также в одночасье лишилось своих накоплений и население. То, что удалось скопить кому-то с 1992 года к сему дню — жалкие остатки (примерно в тысячу раз меньше в среднем по стране!) по сравнению с теми сбережениями, что были до 1991 года.

Ухудшилось качество трудовых ресурсов. Все ниже квалификация свежеспеченных инженеров, конструкторов, ученых, специалистов... Качество трудовых ресурсов — это те же деньги, вложенные в людей. Если не вкладывать в научного работника, преподавателя вуза — он уйдет (и уходит!) во внешнюю или внутреннюю эмиграцию (в "челноки" или продавцы). А когда ученый шесть лет не занимается исследованиями — к ним он уже не

сможет вернуться. И пополнение воспитать не сможет. И следующим поколениям придется вкладывать колоссальные средства, чтобы восстановить потенциал людей.

Деградирует российская земля. Лишь в один из ста гектаров вносятся сейчас удобрения. Многие поля просто заброшены. Сократилось поголовье скота...

Мы всегда гордились тем, что полностью обеспечены всеми полезными ископаемыми... А сейчас академик-геолог Д.В.Рундквист считает, что положение сложилось катастрофическое. Из-за распада СССР мы почти полностью лишились хрома, марганца, титана, циркония, стронция. Сократились запасы золота и алюминия. Они если есть в России, то либо в труднодоступных районах, либо в таких рудах, разработка которых еще невозможна. Подобная ситуация сложилась и с ураном. Пока мы его продаем, а после 2000 года, возможно, уже придется закупать.

Россия наполовину исчерпала разведанные запасы нефти. Знаменитые Самотлорское и Ромашкинское месторождения израсходованы на 65-85 процентов. Норильский и Талнахский комплексы обеспечены сырьем лишь до 2010 года. Иссякают запасы фосфатов на Кольском полуострове...

А расходы на изыскание новых месторождений выделяются ничтожные. В 1996 году на геологоразведочные работы государство отпустило около 2 триллионов рублей, а в 1997-ом — смешную сумму: 60 миллиардов рублей...

Не за внешний долг главным образом придется расплачиваться нашим внукам, а за нынешнее плачевное состояние экономики...

? Нажется, что отечественное сельское хозяйство тихо "отдало кон-

цы". Мы едим "ножки Буша" и новозеландское масло — и никак не можем понять, почему пицца, которую везут за тридевять земель, оказывается дешевле, чем та, что произвели в пригородном совхозе. Можем, сделаем так: раз нас финские и австралийские фермеры кормят — давайте ликвидирuem крестьянство, как класс, а поля застроим казино или там площадками для гольфа...

А. и Ю. БАДАЕВЫ, г. Самара

Впечатление, что страну кормят одни лишь западные фермеры, — обманчиво. Это подтверждается статистикой. В 1985—1990 годах, к примеру, 35 процентов потребляемой в России сельскохозяйственной продукции поступало по импорту. В 1991—1997 годах эта цифра не изменилась и составила в среднем те же 35 процентов. Если же мы отбросим сельхозимпорт, который мы раньше никогда не закупали (или закупили очень мало): ананасы, ниви, бананы; клубнику и помидоры зимой... — получим, что нынче доля импортной сельхозпродукции составляет 24 процента. Постепенно сокращается ввоз в страну колбасы, кондитерских изделий, крепких спиртных напитков и пива... (Россияне уже поняли, что наши продукты — лучше!)

Но и 24 процента сельскохозяйственного импорта — это много, слишком много. Во всех без исключения западных странах государство помогает своему фермеру-производителю. У нас — нет (или практически нет). В этом смысле "родные" чиновники мыслят примитивно до жути. Они считают: раз новозеландское масло стоит нам 12 тысяч за килограмм, а отечественное — 15 тысяч, давайте будем покупать новозеландское.

И никто не считает, во что заграничное масло фантически обходится

и сколько мы на самом деле теряем. Что, в самом деле, получает наше государство, приобретая то же заморское масло? Одну лишь пошлину за импорт (которая минимальна) — и даже акциза на эту продукцию нет.

Что бы оно выиграло, когда бы покупало отечественное масло? Крестьяне (наши!) получали бы зарплату; сельхозпредприятие — прибыль. Оно, это предприятие, вдобавок платило бы государству налоги: на прибыль, на зарплату, НДС; платило бы в социальные фонды; оно могло закупать сельхозмашины — а раз так, то и сельскохозяйственные машиностроители работали бы и платили сотрудникам зарплату, а государству — налоги... Реально мы теряем миллионы долларов, предпочитая вроде бы дешевые заморские продукты — своим будто бы дорогим.

Программы помощи нашим аграриям существуют — на бумаге. В 1997 году был создан, например, фонд льготного кредитования земледельцев. Его величину определили в 11 триллионов рублей. А фактически колхозники и фермеры получили льготных кредитов на 1,9 триллиона рублей. (Подчеркну: это не безвозмездная помощь, а хоть и льготные — не под 32 процента, а под 8 процентов годовых — но кредиты, которые необходимо возвращать.)

Да и раздача этих кредитов происходила так, что они порой превращались в бабалу. Крестьянам одной из областей дали кредит в 100 миллиардов рублей под гарантии областной администрации. С них сразу же удержали проценты, плюс к тому — застраховали эту ссуду (за их счет). В итоге получили они 90 миллиардов, а через год должны будут отдать 108 миллиардов.

В другом месте дали кредит сахарному заводу. Провели деньги через

банк, которому принадлежит этот завод. И производители сахара расплатились этим кредитом с тем самым банком, которому они принадлежат и которому были должны. Государственные деньги до сахарозаводчиков не дошли — они даже стен коммерческого банка не понидали!

Иной, реальной, помощи российские земледельцы не ведают. Как будто не работают в зоне рискованного земледелия, как будто не отстают рост цен на их продукцию раз в десять по сравнению со средним индексом цен, как будто не ведают наши чиновники, что в странах "Общего рынка" дотируется до 85 процентов сельскохозяйственного производства!

? У меня такое впечатление, что государство сейчас полностью устранилось от влияния на экономику. Если раньше "сверху" контролировали все на свете, то теперь — не обращают внимания ни на что. Промышленность, торговля, транспорт, энергетика, банки — все ведут себя, как хотят. Тянут "экономическое одеяло" каждый на себя. В самом ли деле так должно быть при капитализме (или при каком там строе мы живем...)? Или государству все-таки необходимо вмешиваться в экономические дела?

И. ЧЕПЛЫГИН, Москва

Этот вопрос показался бы странным любому западному экономисту. Роль государства в планировании — не в директивном, как у нас в былые годы, а индикативном — все поняли давно. Во многом благодаря нашему (и других бывших социалистических стран) примеру.

Только такое планирование позволяет заглянуть за горизонт: определить, какие отрасли важны и перспективны (и потому нуждаются в поддержке), какие надо сворачивать (и тоже

тратить на это из казны), как поддерживать собственных производителей и ограничивать внутренний рынок от нашествия импортных товаров...

"Дороги сделали Америке", — известно это расхожее выражение. "Сделали" — имеется в виду: инициировали производство автомобилей, строительство мотелей и заправок... Но кто делал сами дороги? Строительство их организовывало государство.

Борис Немцов совершил сильный эмоциональный ход, когда призвал чиновников пересесть с иномарок на родные "Волги". (Жаль только, что этот призыв скорее интуитивен, чем просчитан — и единичен в смысле защиты отечественных производителей.) Но экономическая эффективность этого решения очевидна. Что получает государство (все мы!), если кто-то покупает "Вольво"? Импортную пошлину плюс акциз. А если продается "Волга"? [Ситуация такая же, как в случае с импортным и отечественным маслом.] Каждая "Волга" — это зарплата нашим (а не шведским!) рабочим, это налоги в госказну, это платежеспособный спрос, появившийся оттого, что "газовцам" заплатили зарплату, это заказы на металл, резину, стекла, двигатели... (стало быть, и там, у смежников, тоже появившиеся — зарплата, налоги, платежеспособный спрос...).

Государство наше должно защищать собственных производителей — но не одним угрюмым повышением импортных пошлин, делая недоступным заморский товар, но и "разбираясь" со своими "родными" монополиями. Например, устаревшая, неудобная и постоянно ломающаяся "вазовская" "девятка" стоит нынче лишь немногим меньше, чем "школа-фелиция" — машина вполне европейского качества. Можно, конечно, под

предлогом защиты отечественного производителя в очередной раз поднять таможенные пошлины, чтобы заставить-таки народ покупать российские колымаги. Но не лучше ли навести порядок на самом ВАЗе, который был все время своего существования (и остался!) монополией, который почти за тридцать лет работы не выдал ни одной современной модели, и на котором царит такой беспорядок, что проверка обнаружила на заводе полторы тысячи неучтенных машин?..

Уверен: если бы правительство занялось тем же ВАОм (внупе, скажем, с энергетиками и транспортниками: их непомерно завышенные тарифы тоже взвинчивают цену машин), если бы на заводе навели порядок — цена той же "девятки" опустилась бы до величины, за которую ее многие смогли бы (и захотели) купить — 4—4,5 тысяч долларов. Вопрос о конкуренции с "фелицией" отпал бы сам собой, без всякого повышения импортных тарифов...

ОТ РЕДАКЦИИ

Доктор экономических наук Анатолий Александрович Дерябин (как и профессор Григорий Яковлевич Киперман) согласился стать постоянным экономическим консультантом "Смены". Мы ждем ваших писем о том, что вас интересует и в "Большой" экономине, и в экономине "малой", житейской. Ученые готовы ответить на все ваши вопросы о том, что происходит с нашими деньгами, долгами, производствами, транспортом... — словом, со всем тем, что принято называть "экономическим организмом страны". ■

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наверное, вы заметили, как изменилась в наступившем году **"Смена"**: увеличился формат, значительно прибавилось цветных иллюстраций. А главное — мы, наконец, добились, что журнал теперь не рассыпается при первом чтении — склеен он добротнo, прочно — читайте сами и передавайте на здоровье друзьям и знакомым. Надеемся, что книжка **"Смены"** не будет разваливаться даже если у нее окажется и пять, и десять читателей (особенно это важно для библиотек).

Заметьте: улучшить качество печати, увеличить цветность журнала удалось при сохранении прежней подписной цены, которую, кстати, мы не повышаем уже второй год. Так мы намерены поступать и впредь. А вообще, наша цель — увеличить число подписчиков и тогда еще снизить подписную цену.

Вы держите в руках уже третий номер обновленного журнала и составили, разумеется, собственное о нем суждение: что-то вам понравилось, что-то, наверное, вызвало неудовольствие, какие-то материалы заинтересовали, какие-то — оставили равнодушными. Будем признательны, если вы поделитесь с нами своим мнением, даже и нелюбезным, выскажете свои пожелания. Нам, журналистам **"Смены"**, хочется, чтобы каждый новый номер радовал вас. Напишите, не поленитесь, ведь, в конце концов, мы же делаем с вами одно общее дело.

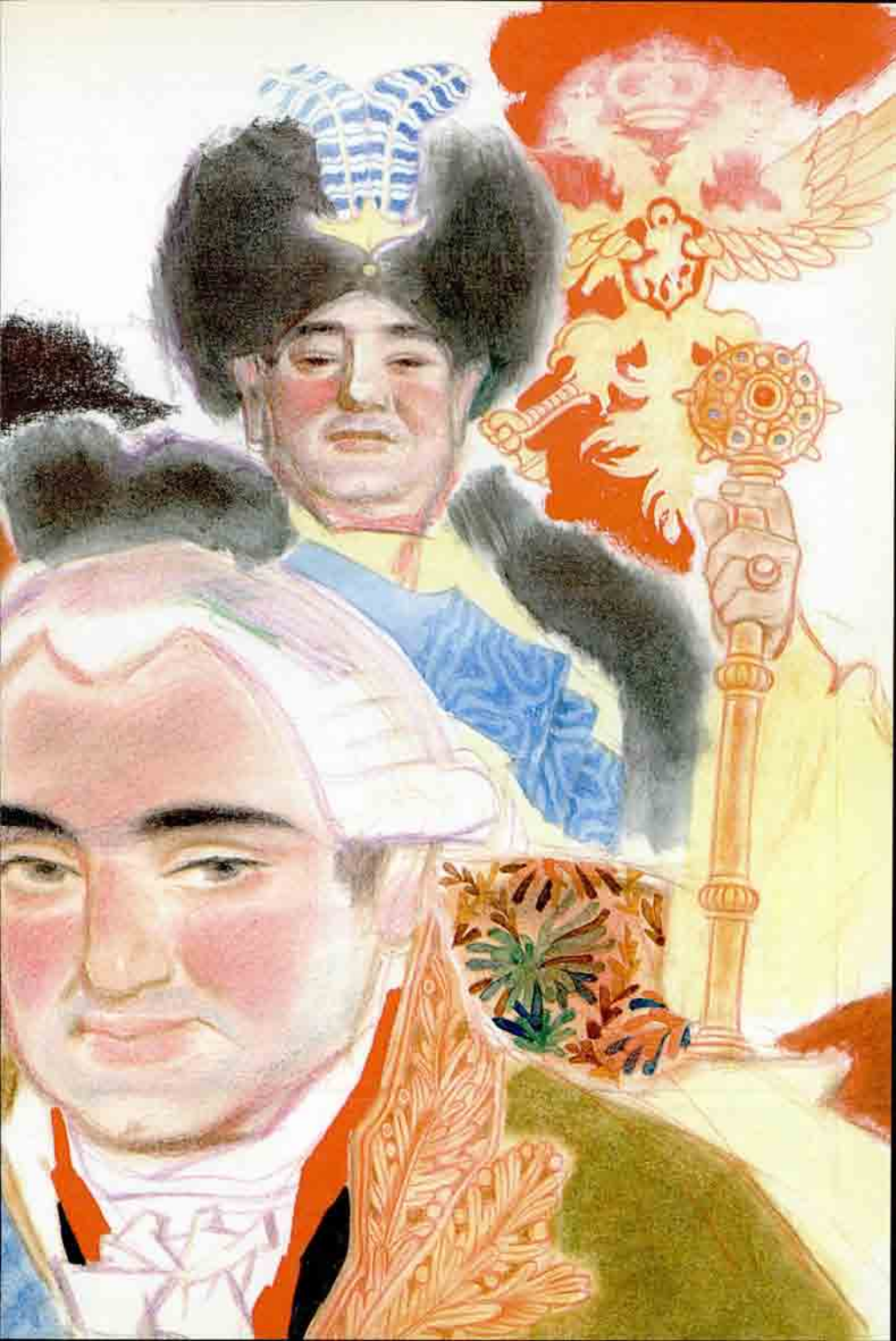
Редакция

Любовь Русева

рисунок Г. Снегидия Н. Савинилова

НЕЛЮДИЦЕМ ДРУЗЬЯ

— Кирилла Григорьевич, вы как сенатор обязаны поставить свою подпись под сим решением.

— Но оно несправедливо!

— Государыня желает, чтоб дело было решено таким образом, — объявили сенаторы графу Разумовскому.

— Когда так, не смею ослушаться, — ответил Кирилл Григорьевич и, перевернув бумагу, написал свое имя.

Увидев в таком виде документ, Екатерина II потребовала от Разумовского объяснения.

— Государыня, я исполнил вашу волю, — ответил граф, — и подписал решение, но так как оно, по моему мнению, неправо и товарищи покривили совестью, то я и почел нужным криво подписать свое имя.

Императрица пересмотрела дело и отменила решение сенаторов, сказав Разумовскому:

— Вы мне настоящий друг, Кирилла Григорьевич, ибо не допустили меня совершить несправедливость.

Президент Академии Наук, последний гетман Малой России, граф Кирилл Григорьевич Разумовский был одним из замечательных людей XVIII века. Вместе со своим старшим братом Алексеем Григорьевичем он относился к так называемым “случайным людям” того бурного и интересного столетия. “Случай”, который возвысил безродных Разумовских на вершину власти Российской империи, был довольно любопытным и возможным, вероятно, только в те далекие от нас времена...

Алексей Григорьевич

Вечернюю сельскую тишину разорвал дикий крик пьяного старого казака. Удивленные хуторяне увидели бегущего испуганного юношу и несущегося за ним рассвирепевшего отца с топором. Причиной погони послужило то, что Григорий Розум застал своего сына Алексея за книгой. Не раз отец бивал Алексея за его охоту к знаниям, поэтому мальчик стал тайком ходить учиться к сельскому дьячку. Страх перед отцом после описанного инцидента заставил Алексея скрыться из родительского дома и поселиться у своего учителя-дьячка в селе Чемер. Алексей был вторым сыном реестрового казака Григория Яковлева Розума и его супруги крестьянки Натальи Демьяновны. Родился он 17 марта 1709 года на хуторе Лемеша Черниговской губернии. С раннего детства был пастухом общественных стад. Красивая внешность мальчика, удивительный голос и тяга к знаниям обратили на него внимание местного духовенства. Священнослужители обучили Алексея грамоте и церковному пению, и по праздникам молодой Розум пленял чудным голосом местных прихожан.

В начале января 1731 года, в праздничный день проезжал через Чемер полковник Вишнеvский, который возвращался из Венгрии, где закупил партию вина для императрицы Анны Иоанновны. Вишнеvский зашел в церковь и был настолько поражен голосом и внешностью Алексея Розума, что сразу увез его в Петербург. В столице молодой певчий был представлен обер-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который определил его в придворный хор, где Розум оставался несколько лет.

28 января 1737 года, в день рождения императрицы Анны Иоанновны, при торжественном богослужении в церкви Зимнего дворца присутствовала цесаревна Елизавета Петровна, которая была поражена необыкновенно чистым и приятным голосом певчего, исполнявшего тенорную партию. По окончании литургии она приказала представить ей Розума. Красота его поразила великую княжну еще больше, чем голос, и цесаревна упростила Левенвольде уступить ей молодого певчего и включила его в свой штат бандуристом. Молодой красавец стал появляться в небольшом кружке приближенных цесаревны и увлекал всех неподражаемым исполнением мелодичных песен.

В год, когда Алексей Розум был привезен в Петербург, Елизавету Петровну постиг тяжелый удар, из-за которого она хотела постричься в монашенки. В этот период сердцем ее владел сержант Семеновского полка, сын бедного владимирского помещика Алексей Шубин, который как-то неосторожно высказал мысль, что напрасно избрали на царствование Анну Иоанновну и забыли про дочь Петра Великого. Слова эти немедленно были переданы куда следует, и Шубина схватили, заключили в каменный мешок, пытали, вырезали язык и после наказания кнутом сослали на Камчатку. Арест и горестная судьба любимого потрясли Елизавету Петровну, она очень долго была безутешной. Одиночество великой княжны окончилось с появлением Алексея Разумовского — так стали называть бывшего пастуха. Вначале она произвела его в управляющие одного из своих имений, но вскоре Алексей Григорьевич стал ведать всем небольшим двором цесаревны. В своих письмах Елизавета Петровна неизменно называла Разумовского «нелицемерным другом».

За три дня до переворота Елизавету Петровну вызвала правительница Анна Леопольдовна и сообщила, что ходят слухи о сношениях цесаревны со шведами и французским посланником. В тот же вечер дочь Петра Великого собрала своих сторонников, которые настаивали на решительных действиях.

— Сия вещь не требует закоснения, но благополучнейшаго действия намерением, а ежели продолжится да самого злополучнаго времени, то чувствует дух мой великаго смятения не токмо в России, но и во многих государствах по той претензии, отчего сынове российской могут прийти в крайнее разорение и в потеряние отечества своего.

— Подлинно так, — ответила цесаревна, — и я не столько себя сожалею, как бедных советников моих и всех подданных.

При этих словах все присутствующие прослезились.

В день восшествия на престол Елизаветы Петровны Разумовский был пожалован в действительные камергеры в чине генерал-лейтенанта, а затем получил звание обер-егермейстера, ордена св. Анны и св. Андрея Первозванного и несколько тысяч душ крестьян. Пожелала императрица произвести своего фаворита и в фельдмаршалы, против чего тот восстал.

— Государыня, ты можешь меня назвать фельдмаршалом, но никогда не сделаешь из меня даже порядочного полковника. Смех да и только!

За семьей могущественного фаворита в Лемеша немедленно было послано посольство в блестящих экипажах, с богатыми подарками и собольими шубами.

— Где живет здесь госпожа Разумовская? — спросили посланные, прибыв на место.

— В нас зроду не було такой пани, — ответили удивленные лемешовцы, — а есть, коли божаєте, Розумиха удова.

Найдя Наталью Демьяновну, посланники низко ей поклонились, поднесли подарки и почтительно попросили ее с семьей поехать в присланной карете в Петербург к сыну.

Захваченная врасплох, старуха долго не могла прийти в себя и все причитала:

— Люди добре, не глазуите з меня, що я вам подияла?

Наконец, убедившись, что никто над ней не насмехается, Наталья Демьяновна расстелила на земле у порога своей хаты дорогую соболью шубу, села на нее с кумами да свахами, выпила с ними по малороссийскому обычаю горилки — “поглядить дорожку — щоб равна була” — и, забрав детей, отправилась в Петербург.

За несколько станций до столицы их встретил Алексей Григорьевич. Мать не узнала в увешанном орденами нарядном вельможе собственного сына. На следующий день по приезде бедную крестьянку раздели, перетянули фижмами, соорудили на голове громадную куафюру, лицо набили и нарумянили, обклеили по тогдашней моде черными мушками и повезли во дворец представлять императрице. Наталью Демьяновну предупредили, что при появлении государыни она должна стать на колени. Едва бедная старушка вошла во дворец, как очутилась перед огромным зеркалом во всю вышину стены. Отроду ничего подобного не видевшая, она, взглянув на свое отражение, приняла себя за императрицу и пала на колени. Елизавета Петровна радушно встретила мать своего фаворита со словами: “Благословенно чрево твое”.

Наталья Демьяновна со всем своим семейством отправилась в Москву, где присутствовала на коронации императрицы и на венчании сына своего с Елизаветой Петровной. Несмотря на то, что Разумовская была окружена любовью сына и невестки, ей было душно в великолепных дворцах, и она настояла на своем возвращении на родину.

Брак императрицы был тайным, тем не менее государыня прилюдно проявляла заботу о своем любимом супруге: выходя на трескучий мороз, помогала застегивать шубу, поправляла шапку и т.д. Алексей Григорьевич, несмотря на возвышение, оставался простым, наивным, несколько насмешливым, но в то же время крайне добродушным человеком. Таким он и оставался до конца жизни.

Двор императрицы отличали блеск и роскошь. Сама Елизавета Петровна была первой шеголихой своего времени, диктовала моду приближенным. Разумовский, не желая отставать от своих приятелей, в этом плане был достоин своей венценосной супруги: он первый стал носить бриллиантовые пуговицы, звезду, ордена и эполеты. Алексей Григорьевич ввел в моду большую игру, сам держал банк и нарочно проигрывал. Часто бывало, что статс-дамы попросту крали у него деньги из банка. Правда, подобное замечали не только за слабым полом. Однажды заметили, что действительный тайный советник князь Иван Васильевич Одоевский перетаскал в шляпе полторы тысячи рублей и в сенях передал их своему слуге.

Чувствуя, как мало подготовлен он к занимаемому при дворе месту, как необходимы ему люди, которые могли бы выводить из того положения, в которое беспрестанно ставила его необразованность, граф Разумовский, благодаря своему природному чутью, окружил себя замечательными людьми. Среди них были: первый русский драматург Александр Петрович Сумароков, известность которого началась под крылом графа; воспитанник знаменитого Феофана Прокоповича — Григорий Николаевич Теплов; ученик Миллера, первый составитель грамматики русского языка, первый адъютант из русских в Российской Академии Наук, а позже куратор Московского университета Василий Евдокимович Ададуров. Особо близко к графу стал его адъютант Иван Перфильевич Елагин — один из честнейших и образованнейших людей своего времени.

Несомненно, что не только своим человеческим качествам, но и влиянию этих людей обязан был Разумовский тому, что быстрое возвышение бывшего пастуха не породило в высших петербургских кругах особой зависти или недовольства. Несмотря на то, что Алексей Григорьевич не принимал никакого участия в государственных делах, влияние его было огромным. Все искали его дружбы, уверенные в том, что достаточно Разумовскому замолвить словечко — и дело будет решено в их пользу. Правда, было два вопроса, в которых Алексей Григорьевич решительно и открыто подавал свой голос, не боясь вызвать недовольство своей венценосной супруги — это просьбы за родную Малороссию и за духовенство.

Разумовский принимал живейшее участие в судьбе своей родины: радушно встречал малороссийских депутатов, содействовал удовлетворению многих их ходатайств. Он тосковал по родной Украине и мечтал вновь побывать там. Уважая его желание, Елизавета Петровна по окончании войны со Швецией предприняла поездку в Малороссию. Императрице был оказан чрезвычайно торжественный, сердечный прием. Особенно очаровал ее Киев, и она всенародно произнесла слова, подкупившие всех:

— Возлюби меня, Боже, в царстве небесном Твоем, как я люблю народ сей благонравный и незлобивый!

При дворе Елизаветы в моду вошло все украинское: на обедах давались малороссийские блюда, при дворе состояли бандуристы, а малороссийские певцы пели не только на клиросе, но и на сцене. Благодаря страсти Разумовского к музыке, в России была заведена итальянская опера, посланцы фаворита по всей Европе искали лучших певцов и привозили их в Россию.

Искренняя вера Алексея Григорьевича оказала огромное влияние на набожную императрицу. При его посредстве в Свияжске была учреждена особая Комиссия с целью распространения христианства в Заволжье. Миссионеры посылались даже в Сибирь, на Камчатку и на Кавказ. В Астрахани открыли семинарию для подготовки проповедников между иноверцами, напечатали Евангелие и духовные книги для грузин и т.д.

Разумовский был необыкновенно благодарным человеком и не забывал тех, кому обязан своим возвышением. Полковник Вишневецкий стал своим человеком у фаворита и получил чин генерал-майора, дьячок, учивший Алешку грамоте, был вызван в Петербург и назначен смотрителем в одном из дворцовых садов с приличным содержанием.

Дружбы с Разумовским искал и такой человек, как Алексей Петрович Бестужев. Несомненно, что близость к фавориту и родственная связь их (Бестужев женил своего единственного сына на племяннице Разумовского Анне Даниловне) придали большую силу великому канцлеру. Алексей Григорьевич любил Бестужева, потому что, несмотря на многие его недостатки (в том числе склонность к интригам, чего не выносил Разумовский), природным инстинктом чувствовал в канцлере самого способного и полезного для России человека. Он постоянно передавал императрице бумаги Бестужева, советовал прислушиваться к нему. Дружбы были приверженцами австрийского кабинета, не могли равнодушно думать о Пруссии и Франции. Разумовский ненавидел Лестока, стоявшего за Пруссию, а также Великого князя Петра Федоровича, который открыто выражал свое пренебрежение к России и православной вере. После рождения у наследника престола сына, Разумовский с Бестужевым вынашивали планы лишить Петра Федоровича престола и возвести Павла, сделав Екатерину Алексеевну правительницей до совершеннолетия императора.

В период правления Елизаветы Петровны процветали доносы, наушничество, различные каверзы, и первую роль тут играли М.Е.Шувалова, А.К.Воронцова, Н.М. Измайлова. От женщин не отставали и мужчины. Сразу же после воцарения Елизаветы образовались партии, только и думавшие о том, как бы одна другую низвергнуть.

Политические противники двора стали искать своего человека в окружении Елизаветы Петровны. Выбор их пал на любимицу императрицы Шувалову. Умная, ловкая и дальновидная, Мавра Егоровна пользовалась разными случаями, чтобы обратить внимание государыни на ее пажа Ивана Ивановича Шувалова. Во время пребывания в Новом Иерусалиме императрица пожаловала Шувалова в камер-юнкеры, причем по просьбе своего супруга Алексея Григорьевича Разумовского. Это возвышение молодого красавца стало событием при дворе: многие на ухо поздравляли друг друга с новым фаворитом. "Случай" Шувалова не изменил положения самого Разумовского, но так подействовал на него, что он тяжело заболел. Мало-помалу Алексей Григорьевич оправился, и государыня продолжала осыпать милостями своего "нелицемерного друга".

Тем не менее влияние Разумовского на императрицу уменьшилось, и Бестужев, чтобы поправить пошатнувшееся положение, стал искать кандидатуру для удаления Шувалова. Вскоре Алексей Григорьевич узнал от своего адъютанта Сумарокова, что начальник Кадетского Корпуса князь Борис Григорьевич Юсупов завел в Корпусе театральные представления, причем актеры-кадеты разыгрывали как французские трагедии, так и русские, сочиненные Сумароковым. Разумовский сообщил об этом императрице, которая пожелала видеть представление при дворе. После спектакля Елизавета стала заниматься этим театром более, нежели можно было ожидать, что поразило всех придворных. Причина вскоре стала понятной — императрица обратила внимание на молодого красивого восемнадцатилетнего юношу Бекетова, исполнявшего роли первых любовников. Бестужев тут же попытался использовать Бекетова для отстранения Шувалова и его партии и приставил к нему Елагина. Разумовский взял юношу к себе в адъютанты, что давало тогда чин капитана. Оба соперника — Шувалов и Бекетов — на протяже-

нии года жили при дворце. Последний получил чин полковника и по всем признакам решительно брал верх над Шуваловым, но ... Но его подвела любовь к литературе. Вместе с другом Елагиним Никита Афанасьевич занимался стихотворством и стал перелагать свои стихи на музыку. Его песни исполняли молоденькие придворные певчие. Некоторых из них Бекетов любил за прекрасные голоса и в простоте душевной иногда гулял с ними по Петергофским садам. Шуваловы ухватились за это и поспешили истолковать поведение Бекетова самым отвратительным образом. Но этого оказалось недостаточным, чтобы погубить молодого любимца императрицы. Граф Петр Иванович Шувалов вкрался в сердце неопытного Никиты Бекетова, восхвалял постоянно его красоту, чрезвычайную белизну лица и для "сохранения всегдашней свежести" дал ему притирания. Доверчивый Бекетов поспешил воспользоваться чудодейственным средством, и в результате лицо его покрылось сыпью и угрями. Графиня Мавра Егоровна, не медля, обратила внимание государыни на внешний вид Бекетова и посоветовала удалить его от двора как человека зазорного поведения.

На этот раз удар был верен. Елизавета Петровна переехала в Царское село, запретив молодому полковнику следовать за собой. Несчастный остался с Елагиним и заболел горячкой, от которой чуть не умер. В бреду он беспрестанно повторял имя императрицы, которая занимала все его мысли. Как только Бекетов поправился, его удалили от двора. Шуваловы торжествовали. Беспощадная борьба Шуваловых с Бестужевым продолжалась еще долгих девять лет.

В народе стали распространяться слухи, в которых наследник престола представлялся жертвой колдуна-малороссиянина. Сохранились документы о целом ряде разбирательств тайной канцелярии по поводу вздорных обвинений в адрес добродушного Разумовского. Результатами этих следствий были застенки, пытки, кнут, батоги, поскольку в каждом деле затрагивалась честь не только Алексея Григорьевича, но и императрицы.

Против Разумовского ополчились руководители новой скопческой ереси, которые взирали на молодого Петра Федоровича как на своего ищущего.

Несмотря на дворцовые интриги, императрица продолжала осыпать милостями своего супруга: подарила ему построенный Растрелли Аничков дворец, а в 1756 году пожаловала чин генерал-фельдмаршала.

И все же спустя два года над братьями Разумовскими нависла серьезная опасность: был арестован их друг Апраксин, следствие над которым окончательно низвергло Бестужева. Одновременно с канцлером были арестованы и два других друга Алексея Григорьевича Разумовского: Василий Ададуров и любимый адъютант его Иван Елагин.

Но графу П.И. Шувалову и этого было мало, он стремился уничтожить братьев Разумовских, для чего пытался использовать другого адъютанта Алексея Григорьевича — Сумарокова. Последний был честным человеком и остался верен своему покровителю. Арест друзей потряс Разумовского, и он заболел. Но старания Шуваловых не достигли цели — вместо опалы могущество Разумовских только возросло.

1761 год объединил соперников — скончалась Елизавета Петровна, дочь Великого Петра. Смерть примирила врагов. Горе Разумовских и Шу-

валовых было искренним, все они очень любили императрицу и были признательны ей. Перед кончиной государыня призвала наследника и просила не обижать Разумовских, Шуваловых и других верных ей слуг. Прагматичный Петр Федорович обещал им свое покровительство.

Петр III довольно дружески относился к братьям Разумовским, любил посещать балы, которые давал в своем дворце хлебосольный Алексей Григорьевич. На одном из вечеров бывший фаворит преподнес императору дорогую трость и попросил позволения присоединить к ней миллион рублей. Нуждавшийся в деньгах Петр Федорович обрадовался подарку. Граф просил уволить его со службы, и император 6 марта 1762 года издал указ: "...Генерал-фельдмаршалу быть уволенным и вечно свободным от всякой военной и гражданской службы, с тем, что как у двора, так и где бы он жить ни пожелал, отдается ему по чину должное почтение..."

Именно в имении Разумовского Гостилицы последний раз на вечере виделись Петр и Екатерина. На следующий день совершился переворот. Не найдя супругу в Петергофе и узнав о событиях в Петербурге, низвергнутый император послал за Алексеем Григорьевичем, который незамедлительно прибыл и находился при Петре III вплоть до его кончины. В то же самое время его младший брат Кирилл во главе Измайловского полка принял бежавшую Екатерину Алексеевну и сопровождал ее во дворец.

Алексей Григорьевич Разумовский присягнул новой императрице в Москве. Екатерина II очень его любила и до конца жизни графа оказывала ему знаки особого уважения и обращалась с ним не как с подданным, а как с родственником: выходила к нему навстречу при въезде его во дворец, сама подвигала кресло и провожала до дверей своего кабинета.

Скончался Алексей Григорьевич Разумовский 6 июля 1771 года. Похоронен он был в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Принято считать, что граф Алексей Григорьевич Разумовский умер бездетным. Тем не менее и в Европе, и в России появилось множество статей, исследований, романов и повестей, главными героями которых являлись дети императрицы и Разумовского. Начало этому положили воспоминания историка Шлёцера, который был учителем детей графа К.Г.Разумовского: "Раз у нас обедали 4 сына императрицы Елизаветы (потому двоюродные братья наших графов) под именем Т-ых вместе с наставником немцем под именем Д-ль. Они остались полнейшими невеждами и не по своей вине, а благодаря наставнику". Легенды говорят нам о том, что дети их носили имена князя и княжен Таракановых. Назывались и другие имена. Так, например, старица Досифея в 1785 году была по секретному указанию Екатерины II заточена в московский Ивановский монастырь, там она и умерла в 1808 году. На обратной стороне оставшегося ее портрета сохранилась надпись: "Принцесса Августа Тараканова, в иноцех Досифея, пострижена в московском Ивановском монастыре". Другие дочерью Елизаветы считают таинственную старицу княжну Тараканову, жившую отшельницей в московском Никитском монастыре. Третьи — инокиню Аркадию, жившую под именем Варвары Мироновой-Назаровой в посаде Пучеже Костромской губернии, а также княжну Баратову, жившую в Казани и т.д.

Безусловно, если бы эти дети существовали, их не признали бы официально во избежание интервенции и междоусобицы. Тем не менее, видевшие портрет старицы Досифеи утверждали, что она как две капли воды похожа на императрицу Елизавету Петровну. На ее похоронах присутствовал двор.

Десятки произведений посвящены принцессе Владимирской, княжне Таракановой, объявившейся в Европе в середине 70-х годов. Отличавшаяся красотой, умом и образованием, княжна нашла на Западе поддержку. Екатерина II серьезно отнеслась к “самозванке”, для ее поимки был задействован даже российский флот. Графу Алексею Григорьевичу Орлову императрица приказала обстреливать корабельной артиллерией те приморские города, которые посмеют укрывать принцессу, и, используя все возможные и невозможные средства для ее поимки, доставить самозванку в Петербург.

Любопытно, что не все профессиональные русские историки категорически отрицали существование детей у императрицы и Разумовского. Но эти загадочные личности — отдельный сюжет для повествования.

Кирилл Григорьевич

— Господа, я предлагаю тост за честных людей, — сказала Екатерина II, поднимая свой бокал.

Все присутствовавшие на обеде последовали примеру императрицы. Только граф Кирилл Григорьевич Разумовский не притронулся к своему бокалу.

— Кирилла Григорьевич?! — воскликнула Екатерина. — Мне удивительно, что вы не доброжелательствуете честным людям!

— Боюсь, мор будет, — ответил вельможа.

К.Г.Разумовский был наделен живым оригинальным умом с легким оттенком насмешливости. Слова и поступки графа разносились по столицам. Оригинальный способ выражения и малороссийское произношение придавали особенную рельефность и колоритность его речи, что усиливало популярность Разумовского.

Колкие и меткие выражения графа ходили по городу, но сама колкость дышала добродушием и на него никто не сердился. Как-то один знакомый при встрече спросил Разумовского, который был членом Государственного Совета:

— Что у вас нового в Совете?

— Все по-старому, — ответил граф, — один Панин думает, другой кричит, один Чернышев предлагает, другой трусит, я молчу, а прочие хоть и говорят, да того хуже.

Кирилл Григорьевич Разумовский во многом походил на своего старшего брата. Занимая высшие государственные должности, заслужив расположение пяти российских императоров, он, как и Алексей Григорьевич, никогда не забывал своего низкого происхождения, оставаясь до конца жизни простым русским человеком.

Вместе с графским достоинством Разумовские получили и сочиненную фантастическую генеалогию, в соответствии с которой их род восхо-

дил к древней знатной польской фамилии Рожинских. Став гетманом, Кирилл Григорьевич посетил Киев, где префект Киевской духовной академии, иеромонах Михаил Козачинский вручил ему в великолепном золоченом переплете генеалогию Разумовских.

— Что это такое? — спросил гетман.

— Родословная вашего сиятельства.

— Моя родословная?! Но каким образом она сделалась такой толстой?

— Род вашего сиятельства происходит от знаменитых князей Рожинских.

— Ба! Ба! Почтенный отец, что за сказки вы мне тут рассказываете. Моя родословная совсем не такая длинная. Мой отец, храбрый и честный человек, был простой казак, моя мать — дочь крестьянина, также честного и хорошего человека, а я, по милости и щедротам ее императорского величества, моей государыни и благодетельницы, граф и гетман Малой России, в ранге генерал-фельдмаршала. Вот и вся моя родословная. Она коротка, но я не желаю другой, потому что люблю правду больше всего. Затем, почтенный отец, прощайте, — сказал Разумовский сконфуженному Козачинскому.

Почести и несметные богатства не вскружили ему голову и не испортили его сердце. Он, подобно брату, был добр, великодушен, щедр, без малейшей гордости и спеси, всем доступен, со всеми ласков. В своем богатом кабинете граф Кирилл Григорьевич свято хранил в резном изящном шкафу из розового дерева пастушескую свирель и престолярный кобеняк, который еще юношей носил в Лемешах. Когда в его детях проявлялись аристократическая надменность и спесивость, и они высокомерно относились к слугам или бедным дворянам, Разумовский в их присутствии призывал камердинера отворить шкаф.

— Подай-ка сюда мужицкое платье, которое было на мне в тот день, как меня повезли с хутора в Петербург; я хочу вспомнить то время, когда пас волов и кричал: цоп, цоп!

Жаждавший с детства знаний, но не сумевший получить образование, Алексей Григорьевич все свои надежды в этом плане связывал с младшим братом. Подготовив его достаточно в Петербурге, Разумовский-старший отправляет Кирилла Григорьевича за границу, “дабы учением наградить пренебреженное поныне время, сделать себя способнее к службе ея императорского величества и фамилии своей впредь собою и поступками своими принесть честь и порадование”. Под надзором Г.Н. Теплова в 1743 году Кирилл Григорьевич отправился на два года в Германию и Францию под именем Ивана Ивановича Обидовского.

В Кенигсберге Разумовский-младший приобрел основательные познания в истории, географии, немецком и латинском языках; в Берлине учился у знаменитого профессора математики Леонарда Эйлера; завершил образование во Франции в Страсбургском университете. Эта двухлетняя поездка совершенно преобразила Разумовского, он предстал при пышном дворе Елизаветы Петровны истым вельможей. Императрица Екатерина II писала в своих воспоминаниях, что “он был хорош собою, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего, который тоже был красавец, но был гораздо великодушнее и благоотво-

рительнее его. Все красавицы при дворе были от него без ума. Я не знаю другой семьи, которая, будучи в такой отменной милости при дворе, была бы так всеми любима, как эти два брата”.

Кирилл Григорьевич, окруженный роскошью и вниманием, несмотря на свою молодость, сумел сохранить трезвость мыслей среди водоворота интриг и непрерывных развлечений. Он ежедневно находился в обществе императрицы то при дворе, то у своего брата (Елизавета Петровна большую часть дня проводила в комнатах своего супруга во дворце). Первый год пребывания молодого Разумовского при дворе пролетел в пирах и веселье.

Но уже через год, 21 мая 1746 года, восемнадцатилетний Разумовский был назначен президентом Академии Наук. Этому способствовало не столько исключительное положение его брата при дворе, сколько почти полное отсутствие в государстве образованных и способных людей в начале царствования Елизаветы Петровны. Кроме того, с дочерью Петра к власти пришла русская партия, и во главе Академии общество хотело видеть русского, а не немца (до сих пор президентами были: Блументрост, Кейзерлинг, Корф и Бреверн). Но так как никто из русских не оказался годным к этому делу, то первые пять лет правления Елизаветы Петровны Академия Наук оставалась без президента. Разумовский вернулся из-за границы с большим количеством лестных отзывов европейских профессоров, и при дворе от него были в восторге, кроме того, он страстно любил свое отечество, что отмечали даже учившие его профессора.

Состояние Академии было плачевным, все лучшие профессора после восшествия на престол Елизаветы Петровны бежали из России, между оставшимися же постоянно вспыхивали ссоры, доходившие до драк и неоднократно разбиравшиеся в Сенате. Интригам не было конца, доносы друг на друга сыпались беспрестанно. Университет и гимназия, учрежденные при академии, числились только на бумаге. “Академия без академиков, канцелярия без членов, университет без студентов, правила без авторитета, и вообще беспорядок, которому до сих пор нет средств пособить”, — писал Теплов профессору Штрубу. Разобраться в этом хаосе восемнадцатилетнему юноше, даже и умному, было не под силу, тем более, что подчиненные постоянно противодействовали его распоряжениям. Через несколько лет Разумовский был избран гетманом Малой России и просил императрицу освободить его от должности президента, но получил отказ.

Кирилл Григорьевич немало сделал для Академии Наук. Прежде всего был составлен новый регламент, который в точности определял обязанности каждого члена Академии. Разумовский “пробил” у двора увеличение штатной академической суммы до 53.000 рублей; вытребовал в университет и гимназию лучших воспитанников из Александроневской, Московской и Новгородской семинарий (университет и гимназию он полностью отдал в распоряжение Ломоносова); под его покровительством и личным наблюдением при Академии Наук начал издаваться первый в России журнал под названием “Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие”. При нем впервые стали появляться академики из русских, он дал толчок отечественной литературной деятельности (правда, в основном переводной).

По поручению Разумовского Ломоносов приступил к составлению большого атласа Российской империи. Несмотря на то, что неуживчивый Ломоносов перессорился почти со всеми членами Академии, и довольно часто нападал на самого президента, последний поддерживал ученого во всем, беспрекословно утверждал все, что ни предлагал Михаил Васильевич относительно дел Академии. Только в 1761 году, когда претензии Ломоносова стали чрезмерно неумеренными, Разумовский перестал обращать на них внимание.

Елизавета Петровна женила Кирилла Григорьевича (по словам Екатерины II — против его желания) на своей внучатой сестре Е.И. Нарышкиной. Екатерина Ивановна была внучкой любимого дяди Петра Великого — Льва Кирилловича Нарышкина. В результате этой женитьбы Разумовский стал одним из самых богатых людей в России.

Кирилл Григорьевич жил на широкую ногу, его щедрость и благотворительность доходили до эксцентричности. Дом графа был открыт для каждого. К нему беспрепятственно мог прийти любой человек, и за обеденным столом места всегда хватало всем — и званым, и незваным. Этим пользовались многие, и потому в доме графа частенько случались курьезы.

Как-то у гетмана обедал австрийский посол граф Эстергази, который похвастался за столом богатой табакеркой, подаренной ему Екатериной II. Все любовались ею, и она обошла вокруг всего огромного стола. Под конец обеда посол захотел понюхать табаку, но не нашел табакерку. Посол стал намекать, что она украдена. Все присутствовавшие, из которых многие, как всегда, не были знакомы хозяину, были поставлены в неловкое положение. Тогда Разумовский встал и вывернул свои карманы, сказав:

— Господа, я подал добрый пример. Надеюсь, что все ему последуют и таким образом успокоят господина посла.

Все бросились подражать гетману, один только бедно одетый старичок, сидевший на отдаленном конце стола, отказался от этого и со слезами на глазах объявил, что желает наедине объясниться с хозяином. Разумовский последовал в соседнюю комнату, за ним — гость, на которого со всех сторон устремились косые взгляды. Оставшись наедине, старик сказал:

— Ваше сиятельство, я в крайней бедности и единственно прокармливаю себя и семейство свое вашими обедами. Мне стыдно было в этом признаться пред всеми гостями. Не взъщитте на меня: я честный человек и живу трудами своими.

При этом бедный старик стал вынимать из карманов разную провизию. В эту минуту графу сообщили, что табакерка нашлась у самого посла: она провалилась между кафтаном и подкладкой. Бедному же старичку Кирилл Григорьевич назначил пожизненный пенсион.

Однажды дворецкий доложил Разумовскому, что один из гостей заподозрен в хищении уже шестого серебряного прибора.

— Так узнать, где он живет, и послать ему еще шесть приборов, чтоб у него была ровно дюжина, — решил Разумовский.

В 1750 году Елизавета Петровна подписала указ, подтвердивший избрание Разумовского гетманом. Резиденцией его стал Глухов, в котором

он зажил истым властелином. Двор графа-гетмана был миниатюрой петербургского двора. Во дворце давались банкеты, маскарады, концерты и французские комедии.

Разумовский добился для Малой России немалых льгот. Он избавил украинцев от тягостных крепостных работ, внутренних пошлин и разорительных для народа сборов. Была разрешена свободная торговля между Россией и Украиной, уравнились права русских и украинских чиновников. Разумовский уничтожил таможи, табачные и другие откупы, стеснявшие развитие промышленности; ограничил винокурение, ввел различные меры для уменьшения бродяжничества; восстановил "земские", "городские" и "подкоморские" суды, закрытые еще Хмельницким.

Признательность Разумовскому как гетману Малой России сохранилась в памяти людей надолго. В 1805 году Фон-Гун в "Поверхностных замечаниях по дороге от Москвы в Малую Россию" писал: "Крестьяне благословляют память покойного фельдмаршала Разумовского. Сколько я ни ездил по здешней стороне, везде находил, что и старые, и малые, и дворяне, и простолюдины, без изъятия, все единогласно прославляют память графа Кирилла Григорьевича, быв исполнены искреннейшего к покойному почтения и благодарности. Времена, в кои он жил посреди их, называют златыми".

Память об этих "златых" временах не угасла и позже. В 1861 году, в связи с отменой крепостного права, украинские крестьяне потребовали у потомков гетмана, владевших частицами его некогда громадного состояния, "чтобы опять все было, как при Разумовском!"

После смерти Елизаветы Петровны Кирилл Григорьевич поверг к стопам нового императора все свои знаки отличия и просил из всех несметных богатств оставить ему только Адамовку. Петр III был растроган этим и оставил вельможе все, чем он владел. Император любил общество Разумовского, который один осмеливался в это опасное время говорить государю обо всем прямо и смело.

Петр III находил особое удовольствие в том, чтобы старые изнеженные царедворцы его тетушки ежедневно принимали участие в новом прусском учении. Гетману, никогда не служившему и не имевшему понятия о военном строе, пришлось брать уроки новой прусской "экзерциции" у молодого офицера. Несмотря на старания, граф ежедневно получал выговоры от императора. Петр не понимал всей своей бестактности и, публично насмеявшись над Разумовским, как ни в чем не бывало заходил по вечерам в гости к своему любимому собеседнику. Для человека, привыкшего играть первую скрипку при дворе, подобные насмешки и роль шута были оскорбительными.

Всегда относясь с симпатией к Екатерине Алексеевне, Разумовский стал на сторону заговорщиков. Он постепенно удалил из подчиненного ему Измайловского полка всех немцев. Придя к власти, Екатерина II щедро наградила графа, но после коронации он попал в немилость из-за того, что выступил против брака императрицы с Орловым.

Еще больший гнев государыни вызвал Разумовский в связи с желанием казаков и самого графа сделать гетманство наследным. Теплов, который стал секретарем Екатерины II, забыл о всех благодеяниях Кирилла

Григорьевича и восстанавливал императрицу против Разумовского, убедив ее, что тот желает отделить Малороссию от империи. Как-то он встретил вызванного в Петербург гетмана с распростертыми объятиями. Присутствовавший при этом Григорий Орлов, который был так же честен и прямолинеен, как и Разумовский, воскликнул:

— Лобза, его же предаде.

Прием императрицы был очень холоден, что оскорбило графа. Крайне ревнивая ко всему, что касалось верховной власти, она запретила Кириллу Григорьевичу являться ко двору и потребовала от него прощения из-за увольнения от звания гетмана. Разумовского все любили, и при дворе образовалась большая партия, осуждавшая во всеуслышание Екатерину II за неблагодарность и несправедливость. Гетман долго не соглашался, но убедившись, что делать нечего, подал требуемое прошение. 10 ноября 1764 года вышел указ об уничтожении гетманства в Малой России.

Кириллу Григорьевичу пришлось временно удалиться за границу. Находясь проездом в Берлине, Разумовский представился Фридриху Великому, который пригласил его на большие маневры.

— Какого вы мнения о движениях войска? — хвастливо спросил Фридрих.

— Государь, — ответил русский вельможа, — я фельдмаршал не военный, а гражданский.

— Таких чинов мы здесь не знаем, — сухо ответил прусский король.

После возвращения в Петербург Разумовский вновь был принят при дворе и стал ежедневным собеседником императрицы. Благодаря своей честности и прямолинейности он назначается членом Совета, учрежденного для рассмотрения важнейших государственных дел. Совет состоял из семи человек. И в Совете, и в Сенате Кирилл Григорьевич отличался необыкновенной правдивостью и независимостью.

9 января 1803 года первый русский президент Академии Наук, последний гетман Малой России, генерал-фельдмаршал граф Кирилл Григорьевич Разумовский скончался в Батурина, где и похоронен.

У графа было четыре дочери (Наталья, Елизавета, Анна и Аполлинария) и шесть сыновей (Алексей, Петр, Андрей, Лев, Иван и Григорий). Отец дал сыновьям блестящее образование. Некоторые из них прославили Россию.

Алексей Кириллович был министром народного просвещения при Александре I. Он страстно любил естественные науки, особенно ботанику, и собрал самую богатую библиотеку в России по естественным наукам. Разбитый им в подмосковном селе Горенки ботанический сад считался одним из чудес Москвы. Его оранжерея и редкая коллекция растений пользовались европейской известностью.

Дипломат Андрей Кириллович был любимым сыном гетмана. Благодаря А.К. Разумовскому был возобновлен договор между Австрией и Россией. За участие в Венском конгрессе, когда он оказал большие услуги своему отечеству, Андрей Кириллович был возведен в княжеское достоинство Российской империи с титулом "светлости". Удалившись от дел, он жил в Вене частным лицом, где построил каменный мост, названный его именем. Европейской славой пользовались его картинная галерея и

концерты, на которых он играл вторую скрипку. Жившие в Вене знаменитые композиторы Гайдн, Моцарт и Бетховен часто бывали у него в гостях. Князь оказал немалое влияние на музыкальное развитие Бетховена, который посвятил Разумовскому три своих квартета.

Всемирно известным ученым стал Григорий Кириллович. Благодаря своим многочисленным трудам по минералогии и геологии он был принят в члены Стокгольмской, Туринской и Мюнхенской Королевских Академий Наук. Открытый Г.К. Разумовским в Силезии минерал носит его имя "Razoumowski".

Лев Кириллович Разумовский вышел в отставку генерал-майором и поселился в Москве, где стал душой общества. Много шума наделал его романтический брак с княгиней Марией Григорьевной Голицыной (урожденной Вяземской). Влюбившись в княгиню, он увез ее от мужа и женился на ней. Брак этот был очень счастливым, но признан действительным только императором Николаем I уже после смерти графа. ■

БОТТИЧЕЛЛИ

Лилия Байрамова

...Лицо у Боттичелли — неожиданное! Некрасивое, надменное, дерзкое. Вовсе не то, которое ждешь от этого тонкого певца красоты — оно без всякого сиропа и сладости. Лицо не поэта, но деятеля: волевое, сильное, самоуверенное и точно такое, какое и могло быть у людей Возрождения — лицо завоевателя жизни. Сохранились два его автопортрета, написанные в разные годы, по которым можно прочесть всю его тайную, невыдуманную жизнь, в противном бы случае поверхностные и невнимательные биографы увели бы нас слишком далеко от понимания его подлинной сути. Первый автопортрет его мы находим в большой и известной картине “Поклонение волхвов” из галереи Уффици. Здесь Боттичелли молод, горяч и откровенно честолюбив. Его молодая сильная фигура укутана в золотистый плащ, а взгляд снисходителен, как у маркиза. И сколько же в этом взгляде победительной силы, сколько крепости, мощи и молодого апломба! Такого попробуй только задень — не поздоровится. Второй автопортрет напи-

Мадонна дель'Ингиминат (Мадонна Всплывание), фрагмент. Около 1482 г.

сан несколько позже — для фрески Сикстинской капеллы в Риме. Здесь Боттичелли уже лет 37. Он повзрослел, лицо стало еще острее, еще пронзительнее: угловатые, острые скулы, тонкие упрямые губы и взгляд человека, не привыкшего церемониться. Странная, однако, вещь: это умное, задиристое и полное жизни лицо трудно связать с тем тонким и изысканно-хрупким, что соединяется в нашем понятии с именем Боттичелли. Кажется, перед нами два разных человека. Один — с характером бойца, второй — мечтатель и поэт. И если от первого веет энергией и жадной поступкой, то от второго — вечерней прохладой цветущих монастырских садов. Но в этом удивительном парадоксе, в этом раздражающем несоответствии лица художника его сложившемуся образу есть и своеобразная прелесть, очарование и загадка живой и непричесанной жизни, которая словно ребенок разбивает все наши банальные конструкции и творит по-своему: непредсказуемо и дерзко.

Взять хотя бы и фамилию — Боттичелли. Такая хрустальная, прозрачная и музыкальная для русского уха — вовсе не настоящая, а грубое и смешное прозвище, данное старшему брату и навсегда прилипшее и к нему самому. Боттичелло — “бочоночек”, словно возвращает нас с небес на землю, к простоватому и беспредемонному юмору итальянской улицы.

Алессандро Филиппи — вот подлинное имя Боттичелли. Родился он в 1445 году во Флоренции в семье кожевника. И, как большинство художников Воз-

Поклонение волхвов. Ок. 1482 г.

Мадонна дель Мадригале, фрагмент. Сиоло 1482 г.

рождения, проделал обычный путь живописца тех времен: от мальчишки на побегушках до большого мастера. В тринадцать лет он только учится читать и, по свидетельству отца, отличается некоторой безлениностью. Впрочем, это не мешает Вазари назвать юного Боттичелли “взбалмошной головой” и рассказать, как отец его, немало намаявшись с непокорным сыном, отводит того сначала к ювелиру, потом, узнав, “куда у него повернуты мозги”, “к фра Филиппо из обители Кармине, превосходнейшему тогдашнему живописцу”. Вероятно, смысленный и талантливый мальчишка пришелся Филиппо по душе, потому что, по свидетельству того же Вазари, он “своим обучением поднял его до такой степени, о которой никто не мог бы и подумать”. Во всяком случае, между учителем и учеником существовала духовная связь: достаточно взглянуть на чудесных мадонн Филиппо Линпи, чтобы убедиться, как близки их мягкая женственность и прозрачный, легкий рисунок просветленным женским образам Боттичелли.

В 1470 году Боттичелли уже вполне сложившийся мастер. Он открывает собственную мастерскую, а его имя становится настолько известным, что в том же году ему заказывают картину для зала трибунала Торгового суда. Он пробует свои силы и в мадоннах — традиционном жанре италянцев, хотя первые его мадонны еще несколько робки и несамостоятельны, еще несут на себе следы посторонних влияний, что вполне естественно для художника, делающего только первые шаги в искусстве и не нашедшего свой собственный стиль. Впрочем, в некоторых из них пробивается то, что уже можно назвать боттичеллиевским. Как задумчиво и прекрасно лицо его Мадонны в “Мадонне Евхаристии” — Боттичелли как будто ласкает его, нежит в своих руках, и оттого оно так трепетно и мягко излучает тихий ласковый свет.

В 1473 году Боттичелли исполняет для церкви Санта-Мария Маджоре “Святого Себастьяна” — картину, имевшую во Флоренции заслуженный успех, и в которой уже с очевидной силой обнаружилось то новое, что несло с собой его искусство. Правда, сама фигура Себастьяна пока еще далека от совершенства и больше похожа на металлическое изваяние, чем на живое человеческое тело. В этом смысле Боттичелли, пожалуй, ближе средневековью, чем художникам Высокого Возрождения с их великолепным умением живописать человеческую плоть и любоваться ею. И все-таки даже очевидная неумелость и незрелость художника окупаются с лихвой его проникновеннейшим лиризмом, искренним и светлым чувством, которое, кажется, он уже не в силах больше сдерживать... Что-то безнадежно грустное и трогательное есть в печальных карих глазах его Себастьяна и в горькой складке у рта. Одиночеством и неприкаянностью веет от всей его унылой фигуры, как будто юная и прекрасная жизнь безнадежно отравлена горечью непонимания и отверженности. Нет здесь ни микеланджеловского пафоса, ни героизма, ни бесстрастности Леонардо, но зато есть грустная нота, которая собственно и делает фигуру страдающего Себастьяна такой понятной и близкой.

Приблизительно в те же годы Боттичелли последовательно работает над несколькими картинами на одну и ту же тему: “Поклонение

Рождение Венеры. Около 1484—86 гг.

Боговещание. 1484–90 гг.

волхвов". Тема традиционная, даже банальная для художника Возрождения, но то упорство, с которым Боттичелли на протяжении ряда лет возвращается к ней вновь и вновь, доказывает наличие у него некоего скрытого замысла, сокровенной идеи, которую художнику нужно непременно высказать. И действительно, и первое, и второе "Поклонение" оставляют впечатление недоговоренности, незавершенности и неполноты. И в том, и в другом случае не найдено верное соотношение масштабов толпы, руин и самой Богоматери. В первом "Поклонении" длинная, пестрая и яркая вереница людей как бы затирает Мадонну, растворяя ее в толпе; во втором — величественные и холодные руины подчиняют себе все окружающее, мельча и разрушая тему. И только в третьем, самом лучшем "Поклонении" из галереи Уффици, это соотношение настолько гармонично и идеально, что кажется строго и математически выверенным. Вообще, эта картина одна из лучших и самых жизнеутверждающих в наследии Боттичелли. В ней есть стройность и ясность, абсолютная выверенность каждой детали и подчинение ее общему целому, изысканное и гармоничное созвучие красок. Кроме того, она может интересовать нас еще по двум причинам. Первая: в каком-то смысле "Поклонение" из Уффици можно считать программной вещью Боттичелли. Ибо, если определять Боттичелли как художника, главным образом, молодого цветения и пробуждения, как художника обновления и начала, то, пожалуй,

впервые эта тема прозвучала именно в третьем варианте "Поклонения". Пробуждение общества от долгой спячки, его огромная духовная потенция, воля и желание идти дальше, вперед — таков лейтмотив этой работы. И потому здесь так явно смещены все акценты. Не тихая Богоматерь с Младенцем на руках является узлом и центром картины, а флорентийское общество и его интеллектуальный цвет — вот что действительно и по-настоящему интересует Боттичелли.

И второе. За недостатком сведений о жизни Боттичелли эта картина предоставляет нам возможность взглянуть на мир, современный художнику, его глазами, увидеть людей, среди которых не только прошла вся его жизнь, но и которые во многом определяли характер и направление эпохи.

В центре картины, на самом почетном месте, у ног божественного Младенца мы видим худого старика с коротко стриженной головой и с выразительным умным лицом. Это — Козимо Медичи, основатель легендарной фамилии Медичи, хозяев Флоренции. В свое время самый богатый человек в Европе, банкир и делец, сумевший незаметно для флорентийцев прибрать город к своим рукам и заслуживший от сограждан почетное звание "Отца отечества". Это в его "правление" была основана легендарная Платоновская академия и начато строительство знаменитого дворца Медичи на виа Ларга, в котором пышно и с блеском прошло "царствование" его внука — Лоренцо Великолепного. Пожалуй, главный интерес для нас в этой картине сосредоточен на двух фигурах, сыновьях Пьеро — Лоренцо и Джулиано, современниках Боттичелли. Джулиано стоит напротив отца в чем-то черном, лицо его задумчиво и печально. Это лицо романтика и сердцееда. Во Флоренции Джулиано называли "Принцем Юности" и слагали стихи в честь его любви к Симонетте, жене Марко Веспуччи. Боттичелли в свое время успел написать портреты обоих: Джулиано с черной как уголь шапкой курчавых волос и с томно прикрытыми веками, Симонетту — с рассыпанными по плечам и извивающимися тонкими змейками белокурыми кудрями.

В самом крайнем левом углу стоит тот, с чьим именем связана целая эпоха в истории Флоренции и итальянского Возрождения — Лоренцо Великолепный. Боттичелли явно польстил ему, выпрямив и убрав знаменитый приплюснутый нос и расправив все некрасивые черты, сделав их почти приятными и привлекательными, хотя, с другой стороны, он и ничем не выделил своего главного героя, а, напротив, как будто намеренно стер все отличительные признаки, могущие указывать на его особое, привилегированное положение. Лоренцо здесь — никто, один среди многих, и в этом видится, хотел этого Боттичелли или нет, подлинный характер Лоренцо, который, будучи первым лицом в государстве, всегда подписывался просто и элегантно: "гражданин Флоренции" и главным дарованием которого было умение "быть, не показываясь".

Джулиано и Лоренцо окружены толпой блестящих приспешников, и каждый из них — тоже своего рода явление и эпоха. По левую руку от Лоренцо изображен граф Пико делла Мирандола, которого

сам Макиавелли называл "божественным". Человек исключительно богатый и красивый, из старинного княжеского рода, он еще в раннем детстве проявил необычайную склонность к наукам. О нем рассказывали, будто он знает двадцать три языка, и действительно: он читал диалоги Платона по-гречески, Ветхий завет по-древнееврейски, знал арабский, латынь, арамейский и почти все европейские языки. В 23 года он совершил неслыханную дерзость: вызвал на диспут философов всей Европы, предложив им для обсуждения 900 тезисов "обо всем, что познаваемо".

Таковы люди, окружавшие Медичи. Все они молоды, умны, образованны и верят в лучшее будущее. Недаром же и на лице Боттичелли столько гордого довольства: он счастлив своею приближенностью к миру счастливых людей. И действительно, казалось, все, что только может пленять человеческие сердца: обаяние молодости и красоты, неунывающее веселье и любовь к культуре — соединено в правлении Лоренцо. Даже строгие науки и те несли на себе печать всеобщего веселья и легкомыслия. Знаменитая Платоновская академия, основанная еще Козимо, меньше всего напоминала строгие академические заведения. "Академики", и среди них Лоренцо и Джулиано, встречались отнюдь не в пыльных аудиториях, а где-нибудь на свежем воздухе, возле прохладного фонтана.

...Кстати, Сандро Боттичелли слыл человеком весьма приятным и нередко любил пошутить над своими учениками и друзьями. Вазари рассказывал, что "как-то поселился возле Сандро некий ткач и поставил без малого восемь станков, которые не только бедного Сандро оглушали стуком стремян, грохотом ящиков, но и сотрясали весь дом. И потому Сандро не мог ни работать, ни сидеть дома. Он не раз просил соседа избавить его от этой муки, а тот отвечал, что у себя дома он вправе делать все, что ему нравится. Сандро рассердился и на свою стену, которая была выше соседской стены и не очень устойчивой, взгромоздил огромнейший камень, так что, казалось, при малейшем сотрясении стены тот должен упасть и проломить крышу соседа. Когда же испуганный ткач прибежал к Сандро, художник невозмутимо ответил, что он-де у себя дома, стало быть, что хочет, то и делает. После чего у них наладились добрососедские отношения".

В 1478 году произошло событие, потрясшее всю Флоренцию. Завистливые и сильные Пацци, давние соперники Медичи, организовали заговор против братьев. Убийство должно было состояться в воскресенье, во время богослужения в церкви Санта Репарата. Бедный Джулиано, заколотый кинжалами, пал первый — и началась кровавая бойня. Лоренцо с приятелями удалось чудом скрыться в сакристии, а затем, выпрыгнув из окна, бежать к себе домой на виа Ларга... Лоренцо подавил заговор с жестокостью, неожиданной для философа и поэта: сотни людей казнили, так что в несколько дней улицы Флоренции покрылись растерзанными человеческими телами. В честь победы над заговорщиками Синьория поручила Боттичелли изобразить на стене Барджелло "восемь Пацци, повешенных за шею и за ноги под дверью таможни сбоку от Палаццо Синьории"...

Весна. Около 1480 г.

Портрет молодой женщины. 1485 г.

PARTEMENTE

NONOVENTATRENTI

Рождество. Около 1501 г.

Венера и Марс. Джотто 1485—86 гг.

Портрет юноши. 1482 г.

Портрет Данте. Около 1480—85 гг.

Современному человеку трудно представить и понять, как могла та самая рука, бесстрастно выводящая на стене Барджелло фигуры несчастных повешенных, в том же году писать одну из самых нежных и целомудренных работ — “Весну”. Впрочем, внимательнее вглядываясь в картину, замечаешь, что, несмотря на ее изысканную и какую-то аристократично-утонченную красоту, несмотря на тему радости, заявленную в названии и сюжете, в ней почти отсутствует веселье и открытость жизни. Это скорее элегия, чем гимн или панегирик. Радость, смешанная с печалью пополам, счастье, сознающее свою непрочность и недолговечность. Самое неожиданное в картине — почти черный фон, придающий весеннему празднику несколько траурный оттенок. Единственное лицо в картине разрушает царство меланхолии и угасания и вносит в него резкую, свежую и живительную струю — богиня Флора. Ее решительная, задорная походка — сама стремительность и воля к жизни. Особенно замечательно подвижное худенькое лицо, в нем ничего нет ни от богини, ни от мадонны: ни умильной застылости, ни красоты, но зато есть смысленность, энергия и смелость современной девушки.

Через шесть лет Боттичелли как бы продолжит тему, уже прозвучавшую в “Весне” — тему начала и возрождения, в картине, ставшей не только вершиной его творчества, но и одной из самых популярных за всю историю всемирной живописи. Это “Рождение Венеры”. Если б кому-нибудь пришла однажды в голову идея выразить в одной единственной картине все то сложное и противоречивое, что переживало человечество в эпоху своего Возрождения, — пробуждение от душевной и долгой ночи средневековья к свету и радости — он не сумел сделать это лучше, чем сделал когда-то Боттичелли в этой картине.

И “Весна”, и “Рождение Венеры” высятся такими одинокими могучими колоссами в творчестве Боттичелли, что как-то невольно оттесняют, затирают на задний план все остальные работы художника, несколько умаляя их значение. Между тем, именно в эти годы своего наивысшего расцвета, художник очень плодотворно работает и пишет вещи, которые, быть может, и не дотягивают до абсолютного уровня “рождения”, все же по-своему замечательны и достойны кисти выдающегося мастера. Интересно, например, серия его мужских портретов и образов, начиная со “Святого Августина”, фрески, написанной для церкви Оньисанти, и кончая известным лондонским “Портретом мальчика”. В них раскрылась несколько иная, мужественная сторона его дарования, и утверждается новый идеал и тип человека — человека смелого, энергичного, деятельного и в то же время гуманного и одухотворенного. Все эти работы серьезные и выдающиеся, хотя сам художник считал своим наивысшим достижением приглашение его папой Сикстом IV в качестве лучшего флорентийского художника в Рим, — расписывать вместе с Гирландайо, Филиппино Липпи, Росселли и Перуджино Сикстинскую капеллу. С поездкой в Рим связан и любопытный эпизод, который приоткрывает некоторые живые черточки подлинного характера художника. Вазари в своих жизнеописаниях отмечает, что “среди многих соревнующихся, которые работа-

ли вместе с ним и которые были и флорентийцы и из других городов, он приобрел известность и славу величайшую, а от папы получил порядочную сумму денег, которую сразу же, пока был в Риме, промотал и растратил, ибо по своему обыкновению вел жизнь беспечную”.

В 80-е годы Боттичелли — известнейший флорентийский художник. У него есть собственная мастерская и ученики, которые выполняют многочисленные реплики с его работ, используя, как это и было принято в те времена, рисунки и картины мастера. Помимо картин на мифологические сюжеты, он пишет много мадонн. Среди самых известных — “Мадонна с гранатом”, “Мадонна Магнификат” и “Алтарь св. Варнавы. Мадонна на троне” — работы очень красивые, особенно последняя, но, кажется, в них человек и христианин уступает место художнику и эстету. Как истинному итальянцу ему больше хочется поразить, восхитить, заставить любоваться необычайной красотой цветовых созвучий, чем тронуть душу и сердце. И как ни странно, его языческие Венеры кажутся более человечными и одухотворенными, более мадоннами в традиционном понимании этого слова, чем собственно сами мадонны, которые совершенно тонут в окружающей их роскоши красок и великолепии.

Последние годы жизни Боттичелли совпадают с трагическими событиями во Флоренции. Рушится светлый, беспечальный мир его молодости, мир, где царствовали беспечность, юность, веселье и красота. Наступали иные, суровые времена. В 1492 году умирает главный архитектор и строитель этого нескончаемого флорентийского праздника — Лоренцо Великолепный. Умирает всего сорока трех лет от роду, умирает в страшных физических страданиях и муках нечистой совести. После смерти Лоренцо Флоренция ввергается в пучину несчастий. Хозяином города становится старший сын Лоренцо — Пьеро, прозванный народом Инfortunато (Несчастливый). И действительно, неловкая и неумелая политика, его оскорбительное для флорентийцев заигрывание с французским королем Карлом VIII привели в конце концов к народному восстанию, восстановлению республики и изгнанию Медичи из города. Знаменитый медичийский дворец разграбили, а великолепную художественную коллекцию Медичи частью распродали, частью перенесли в Палаццо Веккьо.

Редели ряды восторженных поклонников Платона, зато с ужасающей быстротой множилась армия так называемых “пьяньони” (плакс) — фанатичных приверженцев Савонаролы. Казалось, время повернуло вспять, наступило новое средневековье. Куда девалась былая беспечность и веселость Флоренции, ее карнавалы, на которых когда-то распевались жизнерадостные песенки Лоренцо? Все растаяло как дым. Флорентийские женщины теперь стеснялись быть красивыми и нарядными и в своей скромности подражали монахиням, богатеи жертвовали неслыханные суммы на благотворительность, а молодежь и маленьких детей превратили в особую “полицию нравов”, в “ангельскую армию”, которая ходила по домам и требовала от флорентийцев выдачи так называемой “Суеты” — предметов роскоши, осужденных церковью, в число которых входило все, что мало-маль-

ски украшает жизнь: от женских духов и до произведений высокого искусства.

В феврале 1497 года состоялось всенародное и чудовищное по своему варварству сожжение Суеты. В огромном костре, разложенном на площади Синьории, на глазах у всего города сжигались невинные женские украшения, скульптуры и картины с непозволительным изображением обнаженных тел. Были примеры, когда и художники, опьяненные могучей проповедью всесильного монаха, добровольно несли свои создания на костер. Что испытывал в те минуты Боттичелли, глядя как безжалостное и равнодушное пламя пожирает то, чему еще так недавно поклонялась вся Флоренция: бесценные древние кодексы и великолепные картины с прелестными Амурами и Венерами? Или что мог чувствовать он, когда с согласия Савонаролы казнили пятерых изменников — сторонников Медичи, и среди них его бывшего заказчика, изящного аристократа Лоренцо Торнабуони, для которого он расписывал виллу Лемми? Никто не в состоянии нам сказать об этом, но, кажется, три картины Боттичелли, написанные им приблизительно в это время: два «Оплакивания» и знаменитая маленькая «Дереллита» («Покинутая»), иначе говоря, три несравненных боттичеллиевских «плача», — и есть его ответ на заданные вопросы.

Через год, в мае 1498-го, на той же самой площади Синьории, где еще так недавно и с таким неподдельным рвением сжигали богомерзкую Суету, народ сжигал своего недавнего кумира и вождя — Савонаролу. Так же равнодушно трещали в огне поленья, так же безучастно, как когда-то книги Боккаччо и нежные изображения Венер, языки пламени лизали теперь ноги мертвого феррарского льва, тревожившего Флоренцию своими мрачными, пророческими видениями.

Все возвращалось на круги своя, народ стряхивал с себя недавнее наваждение, и только в картинах Боттичелли это безумие последних лет продолжало жить полубредовыми сумасшедшими сновидениями. Лучшие его рисунки этого времени — Триумф веры Савонаролы, отверженцем секты которого он «стал в такой степени, что бросил живопись и, не имея средств к существованию, впал в величайшее разорение. Тем не менее Сандро упорствовал в своих убеждениях и сделался «плаксой». Отошел от работы и в конце концов обеднел настолько, что если бы о нем не вспомнил Лоренцо Медичи, мог бы умереть с голоду». Но уже в 1500-м он пишет, по-видимому, для больших церковных ларей «Сцены из жизни св. Зиновия». Пишет с невероятным духовным напряжением и силой. Кажется, что все его смятение, весь ужас и кошмар пережитого, вся абсурдность обезумевшего и свихнувшегося мира есть в этих маленьких и ярких как детские рисуночки картинах. Это напоминает какие-то большие сюрреалистические фантазии: воздуха нет, он словно весь выкачан из города, и действие происходит в каком-то фантастическом, быть может, лунном или марсианском пространстве, где нет следов ни одного живого растения или былинки, и только мертвая, чудовищно правильная, словно вычерченная по линейке сумасшедшим маньяком — голая ар-

хитектура. И обезумевшие, крошечные, муравьиные фигурки людей, лихорадочно мечущиеся среди лунных декораций мертвого города...

Слава Богу, душа художника, изнемогшая и уставшая от перенесенных страданий, не могла слишком долго предаваться мрачным видениям и в скором времени начала успокаиваться и оживать. В том же, 1500 году, Боттичелли создает одну из своих самых последних и самых нежных и просветленных картин — "Рождество", где он опять улыбается. Но это улыбка уже совсем иного рода, чем в его далеких "Весне" или "Рождении Венеры". Ибо если там — улыбка молодости, улыбка надежды и радости, то здесь улыбался безнадежно усталый старик, человек, переживший и тяжкие страдания, и разочарования — жизнь потрещала и едва не убила его, но он выжил, выстоял и нашел в себе силы снова улыбнуться миру. И воскрешение из мертвых, восстание из пропасти отчаяния и зла рождает потрясающее по своей экспрессии и пронзительности "Рождество". Христос умер, и вот Он снова родился, и значит снова родилась надежда, снова возвращается в мир поруганная человечность — и молится потрясенная Мадонна, и падают на колени благодарные пастухи, и танцуют в просветленном радостном небе чистые ангелы, а на земле усталые, замученные люди обнимают своих крылатых, небесных братьев. Все кончилось, ночь миновала, зло побеждено, и снова — возрождение, снова — радость, снова — новое "Рождение Венеры"...

...Сам же мастер, создавший такие прекрасные, жизнеутверждающие полотна, как рассказывает Вазари, конец своей жизни прожил в бедности и забвении, "так как хотя и много зарабатывал, но хозяйничал плохо и был беспечным. В конце концов он стал дряхлым и неработоспособным. Ходил, опираясь на две палки, ибо выпрямиться уже не мог и умер немощным калекой в 1515 году. Похоронен же был в церкви Оньисанти во Флоренции". ■

История огня

Галина Брынцева

Чего хочет женщина, того хочет Бог?

Помните, у Окундавы: "...дай рвущемуся к власти навластоватья власть..."? У Ларисы Ивановны Гоголь все всегда выходило с точностью до наоборот. Ни к должностям, ни к власти никогда не рвалась. Более того, всегда боялась любых служебных продвижений — до дрожи душевной. Однако ее карьера, — начавшись, как и у миллионов других молодых специалистов, после окончания вуза, — довольно скоро, что называется, "отбилась от рук": повела свою линию роста вне зависимости от особенностей нечестливого характера и жизненных устремлений Ларисы Ивановны, подчиняясь исключительно сиюминутным обстоятельствам и пожеланиям посторонних людей. И сделала ее в конце концов главным врачом большой многопрофильной больницы №2, входящей в Краснодар-

ское муниципальное лечебно-диагностическое объединение — ведущее в крае медицинское учреждение, где работают великодушные профессионалы и куда стремятся попасть не только заболевшие краснодарцы, но и пациенты со всей России, прослышавшие о том, что лечение здесь — даже в самых сложных клинических случаях, даже самые дорогостоящие операции — бесплатно. У Гоголь сегодня в подчинении около тысячи сотрудников. Младший и средний медперсонал, врачи — терапевты, анестезиологи, реаниматологи, хирурги... В клинике, рассчитанной на 600 коек, постоянно находятся 850 больных. Весьма крупный "масштаб власти" для не слишком большого Краснодара.

"Чего хочет женщина — того хочет Бог", — говорят французы. Но Лариса Ивановна всегда искренне полагала, что командовать другими, руководить

Человек
делает карьеру.
И это нормально.
Но случается и так:
карьера делает человека —
диктует ему правила поведения,
заставляет изменить жизненные установки,
принимать решения, которые принимать не хочется.

КАРЬЕРЫ

людьми — не по ее характеру, против самой ее природы: ни жесткости в ней нет, ни категоричности в высказываниях, ни здоровых амбиций лидера, ведущего. Какой из нее начальник?..

Но, как говорят в России, "человек предполагает, а Бог — располагает".

Среда. 10.00. Утренний медицинский обход в реанимационном отделении.

Женщина, прооперированная накануне, все еще отходила после наркоза и была в полудреме. Операция прошла нормально, и состояние больной особых опасений не вызывало: сутки-двое — и можно переводить в обычную палату. Но Лариса Ивановна, приподняв простыню, чтобы взглянуть на работу хирурга, задержалась:

— Ну, не знаю, — протянула задумчиво, не переменяв своей обычной ровной интонации, — что ж это у них за мода такая новая появилась — так высоко дре-

наж ставить? Надо сегодня на хирургическом совете поговорить... — Назалось, это она скорее себе, а не стоявшим рядом врачам-реаниматологам говорила. Только потом, уже подойдя к кровати другого больного, между прочим спросила: "Кто женщину-то оперировал?.." И сразу — непонятно даже было, расслышала она фамилию хирурга, что назвал ей заведующий реанимацией Сергей Александрович Залесный, или нет, — обратилась к подростку лет двенадцати, бледному, с настрадавшимися глазами:

— Ну что, солнышко, как ты сегодня?..

Сам обход продолжался недолго: главврачу не было нужды задавать вопросы ни по историям, ни по течению болезней — все это было у Ларисы Ивановны в голове. А вот обсуждение в ординаторской, как обычно, затянулось.

— Лариса Ивановна, надо решение принимать, — это доктор Залесный. — Н-ова, что этой ночью отлучил-

ся, мы, видимо, на вскрытие к судебным медикам отправить должны: уж больно анамнез заболевания у него не проясненный. Помните?.. Врач "скорой", что его из дома забирал, со слов больного в истории записал, что накануне Н-ов с товарищами по работе выпил, чего-то там отмечая, а наутро приступ получился. Жена же его теперь настаивает, что на "скорой" неправду написали: мун со службы абсолютно трезвый пришел, и ни о какой выпивке и речи быть не могло... О вскрытии и слышать не желает. Вообще, она в последние дни как-то странно, агрессивно себя ведет.

— Что уж тут странного — мун, который до того ничем серьезным не болел и которому всего-то сорок с небольшим, у женщины умер... Но надо, конечно, на экспертизу отправлять, тут ты прав совершенно. Направление судебникам подготовил? Давай подпиши... А Н-ову ты попроси, пожалуйста, но мне прийти, я поговорю с ней, объясню все, успокою.

Уже на выходе из реанимационного отделения Лариса Ивановна ухватила за полу халата пробежавшего по коридору молодого доктора:

— О, ты-то мне и нужен был, хороший мой!.. Это ведь твоя оперированная здесь лежит? Климущна, золотце, ну, тебе бы — сохрани тебя Бог! — так дренаж поставить...

Значит, все-таки прекрасно расслышала тогда главврач фамилию, что назвал ей заведующий реанимацией. Хотя и виду не подала: зачем лишние, провоцирующие людей эмоции типа "Что же это за безобразие хирурги себе позволяют?!" или "И часто к вам в реанимацию послеоперационные больные с таким вот дренажем попадают?"

Теперь я, ходившая в тот день тенью за Ларисой Ивановной, стала невольной свидетельницей ее выговора проштрафившемуся подчиненному:

— ... Я понимаю, — продолжала она все так же легко и почти сочувственно, — вам, хирургам, именно в этом месте вшить человеку трубку все-го удобнее. Но, знаешь, как это больно? Знаешь, как больные потом мучаются: ни вздохнуть, ни повернуться без слез не могут?.. И что самое несправедливое: они, представь, даже не жалуются — думают, что так все и должно быть. Им и в голову не приходит, что хирург просто поленился их... пожалеть.

Не знаю, может, жесткий разнос, на повышенных тонах и с обещаниями кар на будущее, устроенный другим, "классическим" начальником, тоже имел бы свой результат: "Климущна" потом остерегся бы халтурить с дренажными трубками. По крайней мере, пока работал бы под началом этого руководителя. Но то, что стоящий сейчас молча перед главврачом молодой хирург отныне уже не позволит себе полениться пожалеть больного, — мне было совершенно ясно. Хотя ни клятв, ни обещаний ведь не звучало, да они и не ожидались.

Алгоритм судьбы

Если бы после нескольких дней знакомства с Ларисой Ивановной мне предложили быстро и не раздумывая назвать главную ее черту, сразу бы ответила: "Женственность!" Она в самом деле на редкость женственна и абсолютно, стопроцентно естественна в этом своем определяющем качестве. Однако это ее замечательное природное свойство еще не объясняло такого завидного, для постороннего взгляда, поступательного служебного роста Ларисы Ивановны Гоголь. Закончив в 73-м году Краснодарский медицинститут по специальности акушерство, она уже через пять лет стала заведующей отделением большого родильного дома. (Да какого отделения — патоло-

гии! — где все самые тяжелые, с осложнениями случаи.) Еще через пять лет ее назначают главврачом 1-го роддома. А уже полтора года спустя, успев несколько месяцев проработать главным городским акушером, Лариса Ивановна вместе с коллегой — главврачом 5-го роддома Григорием Пенжояном и с нынешним генеральным директором Краснодарского лечебно-диагностического объединения Игорем Матвеевичем Ханновым подбирала кадры для тогда еще только строящегося медицинского центра, как сначала называлось их объединение.

Действительно ведь, завидная карьера? Тем более, для тех планово-стабильных лет, когда при перепроизводстве в стране молодых специалистов вакансии (к примеру, врачей-акушеров) в отнюдь не миллионном Краснодаре были на вес золота. Золото же доставалось в первую очередь тем, у кого была "спина". У Ларисы таковой не имелось. Папа — простой инженер-строитель. Мама — просто мама, и раньше, когда папа привез ее из грузинского села, с трудом понимала русский. Правда, имелись тетки-врачи, но — в Тбилиси.

Отсутствие "спины" Ларису не сильно и беспокоило. Поскольку она из тех женщин, для которых дом, семья, дети, хозяйство — главный жизненный интерес и достаточное основание счастья. Любимая профессия, работа в родильном доме — да, конечно! Акушерство — ее радость, ее призвание. Но это все второе. А первое для нее — быть заботливой и любящей женой, матерью, хранительницей домашнего очага. Судьба была к ней здесь щедра: выйдя в семнадцать лет замуж, во времени окончания института Лариса имела и горячо любимого мужа, и обожаемого семилетнего сына. Потому, попав на последипломную стажировку в родильный дом ЗИГовской (завода измерительных приборов) больницы, она рисовала себе

свою последующую карьеру-максимум очень просто: оказаться через год в числе тех из десяти врачей-интернов, кого оставят работать здесь на постоянной должности. И когда это произошло, карьера оказалась ей вполне удавшейся и завершенной. Не знаю, размышляла ли сама Лариса Ивановна, почему судьба решила иначе, какие были на то основания, но мне понять эти основания очень хотелось.

От того, чтобы искать их в ее чисто профессиональных способностях и заслугах, я отказалась сразу. Хотя это первое, что, казалось бы, напрашивалось: профессионал она классный.

Об этом мне говорили коллеги доктора Гоголя, которая в акушерстве с самого начала специализировалась на патологиях беременности... Об этом, даже того не подозревая, проговаривалась она сама. То, обронив, фразу: "Пол-Краснодара и его окрестностей у меня в роженицах и новорожденных побывало!" (Всех краевых беременных с наиболее тяжкими осложнениями везли в ЗИГовскую больницу.) То — рассказав о забавном случае: открывает как-то утром дверь ее кабинета здоровенный молодой парень с огромным букетом — это, оказывается, ее первый "несаре-нон" пришел поздравить со своим восемнадцатилетием ту, что подарила ему день рождения... Да и звание "Заслуженный врач России" тоже не всем подряд присваивают.

Однако жизнь так устроена, что далеко не каждый классный специалист "обречен" на продвижение по службе. Для успешной карьеры, кроме профессионализма, почти всегда требуется еще какое-то серьезное основание. Иной раз это властолюбие. Бывает, — сребролюбие. Но все же чаще всего — честолюбие заставляет человека целенаправленно добиваться все более высокой должности. Ни то, ни другое, ни третье в "наш случай" не вписываются. Тогда — что?

Вы никогда не задумывались, читатель, что всех людей, начиная от Адама и Евы, по большому счету, можно поделить на "ведущих" и "ведомых"? Или — на тех, кто выбирает, и тех, кого выбирают. И если первых — активных, решительных, самодостаточных — принято считать солью Земли, то вторые — те, на ком Земля держится. Потому что от их таланта за звуками собственного голоса слышать и понимать другого, от их природной потребности и умения жить заботами ближнего, от их человеческой надежности и терпимости зависит все на свете, включая самые разные начинания и устремления "ведущих". Лариса Ивановна, мне кажется, из "вторых".

Просто у нее таной алгоритм судьбы: быть кем-то избранной. Причем, именно тогда, когда особенно требуются такие человеческие качества, как надежность, понимание, ответственность.

...Почему заместитель главного врача по акушерству и гинекологии ЗИПовской больницы Николай Григорьевич Дубинин выбрал тогда именно ее, Ларису Гоголь? Тот год для родильного дома больницы был особенно трудным. Как-то так вышло, что уволилось сразу много врачей: роддом имел тяжелый профиль — все роженицы с сердечно-сосудистыми заболеваниями лежали у них, вот врачи и искали работу с меньшими моральными да и физическими нагрузками. Кто ушел в профсоюзные органы, кто подался на преподавательскую стезю.

"Лариса, — сказал он ей тогда, — принимай заведование патологией". И все-таки — почему именно ей, молодой, имеющей всего пять лет стажа? Может, потому, что как-то услышал, как она сказала: "Я не хочу, чтобы женщины умирали..." Или потому, что, наблюдая за ней пять лет, знал, как она может работать — вкалывать! Или вспомнил, что, родив сразу по оконча-

нии интернатуры дочку, так и не пошла в декрет: боялась потерять работу, которой доронила? А может, старому доктору Дубинину чутье подсказало: эта девочка очень надежна и оправдывает решение доверить ей самую трудную должность?

— ... Ох, ну и напугал меня Николай Григорьевич, и руки, и ноги сразу от страха ватными стали, — вспоминает Лариса Ивановна. — Я всегда в таких ситуациях теряюсь и боюсь, что не справлюсь... И отказать не могла: я Дубинина страшно любила и уважала. Это — Учитель! — Она произносит последнее слово так, что понятно: писать его следует с заглавной буквы.

Справилась. Договорилась с 1-м Московским медицинским институтом — поехала к профессору Ваниной, известной своими работами в области сердечно-сосудистой патологии беременных. Москвы не видела, поскольку все двадцать дней не вылезала из роддома, где располагалась кафедра Ваниной. Вернувшись в Краснодар со всем приобретенным богатством новых технологий и методов лечения, поняла: один в поле не воин. И начала проводить в своем роддоме для акушеров города конференции и семинары. За пять лет, что Гоголь заведовала отделением патологии, случились лишь четыре смерти беременных женщин. По каждой, как положено, разбирался специальный комитет из Москвы. Во всех четырех заключениях значилось слово: "Неизбежно".

И снова сработал ее алгоритм судьбы. Вызвал главный акушер-гинеколог Краснодарского края: "Лариса Ивановна, пора вам на самостоятельную работу. Тем более, что ЗИПовский роддом скоро закроют... Принимайте 1-й родильный дом, там нам надо сменить главврача: алкоголизм до добра не доводит, все там сейчас в развале".

— ... Я отказалась, сказала, буду работать там, где Дубинин. Осорби-

лась за него страшно, что вот так, через его голову и не спросив его мнения, такое мне предлагают. Знала, что главный гинеколог его недолюбливает... Вышла, а Николай Григорьевич под дверью меня дожидается, переживает: "Ты что, отказалась? Ну и глупо. Есть уже решение горисполкома о нашем закрытии. Я-то на пенсию уйду, а ты... Соглашайся, девочка... Не бойся, ты справишься".

Она справилась. За полтора года 1-й роддом переродился: и напролом провели, и жильцов, занимавших часть здания, отселили, расширили женскую консультацию.

В 1986 году сразу несколькими врачами городских роддомов вместе с главным акушером-гинекологом края предъявили обвинение во взяточничестве.

...— Судебный процесс сделали показательным, и всех нас, городских врачей-акушеров, заставили на нем присутствовать. Представляете, видеть, как твоих коллег на "воронке" и в наручниках привозят... В самую заварушку вызвали меня в другой роддом на сложный клинический случай. Там я с Ханковым и познакомилась, его, врача-дерматовенеролога, временно главным в тот роддом назначили. Он в меня вцепился мертвой хваткой: "Ты мне здесь нужна!" А мне как раз в это время пришлось заменить главного акушера-гинеколога Краснодара, которая слезла в больницу и оттуда уже не вышла. Но потом от Игоря Матвеевича так и не удалось уйти, все равно на своем настоял, перетянул к себе, когда медицинский центр возглавил...

Почему Ханков, знавший Ларису Ивановну вовсе не так хорошо, как, скажем, Дубинин, выбрал именно ее? Ответ на этот вопрос подсказала сама Гоголь, рассказывая о своем непосредственном начальнике:

— Это для любого подарок судьбы — с Игорем работать. С ним интересно, он дает своим сотрудникам полную самостоятельность, доверяет. А еще он окружает себя умными людьми, у него просто дар талантливых специалистов находить. Когда набирали штат в медцентр, завел амбарную книгу, куда все мы подходящие нам кандидатуры записывали — кто где о ком услышит, Галину Николаевну Никитову, своего телерешного зама, Ханков из Барнаула сманил... И Михаила Львовича Свещинского, главврача нашего диагностического центра — сейчас одного из лучших в России! — оттуда же. Даже из Сибири люди к нему переехали работать...

Уж если Игорь Матвеевич отыскивал замечательных врачей в такомдалене, не разглядеть и не выбрать Ларису Ивановну Гоголь в своем родном городе он попросту не мог. Хотя она и сейчас, десять лет спустя пыталась мне доказать: "Такого не должно было быть. Никак. Я — акушер, я не для этой должности была".

...Вернувшись из Краснодара в Москву, я засомневалась, так ли уж верно это, ставшее расхожим, утверждение: "Карьера сегодня удается лишь тем, кто умеет идти напролом, по чужим головам. Или тем, у кого "спина" есть"...

В данном случае не было ни первого, ни второго. ■

“Каждый за себя, один”

Майя Орлова

Много лет назад в далёком теперь Афганистане “выполняли интернациональный долг” четверо десантников-спецназовцев: Геннадий, Сергей, Дмитрий и Андрей. Воевали они больше года, хлебнули “Афгана” полной мерой, хотя им фантастически везло — из всех боев, со всех заданий четверна

возвращалась невредимой. Ушибы, царапины, вывихи и медленно растущее озлобление — не в счет. Впрочем, везение четверых друзей кончилось одновременно, в один далёко не прекрасный день, точнее — в предрасветный час, когда душманы совершили внезапный налет на временную

Криминальный очерк

Бог — за всех”

базу десантников. Все четверо чудом остались в живых, но были ранены, их удалось переправить в ташкентский госпиталь, где трое постепенно пошли на поправку. Четвертый, Геннадий, он же “Номандир”, он же “Дядя”, из госпиталя отправился на местное кладбище. Трое выживших друзей в Афганис-

тан не вернулись! война там для российских солдат, наконец, закончилась.

В последний раз сходили ребята на кладбище, помянули “Номандира” и распрощались. Сергей уехал в Москву, увозя с собой молодую жену — милосердную сестричку Валию из ташкентского госпиталя. Андрей отправился в

Сибирь — к своей землячке-невесте. А Дмитрий — в Молдавию, в родной тихий, солнечный, чистый городок, где давным-давно, еще со времен Великой Отечественной войны, не было ни выстрелов, ни взрывов. Ему — лучшему снайперу в отряде до тошноты надоели стрельба и кровь. А еще больше надоели скоротечные военно-полевые романы, которые сопровождали его повсюду. Красавец и убежденный холостяк — сочетание, убойно действующее на женские сердца вне зависимости от политической обстановки и от обстановки вообще.

Первое время троица более или менее регулярно переписывалась. Хотя склонности к "эпистолярному жанру" ни у кого не было, и письма напоминали скорее рапорты о мирной жизни, но связь поддерживалась. До тех пор, пока Приднестровье не оказалось зоной военных действий, и в этой зоне не затерялись следы Дмитрия. Теперь письма связывали только Москву и глухое сибирское село. Но через несколько лет Андрей получил из Москвы чуть более подробное, чем обычно, письмо от Сергея:

"Старик, скоро мне стукнет тридцатник. Хочется отметить по-настоящему, с самыми близкими. Так что жду тебя с супругой и никаких оправданий не принимаю. Телеграфируя время вылета и номер рейса, сам встречу на своей тачке. В Москве сейчас страшнее, чем в твоей тайге, или где ты там обретаешься...

И вообще ты мне нужен — разобратся в одной бодяге, сам я не потяну. Дело вонючее, грязное, нес мараят... В общем, жду. Серый."

В столицу Андрей полетел один: его жена ждала третьего ребенка и очень надеялась, что на сей раз будет девочка. Москва встретила сибиряка омерзительной погодой — не весна, не зима, не осень, а нечто такое, что

определяется примерно так: "сверху — сыро, снизу — грязно, посередине — безобразно". Бестолковая суета в аэропорту настроения не улучшила, тем более, что среди встречающих Сергея не оказалось. Андрей прождал полчаса, получил баган, подождал еще около часа. Начало рассветать — Сергея все не было. И Андрей решил добираться до друга самостоятельно, коль скоро адрес имелся.

И в электричке, которая везла его из Домодедова до Павелецкого вокзала, и в метро, доставившем Андрея в Ясенево, новый район Москвы, находившийся от аэропорта чуть ли не в ста километрах, не проходило невнятное чувство тревоги. Не такой был человек Сергей, чтобы обещать — и не выполнить. А уж пригласить и забыть о своем приглашении — это вообще было совершенно невероятно. Если написал "встречу", должен был встретиться во что бы то ни стало, хоть бы вся земля провалилась в тартарары.

Тарусскую улицу недалеко от станции метро и дом на ней Андрей нашел легко. Пренебрегши лифтом, взлетел на шестой этаж и... увидел на лестничной площадке гроб. На этаже — шесть квартир, отдать Богу душу мог кто угодно из Сереговых соседей, но Андрея будто ножом в грудь ударили: "Серый!" Афганистан ни для кого даром не прошел, его "крестники" причились слышать смерть накинито особым чутьем...

В общем, ехал к другу на день рождения, а угодили на похороны. Задержись самолет на пару часов, прожди Андрей еще какое-то время в аэропорту, и на похороны бы не успел. Зато позже, трезво оценивая случившееся, решил: перст судьбы. Не пригласи Сергей его в Москву — убийцы так и разгуливали бы чистенькими на свободе: улик никаких, если верить милиции. Жуткая обыденность нашей низ-

ни — человека застрелили в упор у лифта в подъезде его собственного дома. Кто, зачем, почему — сплошные вопросы и никаких ответов. Работал Сергей механиком в автобусном парке, врагов не имел, денежных дел — тем более, от политики держался в стороне, даже газет почти не читал...

— Ному он помешал, ума не приложу, — тихо плакала на плече у Андрея вдова его друга, медсестра Валечка. — Добрее его человека не было! Да ты и сам знаешь...

Конечно, Андрей это знал. Знал, что необыкновенную свою физическую силу Сергей никогда не демонстрировал "для понту". Классный водитель и хороший стрелок, он отназдался от больших денег, которые мог бы получать шофером-телохранителем у какого-нибудь "крутого" фирмача или коммерсанта, и предпочитал спокойно чинить автобусы за очень скромную зарплату. А уж представить себе Серого, ввязавшегося в какие-то аферы или махинации, было вовсе немислимо. И все-таки эта фраза в его последнем письме о "грязном деле", в котором надо разобраться, вроде бы марающем "афганцев"... Какое дело? Валентина ни о чем подобном не слышала, покойный муж всегда был в ровном настроении, никаких признаков беды она не заметила...

— Куда стреляли? — спросил Андрей, вглядываясь в застывшее и спокойное лицо Серого. — В спину? В затылок?

Спросил не случайно. Они все прошли таную "школу выживания", что чувствовали направленный на них "ствол" за несколько сот метров. Они умели обманывать саму смерть, а она все-таки перехитрила одного из них. И не на войне, а в мирное время, в его собственном доме. И это добавляло к горю ощущение того, что была совершена какая-то неслыханная, невыносимая подлость.

— Его убили выстрелом в сердце. Он умер мгновенно.

До Андрея не сразу дошел смысл сказанной Валентиной фразы. А потом — будто ослепительная вспышка произошла в мозгу. Его убили выстрелом в сердце! Но ведь только три человека, кроме самого Серого, знали, что у него сердце — справа. То есть на несколько сантиметров правее, чем у всех нормальных людей. Обезумевшая от горя Валентина, конечно, этого не вспомнила. А Андрей вспомнил — и унасулся.

Командир — умер. Он сам, Андрей, был за тысячи километров от Москвы в ту минуту, когда прозвучал роковой выстрел. Значит... Но мысль была настолько страшной, что он отогнал ее от себя. Нет, не может быть! Просто убийца промахнулся, и промах оказался роковым. Иначе все становилось еще кошмарнее, чем было до этого. Иначе жить не стоило вообще, не стоило невредимым вернуться из Афганистана, не стоило давать жизнь двум сыновьям и ждать рождения дочки, не стоило даже дышать...

Потом был вынос тела, кладбище, речи... Было что-то жуткое в том, что хоронили Сергея в день его рождения, который он собирался отметить "по-настоящему, с самыми близкими". А на поминках были и самые близкие, и те, кто работал вместе с Сергеем, и те, кто знал его еще до Афганистана. Не было только Дмитрия, так и сгинувшего, похоже, в огне Приднестровья.

Когда все разошлись, Андрей оставил Валентину на попечение двух подруг и вышел на улицу. Хотелось вдохнуть свежего воздуха, отвлечься немного от невыносимо давившего чувства несправедливости. В Афганистане он похоронил многих товарищей, похоронил и близкого друга, почти брата. Но впервые столкнулся с гибелью в мирное время, в большом городе, и не

в бою, не в перестрелке — от подлого выстрела из-за угла... Только — из-за угла ли? Как мог Серый подлустить к себе убийцу? Как мог позволить себя убить?

Долго Андрей не выдержал. Москва — не тайга, долго по ней гулять, особенно вечером, на окраине — не большое удовольствие. Да и мысли не отступали, вопросы цеплялись один за другой, а ответа ни на один из них не находилось. Да и был ли ответ?

В подъезде, когда подходил к лифту, почувствовал, что за спиной кто-то есть. И чисто автоматически резко отпрянул в сторону, повернулся, готовый прыгнуть, выбить из рук противника нож или пистолет, подмять под себя... Но никого опасного не оказалось. На площадке вообще никого не было, лишь в дальнем углу, под лестницей, кто-то не то простонал, не то вздохнул...

Это оказался невероятно грязный мужик неопределенного возраста, хлипкий и тщедушный, до глаз заросший сивым волосом. Судя по всему, он ночевал тут, причем довольно часто, если не постоянно. А если так, то...

— Давно тут прописался, отец? — спросил Андрей как можно более миролюбиво.

"Отец" молчал, но с явным интересом глядел на пачку сигарет, которая торчала из кармана Андрея. Тот понял и протянул сигарету бомжу, который и схватил ее с нескрываемой жадностью и с еще большей жадностью затащился. Запах от него шел такой, что Андрей, немало повидавший в жизни и успевавший понюхать и пороха, и кое-чего похуже, невольно поморщился и даже машинально отступил на шаг назад. Но тут же вернулся: ведь этот бродяга был единственным человеком, который мог что-то видеть. Или хотя бы слышать.

Осторожными намеками, с виду незначительными фразами Андрею уда-

лось навести разговор на своего покойного друга и на его загадочную гибель. Бомж посетовал на то, что хорошие люди долго не живут, и добрым словом помянул "Серегу-афганца", который и сигаретами всегда угощал, и на пиво иной раз давал. И вообще не приставал, как другие, чтобы убирался и не поганил подъезд. А куда убираться до весны? На помойке подышать?

Осторожно, будто пробираясь по минному полю, Андрей начал исподволь выяснять, не заметил ли "подъездный житель" чего-нибудь необыкновенного в вечер убийства. А то на милицию надежды мало — следов никаких, зацепок нет. Да и кто будет стараться, если чуть ли не каждую неделю таких людей убивают — подумывать страшно. А тут какой-то механик... Но ведь друг погиб, а убийца так и остался безнаказанным. Это разве справедливо?

Похуже, прием был выбран верный, поскольку бомж в конце концов предложил кое-что рассказать в обмен на традиционный "лузырь". А достаточно крупная денежная купюра, оказавшаяся в руке у Андрея, вообще сделала его собеседника очень разговорчивым. Правда, он честно предупредил, что видеть-то никого, кроме самого Серегу, не видел, но кое-что слышал. К "ментам" же предпочел не соваться, чтобы не дразнить их зря и не вводить в искушение вышвырнуть из теплого подъезда и запрятать в кутузку.

— И так ночь пришлось на чуном чердаке мыкаться. Ну, это к делу не относится. Значит, дружок твой с работы всегда в одно время приходил. Я его по шагам узнавал. Народ тут разный, есть и такие, от него схорониться не мешает. А от него я не прятался, нет.

Значит, слышу — идет. Я только шевельнулся, хотел сигарету стрелкнуть, слышу — еще кто-то в подъезд

вошел. Ну, думаю, эти-твою... Затаился, конечно, от греха. Шаги того, другого, почти бесшумные были, но твой дружок их, видно, услышал. Развернулся — ну вот точь-в-точь как ты сделал, замер — и тут хлопок негромкий, вроде как шарик лопнул. Серега упал, а тот — бегом из подъезда...

Ну, а минут через пять тут уже тарарам начался. Я прикинулся в стельку пьяным, чтоб менты не вязались. Ну, они мне со злости пару фонарей поставили и отвязались. Что с алнаша возьмешь? Так что не видел я, кто стрелял. Но, наверное, тот еще красавец. Почему так думаю: дружок твой одно слово успел сказать до выстрела, как выругался: "Рожа!". Вот я и решил, что харя была та еще...

Второй раз за этот нескончаемый день Андрея пробрал внутренний озноб. Рожа... Серый сказал: "Рожа"! Теперь Андрей знал точно, кто застрелил Сергея. Он сам назвал своего убийцу.

Кличку "Рожа" Димке Рожкову прилепили с первых же дней армейской службы. Во-первых, конечно, из-за фамилии. А, во-вторых, из-за того, что был он картинно, почти неправдоподобно красив. Женщины от него теряли головы мгновенно, а мужчинам оставалось только завидовать. Правда, многие не знали, что внешность этого херувима очень обманчива. Рожа был патологически жесток, причем не только в бою с вооруженным противником. Возможно, он был одним из лучших снайперов в Афганистане, но пару раз ребята видели, как он обращался с пленными. Эти изящные руки с пальцами пианиста за несколько минут превращали живого, сильного мужчину в мешок с костями. И страшнее всего при этом была неизменно нежная улыбка на его припухлых, по-детски нежных губах...

И вот Серегу убивает некто, кого он знает (если не почувствовал опас-

ности) и кого он машинально назвал не по имени, а кличкой. Как обратился бы к покойному командиру: "Дядя", а к Андрею — "Лешак". Следов Рожа не оставил: их учили убивать и не оставлять следов. Но он не рассчитывал, что искать его будет не милиция, а таной же профессионал, как и он сам. Искать, чтобы узнать, зачем ему понадобилось стрелять в друга? Почти в брата...

Милиция, именно она, родная, помогла Андрею найти Рожу. Просьба была самая невинная: было четыре друга, один погиб на войне, второго застрелили на "гражданке", помогите найти последнего. Через несколько дней Андрей уже знал, что Дмитрий не сгинул в Приднестровье, а проживает в Москве, на улице с труднопроизносимым названием — Шарикоподшипниковская. И трудится, кстати, на той же улице охранником какой-то конторы. В кои веки режим прописки или регистрации принес конкретную пользу.

Валентине Андрей не стал рассказывать о своих подозрениях и планах. Она так обрадовалась, что он сможет пробыть в Москве целый месяц, что у него духу не хватило делиться с ней страшными догадками. Она и без того невольна помогала, рассказывая о Сергее. Слово за слово, и Андрей понял, что какие-то неприятности у его друга были. Но не на работе.

Один раз позвонила какая-то женщина. Валентина сама подошла к телефону, позвала Сергея и услышала, как тот со злостью бросил в трубку: — "Я же сказал, уймись и оставь меня в покое. Не пройдут твои штучки, зря надеешься". — Она тогда спросила: "Кто это, Сережа? Голос вроде бы знакомый". А он сказал: "Дура одна, никак не может понять, что для меня существует только одна женщина — моя жена. Не обращай внимания, Валюша. У меня с ней ничего нет и не было".

Это было действительно так. Сергей не врал никому и никогда, даже в тех случаях, когда соврать было необходимо. Он либо говорил правду, либо молчал. Но почему Валентине голос показался знакомым? В Москве она подругами не обзавелась, Сергею женщины почти никогда не звонили, а если звонили, то это были жены друзей. Еще одна загадка.

Два дня у Андрея ушло на то, чтобы узнать все о Ронже. С кем живет, где служит. Живет, оказывается, в коммуналке, еще две семьи с кучей ребятишек. Встреча в домашних условиях, таким образом, отпадала: Андрей чувствовал, что лишние свидетели будут просто опасны. А вот на службе у Ронжи определенные возможности для "беседы по душам" имелись.

Охранник в огромном двадцатидвухэтажном здании был фигурой чисто декоративной. Некогда весь небоскребок занимало какое-то ведомство. Но в последние несколько лет этаж за этажом оконукировали какие-то "коммерческие структуры", причем, судя по помещениям, не слишком богатые. Да, пройти можно было, только заказав пропуск. Получить его в специальном окошечке, предъявить охраннику, а при выходе — сдать тому же бдительному стражу. Андрей же поступил проще: дождался, когда какой-то фирме привезли оборудование и совершенно спокойно прошел через турникет с коробкой на плече мимо охранника.

Он провел в здании почти полдня. "Структуры" свои помещения запирали довольно тщательно. А вот оставшиеся у ведомства-хозяина последние три этажа вообще никак не охранялись. Помимо всего прочего, чердак был открыт. Равно как и выход с него на плоскую крышу с невысоким бордюром-ограничением по краю.

Вышел из здания Андрей еще проще, чем вошел в него. Дождался, по-

на охранник отлучится на несколько минут. А тетке в бюро пропусков все было, как говорится, "до лампочки", к тому же работала она только до шести часов вечера. Андрей же собирался навестить "друга" много позже. Благо тот дежурил целые сутки — со следующего утра.

Вечером, в дежурство Ронжи, около девяти часов, Андрей подходил к знакомой стекляшке. По сравнению с этим районом Москвы Ясенево выглядело оживленным европейским городом. Ни единого человека на улице, редко-редко проедет машина или прогрохочет пустой трамвай. Идеальные условия для "интимна".

Андрей постучал в стекло запертой на ночь двери. Ронжа оторвался от газеты, которую читал, и вышел из-за своей выгородки. Сначала он визитера не узнал и свирепо нахмурился. Андрей скорчил самую радостную физиономию и призывно замахал руками. Мол, давай, открывай, друг пришел...

Конечно, Дмитрий мог и не ответить. На этот случай у Андрея был приготовлен запасной, более сложный вариант. Но — не понадобилось. Расчет и здесь оназдался точным. Ронжа всегда думал только на ход вперед. Может, умел и дальше, но лень, лень, всегда только на силу и быстроту реакции рассчитывал, а они его никогда не подводили. Так что нежданного гостя он впустил и даже запер за ним дверь — уже сверх ожидания.

Андрей смотрел на знакомое красивое лицо и не мог, никак не мог до конца поверить в то, что перед ним — убийца. Он бы отдал все, что угодно, лишь бы услышать от человека, с которым спал под одной шинелью, хлелбал из одного котелка, валялся на соседней койке в госпитале, веские доказательства его непричастности к убийству. Пусть понадобится еще какое-то время, чтобы найти настоящего

преступника, но только пусть им будет не Рोजа... И чтобы покончить с этим странным, абсолютно не известным ему доселе чувством тоскливой неуверенности, Андрей спросил в лоб:

— Брат, скажи, ведь это не ты убил Серого?

И все сомнения отпали. Слишком хорошо они знали друг друга, чтобы делать недоумевающее лицо или возмущаться очевидной нелепостью. Рोजа побледнел до синевы и на миг отвел глаза. И именно в этот миг Андрей профессионально выхватил у него из кобуры пистолет, завернул руни за спину и "вырубил" точным ударом по голове. На десять минут — не более. Чтобы заткнуть в лифт, поднять на верхний этаж и выволочь на плоскую крышу. И уже там сруть руни заранее приготовленной проволокой и привести в чувство. Знать, кто убил, было мало. Оставался еще один вопрос: за что?

Это оказалось задачей не из легких. Очухавшись, Рोजа все-таки попытался изобразить оскорбленную невинность, орал о том, что заявил в милицию, угрожал пожаловаться кому-то "крутому", клялся, что все это — чудовищное недоразумение. Но чем больше он расплялся, тем крепче становилась уверенность Андрея: убил. И сделал это по чьему-то указанию. По чьему-то, чья власть над Рожей оказалась сильнее и страшнее дружки, закаленной в Афганистане.

Наконец, Андрею надоела эта истерика и он прекратил ее несколькими скупыми фразами. Сообщил, что перед смертью Сергей назвал кличку убийцы и что тому есть свидетель. И добавил:

— Милицию я беспокоить не буду, ни к чему. Сдам тебя нашим, "афганцам". Пусть решают, как с тобой поступить.

Это подействовало. Неохотно, сквозь зубы Рोजа процедил:

— Мне Вера приказала. Помнишь: Верка-Цыганка, из ташкентского госпиталя? Ну, я и сделал...

Вера Николаевна, врачаха из ташкентского госпиталя, получила свое прозвище из-за ярной экзотической красоты. За ней ухаживали все раненые и почти весь мужской персонал госпиталя. Она же влюбилась в Сергея и, похоже, первый раз в жизни потерпела неудачу. Сергей не только не ответил красавице взаимностью, но и женился на скромной и невзрачной Валечке из того же госпиталя и увез ее в Москву.

А вот с Рожей у Веры все было наоборот. Она ему отозвала во взаимности. Опять-таки первый раз в жизни неотразимый Дмитрий получил, что называется, от ворот поворот, и его заело. Кончилось тем, что обладание Верой Николаевной стало для него целью и смыслом жизни. Ради нее он лез под пули в Приднестровье — хотел либо героем стать, либо умереть. Не вышло ни того, ни другого. Тогда он приехал в Москву, куда к тому времени перебралась его красавица, и стал уговаривать ее выйти за него замуж. Безрезультатно.

— И вдруг она сама ко мне пришла. Сказала, что согласна. Только я должен... ну, убрать Серого. Потому что он ей — кость в горле. Ненавидела она его. А я...

А он ради этой женщины готов был угрохать пол-Москвы. В общем, на следующей неделе они подадут заявление в загс, а пока она велела ждать и к ней не приходите: сама позовет.

Андрею казалось, что он спит и видит кошмар. Чтобы взрослый, сильный, знающий жизнь мужик убил друга из-за какой-то бабы, пусть и раскрасавицы? Рोजа наверняка был ненормален: то ли Афган сказался, то ли в Приднестровье контузило. Что-то здесь было не то. Очень уж это было

не похоже на прежнего Дмитрия, очень. Но где же тогда разгадка его страшного поступка? Андрей прекрасно понимал, что ничего сверх сказанного бывшего друг не откроет: пытай — не пытай. Убил и убил. И к унасу от того, что наделал Рожя, примешалась жалость. Надо все-таки найти эту самую Веру Николаевну и разобраться с ней. При мысли о том, что придется иметь дело с женщиной, Андрея перевернуло. Но... если не он, то кто же? Он же поклялся отомстить за Сергея. И он обязательно отомстит — подлинному преступнику, а не этому несчастному безумцу.

Андрей развязал Дмитрию руки, достал сигареты, закурил сам и дал прикурить своему недавнему пленнику. К тому постепенно возвращались силы и даже некоторый апломб. О том, что работает его пассива в госпитале для ветеранов на Волгоградском проспекте, сообщил нехотя. А домашний адрес отказался дать наотрез. И — усмехнулся наконец.

— Не бери в голову, Лешан. Это на войне есть свои и чужие. А тут у нас кандый за себя и один Бог за всех. Серого, конечно, не воротить, но уж так получилось. Считаю, не повезло. Ну-ка, вспомни, сколько ты в Афгане народу положил и героем себя чувствовал? А сам Серый? Мы же все — убийцы.

То, что произошло дальше, Андрей делал чисто механически. В нем самом все чувства заглушила ярость — слепая, холодная ярость к бывшему другу, который задел самую большую точку, сказав в каком-то смысле правду.

— Ты прав, — услышал он свой собственный, но какой-то незнакомый голос. — Спасибо, что напомнил, кто я есть. А раз я все равно убийца...

И бездумно, точно отработывая очередной прием на тренировке, из всех сил ударил Рожю ногой в подбородок. От такого удара человек улетает

метров на пять, а до низкого парапета, ограждавшего крышу, было от силы два метра...

И дальше Андрей все делал автоматически. Съехал на лифте до восьмого этажа, где накануне приметил открытое окно на пожарную лестницу. По ней быстро спустился в темный и глухой переулочек. По дороге к метро зашвырнул тщательно протертый пистолет Рожю в кусты. Спокойно, деловито, профессионально. И лишь расплываясь в палатке возле метро за бутылку водки, заметил, что у него дрожат руки... Впервые в жизни на его памяти.

Узнать адрес Веры было бы проще простого: спросить у Валентины фамилию Цыганки (вот почему голос показался ей знакомым!) и обратиться в адресный стол. Но впутывать оглушенную страшным несчастьем женщину в свои дела Андрею не хотелось. Поэтому он решил проблему по-другому: незаметно проследил за Верой от госпиталя до самого ее дома. И там тщательно изучил обстановку, продумав все детали предстоящей "операции".

Конечно, определенный риск в такой "домашней" встрече был. Но беседовать в госпитале было еще рискованнее. Следующим вечером Андрей еще раз проводил красавицу от места работы до подъезда ее дома, там обогнал и быстро поднялся этажом выше. Пона Цыганка отпирала дверь квартиры, он бесшумно возник у нее за спиной, втолкнул в коридор и заткнул рот ее же собственной шелковой носынкой. А потом наденно привязал к креслу в комнате. Все это он проделывал под пристально-ненавидящим взглядом ее огромных черных глаз, и если бы эти глаза могли убивать, Андрей уже раз сто мог стать покойником.

В отличие от Рожю, Вера Николаевна в истерике не билась, когда, за-

ручившись обещанием молчать и "быть умницей". Андрей вытаскил у нее изо рта кляп и стал задавать вопросы. Наоборот, отвечала охотно и почти спокойно. То ли рассчитывала на беспронимательно-сильное впечатление от своей красоты, то ли на умение обращаться с самыми, казалось бы, "неуправляемыми" мужчинами. Назвать, определить причину ее спокойствия Андрей не мог. Как не мог понять и того, почему такая эффе́нтная женщина помешалась на Сергее, не обладавшем ни красотой, ни тонким интеллентом, ни большими деньгами, наконец. Помешалась до такой степени, что заказала его убийство.

Впрочем, ответ на этот вопрос Андрей получил очень быстро. Вера только презрительно фыркнула, опровергая саму возможность даже допустить, что она способна попасть хоть в какую-то зависимость от мужчины:

— Слава Богу, я не романтическая дура, справляться с любовными напризми умею. Со своими, кстати, тонне. Да мне плавать было на этого твоего Сергея. Ну увлеклась, ну выбрал он свою мочалку белобрысую, так сам дурак, что с него взять? Меня попросили найти убийцу. Мешал кому-то твой друг, сильно мешал. Сто тысяч мне заначки отстегнул, а уж сколько исполнителью платить, я сама должна была решать. Что я, виновата, что этот влюбленный кретин согласился все бесплатно сделать? Распустил сопли — замуж я за него пойду, если своего же друга замочит, придурок...

У Андрея снова возникло неприятное чувство ожесточенного бессилия. Перед ним сидела хладнокровная, выхоленная женщина, без тени раскаяния признававшаяся в том, что принимала участие в убийстве. И единственное "доказательство" этого участия он, Андрей, собственноручно сбросил с двадцать второго этажа.

Кроме того, возник еще некто третий. Заначки. Главный преступник... Андрей догадывался о его существовании, но все равно не верил. Хотя... злосчастный Рожка и не должен был знать о существовании "третьего".

А Вера Николаевна с тем же спокойствием и даже с усмешечной продолжала сообщать Андрею подробности за подробностью. Мимоходом дала понять, что лицо, интересы которого затронул покойный узе Сергей, — важное. Рукой не достанешь. Деньги, охрана, везде "свои люди". В общем, это президент фонда "Лампада". Благотворительного, кстати сказать, фонда. И зовут его Геннадием, а фамилия... И назвала фамилию покойного Командира. "Дяди"...

Андрей онемел от изумления. Геннадий ведь лет десять тому назад как умер. Однофамилец? Маловероятно. И все-таки смутные догадки уже забрезжили. Попа — смутные. Но Вера их подтвердила, рассказав дальше, что этому ныне высокому, а танже крутому, типу, а тогда — проворовавшемуся госпитальному интенданту — собственноручно передала все документы умершего Геннадия. В неразберихе последних дней афганской войны все было легче легкого. С этими документами он и "всплыл" на волне перестройки и начал свое победоносное шествие к большим делам и большим деньгам...

— Афганцем быть в общем-то выгодно, — вскользь заметила Вера. — Вас всех считают честнее и порядочнее остальных.

Короче говоря, Сергей однажды пришел в фонд "Лампада" за кого-то о чем-то похлопотать. И в приемной к великому своему изумлению обнаружил, что президент фонда выдает себя за афганца-героя Геннадия, который умер у Сергея на руках и был им похоронен. О чем этот самый президент говорил с

Сергеем за закрытыми дверями, неизвестно, но дальнейшее развитие событий позволяло примерно догадаться. Через два дня самозванец встретился с Верой. А две недели спустя Сергея уже не было в живых. Сообщники предусмотрели все, кроме приезда в Москву Андрея...

Цыганку отнюдь не потрясло сообщение о том, что ее "жениха", Дмитрия Роннова, тоже уже нет в живых. Скорее, обрадовало, хотя явно она этого не показывала. Так, легкое просветление на лице. И Андрея почему-то страшно задело, что эта сучка хладнокровно организовала убийство одного его друга и, похоже, только рада тому, что чужими же руками убрала и другого. И все это — за сто тысяч рублей?! Андрей последнюю фразу даже произнес вслух, чем вызвал у Веры неподдельное веселье:

— Рубл-е-ей?! Ну, ты даешь, афганец! Долларов. Так что теперь — все, свободна. Завтра уезжаю за границу, это было мое последнее дежурство. Уволилась, сказала, что выхожу замуж и еду в Германию.

И на секунду задержала взгляд на картине, которая висела напротив нее, над диваном. На одну только секунду. Но и этого Андрею оказалось достаточно. Он снял картину и без труда обнаружил не слишком хитро оборудованный тайник. А в нем — деньги, авиабилет и заграничный паспорт. И еще несколько крохотных прозрачных ампул без каких-либо надписей. Вот тут Вера встревожилась. И попросила, во-первых, развязать ее, наконец, потому что она ни бежать, ни звать на помощь, ни драться с Андреем не собирается. А во-вторых, поосторожнее обращаться с этими самыми ампулами, потому что, если одну разбить, можно порезать руку, а яд, который внутри, убивает мгновенно. А он, Андрей, ей даже симпатичен, она не хо-

чет, чтобы он превратился в труп. Лучшее провести эту ночь вместе...

— А утром я тебе дам десять тысяч долларов и расстанемся друзьями. Как тебе такой вариант?

На лице Андрея ничего не отразилось, но предложение долларов привело его в состояние настоящего бешенства. Эта потаскуха определила цену жизни двух его друзей — пять тысяч за каждого. И дело даже не в том, что живым он из ее квартиры не выйдет, не зря же Цыганка так разговорилась, а в том, что она посмела ему предложить деньги! Погубила двоих, помогла запачкать грязью имя третьего, продал его документы какому-то проходимцу. И думает, что все это сойдет ей с рук, потому только, что она — красивая женщина? Ну уж нет! Это не женщина — это такой же враг, как те, которые заманивали наших солдат в Афганистане в свои дома, а там их уже ждали убийцы...

Андрей подошел к креслу и отвызал Цыганку. Потом обнял. Она посмотрела на него со снисходительным торжеством: и этот — мой. Почти нежно улыбнулась. Но и эта мысль, и улыбка были последними в ее жизни.

Андрей нажал на точки, на которые, он это знал отлично, надо нажимать, если хочешь мгновенно и бесшумно убить. Их этому тоне учили — обнимать до смерти. Потом забрал доллары, ампулы и ушел, не оглядываясь. И в этот раз даже не стал покупать никакой бутылки: второе убийство было много легче первого, да и убивал не друга, а малознакомую ему предательницу и мразь. Оставалось последнее: нанести визит Лжегеннадию и завершить дело.

Конечно, подступиться к президенту процветающего фонда было очень непросто: охрана в офисе, охрана в квартире, к телефону сам не подходит, постоянной любовницы — и той нет.

Но за две недели упорного наблюдения Андрею все-таки удалось найти единственное слабое звено в казалась бы прочной цепи — баня!

Конечно, президент и туда ходил с охранниками. Но в парилке-то все голые, все расслабленные. Главное "препятствие" — в ту баню ходили только свои — Андрея не смутило: доллары помогли "замазать" глаза кому надо. А уж пронести с собой незаметно крохотную прозрачную ампулу — пара пустяков для профессионала.

Андрей спокойно прошел мимо охранников в парную. Там благодушествовало несколько человек, смутно различимых в густых клубках пара. Но "своего" Андрей вычислил сразу. Присел рядом и позвал. Не именем — кличкой. Рассчитывал на то, что Лжегеннадий ее не знает. И в очередной раз в расчете не ошибся.

Три минуты спустя президент, понявший все, допустил последнюю в своей жизни ошибку: спросил, сколько он должен заплатить за молчание. Андрей же хотел всего-навсего, чтобы "Командир" громко, для окружающих и охранников, сказал: "Пока, старин" и потом три минуты посидел смирно на месте. Остальные условия — при следующей встрече. А когда прощальная

фраза была произнесена, Андрей мгновенным движением вложил ампулу в рот "Геннадия" и резко сжал его челюсти. И спокойно ушел, не заботясь о дальнейшем. Свою клятву покойному другу он выполнил — отомстил.

А полчаса спустя наступила реакция. Андрей шел пешком по ночной Москве. Шел и плакал — впервые в жизни. Он оплакивал не только Сергея. Он плакал о Командире, который не вернулся с этой проклятой войны. О Роже, которого бесконечные кровопролития свели с ума и сделали преступником. О себе, снова ставшем убийцей, расчетливым и хладнокровным палачом. Причем, в мирное время, а не там, в трижды проклятом Афганистане, в бессмысленной войне, которая "все спишет".

В Афганистане было легче. Там он твердо знал, где свои, а где чужие, враги. Здесь же, "на гражданке", нет ни своих, ни чужих. Здесь действительно "каждый за себя и один Бог — за всех".

Но Андрей еще не научился верить в Бога. Его этому не учили, его по-настоящему учили только убивать. И перед кем теперь каяться, он не видел. Но твердо знал одно: своих сыновей он воспитает по-другому. ■

Обращаем ваше внимание на то,
что подписаться на «Смену» на II полугодие 1998 года
вы можете по Объединенному почтовому каталогу
(зеленому)

по адресной системе подписки,
которая позволит получать журнал,
упакованным в пакет с вашим адресом.

Индекс журнала в Объединенном каталоге — 88998.

МИР ЛОВИЛ ЕГО, НО...

Нервное, необычайно подвижное лицо Николая Константиновича Симонова на сцене, на экранах кино и телевидения отражало сухое пламя бушующей в нем трагедии. В обычной жизни он был тих и стыдливо отчужден. Но в тишине этой всякий, кто знал Симонова хоть в малой степени, ощущал взрывоопасную работу вулкана. Вулкан был деликатен из опасения не сварить окружающих в своей кипящей магне. Но с самим собой он не был осторожен — страсти сжигали его изнутри.

Однажды, в ожидании телевизионной съемки, он мучился, извиняясь улыбкой: медленно передвигался по павильону, то входил в выстроенный декораторами домин, то выходил из него и старался забиться куда-нибудь в угол, подальше от суеты и традиционной несобранности и неразберихи съемочных площадок, мелких обид и крупных амбиций различных служб. Несколько раз тихо спрашивал, скоро ли начнут снимать. Так и не добившись вразумительного ответа, ушел в бутафорский дом и надолго притих там. О нем почти забыли.

Внезапно дом с треском и грохотом развалился. Между рухнувшими обломками стоял кроткий, невозмутимый Симонов. И только глаза выдавали обиду большого ребенка, горько обманутого взрослыми людьми...

В Ленинградском театре имени Пушкина, который питерские театралы во все времена называли "Александринкой", на первых, "застольных", репетициях-читках Николай Константинович заставлял партнеров испытывать чувство неловкости. Он приходил с почти готовой ролью: знал текст назубок, владел его логиной, понуждая к живой партнерской реакции коллег, которые разбирали роли едва ли не по слогам.

Симонов родился не в свою эпоху. Он стал великим художником не только в силу своего самостийного характера, в котором присутствовали все свойства гени-

альной личности: постоянно растущая независимость творческой деятельности, неиссякаемая вера в собственное призвание, создание своего духовного мира и стремление к совершенству. Он стал им прежде всего от завидного дара жить "над социумом", ощущать себя частью космоса, но не "вообщешной", а конкретно русской. В его годы считалось, что трагические актеры, да и сама культура трагедии, благоприятнее всего развивается в Грузии: А. Хорвава, В. Анджапаридзе, позже — О. Мингвинетухцесси... Но русский трагик — явление особого рода, иного нерва. И эти свойства идеально слились в Николае Симонове как в художественной личности. Он всегда чувствовал себя человеком, возвращенным на российской почве. Историчность была частью его "Я". Он был ближе к Александру Ярославовичу Невскому, чем к товарищу Сталину или кому-то из его предшественников у руля государства.

Думаю, что мы и сблизились с ним на отношении к отечественному прошлому как к собственной биографии. Я, например, рассказывал ему, каким знаю Александра Васильевича Суворова, — до тембра его голоса и манеры говорить, до величины крепкой и холодноватой ладони великого полководца и излюбленных его занятий и вещей. Оказалось, что Николай Константинович "видел" Суворова точно таким же: он то и дело добавлял в мой портрет детали.

Способом его мышления был эпос, вернее сказать, "позиция эпоса".

Была эта человек не замечал. Ходил в простой, удобной ему, тепле и в скромном плаще. Ного угодно такая форма могла сравнять с толпой, но не Николай Симонова, хотя он так и одевался, чтобы стать как можно менее заметным. Наивная затея: уж если, по общему признанию, лохмотья Сатина в горьковском "На дне" он носил как королевскую мантию, то в толпе, тем более ленинградской, затеряться никак не мог. Его узнавали. Про-

силы автографы. Он, смущенно поводя плечами, улыбался застенчиво и писал одно и то же: "На добрую память! Н. Симонов". Затем спешил дальше. А люди смотрели ему вслед и любовались величием его крутоплечего торса и царственной пластичностью движений.

Крупно вылепленные формы его лица казались по-роденовски незавершенными, и это добавляло магнетизма и без того притягательной личности. Кто бы ни вспоминал живого Симонова, непременно говорил о его глазах. Удивительных. Светлых, грустных и добрых, до последнего часа сохранивших детскую открытость и чистоту. Не было унора, который бы не разбился об эти глаза. Их владельца невозможно было попрекнуть никаким грехом. Хотя грехи, разумеется, были.

Все, кто помнил его молодым, удивлялись перемене, пришедшей с возрастом: Коля Симонов был душой компании, гулякой, готовым даже случайному приятелю отдать, что называется, последнюю рубашку. Одевался он так нетеатрально, что тогдашний художественный руководитель театра Юрий Михайлович Юрьев, крупный актер и скрупулезный эстет, однажды решительно предложил ему:

— Коля, вот вам деньги. Купите себе хороший костюм, рубашку, галстук! Ведь вы — актер самой знаменитой в России сцены!..

Прошло время. Коля деньги истратил, а костюм так и не купил. На вопрос Юрьева честно в том признался.

Тогда Юрий Михайлович усадил Симонова рядом с собой в пролетку, поехал в магазин и самолично выбрал и купил костюм неуправляемому Коле. Костюм Симонов ни разу не надел, и Юрьев махнул рукой на свою затею.

А мне эта история вспомнилась в другой связи. В 70-е годы изложил меня московский драматург Павел Павловский, автор хорошей пьесы "Элегия", построенной на посланиях Ивана Сергееви-

ча Тургенева и актрисы Марии Гавриловны Савиной. В Москве пьесу с огромным успехом играли замечательные Андрей Попов и Людмила Насаткина, а в Питере ее собирался поставить мой добрый друг режиссер Илья Ольшвангер. Все сходилось как нельзя лучше: Савина была ведущей актрисой Александрины, Тургенева могли играть несколько актеров нынешнего театра имени А.С. Пушкина, культура и талант постановщица соответствовали предмету. Но Симонов прочитал пьесу и почему-то отказался играть Тургенева. Меня просили "повлиять на него". Я рассмеялся: наивные люди думали, что Николай Константинович Симонов способен хоть в малой степени подчиниться кому-то вопреки собственной воле!

Я все же попросил его внимательнее отнестись к пьесе и будущему постановщику. Он ответил:

— Да-да, конечно... Вы убедили меня... Я уважаю Ольшвангера. Мы с ним очень хорошо работали в "Тиле Уленшпигеле", где я играю Клааса... Обещаю вам перечитать пьесу, попробовать найти какой-то манок для себя...

Через неделю он позвонил мне в Москву:

— Не могу... Не мое!.. Клаас — маленькая роль, но великий образ.. Здесь роль большая, много текста, а для меня — ничего нет, вы уж поверьте и как-нибудь извинитесь за меня...

Тургенева в этом спонтанно играл Бруно Артурович Фрейндлих, актер не столь эмоциональный, сколь интеллектуальный. Играл превосходно: умно, тонко, грустно и остроумно. А Симонову нужны были не кружева, а стихи. В упрощенной, зато ясной форме это в свое время объяснил художественный руководитель театра, замечательный режиссер и педагог Леонид Сергеевич Вивьен: "Коле снажешь: "Лезь на стенку!" — ползет медленно и сверху спросит: "А зачем?" А иногда не спросит — сам поймет..."

Мини 1960

Талим он и был во все периоды своей жизни — сам свой. Ни о ком не сказал злого слова. Когда злословили другие, вставал и уходил прочь. Был замкнут, но доброжелателен, как ребенок — никого не обидел невниманием. "Он своим присутствием как бы очищал закулисную атмосферу, вносил в нее что-то трепетное, чистое", — свидетельствовал хорошо знавший его режиссер Рубен Сергеевич Агамирзян.

От сознания своих грехов Симонов терялся, как ребенок, и делал смешные глупости. Ну, скажем, однажды задержался в другом городе после гастролей театра — дал несколько концертов. И опоздал к началу сезона. За такие дела в театрах, где все зависят друг от друга, крепко наказывают. Симонов пришел в кабинет Вивьена растерянный, глядя в потолок, протянул "оправдательный документ". Вивьен поглядел на листочек в клеточку из школьной тетради, на более чем неясную печать и неумело составленный текст справки о болезни актера Н.Н. Симонова, подавил приступ смеха и сказал:

— Ноля, но это же — туфта!

Симонов развел руками, кротко выдохнул:

— А что делать?..

Вступать с ним в конфликт не хватало сил.

Зная его тягу к спиртному, в театре установили жесткий режим: во всех буфетах Симонову отказывали в продаже водки, все подпольные "явни" и тайники были провалены. Он приходил в театр свежий, трезвый и такой же уходил. Но все же иногда, не выходя из стен здания, хитрился захмелеть. Над загадкой бились самые изощренные умы, но безуспешно.

Рубен Сергеевич Агамирзян шел по солнечной улице России, любуясь вечной красотой ее ансамбля, завершенного обратным фасадом "Александринки". Под

онном знаменитой "десятки" — десятой артистической гримборной, в которой готовились к спленталям корифеи, в том числе и Н.Н. Симонов, — яркими брызгами отсвечивало стекло. При ближайшем рассмотрении удалось установить: на архитектурном карнизе под окном, в нише, стоит бутылка с веревочной петлей на горлышке, и конец веревки уходит в окно "десятки".

— Разгадал я вашу тайну, Николай Константинович, — весело сообщил Симонову режиссер.

Тот растерялся до отчаяния и произнес:

— Рубен Сергеевич, вы — армянин... серьезный человек... Не выдавайте меня!..

Эпизод за эпизодом вспоминая Симонова, я ощущаю по сей день животворящий прилив тепла и любви к этому человеку...

В первые месяцы Великой Отечественной войны, когда еще не были введены карточки на продукты и промтовары, но уже ограничили нормы выдачи "в одни руки", мы втроем — отец, мама и я, десятилетний, — стояли в очереди за сахаром. Было это в Ленинграде. Очередь была длиннющей, сахару давали только по полнилограмма, и стоять, конечно, приходилось всей семьей.

У отца в кармане лежали билеты на две серии "Петра Первого". Он видел фильм прежде, но не видел я — билеты были куплены ради меня. В последний момент, на расстоянии каких-нибудь двадцати шагов от прилавка, было принято немыслимое по тем временам решение: мы предпочли не опаздывать к началу киносеанса и пожертвовали целым нилограммом сахара.

Я в этом не раскался. Но мне, мальчишке, пришел мир особый, потрясший чем-то могучим, неисчерпаемо оптимистичным, поэтическим и мужественным...

Впервые в жизни мне был интересен не только персонаж — захотелось узнать имя актера, создавшего образ Петра. Мне сказали: "Николай Симонов". Это было первое имя, разбудившее во мне интерес к личности творца.

Через несколько месяцев на фронте погиб мой отец, историк, археолог. Чтобы заглушить тоску и боль, я играл в Петра Первого. В самые тяжкие дни и часы испытания моего детства войной: в голод, в студеную зиму, когда спал, не снимая теплой одежды, но даже и в ней было холодно, играл один, сам с собой, а становилось легче. Это был Петр Николая Симонова — с его белозубым хохотом, с испепеляющим, но мгновенно проходящим гневом, с его алчным низлелюбием.

Путь Н.К. Симонова к роли Петра Первого не был гладким. В компетентных кругах не сомневались, что в кино Петра сыграет исполнитель этой роли на сцене театра имени А.С. Пушкина Николай Константинович Чернасов. Это была не самая удачная из его работ. Он и сам понимал, что художественным событием его Петр не стал. Но критика хвалила актера, который был любимцем не только партии и правительства, но и всего советского народа, с первых выборов и понизленно — депутатом Верховного Совета СССР.

Однако у хозяина петровской темы в отечественной литературе, в прошлом — графа, а затем — депутата того же Верховного Совета Алексея Николаевича Толстого, была возможность не всегда двигаться в колее установок. Он Чернасова Петром в кино "не увидел" и совсем уж неожиданно предложил кандидатуру Н. Симонова.

В съемочной группе фильма гримером был Антон Иосифович Андриан, прославленный мастер своего дела. Спорить с ним по части портретных гримов не решался никто. Поглядев на Симонова, он сказал:

— У нас есть двадцать три портрета Петра. Ни на один из них этот актер не похож.

Толстой, пыхнув усмешкой, ответил:

— Значит, будет двадцать четвертый. И самый похожий...

Андриан решил пойти не от портретов героя фильма, а от лица и мимики актера. Антон Иосифович был выдающимся "тупейным художником". Он подбрил лоб будущему Петру, добавив "стремительности" прическе, нашел нужную форму усов, пристроил их так, чтобы необыкновенно подвижному лицу было удобно и свободно.

Николай Константинович любил рассказывать, как на съемках в Одессе просил гостиничного парикмахера подбрить ему лоб и не трогать щетину бороды. Парикмахер приходил в ужас от шизофренического заказа: "Как же так? Тут побрить, а там не брить?! Я не привык уродовать людей!" С трудом удалось Симонову втолковать, почему на этот раз мастер должен был пойти против своего профессионального долга.

"А работу над образом Петра я начал с книг, с истории. Мне доставляли редкие книги: воспоминания современников, записки датского посла с описанием каждого часа жизни Петра. Вдруг читаю: однажды во Франции этот гигант русский взял с трона маленького Людовика и усадил к себе на плечи, а при этом лицо его изназили гримасы и дергалась нога. Что такое, почему?.. Нужно узнать природу таких вещей — иначе не проберешься в образ... Оказалось, что после стрелецкого мятежа, после того, как ему, юноше, пришлось бежать в Троице-Сергиеву лавру, у Петра начался тик... И мне стала понятна парадоксальность пушкинского образа. Помните: "Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен"?.. Я всегда верил Пушкину. Но "ужасен-прекрасен" — это пришло в единство только после подробного изучения поведения и манер Петра... Зато пушкинская форму-

ла стала зерном, режиссерской рекомендацией для моего исполнения роли..."

Скоро "Петров" прошли по экранам после Николая Симонова, и каждый в глазах зрителей обязан был выдержать экзамен на родство с "двадцать четвертым и самым похонимым". Мою добрую приятельницу, известную американскую писательницу Бэл Кауфман, попросили посмотреть фильм о Петре, снятый в США с Максимилианом Шеллом в главной роли. Она посмотрела картину, что-то не приняла, но, в целом, настроилась на одобрительный лад. Бес попутал ее, не завершив рецензии, в очередной раз побывать в Москве и получить возможность посмотреть "Петра Первого" в постановке Владимира Петрова с Николаем Симоновым-Петром. Она с огорчением говорила мне:

— Оказалось, что в американской версии все не то. Боже, какой у вас Петр! Как он похож на свои деяния! За таким человеком могло бы пойти полмира... Я теперь не могу согласиться с нашим Петром. Актер играет превосходно, но образ совсем не тот...

К слову сказать, А.Н. Толстой стоял и на Михаиле Жарове в роли Меншикова, хотя портретного сходства актера с оригиналом не было вовсе. Обе работы, Петр и Меншиков, стали украшением фильма. К ним прибавляется третья — царевич Алексей в блистательной интерпретации Николая Черкасова... Сейчас это уже классика отечественного и мирового кино.

Мне повезло: я неплохо знал обоих Николаев Константиновичей. Казалось, воображение не может родить более противоположных натур, чем Симонов и Черкасов.

Последний был общественным деятелем в совершенном смысле этого понятия. Он любил публичность и умел вести себя перед любой аудиторией так же свободно и содержательно, как на диплома-

тических приемах в разных странах, куда его даже во времена "железного занавеса" охотно посылали.

Симонов страдал от появления на публике вне сценического образа. Он был профессиональным графикам и живописцем, имеющим право на выставку. Много лет Николай Константинович противился вернисажам любого масштаба. Наконец, его удалось уговорить выставить свои работы во Дворце искусств имени Н.С. Станиславского, на Невском проспекте. Он позволил отвезти туда холсты и рисунки, но сам ни разу не появился в выставочных залах.

Черкасов высоко ценил правительственные награды. Он занимал почетную нишу в советском социуме и чувствовал себя ответственным за доверие партии и правительства.

Симонов был народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР имени Н. Станиславского, кавалером нескольких орденов. Он первым среди актеров страны был удостоен Золотой Звезды Героя Социалистического Труда и ордена Ленина. И тут уж власти решили не отступать. Позвонили ему "из Смольного" и в императивном тоне пригласили украсить собой президиум какого-то официального торжества.

— Хорошо, — кратко ответил Николай Константинович, — вы возьмите мой пиджак с наградой и повесьте на спинку стула в президиуме. Ведь вам нужна Золотая Звезда. С меня-то какой прок? Я не оратор и не массовик...

От него отстали раз и навсегда.

Он покорял людей другим. Спектакль "Перед заходом солнца" по драме Г. Гауптмана. Симонов в роли седого Матиаса Клаузена, гонимого наследниками за любовь к прекрасной молодой женщине. В тишине, что дороже смеха и слез, в крайнем напряжении замершего зрительного зала, негромко, но жутко, с беспощадным страданием прозвучало обращение героя к предавшей его семье: "Где мой

гроб? Вы захватили его с собой?" А рядом со мной прошептала женщина: "Нам можно так играть? Он же умрет!.."

В пушкинских "Маленьких трагедиях" он играл Сальери. Вам когда-нибудь приходилось увидеть музыку? К счастью, телевидение сохранило несколько вариантов "Моцарта и Сальери" с участием Н. Симонова. Музыка Моцарта, заставляя вибрировать, кажется, каждый нерв, входила в каждую пору кожи Сальери!.. Позже, оставшись один, симоновский Сальери "произносил" не написанный Пушкиным монолог. Монолог этот вели руки артиста: он бросался к клавишину, на котором только что играл Моцарт, но словно сильный толчок в грудь задерживал его, а руки, потрясенные, растерянные, пристыженные, разлетались в воздухе, не в силах, не вправе приноситься к инструменту, одухотворенному волшебством гения.

Не злодея — человека, трагически борющегося с поглотившей его страстью к единственному и до конца непостижимому делу его жизни — музыкальному творчеству, играет актер. Убив Моцарта, Сальери-Симонов словно умирает сам: мы видим агонию его угасания. И так же, как Петра, играть Сальери после Симонова просто невозможно. Это была эталонная интерпретация пушкинского персонажа...

Николай Константинович сыграл много ролей в театре и в кино, и ни в одной из них не знал поражения. Иные роли оказывались мельче его личности и дарования — он умел создать и на таком материале нечто значительное, поднимая образ до масштабов художественного события.

Думаю, мало кто помнит фильм Вадима Дербенева "Рыцарь мечты", — он прошел по экранам нанто негромко, хотя посвящен человеку всеми почитаемому, Александру Грину, его молодым мечтаниям. Симонов играет сразу три роли: отца героя, боцмана на волжском паро-

ходе, и боцмана же на романтическом корабле, возникающем в воображении юноши Грина. Есть грустная и прекрасная правда в том, что романтических героев фантазия мальчика наделяет внешностью тихого пьяницы-отца, махнувшего рукой на собственную жизнь. Три роли — три эпизода. Актер каждый из них превратил в законченную новеллу. В уставо-грустных глазах отца, рано постаревшего в одиночестве и тоске, — уважительное удивление сыном-мечтателем. Трудно представить, как много способен сказать один лишь жест: отец видит, как мальчик зачарованно глядит на модель корабля за стеклом витрины, намеревается оклинуть его, но вдруг безвольно машет рукой, медленно, словно принимает решение в процессе всего лишь этого малого, простого жеста. Я смотрел картину в одном из залов киностудии "Ленфильм" вместе со съемочной группой. За моей спиной сидел народный артист России Федор Михайлович Никитин, тоже создавший несколько образов в "Рыцаре мечты". Старый мастер кино тихо выдохнул реакцию на жест Симонова: "Ну... великий и есть великий!"

Два боцмана — столкновение льда и пламени, ленивой привычки к беспешной профессии на плавном течении реки и взволнованной поэтичности бывалого человека, влюбленного в морскую стихию и корабль. Нигде о том не сказано ни слова, но у вас нет сомнения, что благородство и обостренное чувство справедливости у симоновского боцмана — от моря и того чувства лонтя, которое развивается только у людей опасных профессий.

Нынешний читатель удивится: если речь идет о великом трагическом актере, то где же шекспировские герои и герои Пушкина, где хотя бы Ибсен с его героинями-неврастениками?! Да не было их в судьбе Николая Константиновича, рожденного для таких ролей, но удаленного от них репертуарной политикой театра,

сохранившего черты императорского по признаку обслуживания идеологии и вкусов новой власти, исповедовавшей ответственное изобретение — "социалистический реализм".

В театре на долю Симонова выпал Сатин из горьковского "На дне", и в нем удалось занечь сухой огонь настоящей трагедии. Николай Константинович рассказал мне, откуда взялось понимание Сатина как фигуры трагической: "Лет тридцать назад, — говорил он в 1969 году, — Всеволод Мейерхольд встретил меня в антракте во время репетиций "Маскарада", Взволнованный, таинственный, он утащил меня на сцену, по дороге спрашивая:

— Что будем с вами играть?

— Не знаю еще, — говорю, — не знаю.

— Завтра уеду. Приеду — начнем!

— Что начнем?

— Идемте. Идемте!

И мы пришли на сцену. Там — темно-та. Рабочие передвигают декорации. И только вдалеке — щель света.

Мейерхольд говорит:

— Вот! Декораций не будет. Да, да! Я вам это говорю — не будет! Будут камни и щель света!.. Камни, и из камней вдруг появляются люди... Шевелятся, двигаются... А потом Буревестник... Я знаю, как это будет... Я знаю!

Я спрашиваю:

— Что это?

Он говорит:

— "На дне"!..

Вскоре Мейерхольд уехал, и мне так и не пришлось поработать с ним. А через двадцать пять лет Леонид Сергеевич Вивьен предложил мне сыграть Сатина. Что ж, я бывал в самарских ночлежках — я там рисовал в молодости. Все это так. Все будто бы и знакомо. Но как откуда взять мысли для возвышенных слов о Человене? В ночлежках я их не слышивал. Это — от большой поэзии... И вдруг вспомнил давнее: из камней... выраста-

ют... фигуры людей! До обобщения вырастают, до силы Буревестника!.. Так возник мой Сатин!.."

В толстовском "Живом трупе" Симонов сыграл нечто настолько свое, заветное, что я воспринимаю это создание великого антера как его личную исповедь. Симоновский Федя Протасов бенгал от мира, который теснил его право на свободу быть самим собой. Но ведь и сам Николай Константинович был ласков и деликатен, как его герой, со всеми окружающими, но и отдален от них так, словно общение происходило через толстое стекло, за которым располагается независимый мир Симонова.

После исполнения таких ролей, как Сатин, Протасов, Сальери, Матиас Клаузен, он долго не мог успокоиться. Он радужно встретил меня в знаменитой "десятке" после спектакля "Перед заходом солнца", но разговор не клеился: Симонов был взволнован, рассеян, хотя казалось, что он весь — внимание. В нем не успевал угаснуть спектакль, активно билась, не находя выхода, созданная его воображением жизнь, так и не реализованная до конца на сцене.

Таким, по рассказам, был он и после съемок сцены свидания с осужденным на смерть сыном в фильме "Овод" — в роли кардинала Монтанелли. Эпизоды тюремной жизни и казни Ривареса при осуждении картины были признаны слишком мрачными — их потребовали разбавить романтической красотой. Пришлось переснимать и монтировать заново. Но Симонова не удалось обмануть. Он разрывал сердца зрителей горем отца, едва нашедшего и тут же утратившего сына, возмущением гуманиста против смертной казни вообще и, наконец, трагическим разрывом с тем, чему поклонялся и слунил всю жизнь.

Мир Николая Симонова был заполнен музыкой, цветом, запахами красок и растворителей, природы и книг.

Его квартира напоминала прежде всего жилище живописца. С великим тщанием в ней было спрятано все, что касалось его актерской славы: не помню я фотографий в ролях — обычного украшения актерских кабинетов, не помню знаков зрительского признания, афиш с премьерными автографами. Ничего этого не было. Там царила живопись. На мольбертах, в рамках и просто на голой стене. И книги, книги, книги...

Симонов-живописец был влюблен в историю Санкт-Петербурга и в его архитектуру и природу. Но и здесь знакомые сюжеты находили свое, симоновское, преломление, тесно связанное с его актерской палитрой. Например, небольшая по размерам картина: мост у Михайловского замка, ветер, вздыбивший ветви деревьев, срывающий листву и — бешено сначущий всадник. Это — "Убийство Павла Первого..." Через какое-то время возвратился я к этой картине и увидел новое: деревья гонятся за всадником, хотят удержануть его, зацепить за парус плаща. Может быть, убийца — он? Ненавидимый Кутузовым Беннигсен или нелюбимый Пушкиным Яшвилль, генералы-заговорщики... Только настоящая живопись обладает чудесным свойством как бы возродиться заново при повторном взгляде на нее.

Краски Симонова свежи, прозрачны, ярки. Композиции динамичны. В каждой — едва сдерживаемый порыв воображения, впрочем, зорко выверенный мастерством. В живописи Николая Константиновича я чувствую крепкую академическую школу, которую он сохраняет настолько, чтобы учителям по Саратовскому художественно-промышленному училищу и Петербургской академии художеств не в чем было его упрекнуть. В актерстве у него все иначе. Там Симонов непредсказуем. По какой школе он репетировал и играл, одному Богу ведомо. Брать с него пример не приходится. Даже присяжные пародисты не умели пока-

зывать Симонова. Да и как сопрягать противоречия в его исполнительском искусстве? Слово он словно резцом скульптора обрабатывал. То укладывал в монументальную архитектуру, то швырял, точно куски расплавленного металла. Но при очевидном пафосе актер был исполнен простоты и искренности. Симонов не оставил ни последователей, ни подражателей. Он прошел по земле единственным и неповторимым.

...Мы сидим с ним в его квартире за полтора-два часа до начала спектакля. Он одет, готов к отъезду и нетерпеливо ждет машину, которая отвезет его в театр.

Я рассматриваю его эскизы на темы пушкинского "Бориса Годунова", порывистые мазки в пейзажах и натюрмортах. Нет в них спокойствия, как не было его в нем, даже когда он казался тихим и кротким. Осторожно спрашиваю:

— А нелюбимые роли у вас были?

Вопрос заставил его смутиться:

— Говорят, у каждого актера должны быть такие... А у меня не было... Это плохо или хорошо, как вам кажется?

Я промолчал. Любому актеру ответил бы на такой вопрос, а тут промолчал. Слишком интимны и сложны были отношения Симонова с его героями.

Вспомнился почти забытый всеми довоенный фильм "Возвращение". Симонов играл в нем полярика, обыкновенного человека 30-х годов. Фильм не относили к разряду "проблемных", поскольку сюжет был для поборников мировой революции слишком уж мелок: маленький мальчик узнал, кто его папа, и соединил распавшуюся семью. В фильме — ни одной трагической ноты, и Симонов играл в необычном для себя ключе: он жил на экране просто, без пафоса, почти бытово, если не считать, что в душе этого актера постоянно звучали поэтические струны, и бытописания в обычном смысле этого понятия у него быть не могло. В

"Возвращении" он создал один из самых живых образов человека 30-х годов, в котором я узнавал черты моего отца, а мои ровесники — отцов своих...

Однажды я спросил Николая Константиновича:

— Вы хоть раз нахамили кому-нибудь?

Он торопливо ответил:

— Ну, конечно... А как же... Вероятно, да...

Потом задумался и вдруг рассказал случай на съемках фильма "Петр Первый".

Что-то вышибло из душевного равновесия постановщика картины Владимира Михайловича Петрова. Он кричал, и никому не удавалось его успокоить. Тогда три сановных фигуры XVIII века — царь Петр, царевич Алексей и "счастья баловень безродный, полудержавный властелин" Менши-

ков, то есть актеры Симонов, Черкасов и Жаров — торжественно обнажили шпаги, подошли к столу режиссера и сдали ему оружие, бросив клинки на стол. Затем все трое покинули киностудию, в костюмах и гриме приехали в гостиницу, где остановился Жаров, пообедали там и вернулись в кинопавильон. Их встретили приветливо. Никто не кричал. Петров извинился.

В разное время я спровоцировал на этот рассказ трех его героев. Черкасов и Жаров изложили все в духе антерской веселой байки. А Симонов говорил с покаянной улыбкой: он ведь считал, что иллюстрирует ответ на мой вопрос о хамстве. Он и в этом был верен себе, природно добрый и совестливый человек...

В некрологе его официально называли "выдающимся трагическим актером". Не странно ли: государствен-

Патриарший двор. 1955 г.

ность, которая предпочитала видеть его в "положительных героях советской действительности", практически лишив ролей классической трагедии, вдруг посмертно выразила совершенно иную мысль. Некролог, тем не менее, отразил правду: Николай Константинович Симонов ухитрился вселить трагические масштабы мировосприятия в персонажи вовсе не трагического происхождения. Он стал великим трагином вопреки и вместо предлагаемой ему судьбы героя-агитатора за "советский образ жизни".

На сцене, на экране, в жизни его хотели сделать показательным гранданином сталинской эпохи — он ушел от нее в свой мир, богато населенный "старой" культурой. Он и сегодня ушел бы от новиспеченных теоретиков отмирания всех прежних достижений русской культуры, а заодно и русской интеллигенции: в угоду

чему-то якобы новому, кричащему, чернушному и циничному.

"Мир ловил меня, но не поймал", — написано на памятнике украинскому философу Сковороде. Симонов мог бы повторить это слово в слово.

Зато он поймал нас. И не отпустит до сих пор. Дадут ли по телевидению две серии "Петра Первого", "Очарованного странника" (по Н. Лескову), "Моцарта и Сальери", появится ли Симонов на экранах в образах кардинала Монтанелли из фильма "Овод" или доктора Сальватора, гениального отца "Человена-амфибии", все возрасты по-прежнему во власти его особого, ни на кого не похожего дара.

В актерстве такие личности не часто рождаются. Они близки к святым подвижникам по духу и самопожертвованию. Николай Константинович был одной из таких редкостей человечества. ■

На земле, в небесах, под водой...

Роман Денисов — коренной москвич. Но география его творческой судьбы выходит далеко за московскую кольцевую...

— Как фотограф, журналист я родился на Севере, в Якутии. Хотя снимать начал еще в школе стареньким "Зенитом", — рассказывает Роман Иванович. — Работая в "Маяке Арктики", в Тикси, изъездив, исходив, облетев всю Якутию, вдруг

осознал, что фотожурналистика не просто способ зарабатывать на жизнь, а образ жизни. Фотокамера — как кисть художника — продолжение его существа. Его мыслей, души. Извини, конечно, за пафос, но это так...

Агентство печати "Новости" стало для Денисова вторым (а во многом и первым) этапом постижения жизни через видеоискатель. Уже сложившийся журналист, он идет в ученики фотографа — так значилась его должность в штатном расписании АПН.

— Мне сказочно повезло на учителей. Валерий Шустов, Юрий Абрамочкин, Фред Гринберг — асы отечественной фотографии "гоняли" и пестовали меня. Сейчас, увы, такого не встретишь... Они учили не только снимать, но, прежде всего, смотреть и видеть. Глазами, сердцем, умом...

Как видим, учили успешно. Персональные выставки в Союзе, в России; лауреатские знаки и дипломы на престижнейших мировых фотовыставках (в их числе и "Уорлд Пресс Фото"...) — все это в активе Романа Денисова. А еще — тысячи публикаций в самых лучших журналах страны, мира...

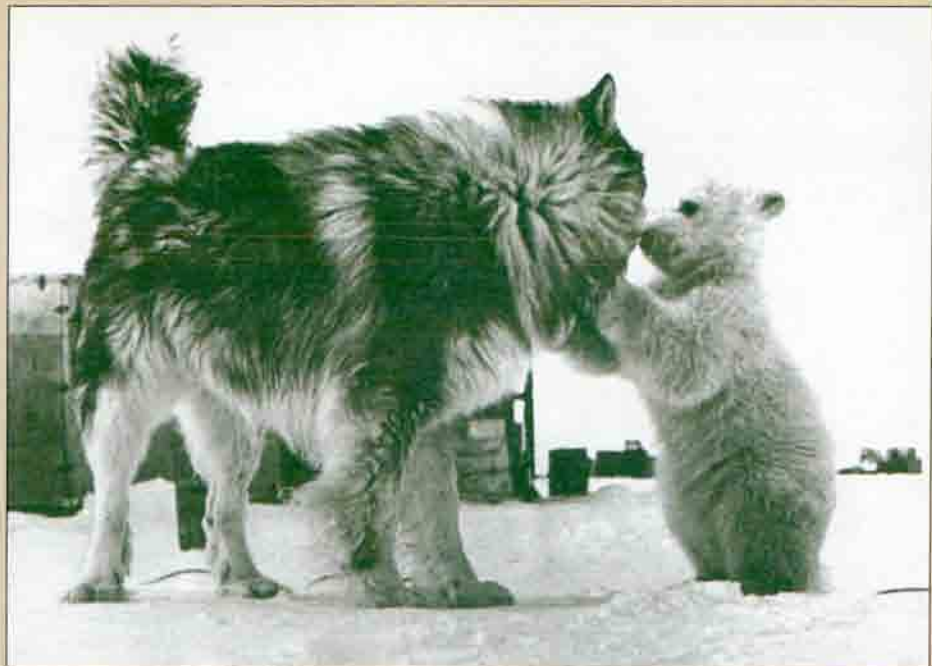
Свое шестидесятилетие Роман Денисов встретил, как говорится, в отличной творческой и спортивной форме. Он неутомимо снимает на земле, в небесах и под водой. Свидетельства тому перед вами, читатель.

Кандидату в мастера спорта по гимнастике не так уж сложно было стать альпинистом, горнолыжником и... водолазом. Более 200 часов провел под водой Роман Иванович, конечно, не один — с фотокамерой.

— Словами это не передать... Удалось ли снимками? Не знаю... Такое ощущение, будто попал в иной мир — виртуальный, что ли... Но мир этот в то же время осязаем, реален и — прекрасен! Будто самая яркая мечта из детства наконец-то сбылась...

— А не скучно жить, если мечта сбылась?

— Где ты видел скучающего фотографа?

Станция «Северный полюс-19», 1968 г.

Юрий Никулин, Весна 1997 г. (один из последних снимков).

Москва — воздушный поцелуй.

Черное море: в салочки — с медузой...

Своим путем (соревнование верхолазов)

«Песочный» слалом.

Легендарный джазмен Би-Би-Кинг, 1997 г.

Элтон Джон. 1997 г.

О льготах...

"Сосед мой в войну танкистом был, а я, так уж получилось, — эти самые танки делал... Но после принятия "Закона о ветеранах" между нами как бы тень пролегла. И дело даже не в том, что по этому закону ему — скидки в оплате за жилье и коммунальные услуги, бесплатные лекарства и многие другие льготы, которые, говорят, мне не положены, а в том, что, получается, будто теперь я вовсе и не ветеран Великой Отечественной. Или, может, я чего не так понял?"

Федор КРУТИНОВ,
Свердловская обл.

Уважаемый Федор Иванович! Согласно Закону РФ "О ветеранах" от 12.01.95 г. участники войны, и те, кто был награжден орденами и медалями СССР за самоотверженный труд в те годы, относятся к ветеранам Великой Отечественной войны. Так что не беспокойтесь, никто не может отнять у вас права на это высокое звание. И определенные льготы или, как

их официально называют, меры социальной поддержки и защиты этим законом вам тоже предоставлены.

Перечисление всех заняло бы слишком много места, поэтому назову лишь некоторые (полностью они приведены в ст.20 упомянутого закона): получение разовых льготных кредитов на приобретение (строительство) квартир, жилых домов, садовых домиков, благоустройство садовых участков; бесплатное получение земельного участка в размерах, определяемых законодательством для жилищного строительства; 50-процентная скидка в оплате лекарств, приобретаемых по рецептам врачей; 50-процентная скидка со стоимости проезда на железнодорожном и водном транспорте пригородного сообщения; бесплатный проезд на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси) в любом городе, а в сельской местности — также на автомобильном транспорте общего пользования пригородного и междугородного сообщения.

Правда, непосредственным участникам боевых действий предоставлены более широкие и разнообразные льготы и привилегии, но, во-первых, насколько я понял, это вас не так уж и волнует, а, во-вторых, тут уж ничего не поделаешь: как говорится, закон суров, но таков закон. Тем более, что основная беда (и это видно из писем других ветеранов) не в различии льгот, а в том, что некоторые чиновники под разными предлогами пытаются их не предоставлять. Чаще всего при этом ссылаются на отсутствие либо средств, якобы не выделяемых из федерального бюджета, либо дополнительных инструкций и разъяснений местных властей.

Надо сразу сказать, что с точки зрения действующего законодательства оба эти аргумента несостоятельны. И самый надежный способ борьбы с подобным чиновничьим произволом —

подача искового заявления в суд. Конечно, это довольно хлопотное дело, зато, как показывает практика, весьма действенное...

И судья бывает не прав

"Меня оштрафовали за нарушение правил пожарной безопасности, хотя я уверен, что никакого нарушения не было. Но спорить с пожарными трудно (у них в правилах столько всяких заковык, что всегда придраться можно), и мне посоветовали подать жалобу в суд. Однако судья жалобу у меня принять отказался, сказав, что сначала я должен обратиться в вышестоящий орган пожарного надзора... Разве судья может не принять жалобу?"

Дмитрий ЛУКЬЯНОВ,
г.Венев, Тульская обл.

Работа суда, как и любого другого учреждения, регламентируется соответствующими законами и установлениями. И в принципе, судья имеет право в ряде случаев (все они описаны в ст.129 Гражданско-процессуального кодекса РСФСР) не принять жалобу. Но... Во-первых, говоря юридическим языком, перечень этот исчерпывающий и расширительному толкованию не подлежит. Во-вторых, и это главное, ваш случай в этот перечень не входит.

Наоборот, согласно ст. 267 Кодекса об административных правонарушениях (НОАП РСФСР) — а наложение штрафа регламентируется именно этим правовым актом — вы имеете право по своему выбору обратиться либо в вышестоящий орган, либо подать жалобу в суд. К сожалению, суды наши всегда (а сейчас — тем более) завалены разбором подобных дел и потому судьи под разными предлогами пытаются сбросить с себя часть на-

грузки. По-человечески их, может быть, и можно понять, но юридическое оправдание таким поступкам нет. Больше того, пленум Верховного суда РФ еще несколько лет назад принял постановление "О некоторых вопросах рассмотрения судами в порядке гражданского судопроизводства жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях", в котором рекомендовал судьям руководствоваться в случаях, подобных вашему, именно ст.267 НОАП.

Гранты налогом не облагаются

"Наш НИИ (он входит в систему Российской Академии наук) недавно получил от международной организации несколько грантов на исследование научных проблем. Один из них выделили мне, но, как я узнала, бухгалтерия собирается взиснять с этой суммы подоходный налог. Разве это правильно?"

Р. ТВА, Московская обл.

Согласно ст.3 Закона РФ "О подоходном налоге с физических лиц", гранты (безвозмездная помощь), предоставляемые для поддержки науки международными и иностранными организациями, не включаются в совокупный доход физических лиц, с которого взимается подоходный налог. Но при этом необходимо, чтобы организации или фонды, предоставившие грант, удовлетворяли некоторым условиям: во-первых, были обязательно некоммерческими и благотворительными, во-вторых, должны быть в установленном порядке зарегистрированы и внесены в перечень, утвержденный федеральными органами исполнительной власти, отвечающими у нас в стране за науку и техническую политику.

Владимир Михайлов, консультант "Смены" по юридическим вопросам ■

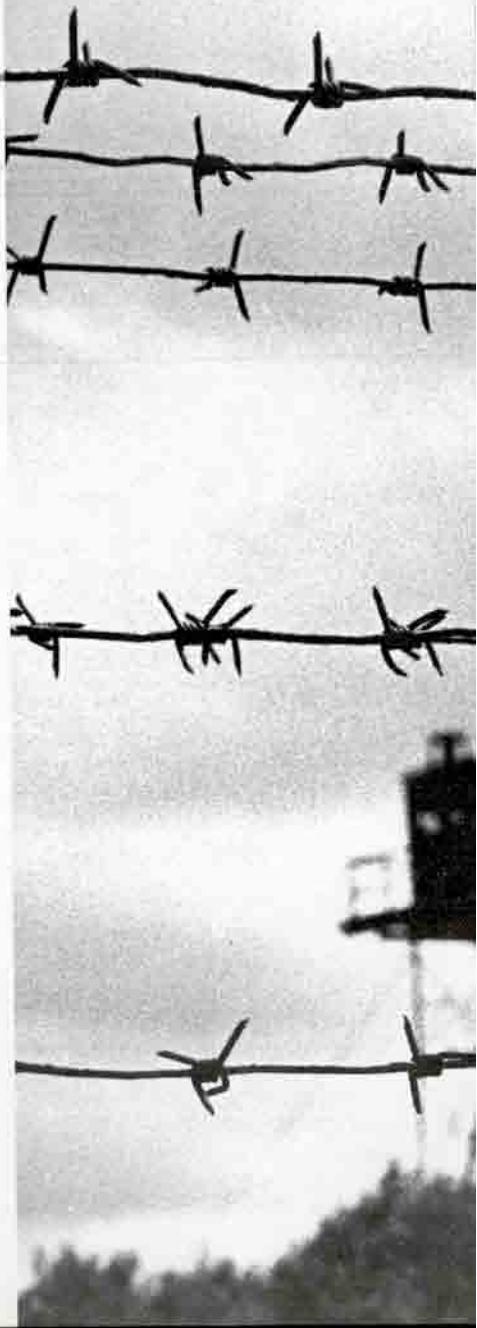
ХЛЕБ "ВЕ

Николай ВЕРТОВ

Впервые он пришел ко мне три года назад. Представился: "Я тот, кого вы называете вертухаем". Я принялся извиняться и объяснять, что это вовсе не я так называю тюремную охрану, это всего лишь модный журналистский выверт, свидетельствующий, что автор якобы хорошо разбирается в лагерной терминологии. Но он сказал, что не обижается: "Нас еще и не так называют". Оказывается, его зацепила давняя моя статья, в которой я с сочувствием отнесся к людям, вынужденным охранять общество от преступников — ко всем этим надзирателям, контролерам, воспитателям, тюремщикам... Он был молодым, востроглазым мужчиной — не дотягивал и до тридцати. И я все думал: как же это он стал вертухаем, что в нем такого особенного для работы, не слишком уважаемой российским обывателем?

Порассказал он мне много всего. Уехал. Прислал письмо, в котором со-

фото Валерий Утца

"ЯЗЫК"

общал: начальство, прознав про его визит к журналисту, устроило взбучку и обещало многие неприятности. Но на его защиту встал весь рядовой охранный люд и начальство угмонилось. Потом пришло письмо, под которым стояло четырнадцать подписей работников той самой колонии. Людей изводило безденежье, начальственное вранье и наглость. И еще приходили письма с еще большим количеством подписей, и с каждым разом все тоскливее и безнадежнее. Приезжал снова и мой знакомый. Опять рассказывал. Я понял, что он в своей колонии — нечто вроде правозащитника, местный диссидент. Правда, защищал не права заключенных, а права их, так сказать, мучителей и притеснителей. С таким я еще не сталкивался: горазда

российская жизнь на всякого рода парадоксы.

В последнюю нашу встречу я спросил у него разрешения на публикацию его устных рассказов. За три года они сложились в нечто цельное. Он согласился. Но вслед за этим поведал, как недавно он, "вертухаевский диссидент", был вызван неким руководящим кадровиком, который пригрозил ему жестокими санкциями за то, что "хочет умнее других быть..." и "права качает"... Поэтому оговорюсь сразу: имя и фамилию автора "взял с потолка", а зон, схожих с этой, — по России видимо-невидимо... Конечно, мой собеседник будет в тюремном ведомстве немедленно узнан, но раз нет фамилии — то и человека вроде как тоже нет. Не придержишься...

Леонид ШАРОВ

Путь в зону

Если я скажу, что мечтал стать вертухаем в розовом своем детстве, то никто мне не поверит. И правильно сделает. Кто же хочет копаться в дерьме и дышать им же? Однако проходит время... Плядишь; кто-то копается и дышит. Кто-то начинает испытывать от этого удовольствие. Есть и те, кто без этой своей работы не может себя представить. Я знавал таких: отними у них возможность работать в зоне или в тюрьме — перестанут чувствовать себя людьми.

Надо при этом понимать, что тюрьма и зона — вещи и явления разные. И вертухаеми в них слухают разные люди. Особенно, если под тюрьмой понимать следственный изолятор. В Москве должность контролера в СИЗО — почти престижна. И уж во всяком случае способна прокормить. Потому есть люди, которые со всей определенностью стремятся поступить на работу в Бутырку или в Матросскую тишину. Не то чтобы я им завидую. Оно ведь кому

как... Но на работу они могут ездить на метро. А я работаю в зоне. А зона — в Вятской губернии. В лесах. Раз в неделю можно сесть на поезд (его у нас называют бичевозом) и через двенадцать часов попасть в Киров. Вместе с партией освободившихся зенов...

Кто ж, скажите на милость, мечтает жить в медвежьем углу?

Вертухаем я стал так... Родом из Белоруссии, из небольшого городка. Отслужил армию. Вернулся. И началась нескладуха. Девушка моя меня не дождалась: вышла замуж и уехала. Сейчас-то понимаю, что все к лучшему, но тогда выть хотелось. Папаша нашел на стороне другую бабу — помоложе мамы, покрепче. Она ему пить не запрещала... Надо было устраиваться на работу, а специальности у меня никакой. Да и городишко наш мне сделался горше редьки; мне участковый и посоветовал, самое милое, дескать, для меня — идти в ментовское училище. Я и пошел...

Учился хорошо. Ходил в отличниках. И кто его знает, может, и стал бы со временем опером, карьере бы сделал. Но случилась у нас в общаге пьянка, плавно перешедшая во взаимный мордобой. А тогда еще не утихла антиалкогольная кампания, и начальство прямо-таки возрадовалось возможности выказать твердость убеждений и искоренить зло. Вот, дескать, отличник, надеждка всей советской милиции, но раз оступился, раз изнасил моральный облик — изгнать из стройных рядов! О чем и было в нужном ракурсе доложено наверх: дескать, боремся помаленьку. Отписав и доложив, отыграли немного назад; поезжай-на ты, брат, в зону, послужи там... (Это у них называлось "шлюзоваться".) А через года два, ежели зарекомендуешь и заглядишь, можно будет и восстановиться, кампания на то и кампания, век ее короток. Делать мне было нечего — поехал. Теперь думаю, зря я на это согласился. Лучше бы в каком-нибудь другом месте и

качестве перенантовался, нигуда бы ментовская служба от меня не ушла.

Приехал я на место, и взяла меня тоска смертельная. Получалось, что сам себя посадил. На много верст вокруг — леса. Посередине поселок. Строили его еще при Сталине: избы, в избах печки, за избами хилые огорды — земля там плохо родит. Мимо поселка и зоны идет железнодорожная однопутка. Правда, есть небольшая элентростанция на дизельном топливе, чтобы, значит, в поселке и в самой зоне был свет. В лесу — лесобиржа. Ну еще щебенистая дорога, разбитая грузовиками.

А в зоне все остальное: бараки, столовая, баня, пенарня, административный корпус, вышки. На вышках солдаты. В бараках зени. И я туда-сюда болтаюсь. Вот уж скоро десять лет, как я здесь...

Моя ненависть

Для того, чтобы работать в зоне, надо ненавидеть зеков да и вообще всех людей. Говорю, конечно, за себя и о себе. Но, поверьте, я в зоне и около нее добрых людей никогда не встречал...

О каком добре можно вести речь на утреннем разводе? Заставить работать зеков можно только тогда, когда они поймут, что их ненавидят сильнее, чем ненавидят они. Плохо это или хорошо — вопрос из другой оперы. Наверное, плохо. Но коли стоите вы на продуваемой площадке, в мороз, в дождь, в жару, коли знаете, что тан вам придется стоять каждый день... И не три года. Не пять лет. Даже не десять. А неизвестно сколько — вполне возможно, что и до смерти. И каждый день будете возвращаться в избу, где надо топить дымную печку (зимой, чтобы согреться, и круглый год, чтобы сварить щи или вскипятить воду).

Я много думал об этом... И поверьте, когда ты начинаешь понимать смысл

своей ненависти, то жить становится проще. Ненависть, как бы это сказать, становится профессией. Овладел ненавистью — состоялся как вертухай...

За последние годы о зенах всего столько написано, сназано, снято... Журналисты с удовольствием копаются в их душах. Даже смертники начинают казаться ангелочками. Я их повидал — ангелочков-то. Отношение мое к этой публике сложилось быстро и однозначно. Сначала стал свидетелем диного случая, когда один мордворот изнасиловал собственную мать, которая приехала к нему повидаться. Отлежалась она у нас в больничке, потом отправили ее восвосяи — будто и не было ничего. Ни она не стала писать заявление, ни администрация колонии по этому поводу шарахаться. Такие события здесь — в порядке вещей.

А через некоторое время и сам я чуть не загремел, как говорится, под фанфары. Сидел у нас человек по кличке Нинок. Тихий такой. Почти бессловесный. Посадили его за нанесение тяжких телесных повреждений... Хотя он фантически убил. Только тот, кого он убивал, умер не сразу: месяца три помучился в больнице. Меня мои напарники предупреждали: будь с ним осторожен. А он, повторяю, тихий, послушный, незаметный. Работал в сапожной мастерской — вполне теплое местечко в зоне. (Особенно в такой, как наша, которую звали "паринмахерской" — потому как наши зени занимались усиленной стринжкой тайги.) Нинок и мне как-то сапоги хорошо починил.

...Я в зоне занимаюсь вопросами безопасности.... Проще, служу в оперчасти. Задача одна: чтобы в зоне был порядок. Чтобы, значит, не пили, не ширялись, не дрались, не готовили побегов, не воровали, не давали взятки персоналу, не делали ножи, не мужеложествовали, не скотоложествовали, не писали недозволенных писем, не произ-

носили антигосударственных лозунгов... Но поскольку даже самая образцово-показательная колония может предложить все эти прелести в полном ассортименте, мы должны были вливать весь этот криминал в удобоваримые и контролируемые рамки — не дай Бог, что-то такое выпопзет в областное управление. А там свой уровень укрывательства: не дай Бог, чтобы узнали в Москве.

И вот в мою смену зовут меня в сапонию мастерскую, говорят: Нинок там пьяный сидит... Кто-то из вольняшек (грандданские вольнонаемные сотрудники колонии — **Ред.**) приволок ему пузырь. Иду. Нинок и впрямь близок к остекленению. Раз об этом знаю не только я один, то надр принимать меры. То есть брать Нинка под руки, вполчь в ШИЗО, писать рапорт... Назавтра ему определят, сколько там за это положено суток изолятора. Я думал, что Нинок, хоть и пьяный, со всем этим согласен. Рыпаться бесполезно. "Вставай, — говорю я ему, — пойдём." И легкомысленно, забыв товарищеские предостережения, отворачиваюсь. А Нинок в это время хватает топор и бьет им меня сзади. На мое, да и на его счастье сержант из роты охраны, который и должен был сопроводить Нинка в нутзуну, успел подставить руку так, что траектория, что описала в воздухе рука моего потенциального убийцы, оказалась не смертельной. Но по черегу он меня обухом вскользь задел, содрал кожу, причем, под фуранной, острее же пришлось в плечо, но не с той силой и тоже вскользь. Слава Богу, не отключился, и когда Нинок опять поднял топор, я нырнул под его руку и успел вмазать ему...

Я наивно думал, что за это Нинок загремит в суд, а из суда на новый срок. Не тут-то было. Инцидент был признан начальством как обоюдная драка: и тот, стало быть, виноват, и этот. "Как же так? — возмущаюсь. — Он же меня убить был готов. А я все ж таки не зека, я — грандданин начальник. Он же на свя-

тое руку поднял". Мне велели заткнуться... Всем было плевать на мое разорванное плечо, благо оно через пару недель зажило. Заболело только одно: как бы этот эпизод не стал известен начальству... Правда, он, конечно, стал известен. Смешно думать, что в нашей колонии не было патентованных стукачей, работающих непосредственно на управление. А ведь это почти ЧП — нападение, да еще вооруженное, на представителя администрации; повод для всякого рода проверок. И начнется: а как это у вас водка была пронесена в зону, куда смотрели, почему заключенный в неурочное время торчал вне барака?.. Запросто пришьют ослабление контроля. И кому это надо? И зачем лишний раз подставляться чиновникам, для которых такие происшествия — хлеб: они получают возможность сделать "оргвыводы".

Вернусь к случаю с Нинком. Я попытался что-то такое предпринять — написал соответствующую бумагу в управление. Меня вызвали. И пригрозили. Я, правда, не так чтобы уж очень понял, что они со мной сделают, молодой был еще, справедливости требовал. Прошло время — понял. Они ничего не будут со мной делать. И в этом "ничего" — самое страшное. Оставят там, где живу. А тут уж я сам что-нибудь с собой сделаю. На выбор: сойду с ума, сопыюсь, повешусь, с женой или еще с кем что-нибудь сотворю, забалею чахоткой. (К этим вариантам я еще вернусь...) Но с той поры попал я в разряд неблагонадежных. Так что ни о какой учебе в школе милиции можно было не помышлять...

Бега

Без оперативной работы в зоне никуда не денешься. В принципе зона тот же паровой котел. Вместо пара в нем — зло. А я — нечто вроде градусника или манометра: определяю температуру и давление этого злого пара... Решений

не принимаю, всего лишь сигнализирую. Я — на подхвате. Обьисни, досмотры, локализация конфликтов. (То самое колание в дерьме, с которого я начал эти заметки...) С чего начинаются побеги? С того, что зек выносит из зоны хлеб, крупу, веревки, ножки, крепкую обувь, деньги... Все, что ему необходимо в бегах. В лесу он устраивает схорон, чтобы в день побега все это забрать с собой... А в зону тянет водку и наркотики.

Бегут? А то как же! И чаще, чем принято считать. Зона, как я уже сказал, не тюрьма. Уж коли из тюрем умудряются бежать, то в зоне для этого возможностей куда больше. Но вот ведь какая штука... Тюрьма, особенно если это следственный изолятор, расположена, как правило, в городе. И если сумел человек из нее вырваться, то в городе его черта с два поймаешь. Из зоны уйти намного проще. Каким бы ни был конвой бдительным и свирепым, за всеми не уследишь. Другое дело, что оказывается беглец в лесу, в местах нехоженых, ему не знакомых: куда бежать?

Можно выйти на железнодорожную ветку и попытаться сесть на поезд-бичевоз. Но он охраняется, опера в нем дежурят. Можно — на трассу, по которой ездят самосвалы и грейдеры. Но их тормозят на наездном посту. Люди еще могут как-то не заметить — хотя и не представляю, как. Но ведь есть собаки. А уж они свою службу знают. И, наконец, последний вариант: идти пешком. Это примерно триста верст. До ближайшего более или менее крупного города. В поселки заходить нельзя. Все поселки в округе построены при зонах. Наш оперативный интерес распространяется и на них, к тому же все там на виду, все друг друга знают... Бегут отнюдь не шварценеггеры; к тому же есть верная примета: раз начал зек качать мускулатуру и заниматься спортом — большой шанс, что он готовится в побег. За ним начинают следить. А в случае чего —

занрывают для профилактики в ШИЗО. Как бы его ни "грели", все равно через десять сутон он там набранную форму потеряет напрочь. Обычно же человеку пройти триста километров отнюдь не подмосковным лесом, в котором, кстати, хватает волков и попадаются медведи, практически невозможно. Даже летом. О зиме вообще говорить не приходится. Это самоубийство.

Теперь о хитростях... Только не зловонных, а наших начальников. Всобачить зену побег — дело нехитрое. Но побег — полновесное ЧП. Это шум-гам на все управление, как минимум. Надо информировать Москву. Короче — неприятности обеспечены. Поэтому никто о побеге сообщать не спешит. Вот почему поймать беглеца должны именно мы — не другие. А если другие?... Хорошо, когда с ними у нас "все в порядке". Тогда и они смолчат, хотя угощение выставить и потребуют. А если что не так... Допустим, начальники колоний или кумовья (начальники оперчастей) между собой что-то не поделили. Тут подлянка обеспечена, да и отзовется она болезненней: ведь была же попытка скрыть прокол.

Поэтому пойманному беглецу вменяется достаточно безобидное оставление места лишения свободы... Ну, "заблудился по дурости". Вот и вся проблема. Зену такая постановка вопроса еще как выгодна. Так бы ему намотали новый срок. Вместо срока он получит сугубо дисциплинарное взыскание — отсидит свое в ШИЗО. Стдохнет после "турпохода" и залижет синяки, на которые мы не поскупились.

Такие побеги — чушь собачья по сравнению с захватом залонников. Захват залонников — вот должностная смерть для кума и его зама. И крест на дальнейшей карьере начальника колонии. Но нашу зону Бог от такой напасти до сих пор спасал.

...Только побеги — это не актуально. Куда интереснее другое.

Исчезновения

Допустим, сидит человек. И вдруг его нету. Где? — спрашиваю. Где надо, отвечают, если отвечают вообще... И вправду: с такой стати устраивать опасный побег, ежели есть деньги: нынче в наших зонах деньги решают все. Знаю один случай... Осудили в Москве убийцу на четырнадцать лет. (Убийство он совершил гнусное: задушил и снег любовницу, да еще взял с трупа ключи от квартиры и квартиру эту на следующий день ограбил.) Отправили его сидеть. И вот однажды идет судивший его судья по улице. А навстречу ему этот самый убийца. Судья подумал сперва, что обознался. Ан нет... Рядом с убийцей шли его мать и отец; судья их личности хорошо запомнил во время долгого процесса... Кинулся выяснять. Нет, приговор никто не менял. Досрочное освобождение по таким делам не полагается. Помилование возможно только после того, как преступник отсидит не менее двух третей назначенного ему срока. Потом появилась информация, что семья этого злодея продала одну из двух доставшихся ей после приватизации квартир. За пятьдесят тысяч долларов. Надо полагать, что эти деньги и пошли в уплату за свободу.

Нет, этот случай был не в нашей колонии. И не в нашем управлении. Я о нем услышал краем уха в ГУИНе. Вроде как ждали там большого скандала и ломали головы, как его замять.

У нас было другое. Попал к нам рецидивист — весь в судимостях и в авторитете. Почащу отлежался в больнице. Потом гляжу — нет его в колонии. Оказалось, предоставили ему отпуск. Не сколько лет тому назад ввели у нас такую практику: если зеков хорошо себя ведет и все такое прочее, то дают ему десять суток вольной жизни. Но чтобы рецидивисту?! К тому же гулял он два с лишним месяца... Не знаю, как такую лафу сумели ему оформить. Однако вернулся. И через несколько дней повезли

его в город, в суд, на предмет рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении (УДО). Заметьте: повезли, то есть, за ним специально приехала машина. И не воронком, не вагон-зак. А джип. К тому же не принято возить зеков в суд на УДО. Суд сам к нам приезжает, потому как неизвестно еще: отпустят его или оставят сидеть в зоне. Значит, было заранее известно, что непременно отпустят. Принимите: сколько на эту комбинацию ушло денег. В Москву по этому поводу пришла анонимка. Сунулись проверять, а толку? Концы обрублены. По злобе хотели эту анонимку приписать мне: я же в нашей колонии вот уже который год считаюсь фирменным жалобщиком, борющимся за права вертухаев. Да только у меня алиби она-залось стопроцентным.

ГУЛАГ-коммерческий

Братва в зоне живет — дай Бог каждому. Даже девок в наш медвежий угол выписывают. Около авторитетов кормится некоторое число зеков. Из тех, кто может оказывать им какую-либо услугу; прочим приходится туго.

Есть у нас в зоне и свой "смотрящий", который руководит колонией от братвы и регулярно докладывает о своих делах в Вятку. Из Вятки и из других мест в соответствии с решениями общака приходит "грев"... В том числе и наркота.

Я, например, могу поймать каню-нибудь зена и найти у него дурь... Это пожалуйста. Это мои дела... Но что я могу предпринять, когда среди белого дня, в открытую, въезжает на территорию зоны "джип-чернок" — и как он только на трассе не загнулся? И набит этот джип под самую завязку. И никого к нему не допускают, крутятся около него начальство. Ясно: грев привезли. Половину — гражданам начальникам. Тем, у кого звезды покрупнее. И денег привезли мешок: с учетом инфляции.

Нынче все места лишения свободы сделались коммерческими предприятиями. По сути речь идет о том, что руководство за определенное вознаграждение обеспечивает богатым криминалам весьма комфортабельную жизнь в неволе. Можно все. В тюрьме — отдельную камеру, в зоне — комнату, а то и коттедж. Одеваться можно как угодно, хоть во фрак. Выпивка, наркотики — в полном ассортименте. Нужны женщины — приведут. Не понравятся, добудут других. Телефон — извольте. Надо повидаться с подельниками или еще с кем из братьев — пожалуйста, только плати. Понятно: это риск. Но точно рассчитанный, измеренный валютой. Всякий начальник, имеющий реальную власть, понимает, что может сгореть. Само нарушение скрыть при тщательной проверке не удастся, поэтому документы стараются оформить так, чтобы это нарушение, без которого не обойтись, тянуло максимум на административный проступок. Тогда — просто выгонят с работы. Возможно, что и без водного, как говорится, пособия. Сняв все льготы, зачеркнув все заслуги и выслуги; но — уже сколочен капиталец, ради которого и рисковал. В особых случаях, когда начальнику надо совершить должностное преступление, он его совершает без лишних трепыханий. Понятно, гонорар при этом возрастает на порядок. Начальник готов данке на отсидку (впрочем, не слишком долгую), лишь бы ее оплатили... Через нашу зону, судя по всему, проначиваются немалые деньги. Но они ни в какое сравнение не идут с "оборотным капиталом" московских следственных изоляторов.

Так что рынок и ГУЛАГ в наше время — вполне совместимы. Хотя и раньше ГУЛАГ давал своим начальникам возможность для предпринимательства — проще: для воровства. Пренде зени гнали продукцию, подчас дефицитную и дорогую. Поди плохо было втяги-

вать пиломатериалы в безлесную Среднюю Азию?! Нынче у зенов работы сильно поубавилось. И старый ГУЛАГ перешел на новые рельсы: он стал продавать сам себя, во всю спекулируя на поговорке, согласно которой в России ни в коем случае нельзя зареняться от тюрьмы.

Тюрьма и сума

А я и мои коллеги, которые тянут в ГУЛАГе лямку, похоже вляпались и в тюрьму, и в суму. Что насается тюрьмы, то мы в ней проводим, считай, полжизни. Но раньше о суме кан-то не думали. Жили хоть небогато, да не хуже большинства. Шел и стан, приплюсовывались к зарплате льготы за пребывание в местах не столь отдаленных; отправляли нас в отпуск, выдавали премии. По мере надобности снабжали обмундированием. В общем, кое-что набегало... Жили надеждой: вот поднакопим денегат (тратить их в наших местах в то время было особенно некуда), рванем на большую землю, построим какую-никакую кооперативную квартиру в южных краях, монет, и на "Запорожец" хватит. Некоторые же просто хотели донить тихо-мирно около зоны, было у них хозяйство... От зоны, надо сказать, можно кормиться. Это в России с давних времен повелось. Зени тебе и дрова наколют, и воду принесут, и крышу перекроют. А то приезжает на свидание родня — останавливается на несколько дней в поселке, снимает угол — неплохой приработок имели те, кто мог пустить к себе приезжего на постой.

Вся эта идиллия канула в Лету. Грешно, конечно, мне жаловаться на то, что нам зарплату не выдают вот уже несколько месяцев. О всяком рода доплатах смешно рассуждать — какие сняли, какие опять же не платят. Это общая российская беда. Учителя, врачи, военные, шахтеры, ученые — все кукуют, все сосут папу. И то, что нам в поселке нашем жрать стало не-

чего, тонке никого не проймет. И то, что света сутками не бывает, никого не удивит и не встревожит.

Я хочу, чтобы читатель понял одну простую вещь. Между ним, читателем, и зенами не колючая проволока, которой, кстати, теперь нет. Не запретка. Не тюремные стены. Мы! Те, кого называют вертухаями, охранниками, стражей. Вы можете презирать нас и нашу работу, вы можете не подавать нам руки. Считать нас жлобами в седьмом колене и наследниками черт знает каких чудовищ. Но повторю: это только на телеэкране, на газетных страницах зени кажутся безобидными пайнычами...

Но сколько же можно терпеть! В Воронежской области охранник, отец троих детей, всю жизнь проживший в какой-то металлической халупе, всю жизнь стерегущий зону, в отчаянии от всех бед, что свалились и на нас, вспорол себе живот. У мунина, понятное дело, сдали нервы. Но я, к примеру, вешаться не собираюсь. У меня семья, ребенок. Я их один на один с государством и беспролазной нуждой оставить не могу; просто снимусь с места и уйду. Я еще не стар. Глядишь, каннибуудь на хлеб заработаю.

Но я уйду, другие уйдут, третьи сопьются. А неровен час — помрут с голоду. И что? Не хочу никого обидеть, но коли забастуем мы, вертухай, то шахтерские забастовки поканутся всем милыми детскими утренниками...

Но куда мы денемся, куда пойдем — уволенные? Где нам обрадуются? Не дай Бог, чтобы уволили! Мы тогда лишимся единственного источника существования — зоны...

Хлеб вертухая

Не так давно я окончателно убедился, что для нынешнего государства все равно: что мотающий срок преступник, что несущий рядом с ним службу охранник.

Магазин, который имеется в нашем поселке, перестал нас отоваривать. Возмущаться было ни к чему: нельзя же вечно отпущать продукты в долг. А платить за них нам давно нечем. Правда, нам предложили взять пайны, только мы не взяли — отказались. Не из гордости. Какая там гордость! Детей бы чем нанормить. Но в пайках — ни мяса, ни рыбы; старая крупа да рис. Картошки и той нет. Мы и так сидим на рисовой каше, которую варим в воде. А как без хлеба? В зоне, между тем, есть небольшая пекарня. Но она обслуживает только заключенных.

Так что с чем-чем, а с хлебом у них все в порядке.

Вину, идет зек. Несет буханку черного хлеба. Буханка только что из печки — теплая еще и мягкая. Плохо мне стало. Помрачение в мозгах произошло.

— Эй, — окликаю зена, — подойди!

Зену делать нечего. Не подойти нельзя. Идет. На ходу себя осматривает: думает, может, чего у него с оденонкой нет. Может, он еще про что думает, может, у него в подкладке дурь защита или грелка с водной менду ног болтается. Но мне все это не интересно. Я вино хлеб. Я его запах ощущаю. А дома у меня ни крошки. Ни сухарика какого завалющего. Ни печеньица.

Подходит. Начинает представляться. Я его перебиваю:

— Слушай, ты уж извини, конечно...

Не одолжишь полбухании?

Понимаете: не продай, я ему говорю, а именно — одолжи. Денегто нет. Только дома в заначке — на самый уж черный день.

— Да бери хоть всю, — отвечает зен.

Не могу сказать, что этот хлеб не полез мне в горло. Еще как полез... Вспомнил, в конце концов, спасительное: бытие определяет сознание.

Стало быть, сделалось таким бытие наше, что мне уже не запахло у зена хлеба попросить.

И звук хрустальный в тишине...

Лидия Рагозина

Старинные русские песни она поет так, что душа приходит в смятение — настолько завораживает и потрясает ее высокий, удивительно нежный голос. Но сама она воспринимается нами не столько как профессиональная певица, а как одна из многих русских женщин, которые поют просто для души... В этой непосредственности и свежести, наверное, и состоит одна из главных причин особенного обаяния Евгении Смольяниновой. Слушая ее, словно прикасаешься к чему-то очень интимному и сокровенному, к тому, что не выносится напоказ, а сохраняется только для себя и для своих.

К народной песне Евгения пришла не через народный хор или институт, где преподаватели разъясняют и учат, как надо петь. А так, как приходили к ней исполнок венов, вернее, рождались и жили вместе с нею, слыша ее от матери, бабушки, от соседки-певушки, запоминая и сохраняя подлинную народную интонацию. Грива, хотя и мать, и бабушка Жени прекрасно пели, сама она о карьере певицы не помышляла и поступила на фортепианное отделение ленинградского музыкального училища. Все произошло как будто случайно. Однажды по радио, в передаче о народном творчестве, она услышала голос не известной ей исполнительницы. Голос, сама манера исполнения — неожиданная, новая и в то же время какая-то удивительно подлинная, родная —

поразили ее. Это пела Ольга Федосеевна Сергеева, псковская певица.

Сама Женя рассказывает об этом так: "Ее голос знаком многим по фильму Тарковского "Ностальгия". И я думаю, что именно особый нюх Тарковского-эстета позволил ему услышать и раскрыть эту удивительную певицу. Ольга Федосеевна — простая крестьянка, но ее пение настолько высоко культурное, что невольно подтверждает мысль — в каждом человеке запечатлен образ Божий, и он настолько прекрасен, что даже его малое отражение в пении способно восхитить других людей. Меня, по крайней мере, ее пение просто поразило.

Я была совсем молода, и как все молодые — максималистка. Мне требовалось все самое лучшее, самое красивое и самое замечательное, и я поняла, что замечательнее того голоса ничего нет... Мне написали рекомендательное письмо к Ольге Федосеевне, и я поехала к ней в деревню. Она оказалась внутренне очень благородным и аристократичным человеком. (Вообще, я считаю, что такой вот аристократизм и духовность сохраняются очень часто именно в простых крестьянках.) И я стала у нее учиться — сидела и слушала, слушала и записывала, потом пыталась повторить. В этом и заключалось мое учение. Не объяснить, как все происходило, — по микрофону, по мелочи, по

муравьиным шаночкам, просто пыта- лась жить с ней в унисон...»

Человеку, который впервые слышит Смолянинову, ее высокий, хрустальный голос, ее самобытная манера исполнения могут показаться чудесны и непривычными... (Впрочем, зрители могли слышать в ее исполнении романсы и песни в фильмах, где она играла или ее голос звучал за кадром — "Дорога", "Жизнь Нлима Самгина", "Садовник", "Мусульманин".) Поначалу все сопротивляется и противится этой новой и неожиданной интерпретации и русской народной песни, и романса. Мы воспитывались на совсем других образцах: на голосах Лидии Руслановой, Петра Лещенко, Александры Стрельченко, Вадима Козина и Изабеллы Юрьевой. Мы привыкли к совершенно иному характеру, к совершенно иному образу русского человека, который и воспринимается нами как единственно верный. Удаль, молодечество, стихийность, страстность и безудержность — вот всем известные национальные черты, без которых мы просто не представляем себе и не мыслим русского человека. (Ярчайший его образец — в творчестве несравненной и великой Лидии Руслановой.) И вдруг устоявшийся и озамененный стереотип ломают, и на наших глазах создается нечто новое и непривычное.

Евгения Смолянинова открывает нам совсем другого русского человека, человека, которого мы прежде не знали, — кроткого и смиренного. И совсем другую Россию, которую теперь можем только представить по картинам Михаила Нестерова, по чудесной прозе Бориса Зайцева или Бориса Шергина, по историческим рассказам о Сергии Радонежском... Серебряный, чистый голос певицы, несколько бесстрастный, уносит куда-то высоко-высоко, заставляя забыть о земных несовершенствах.

"Конечно, со мною могут поспорить: а как же русские пляски, рус-

ское веселье? Разумеется, разумеется... Но все-таки нашу страну всегда спасало смирение. Удивительную духовность, не в расхожем смысле, а в смысле чувствования жизни духа, — все это я слышала у многих народных исполнителей. Другое дело, нам всегда предлагался другой образ, как иностранцам: пубки, матрешки... Но уж нам-то самим неплохо бы почувствовать — чем по-настоящему мы живы".

В репертуаре Евгении есть совершенно чудесные вещи — например, "Тростник", "Ах, Боже мой" — никогда не слышанные, но удивительные — и по своей красоте, и по какой-то детской чистоте и наивности. Либо сочиненные самим народом, либо профессиональные, но по какой-то причине не удержавшиеся на эстраде и ушедшие в народ. Трудно передать впечатление от этих песен в ее исполнении — в них и трогательность, и детство, и потрясающая открытость, доверчивость народной души. Женин голос — то почти детский, звенящий, то очень женственный и ласковый — творит со слушателями чудеса: у многих в зале на глазах выступают слезы.

И все-таки, как ни хороши в исполнении Смоляниновой романсы и народные песни, вершина ее творчества — духовные песнопения, пришедшие к нам из самой народной глубины. В них нет ничего местного, ограниченного, представляющего исключительно фольклорный или, скажем, религиозный интерес. Напротив, большая, серьезная и по-настоящему глубокая музыка необыкновенной силы и красоты.

Итак, Евгения Смолянинова сделала, наверное, лучшее, что могла только сделать: взяла народную музыку такой, какой она и поныне живет в народе, и, ничего не меняя, не подражая, не стилизуя и не подгоняя под современные испорченные вкусы, показала ее нам. Донесла до нас.

Нерукотворный образ Господа Иисуса Христа.

ИКОНА
ПИШЕТСЯ
ДУШОЙ

Мой собеседник окончил Краснодарский политехнический институт, докторскую диссертацию по вопросам социальной психологии защитил в Йенском университете (ФРГ) на немецком языке.

Ныне Валентин Иванович БЕРСЕ-НЕВ — генеральный директор церковной компании "Александрия". В рамках этой компании и существует иконописная мастерская. Работы ее художников вы можете теперь видеть и на страницах "Смены".

— Валентин Иванович, когда создана мастерская?

— Четыре года назад. Ее основатель — отец Леонид, под чьим духовным окормлением мы сейчас работаем. Он — настоятель храма Святителя Николая на Преображенском кладбище, возглавляет Совет церковных приходов Преображенского монастыря, там же находится наша мастерская... Мы создавали ее, чтобы возродить те традиции, которые всегда были присущи русской иконописи, — естественно, не просто копируя один в один. Не менее важной была и другая задача: наладить производство икон, доступных, скажем так, небогатому человеку. (При нынешней экономической ситуации не каждый может позволить себе купить писаную икону, поэтому продается очень много литографий...) Говорить, что поставленной цели мы достигли, было бы преждевременно. Хотя мы и стремимся снизить стоимость икон до минимума, но все равно они от 200 тысяч могут стоить...

— От двухсот тысяч — и до?

— Самый разный порядок цен: одно дело — небольшая икона, изображающая Спасителя или Богородицу, или какого-либо святого, и другое дело — сложная икона больших размеров, допустим, для иконостаса в храме — соответственно и цена.

— Как вы формировали мастерскую?

— Первый год занимались только подготовкой... Набирали для стажировки группу — человек 30 — профессиональных художников, пару месяцев с ними работали, и в результате осталось 2-3 человека.

— Такой большой отсев?!

— Профессиональный художник — это еще не иконописец. Здесь необходима, во-первых, совершенно иная техника письма, нежели та, в которой привыкли работать наши художники. Второе — и самое, может быть, главное — соответствующее душевное состояние должно быть... Если у человека в душе нет образа, над которым он работает, он, образ этот, у него не получится — берешь икону в руки и видишь: не икона. Может быть, картина — но не икона...

— Как вы это ощущаете?

— Профессиональными терминами это не объяснишь. Просто видишь: на эту икону можно молиться, а на ту — нет. Не случайно же говорят, что человеку стоит выбирать икону, в которой он сразу почувствовал расположение душевное. Вроде не я выбрал икону — она меня выбрала...

— Существует какая-то конкуренция в иконописи, продаже икон?

— Естественно... Когда есть выбор — есть и конкуренция. Сейчас, например, много икон из Греции к нам завозят. Там православные корни традиционно очень сильны, и мы в свое время заимствовали многие традиции византийской иконографии. Но русская икона сегодня значительно отличается от греческой. Она больше отвечает мироощущению русского человека, его чувствам, душевным потребностям и исканиям... Поэтому, хотя греческие иконы и наводнили Москву, они, при всех их внешних достоинствах, не находят такого отклика в нашей душе, как работы русских иконописцев.

Икона "Тайная Вечеря"

Икона великомученика Георгия Победоносца.

Икона Святителя Николая Мирлинского чудотворца.

*Икона избранных святых: благоверный князь Владимир, Святитель Алексий, митрополит Московский, мученица Фотиня (Светлана).
(Изготовлена как семейная с изображениями тезоименитых святых, членов семьи заказчика.)*

Живописная икона Божией Матери.

Икона великомученика и целителя Пантелеймона.

Икона преподобного Серафима Саровского.

Икона Божией Матери «Знаменье».

— Вы отдаете в продажу уже освященные иконы?

— Их можно по вашей просьбе освятить — или человек сам идет в храм и там ее освящает. У нас один человек заназывал икону Божьей Матери Нечаянной Радости — и освящал ее именно в соответствующем храме. А в лавках обычно продаются уже освященные иконы.

— Ваши иконописцы — люди исключительно светские?

— Монахи обычно пишут при монастырях. Компания "Александрия" хоть и церковная организация, но художники — из мирян. Мы, конечно, стараемся, чтобы и у нас ничто не шло вразрез с общепринятыми нормами православия. Ежели человек им не соответствует — было бы странно, если бы он занимался иконописанием. Верно?..

— Можно ли сказать, что иконописцы с годами, в процессе работы над иконами, духовно меняются и лучшему?

— Если говорить об иконописце — то обязательно. Другое дело, что человек может годами писать иконы, но не быть иконописцем. И в этом случае я бы подобной уверенности не испытывал.

— Хотелось бы затронуть и материальную сторону дела...

— Иконописцы сейчас не легко живут, заработки далеко не высоки. Все-таки икона — не хлеб, каждый день ее не покупают...

— Риску высказать такую точную зрения: может быть, иконописец и не должен много зарабатывать?

— Писание учит, что деньги сами по себе не грех. Важно отношение к деньгам. И если иконописец, получая приличные деньги, способен прокормить большую семью или помочь кому-то, то что здесь плохого?

— А сколько художников в мастерской?

— У нас работает много надомников — кому-то так удобнее, особенно женщинам. Хотя не всем удается сконцентрироваться, работая дома, — бытовые дела обременяют... Трудится постоянно человек 25-30. А основной костяк — человек 15-20. И есть люди, которых мы привлекаем к временной работе.

— Проблем, наверное, в избытке?

— Их масса... Далеко не всегда мы можем себе позволить приобрести необходимые альбомы, книги. Постоянно требуются деньги на материалы — доски, краски, золото сусальное... Наше общество сейчас еще не в состоянии оплачивать труд иконописца в той степени, в которой он этого заслуживает, оттого мы и испытываем определенные трудности. Надеемся, однако, что временные...

— И последнее. Что вы можете пожелать нашим читателям?

— Пренде всего — благоденствия и мирного жития. И пусть у каждого, кто считает себя православным, будет дома икона — ведь это присутствие в доме Благодати Божией.

Беседавал **Алексей Егоров.**

ОТ РЕДАЦИИ

"Икона в доме — это присутствие Благодати Божией..." Тем, чья душа в наше трудное время ищет участия и утешения, конечно же, слова эти близки и насущны. А таких людей в России немало...

Адрес иконописной мастерской церковной компании "Александрия":

Москва, Преображенский вал, 25, строение 1 (Комплекс Преображенского монастыря).

Тел. (095) 964-07-39; 955-63-51; (тел./факс) 952-33-63.

“ЕСЛИ КРОКОДИЛА ВОВРЕМЯ КОРМИТЬ — ОН СПОКОЕН...”

Анатолий Лысенко нечасто дает интервью коллегам-журналистам, а жаль: ему есть, что рассказать. Он пришел на телевидение тридцать с лишним лет назад. “НВН”, “Что? Где? Когда?”, “Наша биография”, “Взгляд”, “Веселые ребята” и десятки других передач — во многом его детища. Он стоял у истоков канала “Россия”, а сейчас — член Совета директоров канала “ТВ-Центр” и председатель Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации Москвы.

— Если про газетную редакцию говорят, что это сумасшедший дом, то телевидение называют сумасшедшим домом во время пожара. Вы согласны с этим?

— Да.

— Почему же тогда вы снова и снова лезете в это пекло?

— В этом пожаре, в этом сумасшедшем доме свою роль я бы определил так: быть спокойным гардеробщином, который раздает пальто входящим туда людям. Я стараюсь всегда быть спокойным, меня никто не видел “выведенным из себя”. На ТВ всегда должен быть один спокой-

ный человек, к которому можно прибежать, поорать... Я позволяю себе быть беспокойным только дома. В силу того, что на ТВ давно работаю и знаю всех много лет, понимаю, что людям необходимо выговориться, поплакаться. Я в общении редко придерживаюсь литературных норм — человеку бывает нужно, чтобы его послали подальше куда-нибудь, и тогда ему же легче становится. Есть определенные правила игры, и эти правила я хорошо знаю. Так что я таной... умиротворяющий человек. Это первая функция. Вторая — придумывать что-то и “распосовывать” при-

думанное... Мне уже довольно много лет и трудно что-то делать самому, хотя, конечно, очень хочется. Но я человек медленный, должен много и тщательно готовиться... На сегодня, я считаю, моя главная задача — вложить "придумки" в головы других и заставить их реализовывать это.

— Вы любите людей?

— Талантливых — да, очень. Если человек талантливый — мне глубоко наплевать, какой он человек.

— Талантливые — они, вообще-то, не сахар.

— Удивительно дерьмовые люди бывают, но одномерный человек неинтересен. Я тоже далено не ангел. В двухмерном или трехмерном человеке — в нем всего хватает. Творческий человек — он очень вздорный, вредный. Как-то один режиссер открыто нахамил мне, и я не разговаривал с ним, наверное, года полтора. Но, между прочим, перейдя на новое место работы, я взял его вместе с собой. Талантливому человеку можно простить все. Тут нужно отделять котлеты от мух. В конце концов, не нравится тебе человек — не общайся с ним вне работы. Как говорил Жванецкий: не нравится запах — отойди в сторону. Я люблю красивых работников — есть люди, которые красиво работают. Может, это неправильно, непедagogично с точки зрения руководителя, но такого человека я могу простить. А когда человек бездарный и "выеживается" — этого я на дух не перевариваю. Другое дело, что не буду его гноить, но постараюсь, чтобы вместе мы не работали.

— Сколько лет нужно вариться на "ТВ-кухне", чтобы стать подлинно телевизионным человеком?

— Можно и за всю жизнь им не стать. Это все от Бога и судьбы, и на 99 процентов от того, куда вы попадаете. Беда телевидения в том, что индивидуальность там нивелируется.

Вы написали статью — это вы. Почему пишущие журналисты очень часто испускаются? Не потому, что они бездарные, а потому что каждый из них не просто описывает героя: он сам в этом герое, и бывает, что жизненного запаса журналиста на всех героев не хватает. А ТВ позволяет всю жизнь прожить с микрофоном в руках и одним вопросом: "А что вы думаете по этому поводу?..."

Беда телевидения в том, что ты зависишь от диного количества людей: придумал гениальную вещь, а тут бездарный режиссер, который сделал из этого полную муру; придумал супервещь, и режиссер хороший, но оператор плохо снял. Или звукооператор так записал звук, что половину надо выкинуть. И так до последнего осветителя, который не там поставил свет, и у тебя герой получился с таними ушами, что все смотрят на них, а не на человека. То есть ты зависишь от всех: от выпившего осветителя, от большого зуба оператора... — вот это, конечно, беда.

Но плюс телевидения в том, что ты знаешь, как слово твое отзовется. Ты написал статью — ее прочитало сто тысяч, ну, двести. Или просто пятьдесят твоих знакомых по Домжурку скажут: "Старик, это гениально". А за спиной — "Какое дерьмо написал..."

— Можно подумать, что у телевизионщиков нет своих комплексов?

— Вот мы все время ругались, когда телекино не признавалось киношниками. Я хотел в свое время вступить в Союз кинематографистов — около тридцати фильмов сделал на телевидении, получил Госпремию, но меня не приняли. Думаю: елки-палки, документальный фильм, который снял киношник, увидели в порядке нагрузки... ну, от силы миллион человек. А то, что я сделал, 100 миллионов телезрителей. И я — вне Союза...

— Все-таки — комплекс. Почему-то вспоминается Мандельштам, который спустил с лестницы амбициозного пиита с криком: "А Гомера печатали? А Христа печатали?" И ТВ сейчас — на мой обывательский взгляд — пытается как бы наверстать упущенное: с помпой раздают самим себе премии, всячески самих себя ренламируют...

— Вы правы: в какой-то мере это следствие комплекса неполноценности. Телевидение было создано, если хотите, как "отстойник отходов": Вы зря смеетесь: когда оно начиналось, туда ушли неудачливые актеры, вторые, третьи, седьмые режиссеры. Было много просто бездельников. Потом, с выслугой лет, эти люди становились ведущими, главными...

— И, например, не всякий пишущий человек может успешно работать на ТВ...

— А потому, что слово написанное и слово изреченное — совершенно разные. Но я вот сейчас смотрю, когда Миша Леонтьев на "ТВ-Центре" ведет свою передачу, и кайф получаю от текста. Я могу злиться на него, что он позволяет иногда себе законы, что не очень уверенно держится перед камерой, но я понимаю: по своему потенциалу он на порядок богаче телевизионного человека. Он знает, о чем говорит; знает, что думает его собеседник; знает, что хочет от него услышать, и знает, что сказать ему в противовес.

— Вы называете Леонтьева, поскольку это человек с вашего канала. Но вот есть, допустим, Лев Новоженов — тоже из людей пишущих...

— Знаете, странная вещь произошла с Новоженовым: бойчее — "Сегоднячно", а умнее — "Времечко". Нанни странно, с уходом Новоженова из этой программы ушла раздражавшая

меня интонация эстрадного конференсье. "Времечко" как-то выкристаллизовалось, стало глубже.

— Возможно, ревнуете... А вообще вы прилежный телезритель?

— Я не смотрю "ТВ-Центр", честно вам скажу. Точнее, смотрю очень мало — просто мне ребята нассеты приносят... Когда я у экрана, я "щелкаю". Домашние меня за это ненавидят, потому что вместе со мной смотреть невозможно. Вообще, человеку, который изобрел этот дистанционный переключатель, нужно было бы оторвать руки. И голову тоже, потому что это страшная вещь, по-моему, это уже болезнь. Но я щелкаю инопками теленалов потому, что мне интересен срез, сопоставление.

— И к своему каналу относитесь критически в сравнении с другими?

— Вот я ругаю ребят: все развлекательные программы на других каналах лучше, чем у нас. А, скажем, информационное что-то удается. "День седьмой", уверен, получится. Культурные программы, убежден, будут.

— "День седьмой" выходит сравнительно недавно...

— Это такая итоговая недельная программа, но она не строится по принципу "объединимся с Киселевым против Доренко". Ни в коем случае. Это не итогово-политическая гвоздящая программа — это такая, я бы сказал, передача-эссе, где есть комментарии на разные темы. Не обязательно связанные с острыми событиями дня... Я ужасно боюсь, что это будет еще одна передача аналитическая, как это сейчас называется. Ведущий в ней становится или бультерьером, или таким окаменевшим английским догом. Этого бы очень не хотелось. Не хотелось бы ввязываться в политическую драчку.

— Вы — верующий, атеист, агностик?

— Я верю, что есть ЧТО-ТО, но в каком виде оно — не знаю. Но в судьбу я верю.

— Фаталист, наверное?

— Да. Но какой я верующий человек? Ну, стало модным крестик носить... Другое дело, что надо изучать, читать и Библию, и Коран, и Тору. Хотя бы потому, что это пралитература. Все вышло оттуда, все было написано в Евангелии...

— Но сегодня телевизор для многих как бы замещает икону в красном углу...

— Конечно. Вы видели фильм Герчикова по РТР — он снимает свою деревню Кучугуры? Там сельские жители говорят о телевидении — потрясающая штука! Это для них даже, наверное, не окно в мир, а, если хотите, часть мира. Это бабни, у которых никого и ничего нет, телевизор для них — это умерший муж, дети уехавшие. Или мужик, который говорит: "Да, Познер — это голова!" А ему: "Если Познер скажет в воду прыгать — прыгнешь?" Тот задумался и отвечает: "Прыгну. Он же глупого не посоветует".

— Из-за такого отношения людей к ТВ у вас не возникает некоего ощущения наместника Бога на земле?

— Если честно — это самое страшное, что есть на телевидении. Я не перебариваю телевизионщиков, которые считают себя самостоятельными политическими фигурами, мы, дескать, народные витии... Этакая боярыня Морозова в мужском облике, призывающая народ, — это невероятно опасно. Телевидение все-таки должно обслуживать общество, а не управлять им.

— Имеете ли вы право, держа в руках телевизионную иконку, на какие-то политические пристрастия?

— Я считаю, что телевизионщики должны быть, как это когда-то называлось, беспартийными специалистами. В первую очередь — специалистами. Быть абсолютно беспристрастным человеком — такого не бывает. Но это пристрастие должно быть в свободное время. Это так же, как я категорически против того, чтобы политическая работа велась в армии. Так же, как я считаю, что не могут быть священники в Думе. Но я прошел, как и все, эту эволюцию... Вступил в партию, когда мне было 20 лет.

— Это было вам необходимо, чтобы, что называется, делать дело?

— Нет, я вступил в партию на заводе. А в институте был оголтелым комсомольцем, но не с точки зрения проведения собраний — я занимался самостоятельностью, студенческими отрядами. 56-й, 57-й годы — первые студенческие отряды. Было потрясающе интересно. Кстати говоря, я вообще мечтаю сделать фильм о комсомоле. Вот если взглянуть на сегодняшнюю экономику — она вся выросла из комсомола. Комсомол, как ни странно, оказался более подготовленным к реформам. Те же студенческие стройотряды — это было новое формирование в рамках старой структуры.

Был период, конечно, розового романтизма. В стройотряд человек рвался! Затем был период ожидания изменений: если, мол, все хорошие ребята объединятся, то мы чего-то добьемся. Возьмемся за руки, друзья... И у того же Ондужавы: "...умру на той единственной гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной". Это была такая вера в романтику...

— А мне всегда казалось, что эти самые комиссары склонились над убитым ими "беляком", чтобы проверить, жив или нет.

— Это потому, что вы моложе. Вы родились в другой стране.

— А вы любите ту страну, в которой родились вы?

— Конечно. Я никогда в жизни не изменю ей...

— А чем отличается ваша страна от моей — учитывая, что у нас разница в возрасте в 17 лет?

— Я вам скажу, чем. Та страна, в которую я в детстве вошел, — это была страна послевоенная. И мы искренне рыдали, когда умер Сталин, потому что это была даже не смерть родственника — это было ощущение конца эпохи. И мы давились, чтобы попасть на похороны, и погибли ребята из нашего класса в этой страшной давке на Кузнецком...

— И вы тоже там давились?

— Да, конечно! Мы шли по крышам, прыгали, дрались с милицией, — и с тех пор я даже на стадион не хожу, туда, где больше 50 человек стоят, — близко не подойду... Наша трагедия, что мы с преступочни сегодняшнего дня оцениваем прошлое. А в годы "оттепели" казалось все чудесным. Я и на телевидении начал работать в ту пору — с 57-го года.

— Вы учились в МИИТе на каком факультете?

— Начинал на энергетическом, а заканчивал инженерно-экономический. Ну, МИИТ вообще особый институт, у нас была потрясающая самостоятельность, огромное количество журналистов выросло там. Сегодня куда ни ткнешь — все выпускники МИИТа: от митрополита Питирима до писателя Вити Славкина.

— Если говорить о поколениях — вы сейчас работаете и на тех, кто моложе вас... Вы как-то пытаетесь под этих людей подстраиваться?

— Вы знаете, нет. Подстраиваться — это вообще очень смешно. Но мне повезло, конечно, с "молодеж-

ной" — это был такой заповедник внутренних эмигрантов. Не диссиденты — отнюдь! — все наше диссидентство было в портвейне и в разговорах. Сейчас вспоминаешь — хорошо жили, весело. Ведь что такое была "молодежка"? Это Ворошилов, Масляков, Прощутинская, Малкин, Володя Соловьев покойный... Потом "взглядовцы". Даже и сегодня возьмите: Валера Комиссаров, Костин Эрнст, Леня Парфенов — это же все "молодежка".

— Но, работая на ТВ, трудно не вляпаться в какую-нибудь политику...

— Да. Но когда мы в "молодежке" делали сериал "Наша биография" — делали ее до 64-го года. А потом сказали: вы знаете, следующую часть, до 77-го года, пусть делает редакция пропаганды — они более подготовленные, политически выдержанные. И — слиняли...

То есть в "молодежке" можно было поступать так: не нравится запах — отойди в сторону. Потом, я очень благодарен "Взгляду" — за то, что те ребята, с которыми я работал, мне очень помогли. Они вроде бы мои ученики, но в то же время это было взаимное обучение.

— Вы человек много читающий. И, конечно, читали и "Хищные вещи века" Стругацких, где описывается "дронна" — род психотронного оружия, воздействующего на толпу; наверняка читали и Брэдли, у персонажей которого целые телестены в домах. А спасение от этого психоза — согласно тому же Брэдли — в книге. Не ощущаете ли вы в себе противоречия — между человеком книжным и телевизионным?

— И нет, и да. Противоречие, конечно, есть. Но когда мне задают вопрос: "Почему вы мало делаете передач для интеллигенции?" — я всегда

говору, что интеллигенция должна читать книги, а не смотреть телевизор. Все-таки ТВ, если хотите, это поп-культура. Поэтому, если ты читаешь книжки, — читай книжки. Человек должен сам выбирать. Знаете, в годы моей молодости в ходу была такая "чудесная" фраза: "А что вы вынесли из этой книги?" Но я всегда считал, что книга — это не коммюнионка, чтобы из нее что-то выносить. Я вынес из всех книг только одно: человек должен сам выбирать свой путь.

Знаете, что меня поразило, когда я в первый раз выехал за рубеж? Я попал тогда сразу во Францию — это был 81-й год. И меня поразили газетные ларьки, в которых есть все — от коммунистических изданий до фашистских. И второе — читальный зал в Центре Помпиду... Это ощущение, что ты можешь читать ВСЕ... Для меня сегодня символ перестройки — книжная ярмарка в "Олимпийском", где можно купить любую книгу.

— Всего, к сожалению, не перечтешь...

— У меня гигантская библиотека — наверное, это болезнь, какая-то мания. Вот костюм, в котором я хожу, — буду его носить, пока жена не выбросит. Или есть у меня халат любимый — она пробовала его уже несколько раз выбрасывать — я его отнимаю и снова таскаю. Мне глубоко на это дело наплевать. А вот книги... Но успокаиваю себя тем, что, мол, на пенсию уйду и буду сидеть в кресле-качалке и читать.

— Это у вас, видимо, "родом из детства"?

— Да, мама очень много книг покупала, пока в один прекрасный день отец не заявил, что просто запрещает их покупать — наши 22 квадратных метра больше бы не вместили... Отец был начальником главка в МПС. Но он считал, что не может решать

жилпроблему своей семьи, пока все подчиненные не получат квартиры. Мама была из богатой семьи, образованный человек, а папа закончил класса два, наверное. Работал, потом рабфак, институт. И вот его назначили инженером. Он пошел, познакомился со своим начальником в конторе, тот ему дал какое-то задание. Это было в субботу. В понедельник он пришел на работу, а там — никого. Ходит по коридорам — никого. Взяли всех, всю контору. 37-й год. Он позвонил в приемную Кагановича: что делать? Вызвал его Каганович, сказал: "Инженер?" — "Инженер". — "Происхождение?" — "Из рабочих". — "Член партии?" "С 24-го". — "Назначайся начальником конторы. Все". А со своим начальником, который дал ему тогда в субботу задание, он встретился через 18 лет...

— Телевизионный работник — лукавый человек?

— Лукавым должен быть обязательно. Что за телевизионщик, если он не лукавый? Для того, чтобы взять хорошее интервью, всегда нужно "прикинуться". ТВ — лучше рентгена. Вот вроде бы хороший человек, а покажут его — полная сволочь. Телевизионщик, во-первых, должен иметь чувство собственного достоинства, собственные мозги. Потом — профессионализм. А если "чего изволите-с?" — это плохой профессионал...

— Вы — руководитель, но при этом, как мне кажется, человек не жесткий. Это мешает?

— Понимаете, кулаком и матюком можно добиться миллионного успеха... Но насчет жесткости... Я — упрямый. Нужно объяснять людям с профессиональной точки зрения, а не указывать. Хотя один раз я ошибся — потребовал, чтобы убрали Фоменко с передачи — и ужасно жалею. Вот я не понял его: он очень талантливый.

Он гениальный клоун и в то же время — человек, который относится с иронией к тому, что делает. Это редкое свойство. И глаза хорошие — умные глаза... Знаете, я для себя вывел формулу: когда тебя раздражают шумные ребята, вбежавшие в вагон метро, — это значит, что ты стал старым.

— Вам приходится преодолевать какие-то собственные комплексы, предрассудки?

— Есть вещи, которых я просто не понимаю. Но это — вневсвое. Например, многое из того, что делает Иван Демидов, не по мне — но он работает на другую аудиторию. Я с этой аудиторией, наверное, общий язык уже не найду... Когда-то "взглядовцы" втянули меня в Цоя, в Суначева, в Шевчука — и я просто, как говорят, тащусь от них. Но на той музыке я и остановился. А сегодняшнюю — "Зайка моя!" — я не понимаю. И, если вы обратили внимание, на канале "ТВ-Центр" нет попсы. Хотя я думаю, что она появится, потому что потребность у зрителей именно в таких песнях есть. Телевизионщик — тот же повар. Ну, не нравится мне вареная морковь — но если клиент заказал...

— А какие "фирменные блюда" вашего канала?

— Пока, наверное, Миша Леонтьев. И кинопоказ. Это удалось.

— Но кинопоказ связан с деньгами.

— Дело не в деньгах, а в том, что купить на эти деньги. Закон экономики — с минимальными затратами добиться максимального результата. Вот вы заметили, что в новогоднюю ночь мы не устраивали никакого шоу? Потратить два или три миллиона долларов? — да гори оно огнем! Результат того не стоит.

— Если бы у вас была возможность перенестись в любую эпоху, кем бы вы

стали? Может, одним из маршалов Наполеона?

— Ну, если брать ту эпоху... Мне нравится Талейран. Роль "серого кардинала" мне больше по душе. Я не очень люблю шум битвы — мне больше нравится сидеть, думать и давать советы. По натуре я советник, а не маршал. Если надо, могу связаться в бой. Подраться, устроить скандал. Но куда интереснее — придумать, выстроить...

— Если бы вы решили заказать личный герб — что бы на нем изобразили?

— Там была бы книга — прежде всего. А еще — осел и крокодил. Осел — потому что упрямый. А крокодил — потому что он не умеет смотреть назад.

— Это важно?

— Важно. Ведь в моем возрасте самое страшное: "А вот в наше время..." А крокодил мне очень нравится: спокойный, меланхоличный, лежит себе бревно бревном. А потом вдруг как рванет!.. Я порядок люблю — и крокодилов. Если крокодила вовремя кормить — он спокоен.

Беседу вел **Алексей Ерохин.** ■

ИЗДАЧА

ДОРА -

СМЕРТЬ

1

Пожалуй, впервые за семьдесят пять лет Арабии Болтон было так невыносимо скучно жить. Несколько дней тому назад весьма забавный скульптор, который свирепо спорил с ней, что бы она ни сказала, и именно по этой причине развлекал ее (она обожала ссоры), съехал из квартиры первого этажа, и ей не хватало его визитов больше, чем она могла себе представить.

Ни с кем другим из жильцов она не позаботилась завязать дружбу. Может быть, вот только с высоким молодым человеком из цокольного этажа, Джереми Винтером. В его глазах сверкало озорство, и он мило шутил, од-

нако был слишком уж вежлив. Во всяком случае, слишком молод, чтобы охотно проводить время со старой леди, погруженной в прошлое.

Прошлое... Арабия окинула взглядом просторную комнату, похожую на музей, если бы в музеях возможен был такой роскошный сумбур. Скорее она напоминала неухоженный сад, где далии с тяжелыми головками и пышно распустившиеся розы росли вперемешку с изысканными растениями, едва заметными среди своих кричащих соседей. Там была миниатюра Люси, невероятно чистой и прелестной, почти закрытая портретом самой Арабии, с попугаем на плече, а также трофеи, собранные во время путешествий, — арабский головной убор, верблюжьи колокольчики, копыта и тыквенные сосуды в тесном соседстве с викторианскими украшениями. Ей нравились диванные подушки ярких расцветок, и они были разбросаны повсюду на кушетках и на полу. Абажуры с длинными кистями и таких же кричащих расцветок. Позолоченные клетки для попугаев напоминали по форме шатры бедуинов.

Все в этой комнате, по словам Арабии, имело свою историю. Но, чтобы рассказывать истории, необходимы слушатели, а их сейчас у нее не было вовсе.

Она начала сдавать комнаты несколько лет назад. Было просто абсурдно, что старая женщина и пара слуг живут одни в таком большом доме. И ей пришла в голову блестящая мысль пустить жильцов, убивая тем самым трех зайцев сразу — определенный излишек денег, собеседники, и, наконец, по уговору один из жильцов исполнял обязанности слуги. Пришибленная бедностью женщина средних лет, дочь морского капитана Глорiana Бекер поселилась в бальном зале и уже пять лет находилась при Арабии, великолепно исполняя роль горничной. Она пожелала готовить и делать работу по дому в качестве платы за жилье.

Но одной-единственной высушенной старой девы с дурным нравом было маловато для придания интереса жизни. И на семьдесят шестом году Арабия внезапно поняла, что плохо распорядилась своими комнатами, упустив вместе со здравым смыслом свою пользу, и теперь ей не с кем поговорить, за исключением, пожалуй, Джереми Винтера.

Джереми Винтеру квартира была сдана не столько благодаря его потенциальной ценности как занимательного гостя, сколько потому, что он был широкоплечий сильный молодой мужчина, а цокольный этаж оказался в недавнем прошлом прекрасными охотничьими угодьями для домашних животных. После двух ограблений, когда Арабия потеряла кое-что из своей необыкновенной коллекции драгоценностей, она решила, что решеток на окнах недостаточно. Она должна превратить цокольный этаж в квартиру и сдать ее энергичному и смелому человеку. Ее объявление "Сдается квартира желающему половить взломщиков" привлекло целую толпу самых разнообразных претендентов. Несомненно, Джереми был лучшим из них. Он ей улыбнулся, а потом, приподняв бровь и многообещающе сверкнув глазами, сказал, что привезет с собой свою кошку Мимозу, желающую половить мышей.

Арабия была очарована и утвердилась в мысли, что за вежливостью молодого человека кроется бездна всяких достоинств. Но в это время ее сварливая дружба со скульптором с первого этажа достигла апогея, и ей было не

до Джереми Винтера. Теперь скульптор уехал, первый этаж опустел, а ей скучно, скучно...

Какое бы объявление позабавнее дать в вечерние газеты на сей раз? "Сдается квартира на первом этаже. Не возражаю против рояля или болонки". Или "Съемщик должен иметь мозги". Бывало, она доставляла себе несколько веселых минут, составляя объявления, а потом оценивая результаты. Но внезапно очень устала. Может быть, теперь, когда она уже так стара, ей больше подойдет какая-нибудь старая зануда? Тогда у нее будет полон дом зануд — миссис Стенхоуп со своим тощим Досоном, мисс Глори с невыносимыми внезапными приступами застенчивости, ускользящий Винсент Моретти, Джереми... Впрочем, Джереми еще должен пройти испытание...

Арабия оглядела свою загроможденную комнату. Нужны ли ей еще шумные вечера, собственные рассказы о старом друге шейхе, переодевания в турецкий костюм, пение умных непристойных песен под аккомпанемент цитры, вопли Ахмеда, доведенного ею чучелом попугая до истерики? Нет, теперь ей хочется только покоя. И любви. Особенно любви. Как быстро все прошло, и она так одинока. Нельзя вернуть весну.

Или можно? Арабия вдруг выпрямилась на примятых подушках, подборок неукротимо вздернулся. Почему она, Арабия Болгон, которой стоило только поманить пальцем и весь мир был у ее ног, которая всю жизнь получала желаемое, почему она не может вернуть весну?

Дрожавшей от возбуждения и торопливости рукой Арабия вытащила ящик из письменного стола, выбросила оттуда старые письма и счета, нашла несколько листков дорогой почтовой бумаги с гравировкой, которой не пользовалась уже очень давно, и жирными буквами написала:

**СДАЕТСЯ КВАРТИРА НА ПЕРВОМ ЭТАЖЕ БОЛЬШОГО ДОМА В ВЕ-
СТЭНДЕ. ДЛЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ДЕВУШКИ, КОТОРУЮ ЗОВУТ
КРЕССИДА ЛЮСИ, ОПЛАТА ЧИСТО СИМВОЛИЧЕСКАЯ. ОБРАЩАТЬ-
СЯ ЛИЧНО.**

Арабия тяжело дышала, хихикая от возбуждения. Что за блестящая мысль, что за блестящая, сверкающая мысль! Кто сказал, что она не может вернуть весну? Ей, которой подвластно столь многое, подвластны и времена года.

Крессида... Крессида Люси... Люси...

О, Люси, я любила тебя...

Я тебя ненавижу, я тебя ненавижу...

2

Крессида открыла глаза и увидела молодого человека. Она тотчас закрыла их опять, отчасти потому, что чувствовала себя крайне усталой, отчасти же потому, что хотела немного подумать. А открытые глаза сразу выдали бы ее растерянность. Пока она не знала, где она, как сюда попала и кто этот странный молодой человек, лучше сохранять спокойствие и видимость здравомыслия.

Конечно, это могло оказаться просто сном. У нее бывали иногда совершенно реальные сны. Однажды во сне она даже спустилась по лестнице, и

когда наутро мама рассказала об этом Тому, он спокойно ответил: “Когда мы поженимся, я ей этого не позволю”.

Том! Теперь она вспомнила. Она убежала!

В смятении Люси села, комната поплыла перед глазами. Это была просторная комната с не заделанными потолочными балками, довольно скудно обставленная, однако в камине весело пылал огонь. Самым большим предметом в комнате был рабочий стол, весь заваленный бумагами, и слева, на груде бумаг, восседала с суровым и независимым видом рыжая кошка. Молодой человек сидел позади нее. Он склонил голову над столом и, по-видимому, рисовал.

Он мне не снится, сказала себе Крессида. Он не только не был Томом, до последнего времени властителем ее жизни, но даже не напоминал его: лохматые черные волосы, нависавшие над бровями, крепкие, выдающиеся вперед челюсти и чертежная доска.

Чего бы не наговорил сейчас Том, если бы только знал, что она, пусть и самым невинным образом, спит на кушетке в комнате совершенно не знакомого ей мужчины! Более того — этот незнакомец, судя по всему, даже не обращал на нее внимания.

Крессиде становилось все яснее, что комната ей не снится и что в желудке у нее очень странное и неприятное ощущение.

— Привет! — едва слышно прошептала она.

Молодой человек вскинул голову. Оказалось, что лицо у него такое же костистое, как и подбородок, брови слегка изогнутые, а глаза очень блестящие.

— Ну вот, — сказал он торжествующе, — я же знал, что вы не умерли. Но прошу вас, не двигайтесь еще минутку, хорошо?

— Не двигайтесь, — ошеломленно повторила Крессида. Но прежде, чем ее сбитая с толку голова смогла переварить странную просьбу, она ощутила, что зажимает в кулаке какой-то предмет. Это был скомканный клочок бумаги. Она расправила его и увидела, что там крупным небрежным почерком было написано: “Вы опоздали!”

Теперь она начала припоминать. Перед ее мысленным взором мелькнула маленькая женщина в огромных очках в роговой оправе, ее тинистенно прижатые к губам пальцы. Крессида вспомнила, как женщина вложила ей в руку клочок бумаги и то смешанное чувство облегчения и отчаяния, с которым она прочла записку. Тогда ей до смерти захотелось как можно быстрее убраться от этого дома подальше, но куда идти? Она видела перед собой скользкие мраморные ступени, за ее спиной захлопнулись тяжелые двери с надраенным до блеска дверным молотком в виде дракона. У нее было очень странное ощущение, что маленькая молчаливая женщина в слишком больших очках захлопнула за ней дверь с наслаждением. И это очень хорошо согласовывалось с интуитивной уверенностью Крессиды в том, что лучше бы ей никогда не переступать порог этого дома. А поскользнулась она, потому что очень устала.

Она вспомнила, что, падая, видела блестящие капли дождя на ступенях. И это все.

Внезапно острое любопытство пробудило в ней жизнь. Она села, выпрямилась и решительно потребовала:

— Ради Бога, бросьте вашу работу и скажите мне, где я.

Рыжая кошка повернула голову и уставилась на нее равнодушными глазами цвета шампанского. Молодой человек, сделав последний размашистый штрих, поднял глаза и улыбнулся. От улыбки его лицо прорезали глубокие морщины, но глаза озорно блестели. Это Крессиде понравилось и расположило к нему.

— Сейчас вы сидите на моей кушетке, — сказал он, — а десять минут назад вы лежали на ступеньках перед входной дверью. Шел дождь, поэтому я решил вас внести.

— Спасибо, — проговорила Крессида, не испытывая особого чувства благодарности. Теперь она ощутила ушибы и тупую боль. Кажется, набила болезненную шишку на затылке. И желудок явно взбунтовался.

Молодой человек неотрывно смотрел на нее, и она неуверенно спросила:

— Вы сочли, что врача звать необязательно?

— Мне показалось, что вы ничего себе не сломали. Я решил подождать немного и посмотреть.

Он встал и медленно подошел к ней.

— А теперь вы хорошо себя чувствуете?

— Да-а, — протянула Крессида не слишком убежденно. Голова у нее уже просто раскалывалась. — По-моему, ничего такого...

— Глоток бренди, и вам полегчает.

Хозяин исчез, и Крессида услышала, как в соседней комнате звякнуло стекло. Кошка на столе встала, потянулась и, несмотря на свои размеры, неожиданно легко прыгнула на кушетку. Заискивающе потершись о руку Крессиды, она замурлыкала.

Крессида позволила себе неуверенно улыбнуться. По крайней мере, хоть кто-то здесь смотрит на нее дружелюбно и без всякой таинственности. Молодой человек вернулся с подносом.

— О, вот это здорово. Мимоза очень разборчива насчет друзей. Вот Арабии она не позволила бы к себе прикоснуться.

— Арабии? Кто он такой?

— Она. Арабия. И вы ее увидите, если здесь останетесь. Кстати, меня зовут Джереми Винтер.

— А меня — Крессида Барклай.

— А-а-ах та-ак! — Восклицание было протяжным и заинтересованным. — Это кое-что объясняет.

— Объясняет что?

— Почему вы пришли сюда. Прочитали ее психованное объявление и пришли.

— Верно, — смущенно отозвалась Крессида. — Но на самом деле я не хотела, даже испугалась, когда увидела этот дом.

— Словом, вы обратились в бегство и на ступеньках упали. Выпейте и расскажите мне, как все было.

Крессида взяла стакан у Джереми Винтера и вышла.

Как и следовало ожидать, комната опять поплыла, но на этот раз ощущение было скорее приятное. Огонь в камине начал как-то смешиваться с блеском глаз Джереми, и шерстка Мимозы солнечно засияла. Свет солнца и каминного огня проник и в ее желудок. Сразу стало легче.

— Домой я не вернусь, — объявила она решительно.

— И правильно.

— Том так зазнался бы!

— Думаю, вы правы.

Крессида поморгала: он был согласен, он не удивился. Она и вправду начала ощущать какой-то туман в голове.

— Вы знаете Тома?

— Вашего Тома — нет. Но этот самоуверенный тип людей знаю. Вы с ним женаты?

— О нет. Мы только помолвлены. Собираемся пожениться двенадцатого июня 1957 года.

— Долгосрочный план? — Джереми поставил свой стакан и взял трубку. — Не возражаете, если я закурю?

— Нисколько. — Дым трубки благоуханно поплыл по комнате. — Том очень предусмотрителен.

— Думаю, так оно и есть. Сколько ему лет?

— Тридцать, а мне только двадцать два. Он говорит, лучший возраст для меня, чтобы выйти замуж, — двадцать четыре года, и он к тому времени, конечно, успеет выплатить за дом и мебель. На днях мы купили спальню.

— В самом деле?

— Да. Дубовую. Тому нравится.

— А вам?

— А я убежала, — просто ответила Крессида.

В теплой темноте комнаты тут и там мерцали огоньки. Как сквозь туман, она увидела, что одна бровь Джереми Винтера удивленно поползла вверх. Она понимала, что он смеется над ней. Хотя и вежливо, про себя. Посмотрела бы я, как бы он смеялся, если бы оказался на моем месте и ему предстояло жить с этим спальным гарнитуром, тяжелым, темным и громоздким, который навалился на нее, как кошмар. Никому, даже самой себе, она не смогла бы объяснить, почему ее охватила такая паника, будто все годы будущей ее жизни с Томом спрессовались в одно душающее мгновение.

— Я люблю Тома, — сказала она, старательно выговаривая слова, — но очень жаль, что у нас разные вкусы. Он самый настоящий викторианец, ему нравятся солидные вещи, которые будут служить вечно, а я...

— А вы?

— А я представляю себе, что все мои дети родятся на этой огромной ужасной кровати.

Крессиде стало жарко, и голова у нее слегка кружилась. Мимоза свернулась возле нее клубком и успокоилась, громко мурлыча от удовольствия. Джереми, стоя рядом с кушеткой, продолжал молчаливо посмеиваться над ней.

— Я люблю хорошенькие вещи, — продолжила Крессида. — Хрупкие. Знаю, они недолговечны и вообще экстравагантны, но кому нужны вечные вещи? Я люблю покупать цветы, люблю подавать нищим. Люблю склеивать старый фарфор и люблю дрезденских купидонов. Я не умею готовить и вообще непрактична, но Том считает, что это неважно. Он говорит, я научусь. Но на этот раз придется поучиться ему.

— Готовить? — вежливо поинтересовался Джереми.

— Нет, пусть поймет, что ему не удастся изменить меня полностью. Немножко, может быть, и удастся. Но не полностью. И до тех пор я обратно не вернусь.

— Том, если позволите мне так выразиться, не кажется человеком, способным учиться.

— Научится. Он слишком любит меня.

Она снова откинулась на кушетку, вспоминая поцелуи Тома, пытаясь задним числом наделить их той нежностью и страстью, о которых мечтала. Внезапно ее оптимизм и легкомыслие улетучились, и она чуть не заплакала, потому что они поссорились, а гордость не разрешает ей вернуться обратно, хотя она и попала в такую переделку. Положение просто отчаянное.

— Вы Тому не подходите, — услышала она голос Джереми Винтера.

Она приготовилась к борьбе.

— Как вы можете так говорить? Вы ничего не знаете ни обо мне, ни о Томе. Нам лучше знать, подходим мы друг другу или нет. Мы знакомы уже пятнадцать лет.

— С колыбели до могилы? — Его бровь опять поползла вверх. — Ну хорошо, хорошо, вы созданы друг для друга, а между тем вы здесь, у меня в комнате. Что скажет об этом Том?

— О, он не узнает. А мне пора идти. — Она быстро поднялась, а рыжая кошка протестующе заурчала. — Очень избалованная кошка. — Покачнувшись, Крессида снова села. — Вы меня напоили, — произнесла она обвиняющим тоном.

— Сейчас вы еще не можете уйти, Крессида. Я хочу нарисовать вас. Я как раз только что начал.

Он стоял над ней, властно, как бывало Том, но все же по-другому. Она устала от мужской тирании. Сейчас она будет поступать так, как заблагорассудится ей самой. Конечно, если позволят странно ослабевшие ноги...

— У вас именно такое лицо, которое я искал, — задумчиво продолжал Джереми Винтер. — В нем сама невинность, но при этом и утонченность, и ум. Интригующее сочетание для двадцати двух лет. Я хотел бы чуть-чуть иначе уложить ваши волосы. Но это мы можем отложить до следующего сеанса.

— До следующего сеанса? — ошеломленно переспросила Крессида.

— Завтра, если вам будет угодно. Когда вы почувствуете себя лучше.

— Но... но где я останусь?

— В квартире Арабии, разумеется. Вы как раз такая, какую ей нужно, я знаю. Мое дорогое дитя, вы, конечно же, не могли бы спать с Томом в той ужасной кровати.

— Ч-что?

— По крайней мере, до тех пор, пока он не выучит урока. А я с превеликим удовольствием помогу вам вдолбить ему это. Обещаю.

Крессида растерянно поморгала. Потом произнесла:

— Ми... Мимоза. Какая странная кличка для кошки.

— Мимоза, должен вам сообщить, знаменитость. Она присутствует на пятнадцати рекламных плакатах и, вдобавок, звезда комикса. Что бы вы хотели поесть?

— Поесть?

— Я думаю, пожалуй, что сейчас это для вас самое главное. Когда вы ели последний раз?

— Вчера. Кажется, вчера. Около шести. Булку с ветчиной и стакан молока. Не думала, что так скоро опять проголодаюсь. Видите ли, беда в том, что когда я ушла из дома, денег у меня было немного, а в Лондоне деньги тают моментально. И потом я думала, что найти здесь работу гораздо легче, чем оказалось на самом деле. А я уверена, что вполне могла бы продавать что-нибудь. Я действительно неплохо разбираюсь в антиквариате. Но никто... — У нее задрожали губы. — Одно я решила твердо: Тому ничего сообщать не собираюсь.

— Разумеется.

— А потом я отдала утром мой последний шестипенсовик нищему. Ну и что, ведь он был слепой, а я-то, по крайней мере, вижу.

Она посмотрела на Джереми с вызовом: сейчас он выразит сожаление, скажет, что ее мягкосердечие неуместно. Но он только кивнул, словно заранее знал, что она собиралась признаться ему в чем-то подобном.

— Ну, словом, хотя я и раньше подходила к этому дому, но почему-то испугалась и ушла — ведь объявление, в конце концов, и правда какое-то странное, и с такими вещами следует быть осторожнее... я понимала, что мне надо или вернуться сюда, или вызвать Тома. И я решила, что могу, по крайней мере, посмотреть. Не съедят же меня здесь, в самом деле.

— Даже Мимоза, — сказал Джереми. — Но почему вы боялись?

— Не знаю. У меня было странное чувство, будто я не я, а кто-то другой. И что со мной случится что-то ужасное. Я буквально бегом убежала отсюда. Но сегодня я вернулась, и какая-то женщина в очках сказала мне, что уже поздно. Я повернулась, чтобы уйти, и поскользнулась на ступенях. Больше ничего не помню.

— Вы любите яичницу с ветчиной? — деловито осведомился Джереми. — За сеансы я вам, разумеется, буду платить, и Арабия обрадуется. Да вот и она!

И в этот момент Крессида испытала странное чувство, пленительное и пугающее одновременно, — ей почудилось, что она попала в сети.

За ее спиной раздался звучный веселый голос:

— Ах, Джереми, скверный мальчик! Так у вас здесь женщина!

— Для вас это прекрасный повод, чтобы войти без стука, миссис Болтон. Я хочу представить вам моего друга — мисс Крессида Барклай.

— Кресс... — Глубокий голос замер в восторженном изумлении и недоверии. — Но я думала... вы хотите сказать, она только что пришла.

— Вот она, — сказал Джереми коротко.

Крессида неуверенно протянула руку.

— Здравствуйте, миссис Болтон. Боюсь, я...

Она все еще не могла разглядеть как следует поразительную особу, стоящую перед ней, и ее робкая фраза была немедленно прервана.

— Но это невероятно! Это неправда! Она... Джереми, где вы ее нашли?

— У подножия вашей лестницы, чтобы быть абсолютно точным. Это лестница смерти, я всегда вам говорил.

— Моему мужу она нравилась, — возразила Арабия Болтон. — Он считал, что мраморная лестница придает человеку определенную оригинальность. Но эта девушка, Джереми... Она же точь-в-точь... скажите мне, дитя мое, как вас зовут? — Любая попытка разобраться в этой женщине была явно обречена на провал — уж слишком все плыло у Крессиды перед глазами.

— Крессида Барклай, — ответила она послушно.

— А еще? — требовательно спросила миссис Болтон.

— Крессида Люси. Так же, как в объявлении.

И тут, к величайшему ее удивлению, старая дама кинулась к ней и чуть не задушила в объятиях.

— Мое милое дитя! Вы ниспосланы мне в ответ на мои молитвы. Если бы вы только знали! Джереми, ко мне являлась уже целая дюжина претенденток, и все — обманщицы!

— Откуда вам известно, что они обманщицы? — спросил Джереми.

— Потому что они совсем не так выглядели. Крессида Люси молода, прелестна, невинна. Она — вот эта девушка. Поразительно! О дорогая, мне кажется, я не вынесу. Бедная Люси! Бедная, бедная Люси! — Внезапно старуха разрыдалась. Но минуту спустя, вынув носовой платок, она поднесла его к своему большому рельефному носу и высморкалась. — Долой прошлое! Мы заняты настоящим. Оно полно обещаний. Когда-то я думала, что не могу жить без верблюдов и песков, и зноя, и грифов, но существуют другие вещи, множество других вещей. Пойдемте же, дорогая, я покажу вам вашу комнату.

Крессида сделала последнюю попытку воспротивиться.

— Но я действительно не могу здесь остаться. У меня нет работы и ни пени в кармане.

— В таком случае, дорогое дитя, мы должны найти вам работу. Что вы скажете, Джереми?

— Сперва ее надо накормить, — ответил он кратко.

— Ах да, конечно. Что вы предлагаете?

— Яичницу с ветчиной.

— Прекрасно. Если вы меня пригласите, я разделю ее с вами.

Тревога Крессиды, поначалу смутная благодаря легким парам бренди, вдруг усилилась. Когда она впервые пришла сюда два дня тому назад посмотреть на дом, какое-то инстинктивное чувство заставило ее уйти, даже не прикоснувшись к дверному молотку-дракону. Ее переполнял неопределенный страх, который позднее, когда ее положение стало более отчаянным, она сознательно с презрением отбросила. Теперь же она не сомневалась в том, что тогдашний страх был неслучаен. И в этот момент ничего так не желала, как оказаться за дверью этого дома, на улице, пусть даже без жилья и без гроша, но на свободе.

Джереми Винтер, стоявший позади нее, словно читал ее мысли. Его голос прозвучал ободряюще, как будто все, даже необыкновенная старуха с этими огромными требовательно глядящими на нее глазами, было абсолютно нормально.

— Не позволяйте Арабии пугать вас, Крессида. Все дело в том, что вы напоминаете ей ее умершую дочь.

Просто поразительно, как быстро еда превратила необычайную ситуацию в естественное положение вещей. Крессида вдруг обнаружила, что рассуждает вполне здраво. На самом деле все было очень просто и в то же время крайне драматично. У Арабии Болтон когда-то была дочь-красавица, Крессида Люси, которая умерла в расцвете юности, в двадцать один год. Долгие годы Арабия лелеяла свое горе, но теперь, в старости, она внезапно решила, что может заставить жизнь вернуть ей то, что было отнято в прошлом. За свои семьдесят пять лет она делала массу странных и фантастических вещей, и многие ее желания сбывались. Но это сбылось так полно и неожиданно, как ни одно другое. Потому что Крессида поразительно походила на ее давно умершую дочь. Она была такая же светловолосая, молодая, нежная и невинная.

— Вы ведь останетесь, моя дорогая? Я найду вам работу, а за квартиру назначу совсем небольшую плату, и гордость ваша не пострадает. Я знаю, что вы горды, как и моя бедная милая Люси. А я хочу всего лишь изредка видеть вас, знать, что в доме живет юное существо, и говорить себе, что на самом деле Люси не умерла...

— Она должна написать Тому, — прозвучал позади них голос Джереми Винтера.

Арабия подозрительно вскинула голову.

— Тому?

— Это мой жених, — с достоинством объяснила Люси.

— И вы собираетесь за него замуж?

— Конечно.

Тень скользнула по лицу Арабии. Ее тяжелые веки на мгновение опустились. Потом она твердо сказала:

— Но не в ближайшее время. Вы еще слишком молоды.

— В июне 1957 года, — вставил Джереми. — Том человек терпеливый.

— Он... он умеет планировать.

Неожиданно лицо Арабии заискрилось смехом, и Крессиде пришло на ум, что так же играет солнце на засохшем сморщенном листе. Она невольно ощутила магнетизм старухи. Ни у кого на всем свете, думала она, особенно в столь преклонном возрасте, не бывает таких изменчивых настроений, такой яркой индивидуальности, такой энергии. Крессиде, чувствительной и добросердечной, трудно было бы разочаровать любого пожилого человека, но Арабия была не обыкновенная старуха. За долгую жизнь она привыкла настаивать на своем и заранее пришла к выводу, что у Крессиды не хватит духу отказать ей, даже если ей и страшно жить в этом Драконьем доме и играть роль покойной Люси.

Но теперь, ощущая уютную тяжесть в желудке, Крессида отбросила свою глупую боязнь и суеверность. После этих двух ужасных дней она вновь почувствовала под ногами твердую почву, нашла временный кров, и, самое главное, теперь ей не надо униженно возвращаться к Тому и признаваться ему, что он был чертовски прав, а она ошибалась. Он бы принял ее покаяние с невыносимым самодовольством. Как бы то ни было, она докажет ему, что тоже обладает умом, вкусом и проницательностью. Он слиш-

ком долго считал ее послушным ребенком, которого надо развлекать и прощать. Теперь ей представляется возможность доказать ему, что он не прав, и тем самым сделать их любовь крепче и глубже.

Она это делает и в то же время очастливит одинокую старую женщину. Все представилось ей очень простым и понятным, и от этого она внезапно пришла в хорошее настроение.

Арабия наклонилась вперед, лицо ее зажглось интересом.

— Ну-ка расскажите мне о Томе.

— Он бухгалтер.

Арабия понимающе кивнула.

— Ах, ну да, цифры. Складывать в столбик. Этим объясняется склонность строить планы. Методическое мышление. А вы сможете разумно планировать расходы на хозяйство?

— Боюсь, что нет. Я забывчива.

— Ая-яй. Одна из трудностей, которые вам придется преодолеть. Брак — это целый ряд преодолеваемых трудностей. Мой первый муж постоянно желал, чтобы я с самого рассвета скакала через изгороди. Для меня это была просто пытка, я куда больше люблю верблюдов, чем лошадей. Зато после того мне ничего не стоило рано утром взобраться на моего верблюда и по холодку отправиться в песчаные барханы — ах, как восхитительно! Впрочем, не думаю, что верблюды будут играть какую-то роль в вашем браке, моя дорогая.

— Миссис Болтон была замужем за путешественником, — донесся с тыла спокойный голос Джереми Винтера.

— Как интересно, — проговорила Крессида, несколько ошарашенная.

— Это был мой третий муж. — Глаза Арабии затуманились. — Где мы только не были — Египет, Аравийская пустыня, Тибет, Монголия, древний шелковый путь в Китай. Ах, жизнь была так богата. Вы должны подняться наверх ко мне и посмотреть сувениры. Но сначала покончим с расудительным Томом.

Крессида, которой казалось, что она вновь обрела трезвый рассудок и ясную голову, теперь опять ощутила растерянность. У нее возникло странное чувство, что Том, здравомыслящий, лишенный фантазии, уравновешенный, вот-вот станет одним из сувениров этой фантастической старухи, в чей коллекции уже были, разумеется, верблюды и покойные мужья.

— Она должна написать ему, — опять вмешался Джереми. — В том случае, конечно, если решила остаться.

— Ну, разумеется, она решила остаться. Работу ей мы найдем. Что вы умеете делать, моя дорогая?

— Немножко шью, — ответила Крессида. — Неплохо справляюсь с цветами. Если нужно, могу сшить себе платье. Довольно хорошо разбираюсь в антиквариате. Боюсь только, что в этом мало проку. Куда бы я ни обращалась в Лондоне, все считают так же.

Рука старой леди, на удивление сильная и широкая, с толстыми квадратными пальцами, унизанными кольцами, торжествующе легла на колене Крессиды.

— Мистер Маллинз! Вот кто нам нужен.

— Вы так думаете? — с сомнением спросил Джереми.

— Ну конечно! Долгие годы я его лучшая клиентка. Если я у него не покупаю, то продаю ему, и он, разумеется, надувает меня направо и налево, старый негодяй. Но я его обожаю. Он-то как раз нам и нужен.

— Кто он? — спросила Крессида неуверенно.

— Торгует антиквариатом. У него самый пыльный магазин в Лондоне. Я годами твержу, что он должен нанять кого-нибудь, чтобы навести там блеск. Крессида как раз тот человек, который подойдет. И если она любит антиквариат, то будет в восторге от его коллекции. Теперь о письме.

— О письме?

— О письме рассудительному Тому. Что она должна написать ему, Джереми? Что ее сердце принадлежит другому?

— Боюсь, что это не совсем соответствует истине. Пока.

— Конечно, но, по-моему, этого Тома недурно было бы припугнуть. Должно быть, он слишком чопорный, совсем как мой первый муж.

Крессида подавила короткий смешок. Она обнаружила, что ей ужасно нравится эта странная и непредсказуемая старуха.

— По правде говоря, так оно и есть. До некоторой степени. Но я никогда ему не врала, миссис Болтон.

— Зовите меня Арабия, милое дитя. Люси всегда меня так называла. Вы совершенно правы, врать не следует без крайней необходимости, да и то только во спасение. Но не тревожьтесь, мы непременно придумаем, что сказать Тому. А сейчас я намерена забрать ее у вас, Джереми. Она моя, не ваша.

Джереми улыбнулся, отчего по лицу его разбежались глубокие морщины и тени.

— Она моя, потому что я ее рисую. Для того и принес ее сюда.

Крессида вспыхнула.

— Иначе оставили бы меня лежать на улице?

— Вероятно, вызвал бы такси.

Арабия потрепала Крессида по руке.

— Он ни о чем не думает, кроме своего ужасного карандаша. Если станет досаждать вам или попытается влюбить вас в себя, я сделаю ему замечание.

Крессида бросила быстрый взгляд на темное улыбающееся лицо Джереми Винтера.

— Я уже влюблена, — произнесла она с достоинством.

— Ах да, моя милая. В ваш балансовый отчет. Очень разумно, очень надежно. Вы это слышали, Джереми? Она ваша только на бумаге. В действительности сейчас она принадлежит мне. И Люси.

Лишь значительно позже Крессида в самом деле взялась за письмо Тому. Она предполагала написать ему вежливо, но холодно и сдержанно, поскольку их ссора и упрямое самодовольство Тома все еще причиняли ей страдания. Однако она была писательница от Бога, вся ее сдержанность очень быстро улетучилась, и взволнованные мысли потекли на бумагу.

“Мой дорогой Том,

я обещала тебе написать, когда устроюсь в Лондоне, и теперь могу выполнить обещание. Последние несколько часов я провела самым необычно-

венным образом. Прочитала объявление о квартире, которая сдается в доме, принадлежащем необычайной пожилой женщине по имени Арабия Болтон.

Это самая невероятная, обворожительная, ошеломляющая и потешная старуха. Она живет на верхнем этаже посреди поразительного скопища вещей. Один из ее мужей (а их было трое) был путешественником, и они собирали всякие причудливые вещицы по всему свету. Арабия говорит, что собрала весь мир в своем лондонском доме. У нее есть два попугая, один живой, а другой — чучело. Здесь и китайские безделушки из слоновой кости, и огромные индийские медные подносы, и пара слоновых бивней над дверью, бирманские шелковые покрывала на кушетках, и головной убор бедуйнского шейха, который косо висит на стене над африканской ритуальной маской. Но не могу же я рассказывать тебе все подряд. А среди всего этого восседает Арабия, как королева, правда, королева слегка подвыпившая, потому что ее диадема вечно съезжает набекрень.

Но я должна наконец подойти к сути дела. У Арабии был единственный ребенок, дочь, которая трагически умерла, когда ей исполнился двадцать один год, незадолго до своей свадьбы. Произошло это лет двадцать назад, и поначалу Арабия стала, как безумная, колесить по свету, чтобы забыть свое горе. Она жила в арабских селениях в пустыне, ездила на верблюдах (она их обожает), дружила с бедуинами, бывала в Багдаде и Стамбуле. Но теперь она уже слишком стара для таких путешествий и вынуждена сидеть дома, все больше и больше скучая и печалься.

Но вот однажды она подумала, что нет никакой необходимости оставаться одинокой и несчастной. Жизнь не должна быть тусклой. Всегда есть способ расцветить ее. И лучший способ — попытаться исполнить свое самое задушевное желание, даже если это представляется невозможным. Самое заветное желание Арабии — воскресить свою умершую дочь Люси, и я бы согласилась с тем, что это невозможно.

Но Арабия принадлежит к тому типу женщин, которые никогда не согласятся признать что-либо недостижимым. Ей пришла в голову блестящая идея дать в газету объявление о том, что она сдаст квартиру в нижнем этаже девушке по имени Крессида Люси — так звали ее дочь и так зовут меня! Понимаешь, какое удивительное совпадение? Ведь Арабия говорит, что я и ростом, и цветом волос — вылитая Люси, и мне почти столько же лет, сколько было Люси, когда она умерла.

Это не означает, что Арабия думает, будто я останусь с ней навсегда. Она только хочет, чтобы я некоторое время пожила в ее доме, иногда беседовала с ней и вернула ощущение юности и невинности Люси.

Как я могу отказать ей? Кроме того, мне ее страшно жалко, она совершенная прелесть, и я уже ее обожаю. К тому же мне здесь нравится, и я ужасно рада, что пойду работать к мистеру Маллинзу, другу Арабии, у которого антикварная лавка. Правда, все звучит совершенно невероятно? Это судьба, ты согласен?

Одно словечко об остальных обитателях дома. Забавная маленькая женщина, похожая на сову, которая всунула мне в руку записку, гласившую: "Вы опоздали!", когда я приехала, вовсе не персонаж мелодрамы. Она живет здесь наверху, у нее какая-то болезнь горла, потому она может

говорить только шепотом и не расстаётся с блокнотом и карандашом. Когда она писала свое послание, то думала, что квартира уже сдана, потому что кто-то приходил до меня. Она живет со своим сыном Досоном, ему пятнадцать лет, он долговязый и тощий и носит очки, на вид весьма непривлекательный. Но мне никогда не нравились скороспелые дети.

Мисс Глори, дочь морского капитана, живет в бальном зале и делает уборку в доме, другой жилец первого этажа — скрипач, который играет в оркестре ночного клуба. Его зовут Винсент Моретти, у него очень светлые волосы и брови. Он флиртует с мисс Глори, но я не думаю, что он действительно влюблен в нее. Она плоская и коричневая, как кусок картона. Но он шутит с ней, и она хихикает.

Вот и все обитатели этого дома, за исключением Джереми Винтера, который ловит воров в цокольном этаже. Он рекламный художник, очень самоуверенный и совсем не в моем вкусе.

Арабия обещала рассказать все про Люси, и это послужит мне материалом для той серьезной работы, которой я всегда хотела заняться.

Тысячу раз целую.

Твоя любящая Крессида”.

4

Среди ночи Крессида проснулась. Она и заснула-то лишь из-за крайней усталости. Возбуждение по-прежнему жило в подсознании, и двухчасовой сон, избавив от чрезмерного утомления, сразу вернул ее к мыслям об обстоятельствах, в которых она оказалась, и Крессида резко поднялась. Больше она не заснет — возбуждение так и захлестывало ее. Она поняла — ей очень хочется пойти в комнату Люси и узнать ее секреты.

Том постоянно жаловался на то, что Крессида слишком импульсивна. В конце концов, именно под влиянием минуты (и невыносимого упрямства Тома) попала она в Драконий дом и окунулась в непрерывный поток жизненного материала. Раз ей позарез надо исследовать комнату наверху прямо сейчас, значит, она так и сделает.

Надев халат и сунув ноги в шлепанцы, Крессида потихоньку двинулась в путь.

Мраморные ступеньки заканчивались на втором этаже. Дальше шли деревянные, покрытые тонким пыльным ковром, который не заглушал шагов Крессиды, к тому же ступеньки были явно не прочь поскрипеть. Она двигалась очень осторожно, потому что не хотела никого потревожить. Ей надо было пройти мимо двери миссис Стенхоуп, но она чувствовала, что даже если та и проснется, то не станет выглядывать, как и долговязый юнец Досон, который вложил в ее руку свои костлявые пальцы, когда Арабия их познакомила, а потом воровато на нее поглядывал, словно ее приезд вызвал у него какие-то подозрения.

Размышляя об этом, Крессида преодолела последние несколько ступенек и по коридору направилась к комнате Люси. Когда она тихонько открыла дверь и зажгла свет, жалость еще больше захлестнула ее.

Зачем Арабия мучает себя этой комнатой, где жизнь словно бы продолжается? Даже свежие цветы стоят на туалетном столике. Крессида остано-

вилась, чтобы снова взглянуть на фотографию Люси, сделанную перед совершеннолетием. В юном лице не было ничего, напоминающего ястребиную надменность Арабии. Круглое и нежное, с улыбающимися губами, оно тонуло в ореоле тонких светлых волос. Взгляд отсутствующий, почти пустой, как будто она созерцала нечто далекое, не имеющее ничего общего со студией фотографа. В едва сжатых руках букет роз. Красные розы были любимыми цветами Люси, как говорила Арабия.

Крессиде показалось, что их запах разлит в этой комнате, и из-за него она внезапно подумала о смерти. Подавляя дрожь, она подошла к письменному столу и взяла дневник, открытый на последней записи. Женственным и аккуратным почерком были выведены последние слова, теперь звучащие столь трагически: "Обедала с Ларри, мы разговаривали о свадьбе. Почти все уже готово. Завтра надо заказать цветы..."

На этом записи обрывались. Цветы, конечно же, заказали, но не для свадьбы.

Крессиде перелистала дневник и прочитала беспечные заметки веселой и пользующейся успехом девушки. Обеды, танцы, речные прогулки, магазины, примерки, упоминания о молодых людях. Чаще всего среди прочих имен встречалось имя Ларри. Только один абзац был вымаран. Крессиде пришлось нагнуться к самой странице, чтобы разглядеть, что же там написано. "Сегодня вечером видела Монти". Кто такой Монти и почему его имя вымарано? В дневнике, охватывавшем полгода жизни, больше не было ни единого упоминания о нем.

Был ли он настолько незначителен для нее, что не стоил частых замечаний, или же его поведение было настолько неприятным, что Люси старалась забыть его?

За исключением этого единственного зачеркнутого абзаца в дневнике не было совсем никаких секретов. Крессиде отложила его, решив спросить завтра Арабию о таинственном Монти.

Вдруг Крессиде расхотелось оставаться здесь. Как-то сразу она почувствовала, что ей не по себе, одиноко и грустно. Внезапно она затосковала по Тому, по его надежному, доброму лицу, по ободряющей улыбке. Как глупо!

Надо поскорее вернуться к постели и здравому смыслу, который принесет ей крепкий сон.

Она задержалась у двери, чтобы выключить свет, потом повернула ручку и обнаружила, что дверь заперта!

Быть такого не может! Мрачные предчувствия и неодолимый страх охватили ее с такой силой, что она вся затряслась, но уже мгновение спустя снова включила свет и спокойно обследовала дверь. Замок, разумеется, просто захлопнулся. Если немножко повозиться, дверь откроется.

Но она не открылась. Она действительно была заперта. Теперь Крессиде вспомнила, что некоторое время назад слышала звук. Значит, кто-то повернул ключ. И этот кто-то неслышно поднялся по лестнице, зная, что она здесь.

Чепуха, конечно. Кому и ради чего понадобилось запирать ее в комнате покойной девушки? Наверняка, это недоразумение.

Но вспомнив приглушенный звук у двери, Крессида ясно поняла, что это не было недоразумение. Кто-то, из озорства или из злобы, решил запечатить ее в комнате Люсии.

Эта шутка пришлась ей не по вкусу, и она не собиралась спокойно терпеть подобные глупости. Крессида стала колотить в дверь и звать на помощь.

— Кто-нибудь, подойдите и откройте дверь! Я не собираюсь торчать здесь целую ночь! Пожалуйста, подойдите и откройте!

Никакого отклика. Тишина стояла такая, словно она одна во всем доме. И стоит тут, в этой прелестной окаменевшей комнате, единственное живое существо среди мертвых предметов...

Нетерпеливо, но стараясь не поддаваться панике, Крессида снова заколотила в дверь. Затем попробовала постучать пяткой в пол, но толстый ковер заглушал звук. Она подошла к окну, распахнула его и вышла на узенький балкончик с кованой решеткой в виде переплетенных виноградных лоз. До узкого лоскутка сквера было очень далеко. Перегнувшись через перила, она увидела, что все окна в доме темные. Значит, никто с этой стороны не бодрствует в одиночестве, хихикая над запортой наверху девицей. А у кого может гореть свет с той стороны? У Арабии? У мисс Глори, в пустынном великолепии бального зала? Может, у Джереми Винтера? Но его окна, сильно заглубленные, все равно не разглядишь.

Прямо под спальней Люсии находилась комната Арабии. Но в это время Арабия, без сомнения, спит, и наверняка не услышит никаких призывов. Дальше — комнаты миссис Стенхоуп и Досона, но и они, скорее всего, крепко спят и тоже ничего не слышат.

Но кто-то, разумеется, не спит. Тот человек, который поднялся по лестнице и запер ее. Внезапно Крессиде пришло в голову, что она ведет себя именно так, как надеялся этот человек, извлекающий теперь из этого извращенное садистское наслаждение. Возможно, ему, кто бы он ни был, нравилось пугать девушек, и он надеется, что она бьется в истерике.

Ладно, раз так все сложилось, придется провести ночь здесь. Комната была удобная, даже роскошная. А когда наступит день, она без труда привлечет к себе чье-либо внимание. Главное — переждать здесь несколько часов до утра, и самое лучшее — просто их проспаться.

Крессида поколебалась всего одно мгновение перед тем, как лечь на приготовленную ко сну кровать. Под одеяло она не легла. Что-то — была ли то мысль о кощунстве? — остановило ее. В довольно скованной позе она прилегла поверх покрывала и выключила розовый ночничок.

В доме царила глубокая, пугающая тишина. Нет, тишина все же не была абсолютной. Послышался какой-то скрип. Может, ей просто почудилось? Что это за глухой звук? Нет... да, что это? Какой-то слабый отдаленный крик. О, это мяукает кошка... Ну конечно, Мимоза. Отчего Мимоза бродит по дому? Разве они с хозяином не запираются на ночь?

Или она бродит вместе с хозяином? Ой, что это?! Что за свистящий шепот: "Захватчица!" И затем — слабый придушенный звук, будто подавленное рыдание...

Крессида села на постели. Она почувствовала легкий аромат роз, ощутила под пальцами шелк аккуратно выложенной ночной сорочки и внезапно спрыгнула с кровати, вся напрягшись от ужаса.

Как она могла лежать здесь, на кровати Люси, ожидавшей только Люси, которая никогда уже не вернется?

Каким-то образом надо выбраться отсюда, и не по лестнице, где ее, без сомнения, ожидает неизвестный мучитель, чтобы еще раз насладиться ее отчаянием. Наверняка можно как-нибудь уйти через балкон и спуститься по водосточной трубе.

Но оказалось, что в подобных подвигах нет нужды. Потому что от балкона вниз шла пожарная лестница. Почему ей раньше не пришло это в голову? Это же было легче легкого. Даже в длинном своем халате она без труда спустилась по железным перекладинам на террасу. Крессида даже фыркнула от удовольствия. Кто бы ни сыграл с ней эту бездарную шутку, в конце концов он сам остался с носом.

Или все-таки нет? Потому что, благополучно спустившись на террасу, Крессида обнаружила, что не может попасть в дом. Все двери были закрыты, и когда она довольно робко постучала в окно Винсента Моретти — единственное окно, выходящее в сад, — ей никто не ответил. По-видимому, Моретти еще не было дома.

Но, слава Богу, она заметила полоску света в окнах цокольного этажа. Крессида пожалала плечами, смирившись с неизбежным. Опять ее спасение зависит от Джереми Винтера.

Крутая лестница вела вниз к задней двери. Крессида быстро спустилась по ступеням и громко постучала.

Дверь тотчас отворилась, перед нею стоял Джереми. Черные волосы стояли торчком, как будто он лихорадочно ерошил их рукой, и вообще вид у него был сонный. Мимоза сладострастно извивалась вокруг его щиколоток.

— Простите, — сказала Крессида, — но свет горел только в вашем окне. Поэтому я и постучала.

— Вот как? — Глаза Джереми уже не казались сонными. Они смотрели на нее одобрительно.

— Это был единственный способ попасть в дом, — объяснила Крессида.

— А почему не тот же, каким вы вышли?

— Я спустилась по пожарной лестнице. — Крессида начало трясти, и вдруг, потеряв обычную воспитанность, она резко сказала: — Вы не собираетесь впустить меня? На эту ночь с меня достаточно розыгрышей. Полагаю, вы же и заперли меня в комнате Люси.

— Не хотите же вы сказать, что были заперты в той комнате?

— А что же, вы думаете, я делаю здесь?

На ее весьма едкий вопрос он ответил вполне серьезно:

— Видите ли, я вас еще не очень хорошо знаю.

— Не говорите глупостей. Вы знаете меня достаточно хорошо, чтобы понимать: я не стала бы забавы ради спускаться по пожарной лестнице в халате.

— Но кому могло понадобиться запирать вас там? Дверь просто заклинило. Вот что, я слетаю наверх и посмотрю. А вы войдите и посидите у моего камина. Вы замерзли.

Крессида обхватила себя руками.

— Мне не холодно. Это из-за той комнаты... ночью... Мне не следовало идти туда одной. У меня было такое чувство, словно кто-то ходит по моей могиле.

Но все это она говорила себе самой, так как Джереми уже скрылся. Она вошла в ярко освещенную гостиную, с чертежной доской, расположенной на видном месте; ей были слышны его быстрые шаги, которые становились все тише по мере того, как он поднимался вверх. Очень скоро Джереми возвратился.

Целую минуту он очень внимательно смотрел на Крессида, причем выразительная бровь поднялась чуть не до самых волос, потом совершенно спокойно сказал:

— Дверь не была заперта. Там даже нет ключа.

— Но ведь она была заперта! Клянусь... Джереми Винтер, уж не думаете ли вы, что я нашла предлог и явилась сюда в халате по пожарной лестнице только за тем, чтобы повидать вас? Но нет, вы не можете быть такого уж высокого мнения о своей персоне!

— Что ж, очень жаль, — прошептал Джереми.

— Я этого не вынесу, — крикнула Крессида. — Думаю, вы и открыли дверь, когда поднялись вверх. В конце концов, я же слышала, пока была в комнате Люси, как на лестнице мяукает Мимоза!

— Мимоза! — воскликнул Джереми возмущенно. — Так это ты заперла бедную леди? Ах, скверное создание!

— Не будьте болваном! — Крессида была буквально вне себя от ярости и унижительного, не оставлявшего ее страха. — Сегодня ночью меня заперли в той комнате, и если бы я не спустилась по пожарной лестнице, мне бы пришлось там провести целую ночь. Кто-то мечтал послушать, как я буду звать на помощь, а потом, увидев или услышав, что я спускаюсь по пожарной лестнице, помчался вверх, отпер дверь и считает, что ничего не произошло.

— Сядьте, — сказал Джереми, — вы еще дрожите.

— Нет, не сяду. Это не светский визит. Спасибо, что впустили, а теперь я пойду.

Джереми и не шевельнулся, чтобы открыть дверь.

— Вы очень привлекательны, когда сердитесь. Интересно, Том разделяет мою точку зрения?

— Будьте так любезны, не упоминайте имя Тома.

— Никак не могу, потому что в эту самую минуту спрашиваю себя, не вернуться ли вам к нему, спрятав свою гордость в карман после всего, что здесь произошло?

И тут Мимоза стала вкрадчиво тереться о лодыжки Крессиды. Крессида посмотрела вниз, на ее широкую золотистую спину, потом вверх, на высокого молодого человека, стоявшего перед ней. Он уже не смеялся. Смотрел на нее насмешливо, но было в его взгляде нечто, что можно было принять за серьезность. Она почувствовала, что гнев ее остывает.

— Почему вы так говорите?

— Боюсь, что здесь — а где еще вам жить? — вы станете кем-то, кто восстал из могилы. А это, знаете ли, не слишком полезно для здоровья.

— Так, по-вашему, это Арабия? — почти прошептала Крессида. Ей мгновенно представилось, что она — вечная пленница в этой очарователь-

ной безжизненной комнате, и старуха в заморском наряде — единственный ее посетитель.

У Джереми был действительно озадаченный вид.

— Просто не могу поверить, что она способна на такую безумную выходку. Я знаю, она обожает выдумывать, забавляться и по возможности шокировать, но я всегда думал, что она в здравом уме. Вот что, идите-ка вы лучше спать и попробуйте убедить себя, что все это вам приснилось. Я провожу вас наверх.

— Мне это не приснилось, — упрямо произнесла Крессида. — И домой к Тому я не собираюсь ехать. По крайней мере, не теперь. История Люси — как раз то, что я искала, и я намереваюсь разузнать об этом побольше. Уверена, здесь есть, что разузнавать. К примеру, кто такой Монти из ее дневника?

— Девичьи глупости, — бросил Джереми.

— Может быть. Но у Арабии в глазах что-то не то. Не думаю, что она рассказала мне все. А вы... — она резко повернулась к нему, — а вы почему не спите в такой час?

— Я работал, — мягко ответил Джереми. — Делал наброски с Мимозы для комикса. Хотите взглянуть?

Он показал на чертежную доску, и Крессида с удовольствием принялась рассматривать ряды пухлых кошек, важно шествующих на задних лапах и оживленно беседующих между собой.

— Иногда Мимоза подолгу не дает мне сюжетов, — пожаловался Джереми. — Ужасно ленивое животное.

Крессида невольно рассмеялась.

— Вообще-то я хотел, чтобы они получились забавные, — заметил Джереми.

— О да. Мне они нравятся.

— Ладно, не хмурьтесь. Давайте отведу вас в вашу спальню. Мимоза пойдет вперед. В два часа ночи она бывает довольно игрива.

Когда они дошли до двери Кресиды, Мимоза уже ждала их и первая проскользнула в открытую дверь.

— Вот проклятое животное! — воскликнул Джереми.

Крессида включила свет и с чувством особого удовольствия оглядела светлую, приятно обставленную комнату.

— Вот она, под кушеткой... На что это вы смотрите?

Джереми пристально смотрел на ключ, лежавший на столе, большой, старомодный, слегка проржавевший. Под ним лежал листок бумаги, а на листке была выведена таинственная фраза: "К могиле ключа не надо".

— Это вы ее сюда положили! — взорвалась Крессида.

Джереми поднял брови.

— Вы так полагаете?

— Кто же еще? Все остальные спят себе спокойно!

— Вы проверяли?

— Не говорите ерунды! Люди не врываются бесцеремонно в чужие комнаты.

— И все же кто-то не побоялся бесцеремонно войти в вашу. Не думайте больше об этом сегодня ночью. Шутка, конечно, неприятная, но безобидная. Ложитесь в постель и постарайтесь заснуть. Хорошо?

Крессида неохотно кивнула. Она была бы счастлива, если бы он, наконец, ушел, но, с другой стороны, ее снова охватил безотчетный тайный ужас.

— По крайней мере, вы убедились, что дверь действительно заперли и мне это не почудилось.

— Ваша репутация безупречна, моя дорогая. Завтра я попытаюсь что-нибудь разузнать. А теперь спите, иначе какая из вас получится натурщица! Я не привык рисовать темные круги под прекрасными глазами.

Стоило ему выйти, как все ее страхи снова вернулись. Кто-то не желает, чтобы она жила в этом доме. Этот кто-то ревниво относится к памяти Люси. Тогда кто же это, если не Арабия?

5

Удивительно, но Крессида крепко проспала весь остаток ночи и проснулась от решительного стука мисс Глори.

— Вы еще спите? — спросила она в своей отрывистой манере. — Я подумала, что вам, верно, хочется чаю.

Увидев эту высокую угловатую женщину с желтоватым лицом, гладко зачесанными волосами и несколько неприятными манерами, Крессида села и поздоровалась.

— Спасибо вам огромное... — начала было она, но в эту минуту из холла внизу послышался голос:

— Где вы, моя розочка, драгоценность моя?

Неожиданно мисс Глори хихикнула. Взгляд ее карих глаз смягчился.

— Мистер Моретти. Такой чудак! Вот еще, розочка! Он это нарочно, знает, что злит меня. Вы собираетесь выходить сегодня утром?

— Да, мне надо поискать работу.

— Тогда я уберусь здесь, пока вас не будет дома.

— Но я не смогу оплатить...

Мисс Глори вздернула голову, как бы указывая на потолок.

— Ни слова больше. Приказ сверху. Вы тут любимица.

— Но...

— На вашем месте я бы не стала беспокоиться. Берите, что дают. Заплатите по-другому, как я плачу, — таинственно произнесла мисс Глори. — Вы хорошо спали?

Крессида поколебалась. Взглянула в желтое костлявое лицо и вдруг подумала, что мисс Глори вполне могла быть по-своему заинтересована в этой истории, а тогда что бы помешало ей бродить по дому среди ночи?

— Да, спасибо, — сказала она вежливо. — И большое спасибо за чай.

— Рада быть полезной. Так приятно видеть здесь юное личико.

Когда закончился этот наводивший на размышления визит, живой ум Крессиды снова быстро заработал. К могиле ключа не надо. Такие слова не имели никакого отношения к этому прекрасному утру. Они принадлежали ночному кошмару, и их следует забыть, как следует забывать любой кошмар по пробуждении. Она допила чай и, напевая, приняла душ и оделась. Позвякивание бутылок возвестило о прибытии молочника. Она вышла за своим молоком как раз в тот момент, когда миссис Стенхоуп прощалась с

Досон у входной двери. Неуклюжий долговязый Досон наклонился, чтобы поцеловать мать, потом заметил Крессида и угрюмо кивнул ей.

Конечно, он сейчас в таком ужасном возрасте, подумала Крессида, что никак нельзя придирается к нему за его никудышные манеры, но все же она не могла отыскать в нем хоть что-нибудь, чтобы ей нравилось. Узкая длинная голова с взъерошенными волосами, бледная кожа, близорукие глаза за стеклами очков. Бедный малый, красотой Бог его не наградил, но мать явно обожает его, и он ей очень предан.

Досон стал спускаться по ступеням, и миссис Стенхоуп, повернувшись, чтобы войти в дом, заметила Крессида. Она улыбнулась со всей доброжелательностью, которой так не хватало ее сыну. Ее рука привычным безотчетным движением поднялась к горлу, и она что-то прошептала.

Крессиде захотелось разузнать все о миссис Стенхоуп, понять, почему она кажется такой несчастной и больной. Наверняка ей не повезло в жизни. Может быть, муж умер молодым, и ей пришлось одной кормить и воспитывать сына.

— Доброе утро, миссис Стенхоуп. Не хотите ли зайти и посмотреть мою квартиру? — спросила Крессида.

Миссис Стенхоуп усиленно закивала.

— Очень любезно с вашей стороны, — прошептала она. — Я так рада, что миссис Болтон не сдала эту квартиру той женщине, которая приходила вчера до вас, как я думала. Вы такая молоденькая и хорошенькая. Нам всем это очень приятно.

В квартире она продолжала кивать и улыбаться, пока Крессида показывала ей свои вещи. Затем вынула свой блокнот, карандаш и написала: “Надеюсь, вы позволите Досону и мне быть вашими друзьями”.

Крессида была тронута ее добротой. Почему она думала, что Драконий дом — зловещее и неприятное место? Все стараются оказать ей любезность. За исключением того, кто сыграл с ней мрачную шутку сегодня ночью.

— Миссис Стенхоуп, — вдруг выпалила она, — вы ничего не слышали сегодня после полуночи? Словно кто-то бродил по лестнице?

Маленькая женщина, казалось, встревожилась, ее глаза стали огромными за толстыми стеклами очков.

— Воры?

— Нет, не воры. Кто-то бродил и что-то вынюхивал. Я поднялась в комнату Люси и, пока там была, меня кто-то запер.

Миссис Стенхоуп схватила карандаш и решительно написала: “Наверное, это Арабия”.

— Арабия? — недоверчиво переспросила Крессида.

Миссис Стенхоуп яростно писала: “Арабия добра и мила, но когда дело касается Люси, она становится не совсем нормальной. По-моему, вам надо остерегаться”.

— Остерегаться — чего? — воскликнула Крессида.

“Ее эксцентричности. Она может возненавидеть вас просто потому, что вы живы, а Люси умерла”.

— По-моему, Арабия и мухи не обидит, — мягко сказала Крессида.

Миссис Стенхоуп уставилась на нее своими близорукими глазами. Потом пожала худыми плечами и написала: "А кто другой мог сделать такое? На вашем месте я бы не слишком копалась в истории Люси".

В предложении миссис Стенхоуп было много здравого смысла, к тому же, она жила здесь достаточно долго, чтобы распознать нрав Арабии. Крессида не могла понять, почему одна только мысль о том, что такую шутку с ней сыграла Арабия, была ей столь неприятна и даже отвратительна. Очень уж ей понравилась старая леди накануне вечером.

Может ли глупая шутка изменить ее отношение к Арабии? Крессида боялась, что может, но она была не права — когда полчаса спустя Арабия появилась в дверях, она сразу же вновь подпала под обаяние этой женщины.

На ее плече сидел серо-розовый попугай Ахмед. Вместо вчерашнего трагического черного бархата на ней был очень старый и поношенный твидовый костюм и мятая фетровая шляпка, лихо заломленная на высоко поднятой голове. Она казалась некоей весьма эксцентричной герцогиней, собравшейся на встречу с сельскими жителями, вот только Ахмед не вписывался ни в какой условный образ.

— Доброе утро, моя любовь, — сказала она Крессиде своим теплым глубоким голосом. — Хорошо ли вы спали на новом месте?

— Да, я...

— Прекрасно, прекрасно. И я тоже. Способность спать крепко — единственное Божье благословение, которое мне осталось. Как бы мне Страшный Суд не проспать. Дорогая, вы такая свежая, такая хорошенькая. Конечно, в вашем-то возрасте... Вот и Люси выглядела, как только что распустившийся лютик, протанцевав всю ночь. А теперь нам пора к мистеру Маллинзу. Вы готовы?

Арабия предложила идти пешком, так как магазин мистера Маллинза был в каких-нибудь двух кварталах от Глочестер-роуд. Она бесцеремонно сбросила с плеча Ахмеда и приказала ему отправиться домой; он подчинился и странно, боком, запрыгал со ступеньки на ступеньку, сопровождая прыжки непрерывным хриплым ворчанием.

— Он постоянно просится со мной погулять, — сказала Арабия. — Надо будет когда-нибудь доставить ему это удовольствие. Не правда ли, он прекрасен — эти перламутрово-серые перышки, словно занимающий рассвет над пустыней. Я обожаю попугаев, а вы? Они намного привлекательнее, чем грифы, у меня было много попугаев. — Она улыбнулась Крессиде своей поразительной улыбкой, создававшей странную иллюзию молодости и красоты на этом костлявом старом лице, и просунула руку под локоть Крессиды. — А теперь, моя дорогая, вы должны по дороге рассказать мне о себе. Где ваши родители, где вы живете, и как случилось, что вы встретились с вашим балансовым отчетом — Томом?

Крессида рассказала вкратце, что живет в городке Котсуолд, что Тома знает с детства (он был уже почти совсем взрослый, когда она была маленькой девочкой, и, возможно, этим объясняется его манера обращаться с ней как с ребенком), что ее родители умерли, отец совсем недавно, и она осталась жить в родительском доме, половину которого сдала приезжей школьной учительнице. Она ожидала, что после смерти ее отца Том захочет жениться на ней сразу, но он, со свойственной ему предусмотрительно-

стью, решил придерживаться прежнего плана и сперва купить и обставить их собственный дом.

— И подождать, пока вы станете старше и ответственнее, — пронзительно заметила Арабия. — Я вижу, этот Том никогда не рискует. Продолжайте.

Чтобы зарабатывать деньги, которых у нее было очень мало, Крессида стала писать в маленькой местной газете, делая репортажи о свадьбах и всяких общественных сборищах, что находила невыносимо скучным занятием, не дававшим ни малейшего простора ее творческому дару. Еще она составляла букеты для вечеринок, немножко занималась покупкой и продажей антиквариата, посещая аукционные распродажи в окрестных домах. И это все. Она всегда была бедна. Сама понять не могла, куда утекают деньги. Они просто уплывали из рук, как уплывала неизвестно куда ее жизнь в этом тихом городке, где у нее был только Том, который властно ею распоряжался.

— Я по-настоящему страдала, когда мы ссорились.

— Вы меня этим не удивили, моя дорогая! Еще бы, ведь это жизнь для какой-нибудь древней старухи. Вы должны повидать мир. В нем столько всего... Ах, мы будем развлекаться вместе. Я снова начну ходить в театры и в музеи. И мы можем взять лодку и кататься по реке, или отправиться в Беттерси на ярмарку с аттракционами. Жизнь! Вот что у нас будет!

— Арабия, — спросила вдруг Крессида, — кто такой был Монти?

Она почувствовала, как напряглась старая леди.

— Монти? Никогда о нем не слышала.

— Он упомянут в дневнике Люси. Запись вся зачеркнута, но я все же сумела прочитать имя.

— Значит, ваши глаза лучше моих. Я никогда не видела и не слышала этого имени раньше. Конечно, Люси знала множество мальчиков. Вокруг нее всегда была пропасть народу. Если вы прочитаете весь дневник, то обнаружите там и другие имена, кроме Ларри. Дайте-ка мне подумать, помнится, там был Джон, и Мартин, и Хэмиш...

— Но если были и другие, отчего вы так уверены, что не было Монти?

— Потому что это имя совсем не похоже на имена друзей Люси, — резко перебила ее Арабия. — Вероятно, так звали собаку какого-нибудь из ее друзей. Вот на что похоже это имя.

— Да, конечно, — вежливо согласилась Крессида, уже зная, что какой-то Монти существовал и что Арабия его не любила. Возможно, он был неким пятнышком на совершенстве Люси. Во всяком случае, от этого она становилась более земной. Теперь Крессида была почти уверена, что в истории Люси кроется какая-то тайна. Когда она в следующий раз поднимется в эту пустую спальню, то уж позаботится вынуть ключ из замка. Никаким иным способом неведомому шутнику не удастся испугать ее.

— Ну вот мы и пришли к мистеру Маллинзу, — отрывисто сказала Арабия. — Входите и пустите в ход все свое обаяние. Альберт — мошенник и плут, но я его обожаю.

Мистер Маллинз не походил ни на мошенника, ни на плута — маленький и круглый, с личиком дрезденского купидона. Он восторженно приветствовал Арабию и попытался задержать ее унизанную тяжелыми перстня-

ми руку в своей, но она нетерпеливо выдернула ее и сунула в свою большую сумку.

— Альберт, я даю вам часы Марии-Антуанетты и новую помощницу.

Розовое лицо мистера Маллинза расплылось от удовольствия. Руки благоговейно потянулись к маленькому коричневому свертку, который достала Арабия.

— Дорогая моя леди! Наконец-то!

— Нельзя быть таким алчным. Лучше взгляните на вашу новую помощницу. Ее зовут Крессида Барклай, она живет у меня и знает все — возможно, намного больше вас, — что нужно знать об антиквариате.

Мистер Маллинз положил на стол маленькие затейливые часики и протянул Крессиде пухлую руку.

— Здравствуйте, мисс Барклай. Какая она хорошенькая, Арабия.

— Конечно, хорошенькая. В вашей лавке она будет выглядеть лучше, чем весь этот хлам, который вы собирали.

— Но, может быть, мистеру Маллинзу не нужна помощница? — встала Крессида.

— Разумеется, нужна. Я это говорю ему уже много лет. Кто-то ведь должен вытирать пыль и оставаться в лавке, когда он обедает. Иначе он заморит себя голодом. И не стоит отрицать, Альберт! Я знаю. Вы живете на бутербродах с сыром!

Мистер Маллинз кротко кивнул.

— Это правда. Я действительно ем очень много бутербродов. И с пылью, конечно, просто беда. Говоря откровенно, мисс Барклай, я давно бы нанял помощника, если бы нашел надежного человека. И поскольку Арабия ругается мне, что вы...

— Вопрос решен, Альберт. — Глубокий, неотразимый голос Арабии отменил все сомнения. — А теперь давайте мне ваши жалкие гроши, и я оставлю вас. Объясните Крессиде ее обязанности.

Они отошли в угол, туда, где находилась касса, и после некоторых пререканий, в ходе которых совершенно явственно прозвучала фраза Арабии: "Какой же вы старый плут и мошенник!", она ушла, а Крессида осталась с херувимоподобным мистером Маллинзом в темном магазине среди восхитительных пыльных предметов старины.

Они все еще благоговейно рассматривали французские часики.

— Я столько лет мечтал о них. Уверен был, что Арабия никогда их не продаст. Самый непредсказуемый человек на свете. С ней никогда нельзя терять надежду, потому что в один прекрасный день, вот как сегодня, она вдруг переменит решение.

— И теперь у вас есть часы, а в придачу — я, — заметила Крессида.

— Честно говоря, мисс Барклай, во взятке не было никакой необходимости. Мне нужен помощник, и я сегодня же собирался выставить в витрине объявление. Вот оно, уже написано. Можно даже сказать, что это судьба.

Или совпадение, подумала Крессида. Не слишком ли много совпадений пришлось на ее долю за эти дни, чтобы чувствовать себя спокойно?

— Вероятно, вы вполне мне подойдете, особенно если хоть немного разбираетесь в антиквариате.

— Я разбираюсь, — заверила его Крессида.

— Тогда чего же лучше? Вы будете вытирать пыль и во время работы познакомитесь с товаром. На первых порах, пожалуйста, отсылайте всех покупателей ко мне, кроме тех, кто хочет приобрести всякие мелочи — на них цена помечена. — Он на секунду умолк, чтобы улыбнуться ей своими ямочками. — Не сомневаюсь, мы отлично поладим, мисс Барклай.

Вот еще один человек, который так добр к ней. Внезапно Крессида охватило дурное предчувствие. Нельзя же полагаться на такое везение. Долго так продолжаться не может.

— Спасибо, мистер Маллинз. Я буду очень стараться.

— Я не спросил, мисс Барклай, сколько вам лет и откуда вы приехали.

— Мне двадцать два года, я приехала из Котсуолдса.

— А как давно вы знакомы с миссис Болтон?

— Со вчерашнего дня. Боюсь, она чуть ли не удочерила меня. Впрочем, как же можно не почувствовать...

Она замолчала, уловив его трезвый и напряженный взгляд.

— Вы имеете в виду ее дочь, разумеется.

— Да, Люси.

— Она умерла очень давно.

— Но Арабия любит ее до безумия.

— Никого не стоит любить до безумия, — с мудрым видом твердо сказал свои губки мистер Маллинз.

Он был так серьезен, что Крессиде вдруг захотелось улыбнуться.

— Будь я на вашем месте, мисс Барклай, я бы не позволял Арабии, чтобы она любила вас до безумия.

— Но с какой стати она будет так уж меня любить? Я ведь ей совершенно чужой человек.

— Вы напоминаете ей Люси. Она вам этого не говорила?

— Говорила.

— Странная и порывистая женщина. Нет-нет, я не говорю ни слова против нее. Она один из моих старейших и любимейших друзей. Но с ней просто.

— Вы предостерегаете меня от чего-то, мистер Маллинз?

— Я только говорю, что рядом с собственниками по натуре бывает не всегда уютно.

— Вы знали Люси? — нетерпеливо спросила Крессида.

Действительно ли его глаза сверкнули, или ей почудилось?

— Нет, к сожалению, не знал. Она умерла до того, как я подружился с Арабией. А теперь, мисс Барклай, вы можете начать с этого угла. Вот с этих прадедускиных часов. Они ходят уже шестьдесят тысяч дней и до сих пор не устали. А этот инкрустированный столик — китайский. Будьте осторожны с синей вазой. Она — периода династии Хань. Вообще-то все мои вещи — сокровища. Знаете, я ненавижу продавать их.

И на самом деле, по всему было видно, что торговля для мистера Маллинза — задача второстепенная. Крессида быстро поняла, что вытирание пыли здесь вполне сравнимо с одним из подвигов Геракла. За крупными предметами мебелировки громоздились более мелкие, а за ними — снова керамика и медь, стеклянные люстры, викторианский фарфор и потускнев-

шие старые картины в тяжелых рамах. Крессида оторвалась от своего исследования, чтобы попросить халат, и затем, облаченная в старое синее одеяние поденщицы, с воодушевлением принялась за работу. Она делала открытия одно за другим, в буфете нашла рокингамский чайный сервиз, двух кошечек стафффордширского фарфора, в горделивых позах, до смешного похожих на Мимозу, и драгоценное дрезденское зеркало. Оно привело ее в полный восторг, и она вынесла его к дверям, поближе к свету, чтобы протереть и отполировать более тщательно. Погруженная в работу, Крессида не расслышала шагов и очень удивилась, когда над ней раздался голос:

— Это продается?

Она вскинула глаза и увидела веселое смуглое лицо Джереми Винтера.

— Зеркало?

— Нет, отражение в нем.

Крессида взглянула в зеркало и увидела свое собственное лицо, растрепавшиеся волосы, пыльный след на носу и розовые, как у купидонов, щеки.

— Не говорите ерунды, — ответила она.

— Это самое восхитительное перевернутое лицо, я влюблен в него.

— Зеркало очень красивое, — сказала Крессида, поднимая его.

— Но теперь оно пусто. Кому нужно пустое зеркало? Скажите, а Том когда-нибудь видел ваше перевернутое отражение с пылью на носу? Если бы видел, никогда не позволил бы вам уехать.

— Вам нельзя приходить сюда и отвлекать меня от работы, — нетерпеливо произнесла Крессида.

Джереми слегка оперся о дверь.

— Сегодня вечером я жду вас на сеанс. Вы же придете, правда?

— Конечно, не приду, — ответила Крессида, яростно полируя зеркало.

— После того, как я дважды спас вам вчера жизнь?

— О, пожалуйста, уходите, — взмолилась Крессида. — Я работаю здесь, и мистер Маллинз...

— Мистер Маллинз — мой друг.

Джереми небрежно помахал рукой мистеру Маллинзу, который появился из недр магазина, ухмыльнулся и тактично скрылся. Крессида была вне себя от его тактичности. Неужели он думает, что она хочет остаться наедине с Джереми?

— Он одалживает мне свои экспонаты для рисунков, — объяснил Джереми. — На прошлой неделе это были те львы эпохи Тянь. На их фоне замечательно смотрелся мой товар.

— Значит, вы думаете, он одолжит вам и меня? — едко парировала Крессида. — И какой же товар я буду рекламировать?

— Никакой, — просто ответил Джереми. — Я хочу рисовать вас для удовольствия. Я понял это в ту же минуту, как увидел вас вчера. — И словно устыдившись собственной серьезности, дерзко прибавил: — Тому я не скажу.

Крессида издала нетерпеливое восклицание. Джереми тронул ее за руку.

— Кто-нибудь признался в том, что сыграл с вами веселую шутку сегодня ночью?

— Нет, к сожалению, нет. Миссис Стенхоуп сказала... но я не могу поверить...

— Поверить — во что?

— Что Арабия делает... странные вещи.

— Значит, это полтергейст. По наущению Люси.

— Что за бред! — От удивления у Крессиды перехватило дыхание.

— Если Люси здесь, рядом, — произнес Джереми серьезно, — то разумнее не слишком часто пользоваться ее милой комнаткой. Она может ревновать. Она может ревновать к вам и Арабию.

— Джереми, это нелепость. Она мертва, мертва.

— Да, действительно, Арабия так говорит. Придете ко мне позировать сегодня? Умоляю!

Он улыбнулся и быстрыми легкими шагами вышел из магазина. Отрешенная от всего, что ее окружало, Крессида обдумывала странные слова Джереми. Неужели он и вправду думает, что Люси не умерла? Но тогда что значит эта пустая комната, двадцатилетнее горе Арабии, с болезненной тщательностью сохраненные детали жизни юной Люси? О нет, такое предположение — невероятная фантастика. Это штучки Джереми, он подшутил над ней, чтобы заманить ее к себе, заставить ее позировать. Вкрадчивый и умный интриган, он и эта его желтая кошка...

— Красивый молодой человек, правда? — одобрительно и мягко прозвучал голос мистера Маллинза.

Крессида резко обернулась.

— По-моему, ни в малейшей степени. И я сказала ему, чтобы он не приходил сюда и не отвлекал меня от работы.

— Но я не против того, чтобы вас ненадолго отвлекали от работы. Я же не рабовладелец. — Мистер Маллинз ласково покачал головой.

Вот он кто — романтичный, женственный сводник! Старый дурак!

— Дело в том, что у меня есть жених, — чопорно объяснила Крессида. — И я поеду домой, чтобы выйти замуж после того, как поживу немало в Лондоне и приобрету некоторый опыт.

— Опыт премного способствует просвещению, — заметил мистер Маллинз. — Ах, какое прекрасное зеркало! Давайте выставим его в витрину. И рядом — французские часы. Знаете ли, об этих часах говорят, будто они сделаны специально для Марии-Антуанетты. Это настоящее сокровище. Арабия оценила их очень высоко.

— Мистер Маллинз, вы хорошо знаете Арабию. — Таинственное предчувствие, словно озноб, снова охватило Крессида. — Стоит ли мне оставаться здесь или лучше поехать домой к Тому?

Мистер Маллинз взял ее руку в свою, мягкую, будто бледно-розовый бархат.

— Не торопитесь с отъездом, моя дорогая. Только владейте — могу ли я сказать — своими чувствами. Будьте добры. Но тверды. Арабия очень много страдала. И если она думает, что может вернуть утраченное, и если вы думаете, что можете дать ей это, то о чем, собственно, мы тревожимся? К тому же, вы в полной безопасности, раз за вами присматривает этот славный молодой человек.

Когда вечером Крессида пришла от мистера Маллинза, дом наполняли самые странные сочетания звуков. Винсент Моретти играл на своей скрипке нечто медлительно-похоронное. По всей вероятности, дверь у него была открыта, так как негромкие стенания его инструмента разносились по всему дому. Мимозу это явно раздражало, и она, гордо шествуя в холл, хрипло мяукала, а где-то наверху мисс Глори орудовала пылесосом. В довершение Арабия ни с того ни с сего вдруг запела своим низким протяжным контральто нечто о полете на крыльях желанья.

Крессида почистила рыбу, которую купила на ужин, и поставила сковородку на огонь. Она чувствовала, что не в состоянии сосредоточиться на том, что делает. Долгий и волнующий день утомил ее. Ей хотелось написать обо всем Тому. Но в то же время она испытывала настоятельную потребность сесть и сделать заметки об истории Люси. Жила-была очаровательная юная девушка, которая умерла чуть ли не в канун свадьбы, оставив неоконченный дневник, не ответив на приглашения, и комната ждала ее возвращения, словно она не столько умерла, сколько временно отсутствовала, как некая сляпая красавица. Правда, здесь крылась тайна вычеркнутого из сюжета человека по имени Монти, и еще одна, более непосредственно касающаяся самой Крессиды, — кто же все-таки шутил шутки с ключом.

“Дорогой Том, — писала Крессида, — к этому времени ты уже должен был получить мое письмо, и я надеюсь, что ты больше не сердись на меня. Сейчас я должна оставаться здесь, потому что меня все сильнее и сильнее захватывает история Люси. Я знаю, что она умерла трагически юной, но нет никаких оснований подозревать, что...”

— Ее убили! — раздался пронзительный голос.

Крессида вскочила. Она не закрыла дверь, и голос доносился из холла. В ту же секунду она оказалась там и увидела всего лишь Досона, который впился в вечернюю газету, медленно поднимаясь по ступенькам и не замечая, что мать знаками нетерпеливо призывает его поторопиться.

— В бальных туфлях, — продолжал Досон неестественно возбужденным голосом, — Красных.

— Люси! — выдохнула Крессида.

Рука миссис Стенхоуп привычным нервным жестом поднялась к горлу. Потом она схватилась за перила и покачнулась.

Крессида взбежала по ступенькам.

— Что с вами, миссис Стенхоуп?

— Все в порядке, — едва слышно прошептала та и повернулась к Досону, который пристыженно ухмылялся. — Противный мальчишка! Ты же знаешь, какая я нервная. Не смей рассказывать такие вещи!

— Значит, вы не о Люси говорили? — спросила Крессида.

Досон тоненько хихикнул.

— Про блондинку в газете. Ее нашли задушенной на пустом участке для газовых баллонов. Она была в красных туфлях и вечернем платье.

Миссис Стенхоуп вытащила свой блокнот и лихорадочно писала в нем. Потом протянула листок Крессиде. На нем гордо значилось: "У Досона юридический склад ума".

Крессиде попыталась подавить свою неприязнь к непривлекательному переростку. Ей не нравилось, как мерцают его глаза за толстыми стеклами очков. Его мамаша была безобидной застенчивой совой, но он сам — крайне неприятный тип, преодолевавший свои подростковые трудности самым несимпатичным образом. Однако, наверное, стоит сделать скидку, потому что у него нет отца, а миссис Стенхоуп абсолютно не способна помочь ему справиться с проблемами переходного возраста.

Миссис Стенхоуп продолжала выводить каракули в своем блокноте.

"Он работает у аптекаря. Если вам что-нибудь нужно, он вам достанет".

Крессиде слегка кивнула, а перед ее мысленным взором предстали ряды флаконов, и на каждом надпись "Яд".

"Иногда он экспериментирует", — гордо писала миссис Стенхоуп.

— Надеюсь, это не опасно, — сказала Крессиде.

Досон самодовольно ухмыльнулся.

— Однажды я взорвал мамину кухню, а сам только брови опалил. Правда, мам, ведь больше ничего не было?

Миссис Стенхоуп, обуреваемая слепой материнской любовью, кивнула.

— Если хотите, я буду делать для вас покупки, — ни с того ни с сего вызвался Досон. — Когда я хожу в магазин, то покупаю и для миссис Болтон, могу и для вас.

"Он ходит к бакалейщику и зеленщику", — написала миссис Стенхоуп в блокноте.

— Очень любезно с вашей стороны, — нехотя поблагодарила Крессиде.

— Тогда дайте мне завтра утром список, — сказал Досон. — Слушай, мам, та девушка жила на Уэст Кромвелл-роуд. Это недалеко отсюда. Подумать только, я мог сегодня пройти мимо убицы.

Миссис Стенхоуп прошептала:

— Досон, прошу тебя... — Она с ужасом посмотрела на Крессиду и написала: "Молодой девушке опасно ходить в Лондоне одной".

Крессиде весело рассмеялась:

— Не беспокойтесь обо мне, миссис Стенхоуп. Я вполне могу позаботиться о себе.

— Но не о рыбе! — донесся снизу голос Джереми. — Кухня горит.

Крессиде на секунду задохнулась и сбежала вниз по ступенькам.

— О Боже, я совсем забыла!

— Так я и подумал. Дым пошел ко мне, и я решил посмотреть, что тут творится.

Крессиде, не переставая разговаривать с ним, влетела в кухню и увидела, что почерневшая сковородка, от которой валил едкий чад, снята с огня.

— Кухарка из вас никудышняя, — услышала она голос Джереми за спиной.

Нервы Крессиды, натянутые от чрезмерного волнения и от смутно раздражающей встречи со Стенхоупами, не выдержали.

— Может, вы все-таки перестанете лезть в мои дела? Какая вам разница, хорошая я кухарка или нет?

— Мне — ни малейшей. Но у меня есть вполне определенная уверенность, что для Тома — большая. Ведь он-то предпочел бы слегка обжаренную камбалу в восхитительном соусе?

Это так точно характеризовало Тома, который любил хорошо поесть, что Крессида пришла в полную ярость.

— Вас совершенно не касается, что Том любит, а что — нет.

— Даже Мимоза, — задумчиво произнес Джереми, — воротила бы нос от этой рыбы. У вас найдется что-нибудь еще?

— Вы кто — мой опекун, что ли?

— Просто мне не нужны натурщицы, у которых полуголодный вид.

— Впредь, — прошипела Крессида, — моя дверь будет на замке.

Внезапно он стал серьезен и почтителен.

— Приношу свои извинения за то, что ворвался к вам столь неподобающим образом и испортил ваш маленький фейерверк.

Крессида нехотя улыбнулась.

— Простите, пожалуйста. Я немного не в себе. Я думала, это такой тихий, мирный дом, а на самом деле — совсем наоборот. Здесь так беспокояно, так тревожно, как будто...

— Как будто что?

— Как будто призрак Люси... — Крессида, устыдившись собственного воображения, умолкла. — Это убийство в сегодняшней газете не имеет никакого отношения к дому, а я почему-то сразу подумала о Люси. Почему?

— У писателей бывают навязчивые идеи. Кажется, это так называется.

— Такое впечатление, что любая мысль в этом доме связана с Люси. С девушкой, которая умерла двадцать лет назад. Невероятно.

— Поверьте, я частенько думаю о девушках с другими именами, — заметил Джереми. На нем были вельветовые брюки и зеленая тенниска. Волосы, как всегда, были взъерошены, а в глазах посверкивало уже знакомое ей веселье. — Если у вас нечего больше есть...

Если он хотел еще раз предложить Крессиде яичницу с ветчиной, то он опоздал, потому что приближалась громогласная Арабия. “Я спою тебе песни Аравии знойной...”

Песня умолкла у двери Крескиды. Затем последовал игривый стук, и увенчанная диадемой голова Аравии кокетливо просунулась в комнату.

— Крессида, дорогая, у меня прекрасный ужин — заливное, копченый лосось, жареная утка, и я настаиваю, чтобы вы разделили это со мной. Хочу послушать, как вы провели день. Не правда ли, мистер Маллинз — душка? — Тут она увидела Джереми и воскликнула: — О, моя дорогая, я вам помешала? Теперь дымовая завеса больше не нужна.

Крессида, раскрасневшаяся от жары и волнений, вышла из кухни.

— Я только что сожгла рыбу, и буду рада разделить с вами ужин. Вы очень добры.

— Ничуть. Джереми, боюсь, вы не получите приглашения. — И Арабия махнула кружевным платочком в знак отказа. — Мы проведем вечер за разговорами о моей дорогой Люси, и я знаю, что вам это быстро наскучит. И полностью понимаю вас. Шейх был совсем, как вы. Мужчины совершенно бесчувственны. Я вам рассказывала о шейхе, Крессида? Ах, это был настоящий хищник, но с сердцем ягненка. Сверкающие свирепые глаза,

крючковатый нос, властный подбородок, а сердце... У меня огромное количество воспоминаний. Я замучаю вас до смерти.

— Все нет, — ответила восхищенная Крессида.

— Тогда пошли. Сначала поедим, а потом поболтаем.

Ужинали они при свечах, на великолепном старинном фарфоре, с прекрасным, того же времени, серебром. После трапезы Арабия устроилась отдохнуть на кушетке среди бесчисленных разноцветных подушек. Она взяла сигарету и вставила ее в длинный мундштук, украшенный драгоценными камнями. Рубины на ее пальцах сияли, как спелые сливы, а диадема, как обычно съехавшая набок, посверкивала, словно зимние звезды. На спинке кушетки, засунув голову под крыло, подремывал Ахмед. Мисс Глори убрала со стола, и Крессида, примостившаяся на низенькой скамеечке у изножья кушетки, слушала звучный голос, низкий, музыкальный и мечтательный.

— В это время Люси зашла бы ко мне попрощаться на ночь. Она бы собиралась на бал или вечеринку и стояла бы вон там, сияющая и юная. Она бы попросила меня не ждать ее, но я, конечно, всегда ждала. Я лежала и прислушивалась...

А теперь Люси слушала, как они говорят о ней. Откуда взялось у Крессиды это жуткое ощущение? Ей почудилось, что она уловила легкие шаги и приглушенное шуршание шелка у двери.

— Ее любимыми цветами были красные розы, — мечтательно продолжала Арабия. — Она почти всегда носила их. И потом я вложила ей букет в руки...

— Там кто-то за дверью! — нервно выпалила Крессида.

Арабия встрепенулась.

— Я ничего не слышала. Посмотрите, кто там.

Крессида вскочила, но почти в ту же минуту поняла, что за дверью никого не будет. Там и не было никого, только за поворотом лестницы виден был взбирающийся по ступенькам на своих несоизмеримо больших ногах Досон с корзинкой овощей. Он бросил на нее ускользящий взгляд.

— Я принес покупки, — протянул он робко.

Арабия нетерпеливо крикнула:

— Отнеси их на кухню. Сегодня нет времени разговаривать с тобой. У меня гостья.

Досон покорно отправился на кухню, а затем протопал вниз.

Арабия вздохнула.

— Я сделала ошибку, — призналась она, — пустив сюда эту маленькую зануду с сыном. Мне нравятся веселые люди. Но она поймала меня в мягкосердечном настроении. И горло у нее болезненное, и мужа она похоронила. Мальчик — чистое золото, как говорят. Очень может быть, с его-то внешностью. Нужна же какая-нибудь компенсация. Садитесь рядом, моя дорогая. О чем мы разговаривали, когда Досон перебил нас?

— О красных розах, — ответила Крессида. Почему-то она не могла снова опуститься на скамеечку. Вздвигаясь и встревоженная, она пыталась понять, почему.

— Да, — прошептала Арабия. — Люди должны либо развлекать, либо любить меня. Вот чего я жду от жизни.

— Арабия, а где похоронена Люси?

Вопрос канул в неожиданно наступившую тишину.

Потом Арабия тем же резким тоном, каким говорила с Досоном, произнесла:

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что я хотела бы побывать на ее могиле.

Крессида пожалела о своем вопросе. Она не ожидала, что он так расстроит Арабию. Может, старая леди с ее верой в то, что хозяйка верхней комнаты вернется, вообще вычеркнула из сознания мысль о могиле?

Арабия вдруг поднялась и стала ходить по комнате, потирая руки. В своем длинном вышитом платье, грязноватом и с пятнами, в съехавшей набекрень диадеме, она напоминала слегка подвыпившую леди Макбет.

— Вам не следовало задавать мне этот вопрос, — наконец сурово сказала она. — Это слишком меня расстраивает. Видите ли, я не выношу даже мысли о том, что Люси покоится в могиле. Такая нежная, такая юная. В холодной земле. О, нет! Я кремировала ее и развеяла прах по ветру. Ее комната наверху со свежими цветами...

— ...настоящая ее могила, — прошептала Крессида.

Арабия обернулась.

— Дитя, не употребляйте этого слова. Я не выношу его. Что-то мы с вами чересчур загрустили. Ахмед! Иди сюда! Развесели меня!

Она быстро схватила спящего попугая и швырнула на клетку, в которой находилось чучело.

Ахмед немедленно откликнулся громкими воплями и стал остервенело налетать на толстые прутья клетки. Арабия, уже смеясь, натравливала его.

— Давай! Хватай его! Сверни его мерзкую шею! Швырни его на пол! Терзай его когтями!

Этот бедлам продолжался в течение нескольких минут. Ахмед вцепился своим кривым клювом в толстые прутья клетки, испуская оглушительные крики, Арабия хлопала в ладоши и повизгивала от смеха. Внезапно Ахмед вскарабкался на клетку и спрятал голову в растрепанных перьях. Арабия перевела дух и поправила свою диадему, грозившую совсем съехать набок.

— Это было забавно. — Она улыбулась Крессиде своей чудесной ясной улыбкой. — Обожаю шум-гам. Сразу вспоминаешь, что ты жив. Жить — ведь это так прекрасно, не правда ли?

— Я... по-моему, мне пора, — сказала Крессида.

— Пора? Ах, дорогая, мне кажется, вы устали, вам выпал такой долгий день. Благодарю за этот очаровательный вечер. — Она взяла обеими руками руку Крессиды и стала ласково поглаживать ее. — Вы должны прийти еще и как можно скорее, и мы совсем не будем говорить о грустном, будем только слушать музыку и смеяться. Я знаю, что мы сделаем. Мы устроим вечеринку в вашу честь, надо же вам познакомиться с жильцами. Мистер Моретти — вы в состоянии видеть его белесые брови, похоже на гусениц? — будет играть нам на своей скрипке, и мы даже уговорим мисс Глори исполнить что-нибудь на фортепьяно. У нас будет вкусная еда и вино — ах, это будет так весело! — Сухие и холодные старые пальцы пробежали по ладони Крессиды. — Вы так на нее похожи, моя дорогая, это просто невероятно.

Неожиданно для себя Крессида наклонилась вперед и поцеловала Арабию в щеку.

Оказавшись у себя, Крессида слегка подсадовала на то, что не спросила Арабию, с какой целью был разыгран мрачный спектакль накануне вечером. Но подобный вопрос, возможно, спровоцировал бы Арабию на еще более неожиданную выходку, так что, пожалуй, лучше сделать вид, что ничего не случилось.

Хотя было уже поздно, Крессида села за письменный стол. "Никаких Монти, — писала она. — Только Ларри и прочие явно безобидные приятели. Так что же с Монти? Просто нежелательная фигура, охотник за состоянием, дурной человек, или стоял ниже на социальной лестнице? Присылал ли он когда-нибудь Люси красные розы? (NB. Поискать в комнате Люси старые фотографии и т.п. Может быть, старые письма — Арабия говорила, что все осталось нетронутым.)

Могила нет, — продолжала она. — Почему Арабия так расстроилась, когда я спросила..."

Внезапно Крессида замерла, и перо выпало из ее руки — сверху раздался пронзительный крик.

Это был тонкий произвольный вскрик, и сразу же кто-то пробежал по ступенькам.

На мгновение Крессида окаменела от ужаса, но тут же взяла себя в руки. Кого-то настигла беда. Она должна выйти и посмотреть, кто это.

Крессида почти не сомневалась, что крик донесся из комнат, занимаемых миссис Стенхоуп и Досоном. Выбежав в залу, она включила все лампы. Затем, убедившись, что никто не затаился в темноте, взлетела вверх по ступенькам. Наверху ей пришлось остановиться, чтобы перевести дух.

"Ох, Крессида, будь все же поосторожней", — посоветовала она себе и громко постучала в дверь миссис Стенхоуп. Минуту спустя неожиданно басом отозвался Досон:

— Кто там?

— Это я, Крессида. У вас что-нибудь неладно?

Дверь медленно отворилась. На пороге моргая стоял Досон, в пижаме, с жесткими, встрепанными волосами. Он был без очков и потому выглядел по-ребячьи испуганно.

— Мне показалось, кто-то кричал. С вашей мамой все в порядке?

— Это я кричал. Маме приснился страшный сон про ту девушку, которую задушили, и она пришла и разбудила меня. А я почувствовал ее руку на лице и закричал.

Миссис Стенхоуп, закутавшаяся в шерстяной халат так, что видны были только ее огромные очки и тонкий остренький нос, внезапно оказалась рядом и своим прерывистым извиняющимся шепотом произнесла:

— Я так сожалею, что мы испугали вас, мисс Барклай. Мне приснился дурной сон.

— Ты не должна была входить ко мне так тихо, — пожаловался Досон.

— Я все время думала о той девушке, — прошептала миссис Стенхоуп.

— Простите, что побеспокоила вас, — сказала Крессида. — Должно быть, я тоже была неспокойна, и когда услышала крик...

— Несчастье случилось так близко отсюда, — снова прошептала миссис Стенхоуп. — Вы должны позволить Досону заходить за вами по вечерам, мисс Барклай.

— Вы очень любезны, миссис Стенхоуп. Но со мной все будет в порядке. В самом деле. А теперь ложитесь в постель и поспите.

Миссис Стенхоуп деловито вынула из кармана свой блокнот и написала: “У нее была приколота красная роза”.

Крессида пронзил страх. Опять красные розы. Но мертвая девушка с красной розой не могла иметь никакого отношения к Драконьему дому и к этой испуганной женщине с ее ночными кошмарами.

— Я дам вашей маме пару таблеток аспирина, — сказала Крессида Досону.

Досон важно покачал головой.

— У меня найдется кое-что более эффективное, чем аспирин. Ступай, мама, ложись в постель.

Миссис Стенхоуп покорно кивнула. Высокий ворот ее плотно запахнутого халата немного приоткрылся, когда она вложила свой блокнот в карман, и Крессида заметила царапину на ее щеке.

— Ах, да вы поранились! — воскликнула она.

Досон хихикнул.

— Она стукнулась об дверь, когда шла ко мне. Выпила, вот в чем дело. Ведь выпила, мама, верно?

С этой грубой шуткой он толкнул мать назад в комнату. Крессида медленно вышла, вспоминая мягкие шаги, слышанные совсем недавно. Это вполне могли быть шаги миссис Стенхоуп, которая в темноте слепо бросилась в комнату сына. А может, шаги кого-то другого, кто, ворвавшись, ударил миссис Стенхоуп, потому Досон и закричал.

Нет, это объяснение никуда не годится. Вероятно, они все-таки говорили правду.

Но когда Крессида вновь добралась до своей комнаты, у нее мелькнула странная мысль. Голос у Досона стал сейчас в полной мере низким, мужским. И лишь изредка срывался на фальцет. Мог ли он кричать на такой высокой ноте? И почему выглядел таким испуганным?

7

Когда Крессида ушла, Арабия почувствовала, что не может остаться одна. Она нажала кнопку звонка и не отпускала ее до тех пор, пока не появилась запыхавшаяся мисс Глори.

— О, Господи, что еще случилось, мадам?

— Вы в связи с Моретти? — самоуверенно спросила Арабия.

— Мадам! — Мисс Глори, вскинув голову от возмущения, сразу выросла до семи футов.

— Очень плохо, — вздохнула Арабия. — Все-таки развлечение. И для меня, и для вас. А то жизнь ужасно скучная.

— Теперь она для вас не скучная. Вы заполучили девушку.

— Что вы в этом понимаете? — ледяным тоном спросила Арабия.

— Почему же? Я понимаю, вы пытаетесь сделать что-то недостойное. Возможно, вернуть покойника и, значит, развеять скуку жизни, но это нечестно по отношению к такой милой молодой девушке.

— Почему же нечестно? У нее хорошая квартира, очень дешевая, я ей нравлюсь и обещаю, что страдать она не будет.

— Как вы можете это обещать? — пробормотала мисс Глори. — Вы же собьете ее с толку. Когда-нибудь ей придется вернуться в провинцию к своему жениху. А как она поедет, если вы тут ее полностью избалуете?

— Вы забываете, мисс Глори, что она, может быть, не из тех, кто счастливо коротает свой век в провинции со скучнейшим молодым человеком. Что до меня, то я убеждена в этом. Помимо всего прочего, примите во внимание вероятное несчастье, от которого я, возможно, ее спасаю.

— Мадам, вам не следует вставать между мужем и женой!

— Подождите, пока они станут мужем и женой, мисс Глори! Кстати, — ее темные блестящие глаза загорелись злобным удовольствием, — если уж связи с Моретти у вас нет, то интересовались ли вы его намерениями?

Мисс Глори вскинула голову и громко засопела. До ответа она не снизошла.

— Хотя, мне кажется, он из тех, у кого где-то да есть жена. Наверное, бросил ее, бедняжку.

— Мадам, прошу прощения, но я не могу стоять здесь и выслушивать такие речи.

— Простите, мисс Глори. Я вас дразню. Ваш Моретти забавен, а за это любой грех отпускается. Однако надеюсь, вы не слишком доверяете ему.

— О каком доверии может идти речь? — Мисс Глори уже настолько пришла в себя, что могла разговаривать, хотя в голосе ее еще слышались колючие нотки. — Конечно же, я на Моретти не полагаюсь. Скрипач в ночном клубе! Там полно хороших девчонок! Правда, при дневном свете они совсем по-другому выглядят. А я первая, кого он видит по утрам не намазанной, и я не сучусь вокруг него.

— Так-так. Продолжайте, — поторопила ее Арабия, исполненная любопытства.

До мисс Глори дошло, что она позволила себе больше, чем предполагала. Поэтому она снова попыталась укрыться в холодном достоинстве.

— Если вы вызвали меня, чтобы поговорить о Моретти, мадам, то прошу меня извинить.

— Нет-нет, не уходите, мисс Глори. Я хочу обсудить с вами вечеринку, которую собираюсь устроить для Крессиды. Нечто вроде новоселья.

— Значит, будем только мы, жильцы?

— А почему нет? Теперь это ее дом. Будет много вкусной еды, вина и музыки. Попросите, пожалуйста, Моретти поиграть нам, надеюсь, что и вы...

— По-моему, вы намекаете, что я буду полезнее на кухне.

— Должна признать, что жареную утку вы готовите неподражаемо. И сегодняшний соус, и заливное, и восхитительный клубничный мусс...

— Спасибо, мадам, — с достоинством ответила мисс Глори. Она сразу же успокоилась, и ее худое лицо расплылось в торжествующей улыбке. — Хотела бы я посмотреть, как эти девчонки из ночного клуба поджарят утку. Когда вы намечаете вечеринку?

— Думаю, во вторник.

— Тогда у меня достаточно времени, чтобы обдумать меню и не заниматься этим в такой поздний час. Так что с вашего позволения...

— Нет, не уходите, — вскричала Арабия умоляюще.

— Еще какие-нибудь приказания, мадам?

— Нет, ничего. — Арабия прижала руки к груди и почти прошептала: — Сегодня вечером я боюсь своих старых грехов.

Мисс Глори фыркнула.

— Опять вы представляетесь!

— Я никогда не представляюсь! — величественно возразила Арабия. — Каждое мгновение своей жизни я действительно жила. Каждое биение моего сердца приносит мне настоящее чувство — печаль, счастье, веселье, презрение...

— А могу ли я спросить, что вы чувствуете сейчас?

Арабия подняла свои тяжелые веки и прошептала:

— Страх!

— Ха! Это ваша нечистая совесть, не сомневаюсь. Пережить это за вас никто не может, так что я пошла спать.

Мисс Глори действительно ушла, топая своими длинными плоскими ногами, и оставила Арабию в сумрачной комнате с одним Ахмедом, который, засунув голову в свои перья, явно спал.

Поначалу старая леди устроила настоящее представление — взбила подушки, расставила по местам стулья, опорожнила пепельницы. Но наконец все было сделано. Оставалось ложиться в постель. А как только она погасит свет, ляжет и закроет глаза, к ней вернется тот голос.

А ведь она была так уверена, что присутствие Крессиды, юной, веселой и беззаботной, отгонит его, отправит в царство теней, которому он и принадлежал.

Но этого не произошло. Вчера ночью пшпящее “Я тебя ненавижу!” звучало явственнее, чем когда-либо. В конце концов, ей пришлось принять две таблетки снотворного.

А сегодня ей нет нужды принимать снотворное. Она слишком устала. И так уже почти спит. День был такой длинный, она поволновалась, потому что под конец его обедала вместе с Крессидой. Милое создание! Она будет думать только о Крессиде, о ее оживленном личике, о теплых нежных руках, и призраки не посмеют явиться.

Арабия быстро сняла одежду, надела расшитую шелковую ночную сорочку и накинула легкую ночную кофточку в оборочках. Она так утомилась, что даже забыла посадить Ахмеда, светло-серого стража, на столбик кровати. Завтра утром он сам найдет свое место и разбудит ее. А сегодня ей страх не нужен. Она так устала.

И Люси не говорила с ней таким ненавидящим голосом. Вместо этого она визжала...

8

Утром, как Крессиде и ожидала, пришло письмо от Тома. Она открыла его с некоторым трепетом. Оно начиналось со слов “Дорогая Крессиде”, и

потому она сразу же поняла, что Том продолжает пребывать в холодном, оскорбленном состоянии духа, иначе там было бы "Милая Кресс" или просто "Милая".

Однако, хотя Том по-прежнему не одобрял ее упрямства, он был достаточно дружески настроен и исполнен доброжелательства. Предостерегал Крессиду, чтобы она не позволяла Арабии забирать над собой слишком большую власть, поскольку весьма неприятно будет вдруг оказаться наследницей, переполошить всю семью и очутиться в скандальной ситуации. К тому же, как Крессиде известно, к 1957 году он вполне сможет устроить ее с полным комфортом.

Также Том писал, что мисс Мэдден не боится жить в доме одна, а чтобы Крессиде не потеряла хорошую жилищу, он чувствует себя обязанным составлять ей компанию время от времени.

Однако у него хватило человечности добавить в конце письма, что он по ней скучает.

Крессиде честно призналась себе, что Том — просто прелесть. Она понимала, скольких усилий стоило ему написать это письмо. И даже то, что он говорил про Арабию и Люси, скорее всего, было правдой, и уж точно правда, что она страдает от своего слишком живого воображения.

Но все происшедшее не было плодом ее воображения. Запертая дверь, мрачная шутка с ключом и запиской на столе, реакция Арабии на ее вопрос о могиле и, наконец, визг, который предположительно издал обычно хладнокровный Досон, — все это было в действительности.

Крессиде глубоко погрузилась в свои размышления, когда с утренним чаем появилась мисс Глори.

— Я бы могла делать это постоянно, — произнесла она своим непреклонным тоном. — Я завариваю чай для себя, и мне нетрудно принести вам чашечку.

— Вы необыкновенно добры, — поблагодарила ее Крессиде.

В то утро мисс Глори являла собой этюд в коричневых тонах: блеклые волосы, кожа с бежевым оттенком, шоколадного цвета платье и длинные узкие туфли. Улыбалась она нечасто, и потому вид у нее был не слишком веселый, но глядя на нее, мало кто усомнился бы в том, что доброта ее искренна.

— Чем вы так расстроили миссис Болтон вчера вечером?

— Что вы! Ничем. А она была расстроена?

— Да, на нее опять нашло. А в таких случаях она любит изводить людей. Впрочем, я привыкла. Думаю даже, что мне было бы скучно без этого.

— Я только упомянула о могиле Люси, — пустила Крессиде пробный шар. — Она сказала, что могилы не существует.

Мисс Глори открыла рот от изумления.

— Не существует! Конечно, она должна существовать! Как же иначе! Испарилось тело, что ли?

— Ее кремировали.

Мисс Глори только всплеснула своими длинными руками. Лицо ее выражало глубочайшее недоверие.

— И не говорите мне об этом, дорогая. Вы бы слышали, как она рассказывает о кремации. Она этого терпеть не может. Все три ее мужа похоронены

ны в огромных склепах на разных кладбищах, чтобы не ранить чувства бедняжек, и она объезжает их всех по очереди. Нет, моя дорогая, она не сказала вам правды. — Вдруг мисс Глори задумалась. — Зачем ей было вводить вас в заблуждение таким образом? Что ж, думаю, она развлекалась на свой манер. Ей бы на сцене играть. Такой талант пропал.

Мисс Глори, которая знала Арабию намного лучше, чем Крессида, была полностью удовлетворена собственным объяснением и собралась уходить. Но Крессида неожиданно вернула ее.

— Мисс Глори, а вы не думаете, что с Люси случилось нечто особенное?

— Что вы имеете в виду, моя дорогая? С молодыми девушками происходит много чего особенного.

— Я не о том. Я имею в виду, — голос Крессиды упал до шепота, — убийство.

Ошеломленная на мгновение мисс Глори вдруг закинула голову и расхохоталась.

— Что?! Это сокровище-то миссис Болтон! Да ведь убийце пришлось бы сначала связать мамочку, а как, ради всего святого, ему удалось бы это сделать? А теперь послушайте-ка меня, мисс Барклай, и не забивайте себе голову историями старой леди и ее дочери. Она любит сгущать краски, идет ли речь о ее драгоценном шейхе, о ее верблюдах и хищниках, или об этой жуткой комнате, которую она держит наверху в таком виде, будто и впрямь кто-то однажды туда вернется. Ко всему, что она говорит, надо относиться с долей сомнения. Да если бы вы увидели Люси сейчас, вы бы, скорее всего, сочли ее самой обыкновенной и даже не слишком хорошенькой.

— Вероятно, вы правы, — согласилась Крессида. Но в глубине души она была уверена, что мисс Глори не права. Люси не была обыкновенной. Она, как и ее мать, была яркой и обаятельной. Она могла быть упрямой. Могла вступать в отношения, которые тщательнейшим образом скрывала от матери. Но в этом доме Люси жила глубоко и ярко, и по какой-то причине, вероятно крайне горькой, Арабия отказала ей в праве быть похороненной.

Позже, в магазине, мистер Маллинз посмотрел на нее своими блестящими добрыми глазами и спросил:

— Вы неважно спали, мисс Барклай?

— Нет, хорошо, — солгала Крессида.

— Наверное, Арабия задержала вас своими историями допоздна?

— Историями?

— У этой леди редкостное воображение.

Волосы мистера Маллинза сияли, как пушок чертополоха, взгляд был мягкий и наивный. И Крессида вдруг решила:

— Мистер Маллинз, если у покойника нет могилы, то как это может быть?

Мистер Маллинз задумался.

— Возможно, его пепел развеяли по ветру или...

— Да? — затаив дыхание, вымолвила Крессида.

— Или тело не было обнаружено. Но что за мрачная тема, мисс Барклай? Я бы хотел, чтобы сегодня вы обслуживали покупателей, поэтому по-

старайтесь не слишком пропылиться. Только почистите вот этот канделябр. Сегодня один покупатель зайдет взглянуть на него. Канделябр у меня тоже от Арабии. Чего только у нее не было! И это бюро от нее же. Принадлежало ее покойному мужу, по-моему. В нем полно всякого хлама. У меня никогда не хватало времени разобрать его. А потом, такое ведь может случиться, если человек, о котором идет речь, никогда не умирал...

Именно в эту минуту Крессиде пришло в голову зайти в местную публичную библиотеку и порыться в старых газетных подшивках. Ради этого она обойдется без ланча. Арабия сказала, что Люси умерла девятнадцать лет тому назад, так что год ей известен точно. Надо только перелистать подшивки за год. Может быть, ей не удастся сделать это за один час. Тогда она вернется завтра и закончит.

Девушка в библиотеке сказала ей, что газетные подшивки хранятся в подвале. Крессида увидела, что в большой холодной комнате, пропитанной запахом лежалой бумаги, она не одна. Здесь было несколько пожилых джентльменов и девушка в очках, со стянутыми на затылке волосами. Тишина стояла полная, только изредка раздавался шелест бумаги. Крессида взяла "Таймс", так как была уверена, что в этой газете не могло не появиться объявление о смерти Люси, и стала просматривать некрологи на букву Б. Борлинг, Борн, Боттинг, Болтон... В каждом четвертом-пятом номере было объявление о смерти какого-нибудь Болтона. Муж такой-то, жена такого-то, дорогая бабушка таких-то, вдова такого-то... Но "возлюбленной дочери Арабии Болтон" не было.

Буквы прыгали у Крессиды перед глазами. Она стала мрачной и подавленной. У Люси нет могилы, а эта холодная комната с каменным полом, в которой никогда не звучали человеческие голоса, была очень похожа на могилу.

Боллинг, Бокс, Боннингтон...

— Я же сказал, мне не нужна полуголодная натурщица, — прошеле-стел над ее ухом чей-то шепот.

Крессида едва не взвизгнула от неожиданности. Она обернулась взглянуть на неизбежного Джереми Винтера. Он умел материализовываться из ничего так же бесшумно, как его кошка Мимоза. Сегодня он был гладко причесан, лицо казалось более худым, чем обычно, а в глазах играли настоя-ренные искры.

— Вы за мной следите? — сердито прошептала Крессида.

— Конечно. Я зашел за вами, чтобы отвести вас позавтракать, и увидел только, как вы завернули за угол. Когда вы вошли сюда, я решил, что вас томит духовная жажда, и я не имею права мешать. Я дал вам полчаса, больше все равно нельзя отрывать от ланча на культуру. Но в конце концов я вижу, что не за культурой вы сюда пришли.

Его глаза скользнули по открытой газете. Рука Крессиды машинально потянулась закрыть колонку, которую она изучала, но навряд ли удалось бы обмануть эти настоженные глаза.

— Что за мрачное занятие, — ласково произнес Джереми.

— Я должна узнать про нее! Должна!

— Вы думаете, она не умерла?

— Как же она умерла, если у нее нет могилы?

— Арабия могла сказать вам неправду. Вероятно, существует причина, по которой она не хочет, чтобы вы видели эту могилу.

— Она была так расстроена, — сказала Крессида, вспомнив, какой сумбур устроила Арабия, как орал Ахмед, как подушки падали на пол.

— Как бы то ни было, — продолжал Джереми рассудительно, — это очень долгий и мучительный путь выяснения. Почему бы не запросить свидетельство о смерти?

— Конечно!

— Вообще-то, если вы позавтракаете со мной, я бы даже мог сделать это для вас.

— Правда?

— Не то чтобы я был совершенно уверен, но одну-две вещи я... Впрочем, сейчас это неважно. Пойдемте поедем.

Как только они выбрались из сумрачного подвала, к Крессиде мгновенно вернулось хорошее расположение духа, и она была готова мило общаться даже с дерзким мистером Винтером.

— А как поживает Том? — спросил он, когда официантка взяла у них заказ.

Крессида подозрительно взглянула на него.

— Откуда вы знаете, что я получила письмо от Тома?

— А я не знаю. Просто думал, что вы должны его получить, если Том — это Том.

Крессида собралась заступиться за Тома, но вдруг поняла, что смеется, испытывая к отсутствующему Тому большую нежность.

— Вы совершенно правы. Он — Том, и он меня уже простил. Правда, его тревожит, что скажут люди, и он уже опасается, что я окажусь вовлеченной в судебный процесс с семьей Арабии.

— Очень может быть.

— Что вы имеете в виду?

— Арабия может давать сколько угодно представлений, но испытывает сильные чувства. Думаю, ваша пронизательность уже подсказала вам это.

Крессида с опаской посмотрела на него.

— Если она сильно полюбит вас — а к этому уже идет, — вы можете оказаться ее наследницей.

— О, я бы отдала все деньги на сиротский приют! — выпалила Крессида.

— Ради Бога, будьте реалисткой! В каком мире вы живете?

— Я просто не представляю себе, что это может произойти, — призналась Крессида. — Но если Арабия вдруг, по какой-нибудь невероятной причине, скажет, что хочет оставить мне какие-то деньги, я вынуждена буду согласиться, чтобы не ранить ее, — вы же знаете, она страшно чувствительна, — но, честно говоря, я от них отделаюсь.

— Поешьте немного, — коротко сказал Джереми. — И, пожалуйста, спуститесь с луны, поживите в этом мире с нами. Тот, в котором обитаете вы, где странные пожилые леди оставляют вам большие состояния, а вы выбрасываете эти деньги, как осенние листья, вероятно, очень приятен, но для жизни не годится. Обязательно объявляются давным-давно пропавшие

родственники, как совершенно справедливо указывает Том, и причиняют разного рода неприятности.

— Не говорите глупостей! — Крессида совершенно не расстроилась. — Это вы живете в выдуманном мире. Такие вещи происходят только в книгах. Я обыкновенная девушка, я работаю и собираюсь написать книгу, и именно поэтому мне нравится жить в Драконьем доме и нравится быть доброй к Арабии, потому что она страшно милая и страшно одинокая. Неужто я должна отказаться разговаривать с ней на том основании, что существует некая отдаленная возможность получить состояние, которого, может быть, вовсе и нет? Вряд ли она богата, иначе зачем бы ей продавать вещи мистру Маллинзу? Да и... — Крессида на минуту умолкла, а потом едва слышно прошептала: — Да и Люси не отпустит меня. Я должна выяснить все про Люси. И вот еще что. Том пишет, что если вы настаиваете на том, чтобы рисовать меня, я должна получить гонорар.

Джереми внезапно расхохотался. По его лицу разбежались глубокие морщины, глаза засияли.

— Славный старина Том. Соль земли. Назовите ваш гонорар, моя дорогая. Только посидите спокойно.

Крессида посмотрела через стол. И увидела, что Джереми быстро набирает ее портрет на обороте меню.

— Ничего не могу с собой поделать, — сказал он, не глядя на нее, — Я влюблен в ваше лицо. Оно словно проснулось в весенний день после снежной и льдистой зимы. Я словно первый подснежник нашел. Пожалуйста, сидите спокойно. Еще не поздно, и мистер Маллинз знает, что вы со мной. Конечно же, я заплачу вам гонорар, милая моя Крессида. Ваше лицо нельзя не писать. Я иллюстрирую рассказ очень знаменитого писателя. Ему подавай все самое лучшее. Он бы обожал вас. Но я никогда не покажу вас ему, иначе я вас потеряю. Рассказ называется "Смерть — красная роза".

В эту минуту Джереми перестал быть безобидным, забавным и вечно дерзким другом. Он превратился в незнакомца.

Знал ли Джереми, что любимыми цветами Люси были красные розы? Знал ли, что ей всегда присылали их перед балом или приемом, что ее так и похоронили с букетом в руках? (Похоронили? Тогда где же ее могила?)

Сказал ли он это намеренно или же по чистой случайности? Вполне вероятно, что в его словах не было злого умысла, но из-за них Крессида снова охватил необъяснимый ужас, от которого она не могла избавиться весь день.

Домой Крессида вернулась, исполненная решимости провести еще один вечер в тихой и пустой комнате Люси, просматривая все, что от нее осталось: платья, шелковые чулки и бальные туфли, девичьи украшения, старые фотографии и дневник. И тогда ее, конечно, покинет это навязчивое ощущение, что Люси настигла не совсем обычная смерть, если смерть вообще ее настигла.

Она сказала Джереми правду, что Люси не позволяет ей покинуть Драконий дом. Ей просто необходимо раскопать всю историю Люси. Теперь она была уверена, что Арабия рассказала ей только часть, возможно, она и сама больше ничего не знала. Но многое было заключено у Люси в уме, в тех событиях, которые она, вероятно, скрывала от матери. А самое странное

состояло в том, что хотя уже прошло много времени, четверть человеческой жизни, складывалось впечатление, что все это происходило не далее, как вчера. Дом был проникнут напряжением, которое, судя по всему, наполняло его в последние дни короткой жизни Люси. Чувство это было необъяснимо, но все в доме разделяли его, Крессида знала это точно.

Да, все разделяли его: и миссис Стенхоуп с ее нервными подергиваниями, и Досон, неестественно увлеченный убийствами, и мистер Моретти с его неизменно похоронной музыкой, и слишком уж практичная мисс Глори, и Джереми с его изощренными намеками. Не говоря уж об Арабии, преисполненной мелодраматичности и театральности, как будто ей страшно пребывать в спокойном состоянии духа.

Даже мистер Маллинз, который в Драконьем доме не жил, и тот уловил это напряжение. Иначе зачем бы он так ласково предупреждал ее?

Однако в этот вечер никто не заметил бы тут никакого напряжения. В доме было тихо и благопристойно, как и должно было быть, судя по его фасаду. Досон вежливо постучал в дверь и занес ей хлеб и овощи, которые купил по дороге.

— Об убийстве больше никаких новостей. Полиция не слишком много разузнала, — сказал он таким непринужденным тоном, словно речь шла о ценах на капусту. Он сообщил, что с его матерью все в порядке, и принес извинения от них обоих за то, что прошлой ночью они потревожили Крессида.

— Может быть, сегодня вечером я потревожу вас. Собираюсь пойти поработать в комнату Люси, — перебила его Крессида.

— Вы пишете про нее? — восторженно спросил Досон. — Я расскажу об этом маме!

Позже Крессида сообщила и Арабии, что собирается провести вечер наверху. Арабия прерывисто вздохнула и понимающе кивнула головой.

— Не позволяйте Люси слишком опечалить вас, моя дорогая. У меня было достаточно печалей, чтобы искупить все мои грехи, но вы еще слишком молоды, чтобы страдать.

— Ваши грехи? — переспросила Крессида.

И тут с Арабией случился приступ ее колоритной театральности.

— Разумеется, я грешила. Великолепно грешила. То были восхитительные, скандальные грехи. Про тайные грехи я не говорю. Помню ночь в Хартуме... впрочем, неважно, ваши хорошенькие уши слишком юны. Скверной я не была, только слишком пылкой. Хотя и чуть-чуть скверной тоже. — Она обворожительно улыбнулась, ее утомленные старые глаза зажглись неиссякаемым жизнелюбием. — Они же все влюблялись в меня. Иногда это и раздражало, и докучало. Вы увидите, с вами будет то же самое теперь, когда вы удрали от своего сторожевого пса в провинции.

— И Люси была такой? — невольно вырвалось у Крессида.

— Моя милая детка прожила слишком мало. Но в нее бы влюблялись. Обязательно. А теперь бегите и посмотрите ее вещи. Они лучше расскажут о ней, чем я.

Мисс Глори слышала их разговор, потому что шла за ними по лестнице, и ее длинное лицо исказилось в многозначительной усмешке. Оставался только мистер Моретти, но это не имело никакого значения, потому что он

все равно уйдет в свой ночной клуб. Крессида столкнулась с ним в холле как раз в тот момент, когда он уходил.

Она впервые встретила с ним с тех пор, как их познакомили.

Этот полный человек в вечернем костюме выглядел щегольски. Но из-за его светлых глаз, светлых широких бровей и ресниц создавалось любопытное впечатление, что у него нет лица. И зубы были настолько мелкие, что, когда он улыбался, его рот казался темной пещерой. Он был почти смешон и уж, во всяком случае, не мог заставить забиться быстрее ни одно женское сердце, за исключением того, что билось в плоской и пылкой груди мисс Глори. Если не принимать во внимание его голос. Голос у него был на удивление приятный и убедительный.

— Добрый вечер, мисс Барклай. Пожалуйста, скажите мне сразу же, если я вам мешаю своей скрипкой.

— Совершенно не мешаете, мистер Моретти. Меня нет дома целыми днями, а вас — целыми ночами. Я только хотела бы спросить, почему вы играете такие печальные вещи.

— Да, действительно. Боюсь, это естественная реакция на то, что ночи напролет я играю танцевальную музыку. От румбы к реквиему. В этом все дело. — Он галантно поклонился ей и ушел.

Оказавшись в комнате Люси, Крессида вдруг вспомнила слова мистера Моретти. От румбы к реквиему, вот что он сказал.

Он говорил о Люси. В этом она убеждена.

Были ли его слова случайным замечанием, или он что-то знает о Люси? Арабия сказала, что болела Люси совсем недолго.

Какой доктор ее лечил, какой священник поспешил к ее изголовью, кто копал могилу, какую могилу?

Крессида снова стала листать невинный, ничего не говорящий дневник. Вдруг она взглянула на него пристальнее. Из середины тетради вырвано довольно много страниц. Вот запись, которая была сделана третьего апреля, а на следующей странице уже десятое июля. Несколько месяцев пропущено. Что происходило в эти месяцы? Какие записи делала Люси, настолько разоблачительные, что чья-то рука сочла за лучшее их уничтожить?

Не достает страниц за три месяца и могилы. Подсознательная уверенность Крессиды в том, что здесь кроется захватывающая история, получила подтверждение. В лихорадочном возбуждении она стала выдвигать ящики, выгаскивать перчатки, чулки, носовые платки, шелковое белье, на какой-то момент забыв, что вещи эти принадлежат умершей девушке. Где-то здесь, среди вещей, должны быть ключи к разгадке недостающих месяцев.

Сладкий тяжелый запах засохших роз наполнял комнату. В доме стояла полная тишина. Сунув руку в глубину нижнего ящика, Крессида обнаружила письмо.

Впрочем, это было не письмо, а только самое его начало. "Милый, милый, милый..." и больше ничего.

Крессида торопливо стала шарить за задней стенкой ящика. Ее пальцы наткнулись на что-то мягкое. Она вытащила маленький комочек. Это оказалась вязаная детская перчатка.

Больше она не могла находиться одна. Только Арабия может рассказать ей правду. Схватив вязаную вещичку, Крессида сбежала по лестнице и постучала в дверь Арабии.

Та охотно откликнулась:

— Это вы, Крессида? Я уже в постели, но входите, моя дорогая, и поцелуйте меня на ночь. Как мило с вашей стороны подумать о старой леди.

Сидя в большой кровати с четырьмя колонками, Арабия утратила свою величественность и казалась более слабой и незащищенной. Ключицы резко выступали, тонкие запястья в рукавах шерстяной ночной кофточки выглядели совсем хрупкими. Теперь она была обычной смертной, подверженной старению, как и все прочие. Даже в улыбке ее промелькнуло что-то детское, когда она подставила Крессиде щеку для поцелуя.

— Вот так и Люси обычно делала, — тихо и удовлетворенно произнесла Арабия. — Возвращаясь домой поздно вечером, она заглядывала посмотреть, сплю я или нет, и если я не спала, она рассказывала о том, что было на балу, каких людей она видела. И села бы она вот сюда. — Арабия приглашающим жестом похлопала по постели.

— Сегодня вечером я нашла в комнате Люси разные вещи.

— Да? Ну конечно. Дорогие реликвии...

— Вот это, — без всякого выражения произнесла Крессида, показывая крошечную перчатку.

— Но... Да это же детская перчатка! Наверное, Люси вязала ее для одной из своих подруг, — уж слишком спокойно прозвучал голос Арабии. — Она прекрасно вязала. Я все удивлялась, откуда у нее такие способности. Я ведь никогда...

Крессида перебила ее.

— Арабия, зачем вы лжете? Вы были так милы, так добры ко мне, и я это очень ценю, но мне не нравится, когда мне лгут, причем без всякой необходимости. Кто мне Люси? Девушка, которую я никогда не знала, умершая почти двадцать лет назад. Меня бы не должно касаться, для своего или для чужого ребенка она вязала эту перчатку. Но вы постоянно сравниваете меня с Люси, и потому я должна знать правду. Не зная правды, я чувствую себя дуручкой и не могу испытывать к вам сочувствие.

Нависшие веки поднялись и открыли темные потрясенные глаза. Они действительно были потрясенные. В эту минуту Арабия от роли печально-покорной матери перешла к роли испуганной старухи.

— Это был ребенок Люси, да? — настаивала Крессида.

— Я... я не знаю.

— Арабия! Вы должны знать. Люси — ваша родная дочь. Вы любили ее. Вы должны знать, ждала она ребенка или нет.

— О нет, нет! — резко вскрикнула Арабия.

— Люси действительно умерла?

Арабия выпрямилась, глаза ее засверкали, а лицо приняло выражение сурового страдания.

— Умерла! Разумеется, она умерла. Как вы осмелились предположить, что я солгу вам о величайшем горе всей моей жизни! Как вы осмелились! — Старая леди снова откинулась на подушки. Губы ее задрожали. — Простите меня, моя дорогая. Вы, молодые, такие честные, такие

безжалостные... А все же вы милы и прелестны, как Люси. Я надеялась, что вы вернете мне дочь...

— Арабия, — мягко спросила Крессида, — вы вырвали эти три месяца из дневника Люси, потому что не хотели, чтобы о ребенке остались какие-нибудь воспоминания?

— Вы слишком наблюдательны! — пробормотала старая леди.

— Потому что Люси не была замужем? Но разве Ларри не должен был жениться на ней? Или... — Крессиду внезапно осенило: — Или это был не его ребенок?

— Ему об этом не надо было знать, — пробормотала Арабия. — Если бы мой план сработал... Это была моя ошибка. Я убедил ее пойти на риск. Я... Я убила ее!

Крессиде вдруг стало жаль эту старую женщину. Она подошла к ней, обвила руками хрупкую фигурку и ласково сказала:

— Не горюйте, Арабия, дорогая. Не горюйте. Все это было очень давно. А теперь здесь я. И я больше не боюсь Люси.

— Умереть такой молодой, — прошептала, немного успокоившись Арабия. Но когда она подняла глаза, в которых уже не было слез, Крессиду охватило странное чувство, что собственные ее страхи перешли к Арабии.

9

Теперь многое объяснилось. Крессиду совсем не беспокоило то, что история Люси оказалась немного вульгарной, что делало ее обыкновенной девушкой, а не тем неземным существом, чья невинность и чистота в каком-то смысле преследовали Крессиду. Жалела ли она немножко о том, что тайна раскрылась так просто и эксцентрические выходки Арабии стали теперь понятны? Нет, она так не думала. Ей по-прежнему хотелось написать историю Люси, и у нее теперь был прототип — существо из плоти и крови.

Кто был тот человек, который заставил ее сделать этот шаг, кто он был, тот единственный, кому она в отчаянии взывала: "Милый, милый, милый..."? Это был, конечно же, Монти. Чье имя исчезло из дневника. Где он теперь? Где Ларри, которому предстояло быть обманутым, если бы Люси поправилась? Как они объяснили ему смерть Люси?

А хотела ли Люси иметь ребенка? Просила ли, умоляла ли она Арабию разрешить ей сохранить его? Вязаная перчаточка молчаливо свидетельствовала в пользу этого предположения. Раскаяние Арабии после смерти Люси было, вероятно, ужасным.

Крессиду переполняла жалость к ним обоим — к гордой одинокой старухе и к мертвой девушке.

Между тем еще нужно написать письмо Тому. К удивлению Крессиды, это потребовало от нее чудовищных усилий. Она начала с ободряющих слов, каких и ожидал от нее Том, по поводу его неудач в гольфе, затем посоветовала почаще навещать Мэри Мэдден, если та чувствует себя одиноко в пустом доме. Добавила, что в восторге от своей новой работы и что мистер Маллинз просто прелесть. И вдруг обнаружила, что больше ей писать не о чем. Последние открытия относительно Люси не

для Тома. Он не поймет и не одобрит. Он скажет: "Похоже, она получила по заслугам, да и старуха тоже".

Утром от Тома пришло еще одно письмо. В нем содержались упреки за то, что она не ответила на его послание. Том писал: коль скоро она настаивает на своем довольно эгоистическом поведении, то хотя бы писала ему каждый день, это самое меньшее, что она может сделать. Дома все обстоит по-прежнему. Он взял на себя смелость посетить дом Крессида, чтобы посмотреть, все ли там в порядке, и Мэри Мэдден настояла, чтобы он выпил с нею чай. Она весьма здравомыслящая, ответственная особа, к тому же привлекательная, словом, в настоящее время Крессида не о чем беспокоиться.

Крессида улыбалась, читая это. Славный простодушный Том. Таким окольным путем, сообщая ей о прелестях Мэри Мэдден, он думал заставить ее слегка ревновать. Если так пойдет дальше, Мэри и Том смутятся. Они оба приятные и лишены воображения люди, не страдают от присущих ей безумных полетов фантазии, от неожиданной восторженности.

Было бы ей неприятно, если бы они вдруг стали очень близкими друзьями? Крессида взяла в руки другое письмо, которое пришло с утренней почтой, открыла его и ахнула, не веря своим глазам.

Это был отпечатанный на клочке бумаги черновик извещения о смерти. Оно гласило:

"Барклай, Крессида Люси. 23 октября 1955 года, в Драконьем доме, Саут-Кенсингтон, на двадцать третьем году жизни. Только красные розы".

Внизу небрежным почерком было приписано: "Это то самое, что вы ищете?"

Нет, такое стерпеть нельзя. Значит, все-таки именно Джереми Винтер разыгрывает над ней все эти шуточки? Ей следовало бы понять, что ему, с его смеющимися глазами, с его постоянной мягкой насмешкой, просто нельзя доверять. Но последняя шутка... Нет, это уж слишком!

Крессида вылетела из своей комнаты и решительно устремилась вниз, к лестнице цокольного этажа. Она почти столкнулась с мисс Глори, которая несла ей поднос с утренним чаем.

— Простите, — воскликнула Крессида, — но мне сейчас некогда.

Мисс Глори повернула к ней свое длинное лицо.

— Мистер Винтер, скажу я вам, скорей всего и не встал еще. Мне-то, конечно, все равно, а вам...

— Мне тоже, — резко отозвалась Крессида.

Она спустилась вниз и бесцеремонно забарабанила в дверь Джереми.

— Одну минуту, я уже иду. — И в дверях появился Джереми, в шелковом халате довольно яркой расцветки, с Мимозой на руках. — О, доброе утро, — проговорил он с удовольствием. — Вы пришли на сеанс? Если чуточку подождете... ах, нет, вижу, что я ошибся.

Крессида швырнула ему клочок бумаги и произнесла ледяным тоном:

— Возможно, вы именно так понимаете шуточки, но только не я. Меня это вовсе не развлекает. Я попросила вас найти для меня что-то о Люси, вы же делаете... совершенно недопустимую вещь.

— Что это? — воскликнул Джереми, удивленно глядя на листок бумаги.

— Не делайте вид, будто вы шокированы или удивлены. Вам не удастся еще раз обмануть меня таким образом. Я прошу перестать меня преследовать и совать свой нос в мои дела. Я никогда больше не заговорю с вами.

— Но, Крессида! Послушайте!

Крессида была уже на верху лестницы. Еще мгновение, и она добежала до своей комнаты, пулей влетела в нее, дверь за нею закрылась. Теперь она уже не сможет услышать протесты Джереми Винтера, уверения в его невиновности, а он непременно будет настаивать на своем и, как обычно, отрицать, будто ему хоть что-то известно об этой новой выходке. Кроме того, теперь, когда его невыносимо веселые глаза не устремлены на нее, она могла просто поплакать.

Но в комнате ждала ее мисс Глори.

— Простите, мисс Барклай. Я поставила вам чай. Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, — с трудом выговорила Крессида. — Просто, мне кажется, я немножко истосковалась по дому.

Мисс Глори недоверчиво смотрела на нее.

— Может быть, я не слишком умна, мисс Барклай, но только не могу взять в толк, с чего бы, сбегав вниз к мистеру Винтеру, вы вдруг сразу зашучали по дому?

— К нему это не имеет никакого отношения! — с горячностью возразила Крессида.

— Мне-то, конечно, повезло, — заявила мисс Глори. — Я знаю, кого я люблю. Когда мне что-то подходит, так оно мне подходит, и тут уж против меня устоять все равно что против водородной бомбы. Но с вами, как вижу, все не так. И вы по-настоящему сами не знаете, что вам нужно.

— Я знаю, что мне нужно, — взвилась Крессида. — Но если кто-то способен был сделать вам такое, он вам по-прежнему нравился бы? — И она рассказала, что произошло.

Длинное желтоватое лицо мисс Глори выразило сперва недоверие, а затем — полное потрясение.

— Это нехорошо, нехорошо, моя дорогая.

— Вот, я же вам говорила.

— Но, мне кажется, вы обвиняете не того, кого надо. Этот славный молодой человек, мистер Винтер, ни за что такое не сделал бы.

— Только ему было известно, что я разыскиваю извещение о смерти Люси.

— Боюсь, вы недооцениваете Арабию. — Мисс Глори, будучи дочерью морского капитана, считала себя вправе относиться к Арабии как к равной. — Она дурная старуха, если желаете знать мое мнение. Она в самом деле дурная старуха. Попомните мои слова, она задумала позабавиться с вами. Я уже достаточно долго служу ей мишенью для насмешек. Я-то знаю.

— Прошлой ночью она была испугана, — прошептала Крессида.

— Только не она. Послушайте, дорогая, я ведь знаю ее лучше, чем вы. Она будет кормить вас пирожными и поцелуями, но при этом все время ломать голову над тем, как бы еще что-нибудь придумать, чтобы посмеяться над вами. Но ничего, — мисс Глори потрепала Крессида по руке, — вообще-то она безвредна. Ничего похожего на то, что в той за-

писке, она на самом деле не совершит. И я все это говорю вам потому, что вам не следует ругать славного мистера Винтера. А теперь я должна идти, иначе кое-кто поднимет крик, требуя свой утренний чай. И не тревожьтесь, дорогая. Не обращайтесь внимания на эти пустячные проказы, они ровным счетом ничего не значат.

Кажется, они и вправду не тревожили мисс Глори, потому что чуть позже Крессида услышала взрывы смеха и, выглянув, увидела мисс Глори, старающуюся подражать ловким и умелым па Моретти, отплясывавшего лихую румбу. Шум заставил выйти на верхнюю площадку лестницы миссис Стенхоуп и Досона. Досон поглядел с минуту, затем презрительно пожал своими узкими плечами и поспешил на службу. Миссис Стенхоуп стояла с застывшей улыбкой на лице. Но тут ее плечом отстранила Арабия; в малиновом бархатном халате, щедро отделанном лебяжьим пухом, она громко подбадривала танцующих. Ее ноги притопывали, длинное, все еще грациозное тело плавно извивалось.

— Так вы решили, что это ночной клуб! Глориана Бекер, и вы называете это танцем? У вас слишком большие ноги, дюймов десять, не меньше. И не топайте так! На носочки, милая моя! Смотрите, я вам сейчас покажу.

Арабия спустилась по лестнице, ее щеки пылали, глаза сверкали, и без всяких околичностей она отобрала мистера Моретти у мисс Глори. Мистер Моретти смеялся, его рот темной пещерой выделялся на гладком бесцветном фоне лица. Он вел Арабию по мраморному полу, и она, с широкими рукавами, отлетавшими назад от ее тонких запястий, и высоко вскинутой седой головой, двигалась на редкость грациозно. Затем, с уверенностью привычной к поклонению женщины, повернулась ко все еще задыхавшейся мисс Глори.

— Я почти понимаю, что вы нашли в нем. Он танцует как бог. Но вы, моя дорогая, начнем хоть с этого... неужели вам непременно нужно носить эти ужасные башмаки?

— Ноги у меня такие, какие даны от рождения, — с достоинством отпарировала мисс Глори.

— Да, но даже сам Всемогущий не может иной раз не пожелать еще разок попытать удачи кое с кем из своих творений. — Арабия откинула назад голову и по обыкновению громко хихикнула. — О, мне никогда не было так весело с тех самых пор, как умер мой второй муж, он танцевал восхитительно. Крессида, дорогая моя, я уверена, вы прекрасно танцуете.

— Мне надо идти на службу, — поспешила сказать Крессида.

От румбы до реквиема... Сейчас этих слов никто не произнес вслух, но глаза Винсента Моретти были устремлены на нее, и почему-то казалось, что он молча их повторяет.

— А мне — репетировать, — произнес он своим вкрадчивым приятным голосом. — Дорогая леди, танец был изумителен.

— О, у нас еще будут танцы, — сказала Арабия с удовлетворением. — Мы устроим вечеринку в честь Крескиды. И все будем танцевать.

Крессида услышала за спиной густой голос Джереми Винтера.

— Просто потрясающе, что вы поверили, будто я мог сделать такое. И никаких извещений о смерти Люси нет, если вас это интересует, — про-

шптал Джереми ей в самое ухо, после чего так же неслышно, как и пришел, спустился к себе в покольный этаж.

Крессида вернулась в свою комнату за шляпкой и пальто, а потом вышла на улицу. На ступенях ее ожидал Досон.

— Я ждал вас, мисс Барклай.

— Очень мило с вашей стороны, — вежливо ответила Крессида. — Вы не любите танцы?

— По-моему, мистер Моретти ненормальный.

— Почему? Потому что желает танцевать в девять часов утра?

— Потому что так любезничает с мисс Глори. У него и в мыслях нет за ней ухаживать, он просто делает из нее дурочку.

— Досон, сколько вам лет?

— Пятнадцать. — Внезапно он снова замкнулся. — Но это не значит, будто я ничего не замечаю.

— Возможно, вы замечаете слишком много. В конце концов, мисс Глори очень счастлива, и если мистер Моретти не собирается делать ничего дурного...

— Но он именно собирается! Он из тех людей, которые всегда готовы сделать что-то дурное!

— Ах, будет вам! Мне кажется, вы слишком начитались всяких сенсационных историй в газетах. Какие же, по-вашему, он строит планы относительно мисс Глори? Соблазнить и украсть ее деньги?

— Именно такое в его вкусе. Попомните мои слова, мисс Барклай, вам тоже грозит опасность.

— Мне? — Крессида недоверчиво рассмеялась.

— Вы хорошенькая. Скорей всего он уже положил на вас глаз.

— Ой, Досон! Вы в самом деле позволяете своему воображению уносить вас слишком далеко.

— Я интересуюсь убийствами. Мне нравится изучать, каким образом их совершают. Взять хотя бы девушку, которую удавили. Можно подумать, что способ очень неуклюжий, но это не так, право, не так, потому что полиция до сих пор не нашла убийцу. Он, должно быть, иностранец, и они никак не могут установить его связь с этой девушкой.

— Досон! Неужели вы и с вашей бедной мамой беседуете о таких вещах? Тогда неудивительно, что ей снятся кошмары.

Досон смущенно ухмыльнулся.

— Но это как раз то, что меня интересует, мисс Барклай. И мама ничего не имеет против. Она говорит, у меня юридический склад ума.

День был по-прежнему пасмурный и холодный, и даже обычное радушие мистера Маллинза не вернуло Крессиде счастливого расположения духа. Ей следовало бы сейчас быть рядом с Томом, слушаться его и отказаться от своих заносчивых мыслей о независимости. Она еще могла вернуться домой и сказать себе, что это полная чепуха, будто незаконченная история мертвой девушки не дает ей покоя.

— Так он уже делает вас несчастной? — поддразнил ее мистер Маллинз.

— Кто?

— Мистер Винтер, конечно.

— Мистер Винтер меня интересует меньше всего.

Мистер Маллинз улыбнулся мягкой всезнающей улыбкой, отчего Крессида почувствовала себя еще более подавленной, а злость на Джереми разрасталась еще сильнее. Возможно, утром она была к нему несправедлива, но даже если не он сыграл с ней эту подлую шутку, с какой стати все время следует за ней по пятам? Она устала от этого. Крессида ушла в заднюю часть магазина, чтобы разобраться в великом множестве всяких вещичек, находившихся в огромном викторианском письменном столе, который, по словам мистера Маллинза, принадлежал раньше Арабии.

Поистине у мистера Маллинза царил неразбериха. Это правда, что ему случалось очень удачно продавать вещи, но он не знал и половины имевшегося у него товара. Здесь, в этих ящиках, пылились фарфоровые статуэтки, эмалевая табакерка Баттерси, великолепный кувшин. Тут были также книги, серебряные рамки для фотографий, по большей части пустые, несколько примечательных потускневших портретов давно умерших людей. Грустно думать о том, что люди продают рамы, не побеспокоившись прежде вынуть портреты давно умерших родственников. Кто был этот военный в форме конца девятнадцатого века? А эта картина, изображающая викторианскую свадьбу? А вот более поздняя свадьба. На невесте сравнительно современное свадебное платье, и жених выглядит не таким деревянным, как некоторые его предшественники. Фотография в искусно сделанной серебряной рамке, а на обороте надпись... Нет, нет!

Крессида выронила рамку, и она упала на пол. Мистер Маллинз, бродивший среди пыльной мебели, подошел с вопросительным выражением на розовом лице.

— Убытки, моя дорогая? Вы что-нибудь разбили?

— Нет. Может быть, стекло... — У Крессиды перехватило дыхание.

Фотография упала лицом вниз, и слова на обороте, написанные торопливой рукой, четко выделялись:

“Дорогой мамочке от Люси и Ларри. С любовью”.

Это была свадебная фотография Люси. Мертвой Люси, похороненной в бальном платье, с маленьким букетом красных роз в руках, накануне своей свадьбы.

— Это Люси, — услышала Крессида свой собственный шепот.

— Да, это она. — Мистер Маллинз наклонился, чтобы подобрать фотографию. Он задумчиво смотрел на нее. — Она была миленькая, но не унаследовала и десятой доли характера и оригинальности своей матери. Вы сами здесь это видите. Просто милая, привлекательная заурядная девушка. Молодой человек также выглядит славным обыкновенным малым.

— Но она за него не вышла! — воскликнула Крессида. — Не вышла.

Мистер Маллинз смотрел на нее вопросительно. Глаза его выражали недоумение.

— Так ведь это свадебный снимок, моя дорогая. Или это вообще не Люси?

— Она. Та же самая девушка, что и на фотографии у Арабии. Но она не вышла замуж за Ларри, мистер Маллинз. Она записала в своем дневнике: “Надо заказать цветы”, а вышло, что цветы понадобились не для свадьбы, а для похорон.

Потому что смерть Люси была бессмысленной и жалкой, она умерла,

утиав от Ларри, что носила ребенка от другого мужчины. Так сказала Арабия, и Крессида ей поверила.

И все-таки вот свидетельство, доказывающее, что все, сказанное Арабией, было ложью.

Что ж, это по крайней мере объясняет, почему Джереми так и не обнаружил нигде извещения о смерти Люси. Потому что когда она умерла, она уже была вовсе не Люси Болтон, а Люси Мередит, женой Ларри.

Крессиду стало трясти.

— Арабии не следовало относиться к своим фотографиям так небрежно. Она, может быть, и не думала, что оставила их в этом столе.

— С Арабией никогда ни в чем нельзя быть уверенным, — задумчиво произнес мистер Маллинз. — Например, если она не любила этого молодого человека или не одобряла их женитьбы...

— Но он ей нравился! Там был другой, которого она не одобряла...

— Другой?

Крессида вскочила.

— Ой, мистер Маллинз, простите меня. Кажется, я и в самом деле слишком уж занята этой Люси. Право, мне кажется, она преследует меня. Какое мне дело, за кого она вышла замуж, и вообще, выходила замуж или нет. Она мертва, и все было так давно. Давайте не будем показывать Арабии. Это только расстроит ее. Просто — забудем.

— Если вы так считаете, — медленно проговорил мистер Маллинз.

— Конечно, это разумно. А почему бы и нет? Почему я должна позволить мертвой девушке вмешиваться в мою жизнь? — Она поспешно засунула снимок в груды старых фотографий, которые все равно нельзя было продать и которые, скорее всего, останутся здесь не потревоженными, пока мистеру Маллинзу будет принадлежать этот магазин.

Вечером, возвращаясь домой, Крессида услышала за спиной шаги. Стущавшийся целый день туман к ночи стал непроглядным, и, как только освещенный фонарем круг оставался позади, даже на ярд вперед ничего не было видно. Прислушавшись к упорно следовавшим за нею шагам, Крессида с запозданием пожалела, что отказалась от предложения Досона сопровождать ее по вечерам. Хотя он и не слишком приятный спутник и, конечно, не слишком храбрый, тем не менее шел бы рядом и обезопасил бы ее от подобных вещей.

Теперь Драконий дом казался ей мирным и надежным пристанищем. Мысленно она уже была в комфортабельной квартире, приготовленной Арабией для нее, незнакомой девушки, которой надлежало занять место умершей Люси. Ей было сейчас неважно, какие странные и отнюдь не веселые шутки разыгрывали над нею в этом доме, казавшиеся сейчас безобидными в сравнении с грядущей опасностью. Крессиду охватила паника, и она побежала. С бьющимся сердцем, задыхаясь, добежала до Драконьего дома, взлетела по скользким мраморным ступеням и проскочила внутрь.

В холле стоял, улыбаясь ей, Джереми Винтер.

— О, дорогое мое дитя, вы дрожите!

— Я думала... какой-то ужас... кто-то преследовал меня там, в тумане. — Крессида задыхалась. — Словом, кто-то шел за мною до самого

дома, и мне показалось, что только что я слышала, как открылась и закрылась входная дверь...

Ее голос вдруг замер: она увидела, что волосы и лицо Джереми влажны. Значит, он сам только что вошел с улицы. Ее взгляд, словно загнипнотизированный, скользнул вниз, и она увидела, что на ногах у него осенние туфли на резиновой подошве.

— Кто-то преследовал вас? Очень неприятно.

— Да, — ответила она рассеянно, глядя на влажные следы, оставленные на мраморном полу.

— Только не воображайте, что это был я, — усмехнулся Джереми. — Я простудился и целый день просидел дома. — Тут он оглушительно чихнул. — Вот только сейчас сбегал на угол за молоком для Мимозы. — В доказательство своей невинности он показал ей бутылку молока. — Этого достаточно для алиби?

— Перестаньте шутить! Это было не смешно, а я уже устала от шуток.

— А я, — сказал Джереми, — устал быть в роли подозреваемого. Стоит с вами случиться какой-нибудь неприятности, и вы тотчас готовы обвинить меня. Почему? Должен признаться, это обидно.

— Знаете ли, когда мне присылают извещения о моей собственной смерти, это тоже обидно.

— Если бы вы попросили помочь, вместо того, чтобы обвинять меня...

— Не желаю я вашей помощи, — с горячностью отрезала Крессида. — Вы только насмежаетесь надо мной. Вы и правда думаете, что я провинциальная простушка, эдакая наивная девчонка, над которой можно позабавиться?

— “Наивная” — не совсем точное слово. Подумав, я бы мог подобрать несколько более подходящих определений.

— Не утруждайте себя, — холодно ответила Крессида.

Джереми снова чихнул и извинился.

— Если бы не эта мерзкая простуда, я бы и не стал, вместо этого просто поцеловал бы вас. Ничего удивительного, что за вами ходят по пятам — уж очень вы милы.

Пока Крессида собиралась с мыслями, как бы достойным образом ответить ему, он уже ушел. Мимоза большой оранжевой тенью последовала за ним, и Крессида осталась, охваченная острым приступом одиночества.

Похоже, жить здесь будет не слишком весело, если она станет без конца спориться с Джереми. Ей хотелось рассказать ему о своем открытии — о том, что у Люси свадьба все же была, — но теперь она не могла этого сделать. Придется раскапывать таинственную историю Люси самостоятельно.

Крессида выдвинула ящик письменного стола, чтобы достать свои записки и перечитать их. И тут ее постиг еще один удар — заметки были разорваны в мелкие клочки и сознательно рассыпаны по всему ящику так, чтобы она непременно это обнаружила.

И вот тут Крессида сдалась. Какой-то человек с неуравновешенной, по-видимому, психикой настойчиво и коварно ее преследовал. И, значит, она

должна была признать, что, скорее всего, именно Арабия творила все эти, на первый взгляд, бессмысленные вещи. Ведь она уже столько всякой всячины наврала про Люси, словом, ясно, что доверяться ей невозможно.

И, тем не менее, в душе Крессиды все протестовало, она не считала Арабию способной на это. Старая леди была так любезна, так забавна, так колоритна. Невыносимо думать, что все это время, притворяясь другом, она устраивала ей мерзкие злобные каверзы. И все-таки, все-таки... Никто, будучи в здравом уме, не расхаживал бы, например, в драгоценной диадеме. Экцентricность — вот самое мягкое название недуга, которым страдала Арабия.

Крессида приготовила на ужин омлет и ела его, даже не замечая, что делает. К этому времени она уже приняла решение и неохотно села за стол, чтобы написать Тому письмо.

"Дорогой Том,

утром я получила от тебя письмо и очень была ему рада. Прости, что не написала тебе вчера, но тут столько всего случилось. И кое-что так необычно и таинственно, что, я уверена, тебе понравилось бы, и когда расскажу, что произошло сегодня, то, думаю, ты согласишься, что я права, решив после этого здесь не оставаться..."

Тут Крессида загнулась в полной растерянности: как передать словами ее страх и тревогу из-за этих разорванных в клочки записок о Люси и из-за тех шагов за спиной, в густом тумане? Но вдруг на нее снизошло озарение, и у нее сразу отлегло от сердца.

Потому что все эти гнусные шутки творила ни в коем случае не Арабия. Могла ли старая женщина, в ее семьдесят пять лет, бежать так быстро, даже будучи настолько безумной?

Все, что происходило в доме, вполне могла совершить Арабия, но шутка с преследованием была за пределами ее возможностей. Можно ли, однако, предположить, что издеваются над ней, Крессидой, несколько человек? Нет, все это работа одного, который или ненавидит, или ревнует ее, или просто обладает отвратительно злобным складом ума. А если это не Арабия, то никуда она из Драконьего дома не уедет! Потому что, если кто-то здесь ведет себя так дико, Арабия нуждается в ее помощи.

Но кто же этот человек?

Крессида разорвала письмо к Тому, и начала снова.

"Дорогой Том,

здесь у меня происходит столько потрясающих событий, что они поглощают меня целиком, и я прошу у тебя прощения, что не сумела выбрать время и написать тебе вчера. Пожалуйста, прости меня, но если бы ты знал..."

Тут ей пришлось прерваться, потому что кто-то настойчиво постучал в дверь. Когда она ее открыла (с некоторым трепетом, поскольку уже и не знала, чего ей еще ожидать), то увидела бледного и взволнованного Досона.

— О, мисс Барклай, не могли бы вы зайти к нам и взглянуть на маму, ей нехорошо, — выговорил он на одном дыхании.

— Конечно, сейчас зайду, Досон. Но я не слишком-то сведуща в медицине. Что с ней?

— Ее тошнит, и у нее страшные боли. — Досон, хотя и хвастался своими познаниями в недомоганиях и лекарствах, был явно напуган.

— Похоже на аппендицит, — заметила Крессида. — Наверное, мисс Глори была бы полезнее, чем я.

— Нет, мама просила вас, — поторопил ее Досон, уже поднимаясь по лестнице.

Крессида последовала за ним с некоторой неохотой. У нее действительно было мало опыта ухода за больными, а из слов Досона она поняла, что миссис Стенхоуп требуется профессиональная помощь. Она вошла в комнату, едва освещенную ночником у постели, и увидела на ней маленькую и очень бледную женщину.

— Мне сейчас чуть получше, — прошептала миссис Стенхоуп, когда Крессида склонилась над ней.

— Что я могу сделать для вас? Вызвать врача? — с тревогой спросила девушка.

Миссис Стенхоуп покачала головой. Ее влажные волосы разметались по подушке жидкими прядями, маленькое треугольное лицо выглядело изнуренным и беззащитным.

— Нет, — сказала она своим хриплым голосом. — Врач мне не нужен.

— Уверены ли вы, что...

— Нет-нет, врача не надо, — многозначительно прошептала миссис Стенхоуп, приподнялась на локте и знаком показала стоявшему в тени Досону, чтобы он подал ей блокнот и карандаш. Он так и сделал, и она крупными неровными буквами вывела: "Я пила чай с миссис Болтон".

— О да, — вежливо проговорила Крессида, но миссис Стенхоуп продолжала смотреть на нее со странным ожиданием во взгляде, и она добавила: — Тогда с вами было все в порядке? Приступ случился позже?

Миссис Стенхоуп кивнула. В ее глазах застыл ужас. Или торжество? Крессида услышала, как Досон сказал за ее спиной:

— Ма думает, за чаем у миссис Болтон она и съела что-то не то.

— Как неудачно получилось, — посочувствовала Крессида.

Миссис Стенхоуп торопливо писала в своем блокноте: "Досон дал мне противоядие. Он в этом понимает". Она показала свои каракули Крессиде и прошептала почти с восторгом:

— Мне повезло, что Досон вовремя пришел домой.

Крессида посмотрела на маленькую женщину, худую и бледную до жалости, на ее мятые оборки, скромно закрывавшие тощую шею, потом повернулась к долговязому юнцу, который небрежно произнес:

— У меня есть лекарства от простых болезней — от кашля, от простуды, от головной боли, ревматизма и от желудочных расстройств. Конечно, если это отравление, будет сложнее, но я думаю, теперь ма выкарабкается.

Крессида охватила внезапный приступ гнева. Она поймала себя на том, что сравнивает Арабию, добросердечную, колоритную, заполняющую свои загроможденные комнаты редкостным жизнелюбием, и эту жалкую парочку — слабую и больную миссис Стенхоуп и Досона, недо-

развитого переростка, невыносимо самодовольного. И они позволили себе намекать на такое!

— Не знаю, почему вы послали за мной, — сказала она натянутым тоном. — Вы говорите, что вам лучше и что я ничем не могу быть вам полезной. Лучше пойду и дам вам поспать.

— Нет, не уходите.

Миссис Стенхоуп снова схватилась за блокнот и быстро принялась писать. "Я просила вас прийти, потому, что думала — вам следует знать". Она многозначительно посмотрела на Крессида и опять взялась за карандаш. "Вы будете видаться с миссис Болтон чаще, чем все мы. Я хотела предупредить вас".

Крессида вырвала листок из блокнота, сердито скомкала его и холодно произнесла:

— Я не верю.

— Ма говорит, это торт с ликером, — развязно вмешался Досон. — У него, наверное, такой сильный запах, что он отбивает любой вкус.

— О, вы действительно невыносимы! — воскликнула Крессида. — Миссис Стенхоуп, сожалею, что вы нездоровы, но отказываюсь верить таким чудовищным предположениям. По-моему, торт с ликером оказался просто слишком сладким для вас.

Оба, казалось, смотрели на нее с жалостью, словно это она лежала в постели, сломленная коварными интригами Арабии.

Крессида повернулась к двери. Вслед раздался голос Досона:

— По-моему, вам бы следовало выслушать нас, мисс Барклай. Помните, вас заперли в комнате Люси? Обыкновенный здравый смысл говорит, что это мог сделать единственный человек, и человек этот должен быть не совсем *compos mentis*^{*}, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Я прекрасно вас понимаю, а еще думаю, что все это самая несправедливая клевета. И чтобы доказать вам, как вы ошибаетесь, я сейчас пойду и съем кусок торта.

— Мисс Барклай, мисс Барклай! — донесся с кровати хриплый шепот. — Мы только предупреждаем вас для вашего же блага. Вы должны нас послушать.

— Вы должны, — повторил за ней Досон. — Весь рисунок поведения миссис Болтон указывает...

Крессида не могла больше слушать. Она знала, что Досон сейчас выдаст какой-нибудь длиннющий медицинский термин, а его мамаша с гордостью прошепчет, что у Досона юридический склад ума. Она с силой захлопнула дверь и направилась к комнатам Арабии.

Да, действительно, Арабия совершала весьма странные поступки. Кто еще мог запереть Крессида в комнате Люси? Кто, в самом деле, изорвал ее записи? Конечно, чувствуя свою вину в смерти Люси, впадшая в отчаяние Арабия могла и вправду стать немного неуравновешенной. Ощущая все возрастающую привязанность к Крессиде, она могла все же сожалеть о том, что девушка жива, в то время как Люси мертва. Это вполне могло заставить ее послать то извещение о смерти и делать другие, столь же необычные вещи.

*В здравом уме (лат.).

Но почему же тогда ее злость распространялась на невинную и безобидную женщину? Мисс Глори сказала, что ради развлечения Арабия способна на самые нелепые и необдуманные поступки. Но отравить свою гостью... Это никак не назовешь развлечением.

Нет, просто выдумка, существующая только в воображении миссис Стенхоуп. У нее расстроился желудок от слишком жирного торта, а Досон, горя желанием применить свои весьма скромные познания в медицине, внушил ей, что она серьезно больна. Вот и все.

Удовлетворенная своим объяснением, исполненным здравого смысла, Крессида коротко постучала в дверь Арабии, и тут же глубокий красивый голос пригласил ее войти.

Комнату заливал розовый свет. Горели все лампы — три обычные, под большими красными абажурами, и две великолепного китайского фарфора, которые стояли на каминной доске. В этом море тепла посреди разбросанных цветных подушек сидела Арабия в своей драгоценной сверкающей диадеме. Она была совсем не похожа на вчерашнюю старую, измученную угрызениями совести женщину в постели, которая поверила ей свою тайну. Крессида почувствовала — сегодня она выкинула из головы прошлое и облеклась в свое другое "я" — Арабия великая, неотразимая, блистательная, неустрашимая.

Возможно, она была слегка сумасшедшей, но как великолепно ее сумасшествие! В эту минуту Крессида понимала, что обожает Арабию и никогда ни в чем не сможет ей отказать.

Возможно, сама она тоже слегка сумасшедшая, но Крессида знала, что, как и Арабия, поклоняется всему теплому и яркому в жизни, всему забавному, изысканному и непрактичному.

— Дорогая моя, дорогая моя! — вскричала Арабия с восторженным радушием. — Я подумала, может быть, вы зайдете навесить одинокую старуху, и оделась для вас. — Она расправила жесткую расшитую юбку своего вечернего платья. — Мой третий муж любил, когда я надевала это платье на парадные обеды, которые мы после возвращения из экспедиции давали в "Рице" и "Савойе", и там бывали все, даже королевская семья. Я купила эту ткань на базаре в Багдаде. Она совершенно не снашивается. Шейх имел обыкновение говорить... впрочем, сейчас это неважно. Расскажите лучше о том, как вы провели день. Мистер Маллинз добр к вам? Если нет, я заберу те часы обратно. О, моя дорогая, правда, мы совсем сошли с ума, устроив утром танцы? Но, хотя я и чувствовала, что брови мистера Моретти вот-вот переползут на меня, не могу не признать, что он очень легко двигается.

Арабия рассмеялась своим звонким смехом, и Ахмед на жердочке спросонья что-то крикнул. Комнату наполнял тяжелый аромат — смесь гардении и пряностей. От него Крессида слегка опьянела, но это было приятно.

— В нем мне снова сорок один... или сорок пять. Хотя еще в шестьдесят девять я на муле преодолела перевал в Афганистане, и была не хуже других. Я рассказала шейху, и он поставил двадцать верблюдов, что это неправда, а как я могла доказать? Никто из монголов не знал ни слова по-английски... Дорогая моя, не позволяйте мне продолжать в таком духе. Вы, наверное, хотите есть. Конечно же, хотите. Поужинаете со мной? Я приго-

товлю горячий шоколад. Не стоит вызывать мисс Глори. Она со своими огромными ногами занимает слишком много места на земле.

— Я бы хотела кусочек вашего ликерного торта, — сказала Крессида.

Арабия ласково на нее посмотрела.

— А откуда вам известно о ликерном торте? Кто-нибудь сказал вам, что торт — мое фирменное блюдо? Шейх уверял, что это нечто божественное, и был бы счастлив взять меня десятой женой, если бы я каждый день готовила ему такой торт. Впрочем, вряд ли ему что-нибудь доставалось бы. Он бы и посмотреть на него не успел, как остальные девять жен уже не оставили бы ни кусочка. Да и я, вероятно, тоже. Конечно же, моя дорогая, вы получите кусок моего ликерного торта. Сейчас ставлю чайник.

Арабия проследовала в кухню, шурша длинной юбкой. Оттуда раздалось звяканье тарелок, и донеслись обрывки какой-то мелодии. Сегодня Арабия была в особенно приподнятом настроении. Уж не потому ли, что опасная шалость с миссис Стенхоуп удалась?

— О, эти руки, как я их любила... — донесся глубокий мелодичный голос. Огонь в камине слегка потрескивал. Ахмед нахотлился и снова заснул, лампы уютно светили в теплой, приятной комнате.

— Я сегодня приглашала к чаю несчастную малышку Стенхоуп, — говорила из кухни Арабия. — Хотелось быть с ней полюбознее, но Боже милостивый, эти ее каракули! Мне казалось, что я развлекаю мраморы Элджина из Британского музея!

Крессида с удовольствием рассмеялась. Чудесная, восхитительная Арабия!

— Я думала, что сумею извлечь из нее какое-нибудь развлечение, — продолжала Арабия. — Потрудившись, можно многого добиться и от самого неподатливого материала. Но нет. Ничего не получится, если приходится тратить свое время на чтение банальных записей. Чтобы не делать операцию на горле, ей, по совету доктора, надо три месяца молчать. И я не думаю, что мир много потерял оттого, что не слышит ее голоса. Вот и торт.

Арабия вернулась в комнату и протянула Крессиде тарелку, на которой лежал кусок сдобного торта с большим количеством крема.

— Ешьте, дорогая. Он пропитан бренди. Вам понравится. Из-за него малышка Стенхоуп просто разболталась в своем блокноте. Наверное, мне следовало быть с нею помягше.

— Сегодня вечером миссис Стенхоуп нездоровилось.

— Ничего удивительного. Уж слишком жадно она накинулась на торт. По-моему, бедняга морит себя голодом. Знаете ли, муж бросил ее (осудить его за это я никак не могу), и потому ей надо было содержать себя и эту водосточную трубу, Досона. Потому я и сдала ей комнаты. Иногда я бываю слишком мягкосердечна, в чем и раскаиваюсь потом. Ешьте торт, любовь моя. Там еще много. Если он вам нравится, мы приготовим его и на ваше новоселье.

— Он великолепен, — честно призналась Крессида.

Арабия просияла.

— Вы — милое дитя. Правда, моя дорогая, я так люблю вас. Это глупо, наверное?

Как могла миссис Стенхоуп обвинять Арабию в попытке отравить ее? Полный бред! Она действительно способна подшутить над человеком, что-

бы обеспечить себе развлечения, которые были ей совершенно необходимы, но ничего столь опасного делать не стала бы.

Доев торт, Крессида просто сказала:

— Я тоже вас люблю.

— О, моя дорогая!

Нависшие веки опустились, скрывая внезапно нахлынувшие слезы. Унизанные тяжелыми перстнями пальцы, подобные вдруг буйно расцветшим старым сухим веткам, хлопнули Крессида по руке.

— Простите меня, хочется немного всплакнуть. Очень давно я не была так счастлива, как сейчас.

— Вы слишком долго горевали по Люси, — заметила Крессида.

— Я знаю. Иногда люди тратят слишком большую часть своей жизни на горе и угрызения совести. И то, и другое — бесполезные эмоции. Мне нравится быть веселой и счастливой, петь и смеяться. И с этой минуты я собираюсь стать счастливой. Прочь прошлое! Прочь угрызения совести! Жизнь должна начаться заново. — Арабия энергично вскочила, взъерошила перья Ахмеду, который сердито крикнул, и рассмеялась своим грудным смехом. — А, тебе не нравится, старый гриф. Не нравится, что твоя хозяйка опять становится молодой и задиристой. Но она счастлива. Счастлива!

— Арабия, — осторожно начала Крессида, — вы рассказали мне про Люси правду?

Арабия внезапно застыла.

— С какой стати мне лгать? — спросила она высокомерно.

— Я про то, как умерла Люси, — не отступала Крессида, думая о фотографии. Теперь она была уверена, что мистер Маллинз сделал все, чтобы она на нее наткнулась. Зачем было Люси умирать и жалкой, и трагической смертью, когда на самом деле она счастливо вышла замуж?

Арабия быстро заговорила:

— Допускаю, что в прошлом я ввела людей в заблуждение относительно смерти Люси. Возможно, она и не была такой уж невинной девушкой, как я утверждала. Возможно, кое-что с ней и случилось. Но что все это значит в сравнении с жизнью? А я так ее любила, так была потрясена и удручена, что почти сошла с ума на какое-то время. Потому что придумала всю эту сказочную чушь... Нет, не совсем чушь. Люси действительно была нежной, любящей и невинной, пока... Нет-нет, об этом я говорить не буду. Все.

— Но Арабия, дорогая, я хотела бы знать...

Арабия быстро подошла к Крессиде и приставила пальцы к ее губам.

— Ни слова больше, моя дорогая. Я была не права, позволив, чтобы мысли о Люси омрачили вашу жизнь. Поначалу вы настолько мне ее напомнили, что в моей глупой старой голове все смешалось, я перепутала прошлое и настоящее. И хватит об этом. Вы — это вы, и не должны жить жизнью умершей девушки. Все, решение я приняла и уже начала переоборудовать ту комнату наверху. Я слишком долго была больна и чуть не заразила своей болезнью вас. Мистеру Маллинзу наверняка понравится кое-что из тех вещей. Вы заметили почник? Я подарила его Люси на ее семнадцатилетие. Это ранний мейсен. Люси была в восторге. Я помню... Нет, хватит.

— Пожалуйста, продолжайте. Мне нравится слушать об этом. — Любая мелочь, даже дорогой ночник, доставлявший Люси большое удовольствие в юности, могла привести Крессида к причинам ее трагической смерти.

Арабия решительно покачала головой. С ее старого лица сбегала вся нежность, оно стало упрямым и непроницаемым.

— Ни слова больше. Люси похоронена и пусть покоится с миром.

— Значит, вы никогда и ничего не расскажете мне о ней? И даже о Ларри? Она ведь любила Ларри, правда?

— Я так думала, но молодые девушки хитры и изменчивы.

— А ребенок...

— Я же сказала вам! Придержите язык!

Впервые Арабия так резко заговорила с Крессидой, и девушка поняла, что захватывающая тема Люси, которой Арабия жила почти двадцать лет, отныне закрыта. Больше Крессида ничего не услышит о загадочной девушке, которая жила беззаботно и беспечно, потом стала готовиться к рождению ребенка, которому не суждено было родиться. Арабия, прежде такая разговорчивая, теперь явно собиралась хранить молчание. Почему? Действительно ли она хотела выкинуть Люси из головы навсегда или же боялась, что Крессида разузнает слишком много?

Арабия, со свойственной ей быстротой и восхитительной переменчивостью настроений, уже смеялась, ее искрящиеся глаза склоняли Крессида к тому же.

— Милое дитя, не смотрите так сердито и разочарованно. Люси для вас ничто. Вы — это вы. Кроме имени у вас нет ничего общего.

— Но я хотела написать про нее. Это была бы такая захватывающая история — бальные платья, красные розы, неоконченный дневник, письма, оставшиеся без ответа, мужчины, которые ее любили...

— Почему вы говорите "мужчины"? — Арабия явно сразу же пожалела о сорвавшемся у нее вопросе, который мог повести к дальнейшим разоблачениям, и продолжила: — Теперь, когда вы догадались, как и почему умерла Люси, ее история уже не представляется такой невинной и красивой, так что не будем больше говорить об этом. Это слишком расстраивает меня. Мы будем разговаривать о другом. Хотите еще кусочек торта?

Крессида посмотрела на свою пустую тарелку. Она съела все, что дала ей Арабия, и чувствовала себя прекрасно. Как и должно было быть.

Значит, когда Арабия начала переоборудовать славную комнатку наверху, она и решила спуститься в квартиру Крессиды и изорвать ее записки о Люси? Если существовало столь простое объяснение этому хулиганскому поступку, то на улице за ней следовал обыкновенный прохожий. И теперь, когда все встало на свои места, мрачные и бессмысленные шутки тоже кончатся. Так что она честно сможет написать Тому, что Драконий дом — приятное и уютное для жизни место.

— Я собираюсь изменить свое завещание, — перебила ее мысли Арабия. Крессида взглянула на нее с опаской. — Скучно оставлять свои деньги чужим. Вы позволите мне оставить вам немного, хорошо?

— О нет! Пожалуйста, не надо.

— Почему нет? Это доставит мне удовольствие.

— Нет. Том не позволит.

Арабия выпрямилась.

— По-моему, Том очень властный молодой человек. Вы действительно его любите?

— Я... но... да.

— Откровенно говоря, не понимаю, как вы можете его любить. Счетная машина, гроссбух, "если единожды один — один, то дважды два — четыре". Но дважды два не всегда четыре. Иногда дважды два — пять. Разве это не интересно? — Под восхитительным напором старой дамы Крессида растерялась. — Не думаю, что ваш Том когда-нибудь чувствовал, какими сюрпризами полна жизнь. Боюсь, он скажет, что их вообще не существует, что это галлюцинации. Я права?

— Ну...

— Вы смущены, дитя, так что я, видимо, права. Тогда плевать на Тома и его суждения. Есть еще какие-нибудь причины, по которым я не могу оставить вам немного денег?

— А вдруг будут... неприятности? — нехотя произнесла Крессида.

— Не понимаю.

— Ваши родственники могут быть недовольны.

Сейчас она цитировала обоих — и Тома, и Джереми. Это, пожалуй, единственное, в чем они когда-либо могли бы сойтись.

— Но у меня их нет! — победоносно воскликнула Арабия. — Ни единой души на всем свете. Никаких троюродных кузин, сводных сестер, незаконных сыновей вничую племянника. Так откуда же, спрашиваю вас, могут возникнуть неприятности? Хорошо, моя дорогая, на этот счет я решение уже приняла. Так что, пожалуйста, придите в восторг и сделайте меня счастливой. Я так люблю дарить радость людям.

— Я тоже, — прошептала Крессида.

Я избавлюсь от этих денег, решила она про себя, я поступлю так, как сказал Джереми. И вообще, может быть, еще ничего и не будет. Если судить по виду, Арабия проживет еще лет десять-пятнадцать, а за это время в нашем неустойчивом мире ее финансовое положение может полностью измениться. К тому времени, она, возможно, уже не будет богатой женщиной.

— Значит, решено, — вскричала Арабия. — Завтра же звоню своему поверенному. О, какой чудесный, чудесный вечер мы провели! А теперь пора спать.

11

Действительно, задуманное Арабией изменение завещания делало ее счастливой. Она всю жизнь под влиянием минуты совершала неожиданные щедрые жесты, и это приносило ей ощущение счастья. Долгое время мысль о том, что на свете нет никого, кто любил бы ее ради нее самой, холодным камнем лежала у нее на сердце. Конечно, многие были с ней милы и очаровательны, думая про себя, что настанет день, когда глупая старуха умрет, почему бы в таком случае не получить немного денег и быстренько забыть завещательницу.

Но эта девушка — совсем иная. От нее просто веет искренностью. За долгую жизнь Арабия знавала немало людей, которые отказывались при-

завать правду, даже встретившись с ней лицом к лицу. Крессида — милое, нежное дитя, и судьба свела их вместе. На эти золотые деньки вернулась весна, и какая разница, насколько коротка она будет.

Теперь надо лечь и крепко заснуть. Зло покинуло дом.

— Ах ты, старый гриф, — ласково сказала она Ахмеду и перенесла его на столбик кровати.

Ахмеда, который должен дожить до ста пятидесяти лет, она тоже откажет Крессиде.

Завтра же свяжется с поверенным. И, пожалуй, надо поскорее устроить праздник, испечь ликерный торт, если уж он так понравился Крессиде, благослови ее Господь. И не удивительно, что миссис Стенхоуп занемогла после него сегодня. Она так жадно ела, а ее глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, просто обшаривали комнату, вбирая в себя все, что тут было. Казалось, ее тощие ручки удлиннились в надежде ухватить что-нибудь. Хотя бедная малявка мало что видела в жизни. Надо быть добрее с ней. Может же человек сделать над собой усилие и быть добрым, раз уж он так счастлив. А со скукой, наверное, справиться не так уж трудно.

Вот, например, Моретти вдруг перестал быть скучным. Кое-что в нем все-таки есть. Эти алчные светлые глаза и великолепные в танце ноги. Да, развлечь он, пожалуй, может. Так что вечеринку в субботу надо начать либо очень рано, либо очень поздно. Они будут есть, пить и танцевать до рассвета. Последний раз она так провела ночь в Алжире. Как давно это было? Пятнадцать лет назад. Но она до сих пор помнит, как заходила луна, как, словно призраки, обрисовывались крыши и минареты, как ближе к рассвету все стало ярко-розовым. Тогда-то они с этим франко-марокканским красавцем и поехали за город, наняли верблюдов и катались до завтрака. Сумасшедшие деньки! Англичане воротили носы от верблюдов, подавай им их дурацких лошадей. Ах, этот зной, этот запах, это ощущение вневременности в старых восточных городах...

Но, в конце концов, ей пришлось вернуться в Драконий дом. Тогда она думала, что сумеет умиротворить Люси, снова открыв ее очаровательную комнату наверху и устроив все так, будто хозяйка вот-вот вернется. Пятнадцать лет она меняла цветы на туалетном столике, пятнадцать лет собственноручно убирала там и вытирала пыль. Иногда часами сидела в этой комнате, представляя себе, что слышит смех Люси, ее светлый счастливый голосок, видит ее ножки в ночных туфельках, ее стройное тело в домашнем халатике.

Теперь с этим покончено, теперь у нее есть настоящая девушка, а не призрак. Она попросит мистера Маллинза забрать ночник, сделанный из старинного мейсенского фарфора, трельяж с позолоченной рамой, старинный туалетный столик и стул, кровать с затейливой резьбой... Одежду она уничтожит и закроет пустую, никому не принадлежащую комнату. Призрак Люси уйдет навсегда. Она совершила ошибку, допустив, чтобы Крессида увидела эту комнату в прежнем ее виде. Но откуда ей было знать, что Крессида окажется такой искренней, такой милой?

Впрочем, ничего страшного не произошло. Если больше не упоминать о Люси, Крессида быстро забудет историю, которая так ее захватила. Ее пылкий юный ум ухватится за что-нибудь иное. Пусть она влюбится, и не в

провинциального зануду Тома, а в какого-нибудь красивого, живого, забавного человека. И тогда в Драконьем доме будет другая свадьба.

Другая свадьба... Счастливые мечты Арабии оборвались. С призраком Люси еще не покончено. Осталась еще давнишняя вещичка — вязаная детская перчаточка. Как она попала в комнату Люси? И почему?

12

Если Арабия была уверена, что крепко заснет в эту ночь, то Крессида поняла, что вообще не может спать.

Слишком много всего произошло. Ее ум был не в состоянии здраво оценивать очевидное. Очевидное? Почему она употребила это слово? Что же, по ее мнению, когда-то произошло в этом доме, а если произошло, неужели она никогда не узнает?

Когда Арабия сказала, что никаких разговоров о Люси больше не будет, Крессида поняла, что это ее последнее слово. Даже под пыткой старая леди не выдаст ничего, что не желала обнародовать. История с Люси для нее, кажется, окончена. Если только Крессиде не удастся обнаружить что-нибудь самой.

Завтра комната наверху будет закрыта, будет покончено с ароматом роз, с неоконченной историей, с ощущением остановившегося времени, со спящей красавицей, которой там не было.

Крессиду охватило странное ощущение потери. Ее просто трясло в кровати. Где-то далеко били часы. Она знала, что это часы церкви Св.Марка, и вдруг, пока куранты медленно отбивали три часа, в голову ей пришла неожиданная мысль. Если Люси выходила замуж, то свадьба почти наверняка должна была состояться в церкви Св.Марка, и не только потому, что она ближайшая, а потому, что считалась весьма модной. Завтра она пойдет туда и попросит показать ей книгу церковных записей. По крайней мере, у нее будет свидетельство того, что свадьба состоялась, а, кроме того, она надеялась, что найдет там адрес Ларри и обязательно с ним встретится.

Великолепная мысль! Овдовевший муж Люси сможет ответить на все вопросы. Почему она раньше не подумала о том, чтобы разыскать его?

Придя к такому решению, Крессида успокоилась и мгновенно заснула.

Видимо, в Драконьем доме ей каждый день суждено просыпаться от шума. На сей раз это были громкие крики Ахмеда и торопливое "Тсс, старый гриф" Арабии. Крессида накинула халат и открыла дверь. Мимо нее на лестницу, ведущую в подвал, прошмыгнула Мимоза, а сверху спускалась разгневанная Арабия с взъерошенным и ворчащим Ахмедом на плече.

— Уж эта мне кошקה! — с возмущением заявила Арабия. — Охотиться на Ахмеда — ее любимое занятие. Вы бы видели мою гостиную. Полный хаос! А бедняжка испуган до безумия. Ну-ну, мой милый, все в порядке. Чертовка сбежала. Поцелуй мамочку.

— И Джереми не остановил ее? — поинтересовалась Крессида.

— Он? Никогда! Он находит это забавным. Тьфу!

Но сегодня утром Джереми не наблюдал за охотой. Он не появлялся, и Арабия, которой не с кем было ссориться, быстро обрела хорошее расположение духа.

— Кстати, Крессида, милая, я думаю отказать Ахмеда вам. Вы же будете добры к нему, правда? Он отвечает на любовь. Если он вас полюбит, то будет постоянно клевать ваше ухо. А, Досон, доброе утро! — Сонный Досон спускался за молоком. — Ваша мама совсем оправилась?

— Да, она в порядке.

— Я слышала, что вчера ей было не по себе. Ишь, какая шалунья! Впредь она должна вести себя получше. — И Арабия удалилась, воркуя с Ахмедом.

Крессида спросила Досона:

— Ей правда лучше?

— В общем, да.

— Значит, выдумки про яд — просто глупость?

Крессида говорила вполне по-дружески, но, к ее изумлению, Досон бросил на нее мрачный и злой взгляд.

— Я не идиот, мисс Барклай. Если бы у меня под рукой не было нужного лекарства, не знаю, что могло случиться.

— О Досон, я ни капельки не сомневаюсь, что вы прекрасно разбираетесь в лекарствах, но, по-моему, вы любите немножко преувеличивать, правда? Я вчера ела этот торт, но со мной, как видите, ничего не произошло.

— И прекрасно, не верьте мне, — вдруг вспыхнул Досон. — Но однажды вы об этом горько пожалеете. И может быть, не доживете до того времени, когда Ахмеду придет пора клевать вас в ухо.

В этот момент объявился мистер Моретти. Случайно ли? Крессида начала думать, что в Драконьем доме все только и делают, что подслушивают.

— Удивительный парень, — заметил он, глядя на Досона, поднимавшегося по лестнице с бутылкой молока. — На крыльях какой фантазии летает он теперь?

— Мистер Моретти, как, по-вашему, миссис Болтон немного эксцентрична? — неожиданно выпалила Крессида.

Светлые густые брови поползли вверх.

— Для семидесяти пяти лет она недурно танцует румбу, не так ли?

— Это еще ничего не доказывает. Она и на верблюде прокатится, если ей представится такая возможность.

— Вот и я о том же.

— Ну что ж, если это крайний предел ее эксцентричности, я нахожу его очаровательным, — заметила Крессида.

— Да, действительно. У всех свои слабости. Моя слабость — панихиды. — Мистер Моретти широко улыбнулся. В эту минуту показалась мисс Глори с чайным подносом, и он быстро добавил: — Но сейчас — никаких панихид. — И страстно зашел: — Моя любовь подобна красной, красной розе. От румбы к реквиему... Красная, красная роза...

Нет, пора бросить глупую привычку придавать особое значение случайным замечаниям. Хотя это и кажется маловероятным, но красная роза — это мисс Глори, и мисс Глори действительно вспыхнула как роза.

Такое поведение мистера Моретти было не более чем озорством, потому что Крессида понимала, насколько мисс Глори ему безразлична. Он, как и Арабия, просто использовал людей для собственного развлечения, хотя и с

меньшим для них ущербом. Да, во время обеденного перерыва она отправится в церковь Св.Марка и посмотрит книгу записей.

Мисс Глори была забыта. Воображением Крессиды снова овладела Люси.

Когда четыре часа спустя Крессида прочитала запись в регистрационной книге, последние сомнения исчезли — зарегистрирован брак Крессиды Люси Болтон и Лоренса Мередита, проживающего на Слоун-стрит в Челси. Люси было двадцать один, Лоренсу — двадцать пять. Брак заключен девятнадцать лет назад.

Крессида долго не отрывала глаз от записи. Потом рассеянно дала полкроны старому церковному служителю и вышла из церкви. Если она поторопится, то успеет попасть в Челси и попробует повидаться с Ларри. Она не имела ни малейшего понятия о том, что скажет ему, но нужные слова придут в голову, как только она воочию увидит человека, который до сих пор представлялся ей мифом. Ларри Мередит, законный муж Люси.

Туман сгустился, было промозгло, пахло копотью. Крессиде вдруг страшно захотелось оказаться в теплом и светлом ресторане, гудящем веселыми голосами. Как в том кафе, где они с Джереми завтракали позавчера. Неужели прошло только два дня?

Нужный ей дом стоял в ряду высоких, надменных кирпичных зданий. Поднявшись по ступенькам и нажав на кнопку начищенного звонка, Крессида вдруг пришла в панику. Не слишком ли дерзко и странно она поступает? Дверь открылась, и пожилая женщина, по виду домоправительница, вопросительно взглянула на нее.

— Я бы хотела повидать мистера Мередита, если можно, конечно, если они еще живут здесь.

— Боюсь, что Мередиты уже давно здесь не живут, — довольно холодно ответила женщина.

— О, неужели? Нет, вообще-то я думала, что они уже не живут здесь. Прошло девятнадцать лет... — несвязно бормотала Крессида.

Глупо было даже на минуту вообразить, что стоит ей подойти к двери, и Ларри или его мать откроют ее, как девятнадцать лет назад. Время идет, люди становятся старше и меняют место жительства. Как потешался бы Джереми над нелепостью ее плана, который еще полчаса назад представлялся ей таким блестящим.

— Прошу прощения, что беспокою вас, но не знаете ли вы, куда они переехали? В первую очередь, мне бы хотелось повидать Ларри. Я... Моя мать знала его очень хорошо, и просила меня, поскольку я оказалась в Лондоне, обязательно навестить его, — на ходу выдумывала Крессида.

Теперь женщина смотрела на нее с явным подозрением.

— Вряд ли вам это удастся, поскольку он умер лет пятнадцать назад, если не больше.

— Умер! — прошептала Крессида.

— Это произошло чуть ли не сразу, как Мередиты переехали, но никаких подробностей я не знаю.

— Он же был такой молодой!

Вдруг из глубины дома донесся чей-то голос:

— Кто-то хочет знать, где могила Ларри Мередита? Скажите ей, что он похоронен на кладбище возле Фулхэм-Роуд. Пусть спросит кладбищенского сторожа. Он покажет.

Голос принадлежал старой женщине, которая натирала пол, стоя на коленях. Крессида только мельком увидела морщинистое ухмыляющееся лицо, но разглядеть его не успела, потому что полная экономка кивком головы попрощалась с ней и закрыла дверь.

Туман пробирал Крессида до костей, она вся дрожала от холода.

Водитель такси, казалось, недоумевал, почему эта молодая женщина решила навестить кладбище в такой туман. Перехватив его взгляд, она поняла: его удивляет, почему у нее нет даже цветов. Хотя бы одной красной розы, хотя уж ему-то ничего не было известно о тайном значении красных роз.

Даже с помощью кладбищенского сторожа найти могилу оказалось нелегко, но, в конце концов, они набрали на нее, и сторож зашаркал прочь, оставив Крессида созерцать камень с простой надписью: "Лорен Мередит. Возлюбленный сын Клары и Джона Мередит. Умер в возрасте двадцати девяти лет".

И все. Не было возлюбленного мужа Люси Мередит. И вообще никаких упоминаний о Люси. Только родители оплакивали его смерть. И он не покоился рядом с женой. У его жены не было могилы.

Ветер гнал по земле сухие листья. Было очень тихо. Никто не скажет ей, почему Ларри лежит тут в печальном одиночестве.

Внезапно по щекам Крессида потекли слезы. Она мечтала оказаться дома, в теплой мерцающей комнате Арабии, услышать глубокий голос Арабии, почувствовать окутывающее ее очарование Арабии. Ей надо поскорее забыть это ужасное кладбище с могильной плитой цвета тумана и печальной надписью на ней.

От румбы к реквиему... Но ведь то была Люси. Люси, а не Ларри...

Она так опоздала после обеденного перерыва, что мистер Малпинз высоко поднял брови. К счастью, в это время в лавке было несколько человек, и Крессида смогла немного придти в себя, прежде чем представилась возможность поговорить с мистером Маллинзом.

— Прощу прощения за то, что опоздала, но мне надо было кое-что сделать.

— Конечно, работа не должна мешать вашим делам, — с легким сарказмом заметил мистер Маллинз. Потом понял, насколько расстроена Крессида, и быстро спросил: — У вас неприятности, мисс Барклай? Да вы же плакали! Ах, этот Джереми. Он расстроил вас.

Джереми! Она не видела его со вчерашнего утра. А кажется, будто годы прошли.

— Мистер Маллинз, — сказала она торопливо, — вы знали, что Ларри тоже умер?

— Ларри?

— Человек, за которого Люси Болтон вышла замуж. Помните фотографию, которую мы нашли вчера?

— Помню, как же. Боже мой, а ведь ему жить бы да жить.

— Но почему он умер? Ему сейчас было бы сорок с чем-нибудь.

— Дорогая моя, может, мировая война?

— Нет, война ни при чем. Он умер за год до начала войны.

Крессида посмотрела в круглое, ласковое лицо мистера Маллинза.

— Вы знали, что он умер? — спросила она обвиняющим тоном.

— Дорогая мисс Барклай, я не знаю о семье Арабии ничего, кроме того, что она сказала мне сама, а об этом она не упоминала.

— Но почему?

— Полагаю, это ее личное дело. Я никогда не задаю вопросов о том, что меня не касается.

По интонации мистера Маллинза было ясно, что разговор окончен. Он повернулся к витрине, приведенной в беспорядок продажей чайного сервиза. Крессида упорно не отставала от него.

— Но, мистер Маллинз, вы же сознательно устроили так, чтобы я нашла вчерашнюю фотографию. Почему же вы не хотите рассказать мне хоть что-нибудь еще?

— Вы нашли фотографию совершенно случайно. Я даже не знал, что она там. Да и откуда бы? Уже пятнадцать лет Арабия — мой друг, и на протяжении всего этого времени у нее не было семьи — ни мужа, ни детей. Зачем мне лезть в ее прошлое? Если она захочет рассказать, я выслушаю ее. Но сам совать свой нос не буду.

Круглая задняя часть мистера Маллинза с извиняющимся видом высунулась из витрины, когда ему пришлось нагнуться, чтобы установить шаротонский чайный поставец. Когда он завершил эту ответственную работу, его лицо стало чуть розовее, но выражение осталось таким же мягким и невинным. И, тем не менее, Крессида знала, что он лжет. Он нарочно подсунул ей фотографию. Существовало нечто, о чем, по его мнению, следовало предупредить Крессида, о чем ей необходимо было знать.

— Моя дорогая мисс Барклай, вы так замечательно отчистили серебряную чашу для пунша, что полчаса назад я ее продал одной американке. Она собирается использовать ее для цветов, что вероятно, лучше, чем лить в нее ржаной виски или что там еще пьют эти американцы. Может быть, вам удалось бы сделать то же самое с чайным сервизом? Он викторианский, но очень хороший. Вам кажется, он слишком перегружен орнаментом? А что скажете об этой вещице времен Георга Третьего? Вижу, вижу, фарфор вам нравится больше. А как вы находите дрезденские подсвечники? Видите, они украшены такими же купидонами, как и зеркало, которое вы чистили позавчера.

Крессида вспомнила, как Джереми сказал: "Какое очаровательное перевернутое личико", и ее едва шевельнувшийся восторг умер, не родившись. Слишком много ужасного произошло с тех пор. И именно Джереми она в первую очередь подозревала во всех этих тайнах и мрачных шутках. Ну почему никто не хочет быть с ней откровенным?

Когда она в тот вечер добралась до дому, ее комната была полна тумана. Крессида уже стала из предосторожности запирает дверь, чтобы коварный шутник не мог к ней проникнуть, но окно было поднято дюймов на шесть, и через эту щель в комнату напал туман. Захлопнула ли она утром окно? Крессида была почти уверена в этом. Поскольку ее окно выходило на ули-

цу, она должна была принять эту предосторожность. Но сейчас оно открыто, и ее комната полна сырого и холодного тумана.

Крессида поспешно опустила раму, задернула шторы и зажгла свет.

И тут увидела Мимозу.

Она лежала на ковре в странной, неестественной позе. Глаза ее были тусклы, и, вопреки своей обычной слегка слоновой игривости, она ничем не проявила, что знает о присутствии Крессиды. Крессида опустилась на колени рядом с Мимозой. Внезапно ее поразила ужасная мысль. Она вскочила и кинулась к двери.

— Досон!

Она уже избежала до середины лестницы, продолжая возбужденно призывать Досона, когда маленькая бледная фигурка показалась из своей комнаты.

— Что случилось? — прошептала миссис Стенхоуп. — Досона еще нет. Мисс Барклай, неужели на вас... напали в тумане?

— Нет, это Мимоза, кошка мистера Винтера. Она в моей комнате, ей плохо. Я подумала... — Тут она услышала, как открывается входная дверь. — О, вот и Досон. Досон, пожалуйста... — Крессида метнулась обратно вниз, взывая к долговязому парню, чьи волосы и лицо блестели от капелек тумана. — Вы должны дать Мимозе то лекарство, которое давали вашей матери вчера вечером. По-моему, кошку отравили.

Досон бросил на Крессида быстрый и пронзительный взгляд, в котором смешалось удивление и мальчишеское удовольствие от того, что прибегают к его помощи.

— Я думал, вы не верите, что маму отравили.

— Да я и сейчас не верю, но Мимозе очень плохо. Посмотрите на нее.

— Можете быть, вы скажете ее хозяину? — заметил Досон.

— Скажу, но пока у меня не было времени. Вы же специалист по лекарствам.

Досон прошел в ее комнату и взглянул на скрюченную, застывшую Мимозу.

— По виду дело плохо, — сказал он. — Я возьму ее наверх. Мама поможет мне.

Успокоившись, что оставляет Мимозу в опытных руках, Крессида поехала к Джереми.

Она постучала, но ответа не получила. Похоже, Джереми бродит где-то по своим легкомысленным делам, когда его драгоценная кошка отравлена и едва жива. О Господи, поможет ли ей Досон, или Крессиде надо срочно искать ветеринара? Она снова бросилась наверх и столкнулась с Арабией, которая только что вернулась домой, закутанная в большое, но весьма потрепанное бобровое манто.

— Крессида, дорогая! — Глубокий голос был полон тепла. — Вы совершенно запыхались. Убегаете от мистера Винтера? Я всегда подозревала, что он очень проказливый мальчишка.

— Его нет дома, а Мимоза заболела, — ответила Крессида, едва переводя дыхание. — Я так надеюсь, что Досон вылечит ее!

— Ах, бедняжка! И я надеюсь, что все будет в порядке. Она тоже съела что-то не то?

Действительно ли Арабия многозначительно взглянула на нее из-под своих нависших век?

— Я не знаю, что с ней случилось и как она оказалась в моей комнате. Арабия похлопала ее по руке.

— Именно это и делает жизнь интересной, моя дорогая. Особенно, когда происходят приятные вещи. Впрочем, когда неприятные — тоже, все лучше, чем скука. Вы согласны? К тому же я знаю одну особу, которая была бы счастлива, если бы эта ужасная кошка убралась с дороги.

— Кто же это? — невольно спросила Крессида.

— Конечно, Ахмед. Он ненавидит это животное. Его, бедняжку, просто в холодный пот бросает, как только в дверях покажутся усы Мимозы. Нет, погодите минутку. Разве может птицу бросить в холодный пот? Очень сомневаюсь. Остановите меня, моя дорогая, а то я какие-то глупости говорю. — Лицо Арабии осветилось широкой улыбкой, и, поднимаясь по лестнице, она запела: "О, если бы мне крылья, крылья голубки, я бы прочь улетела давно..."

Она скрылась в своей комнате, и уже оттуда донесся ее звучный голос:

— Мой милый Ахмед, твой враг повержен. Великий солнечный цветок побежден! — Она, видимо, принялась дразнить Ахмеда и подбрасывать его в воздух, потому что он возбужденно закричал.

Все это для нее игра, подумала Крессида. Ее ни в малейшей степени не волнует, что Мимоза, высоко ценяемая Джереми кошка, может умереть. Возможно, она и не прочь, чтобы Мимоза умерла, потому что та расстраивает и сердит ее драгоценного попугая. Возможно, она и сунула Мимозу в открытое окно, чтобы кошка погибла в комнате Крессиды.

На пороге своей комнаты появилась миссис Стенхоуп и энергичными знаками позвала Крессида. Крессида медленно двинулась к ней, понимая, что миссис Стенхоуп истолкует бессердечие Арабии как доказательство ее вины.

— Она сумасшедшая! — возбужденно прошептала миссис Стенхоуп. — Вы слышали ее?

— Просто она в хорошем настроении, — неуверенно ответила Крессида.

Миссис Стенхоуп деловито написала в блокноте: "Досон дал кошке противоядие. Кажется, ей стало лучше".

И тут возник Досон собственной персоной, красный и торжествующий.

— Ее отравили или, скорее, опоили наркотиком. Но, кажется, я ее вытаскил.

— О, Досон, какой вы умный, — благодарно произнесла Крессида.

— Это было не слишком трудно, мисс Барклай. Мама держала ее.

Миссис Стенхоуп написала: "Я хочу, чтобы Досон изучал медицину. У него врожденные способности".

Вундеркинд Досон смущенно пробормотал:

— Ну тебя, мам. Я химиком буду. Может быть, вы заберете кошку вниз, мисс Барклай? Главное, чтобы ей было тепло, и все будет в порядке. Вам придется рассказать мистеру Винтеру, что произошло. Он должен знать. И все должны знать. — Он положил завернутую в полотенце кошку Крессиде на руки.

Не говоря больше ни слова, Крессида повернулась и медленно направилась со своей ношей вниз. Все в ней протестовало против того, чтобы разде-

лгать их мысли. Вчера вечером она со злостью отказалась им верить. А теперь...

Нет, это невозможно. Чтобы Арабия, с ее теплой улыбкой, с ее добротой, с непредсказуемо щедрым сердцем...

Она хотела отнести Мимозу к себе, но подумала, что, наверное, кошке будет приятнее в привычной домашней обстановке. Если Джереми не запер дверь, она внесет Мимозу в комнату и устроит ее возле тлеющего огня в камине.

Так и получилось, дверь была не заперта. Крессида тихонько открыла ее и застыла в темноте. Пахло табаком, а еще тем составом, на котором он смешивает краски, и еще чем-то едким. Что бы это могло быть?

Подгоревшее молоко, подумала она, и в этот момент из темноты донесся голос:

— Что вы делаете с моей кошкой?

13

Она не видела говорившего. Пошарила по стене в поисках выключателя, но не нашла.

— Что вы делаете в темноте? — подозрительно спросила она. — Почему не ответили, когда я стучала?

— Я не слышал, я спал. Вы разбудили меня, когда открыли дверь.

— Вы спали! — В голосе ее прозвучал упрек. — Когда кто-то преспокойно пытался убить вашу кошку!

— Мимоза! Какой дьявол мог это сделать? Выключатель с той стороны. Не подходите ко мне близко, у меня грипп. Быстренько включите свет и дайте мне взглянуть на Мимозу.

Крессида, наконец, нашла выключатель, и свет залил уже знакомую ей длинную комнату с низким потолком, с яркими мазками краски на стенах, с картинами, ковриками и диван-кроватью в углу, на котором, выпрямившись, сидел разгневанный молодой человек с всклокоченными волосами.

— Сейчас она уже в порядке, — успокаивающе произнесла Крессида. — Досон дал ей лекарство. Должна сказать, Досон отлично разбирается в рвотных средствах, хотя выглядит слегка полоумным.

— Вероятно, он наслаждается этим, — пробормотал Джереми. — Положите Мимозу сюда. Где вы ее нашли? Почему не сказали мне? И не подходите близко, я просто скопище микробов.

Он гладил и озабоченно осматривал кошку. Мимоза выказала решительный протест и, выскользнув из его рук, устроилась в ногах.

— Вроде бы, она ничего, только слабая немного. — Джереми явно испытывал облегчение. — Почему вы молчите? Расскажите же, что случилось?

— Я и пытаюсь, — терпеливо сказала Крессида. — Я нашла Мимозу у себя в комнате. Дверь была заперта, но она вошла через окно, которое я почти наверняка не оставляла открытым. Не знаю, почему она забралась в мою комнату, разве только решила, что там самое приятное место для последнего вздоха. В общем, я помчалась к Досону, потому что знала — он умеет оказывать первую помощь. К счастью, он как раз входил в дом, Арабия вошла минутой позже. Миссис Стенхоуп была дома, но я ничего не знаю

про мисс Глори и мистера Моретти. Я думала, вас нет, потому что вы не ответили, когда я постучала, но теперь знаю, что вы спали.

— Да, я спал.

— Арабия сказала, что для Ахмеда был бы праздник, если бы Мимоза, его заклятый враг, умерла, но к тому времени лекарство Досона подействовало, и Мимоза ожила. Досон решил, что всем здешним жильцам следует знать, что происходит в доме, а потом я понесла Мимозу к вам. Все.

— Вполне достаточно, по-моему, — перебил ее Джереми.

— Мне очень жаль, что вы больны, — вежливо заметила Крессида.

— Дело не в этом. Да хоть бы и умирал. Но обидно, что из-за совершенно невинного микроба, который я сам же и подцепил, в то время как...

— Вы совсем как Том, — улыбнулась Крессида. — Стоит ему заболеть, и он уже думает, что умирает.

— Не сравнивайте меня с Томом, — мрачно сказал Джереми. — Думаю, что я не похож на него ни в малейшей степени. И уберите руку с моей головы. — Он раздраженно скинул руку, которую Крессида положила ему на лоб.

— По-моему, вам уже лучше. Почему вы мне не сказали, что заболели?

— Потому что не хотел, чтобы вы тут разыгрывали медсестру, эдакую Флоренс Найтингейл, — буркнул Джереми. — И не только потому, что не полагаюсь на ваши заботы. Вы несете с собой слишком много осложнений. Посмотрите на себя! Падение на ступеньках, запертые двери, извещения о смерти, воображаемые отравления...

— Воображаемые! — возмутилась Крессида. — Когда я только что могла спасти Мимозу.

— Мимоза тут ни при чем. — Джереми, казалось, совсем перестал беспокоиться о Мимозе. — Наверное, подобрала где-нибудь кусочек тухлой рыбы, она ужасная обжора.

— А как она попала в мою комнату?

— Вы же сказали, что окно было открыто, разве не так?

— Но я уверена, что не могла оставить его открытым в такой туман.

— Не смею вам противоречить, но никогда еще мисс Барклай не поразала моего воображения такой редкостной аккуратностью.

— У вас у самого молоко убежало, — вспыхнула Крессида, — я же чувствую запах.

— Когда у человека жар, он имеет право на некоторую рассеянность, — заметил Джереми, опускаясь на подушки и натягивая на себя одеяло.

— Ой, извините, — смутилась Крессида. — Я принесу вам что-нибудь поесть. Вы, наверное, ужасно хотите есть?

— Не настолько, чтобы есть вашу стряпню.

— Подождите и увидите, — дружелюбно ответила Крессида. — Я приготовлю вам блюдо, которое очень любит Том, когда ему не по себе.

— Не желаю есть ничего, что любит Том! — крикнул Джереми, резко садясь в постели. — Я желаю только, чтобы вы покинули эту комнату. Вы, ваши мелодраматические выдумки и ваш верный Том в придачу. Почему бы вам не отправиться домой к вашему драгоценному жениху?

— Но, Джереми...

— Никаких "но", да еще таким невинным голоском! Отправляйтесь к себе домой, там вам ничего не грозит, кроме вашего дорогого Тома, разумеется.

— Не грозит? — переспросила Крессида.

— Ну! Что вы здесь делаете? Ищете мертвую девушку, которая не умерла, и могилу, которой не существует?

— Но я нашла могилу. Я нашла могилу Ларри, мужа Люси. А если вы еще раз поищете запись о смерти Люси, то смотрите на фамилию Мередит, потому что она была Мередит, когда умерла. По какой-то причине Арабия не хочет говорить об этом. Она внезапно решила выкинуть Люси из головы, словно ее никогда и на свете не было. Она даже разбрасывает комнату и закрывает ее.

— Почему? — спросил Джереми.

— Не знаю. Думаю, я выяснила больше, чем хотела. По всей видимости, у Люси должен был быть ребенок, который так и не родился. Все это очень трагично.

— Но могилы все-таки нет, — заметил Джереми. — Если только...

— Что — если только?

— Если только она не в этом доме.

Крессида подбежала к его постели и опустилась на колени.

— Почему вы так говорите?

Джереми сразу же пожалел о своих словах и постарался успокоить девушку:

— Вот и у меня разыгралось воображение.

— Вы не представляете, как ужасно было сегодня на кладбище. Этот туман, эта могильная плита, а на ней всего несколько слов — возлюбленный сын таких-то, и никакого упоминания о жене. Он наверняка любил ее. Наверняка. Она была такая веселая, такая хорошенькая, а в дневнике такие счастливые записи про Ларри, про цветы и танцы. А все, что осталось — одинокий камень на могиле.

Крессида плакала, слезы неудержимо катились по ее щекам.

— Замечательно вы меня развеселили, — пробурчал Джереми. — Сначала Мимоза, потом вы. — Он на мгновение положил руку ей на голову и тут же убрал ее. — Простите меня, я был в мерзком настроении.

— Не надо... не убирайте руку.

— Если вам хочется думать, что это рука Тома...

— Я не думала. Правда. Джереми, Арабия закрывает комнату — как будто она закрывает крышку гроба. Ой, а где последние рисунки с Мимозой? Ради Бога, позвольте мне посмотреть и развеяться.

Направляясь к столу, Крессида прошла мимо мольберта, на котором был ее собственный неоконченный портрет — стройная девушка с откинутыми назад волосами, слишком широко раскрытыми глазами и едва наметившейся улыбкой.

— Здесь я как будто слушаю волшебную сказку.

— Вы всегда такая. — Его голос приобрел привычные суховато-насмешливые интонации. — И это сказка не Люси. И не Тома. Это моя сказка. А вы все-таки не слушаете ее.

Она молча взглянула на него. Сердито и нетерпеливо он взмахнул своей длинной рукой.

— Забудьте. Я болен. У меня бред. Пойдите и принесите мне что-нибудь поесть, пока я не умер с голоду.

— Омлет, — весело проговорила Крессида. — Я действительно умею готовить омлет.

— А завтра вам придется кое-что сделать.

— Что?

— Рассказать Арабии обо всем.

— Но она знает. Знает, что миссис Стенхоуп думает, будто ее отравили.

И про Мимозу.

— А о том, что ночью вас заперли в комнате Люси? А про извещение о смерти?

— И о том, что кто-то порвал мои записи, — добавила Крессида. — Нет, я ей не рассказывала.

— Значит, должны рассказать.

— Но если она сама придумала эти шутки — а у нее очень своеобразный юмор, Джереми, — это может ее смутить...

— Неважно, пусть смущается, но рассказать вы должны. Завтра. И завтра же напомните мне послать вам красные розы.

— Красные розы?!

— Для той иллюстрации, о которой я говорил. Я хочу, чтобы у вас в руках были красные розы. И не смотрите так озадаченно. Будет же у вас время позировать мне? Или нет?

Крессида попыталась отделаться от нелепого дурного предчувствия, охватившего ее не потому, что Джереми решил послать ей красные розы, а потому, что она получит красные розы в этом доме.

— Том сказал, что я должна получить за это плату.

Она говорила просто для того, чтобы не молчать, чтобы прогнать бессмысленное предчувствие, но ее замечание нарушило краткое перемирие.

Джереми закричал:

— Я заплачу вам обычный гонорар натурщиц, пусть Том запишет его аккуратненькими цифрами, подведет итог, и вы оба повеселитесь, тратя эти денежки. Единственное, о чем я прошу, пусть хотя бы пока Том не лезет своими занудными лапами в мои дела.

14

Уже на следующий вечер розы ждали Крессида в ее комнате — две дюжины темно-красных красавиц на длинных стеблях, завернутые в целлофан. Сначала она обрадовалась. Какой экстравагантный жест — купить такие изысканные цветы. Сегодня утром она проснулась поздно, и перед тем, как убежать на работу, едва успела убедиться в том, что Джереми практически избавился от своего гриппа. Она никого не видела, кроме мисс Глори, которая сновала туда-сюда и только бросила через плечо своим невыразительным скучным голосом:

— Старуха сведет меня с ума. Кто все это съест сегодня вечером? Можно подумать, поминки готовим.

Сейчас в доме царило веселье. Горели все лампы. Большая сверкающая люстра в холле сияла, в распахнутые двойные двери балного зала, откуда вынесли жалкие пожитки мисс Глори, видно было, как блестит натертый

паркет, там стояли большие вазы с цветами, и кто-то наигрывал на пианино танцевальную мелодию.

На секунду Крессиде показалось, что дом приготовился принять толпу шумных, веселых, молодых гостей Люси, которые вот-вот в него ворвутся. И саму Люси, сбегаящую в развевающейся юбке по мраморной лестнице своими быстрыми нетерпеливыми ножками.

В глубине души Крессиде понимала, что именно эту иллюзию Арабия создавала для себя, как бы упорно ни твердила, что с историей Люси покончено. С ней не будет покончено до самой смерти Арабии. Просто сейчас главная роль отдана Крессиде, и это произошло по той причине, что непостижимые чары Арабии вынуждали Крессиду добровольно играть навязанную ей роль.

Она наденет самое красивое платье и приколет к нему одну из роз Джереми. Остальные постоят в воде до завтра, когда она исполнит свою роль в цокольном этаже, позировав ему, чтобы он закончил свою работу.

Кто же имел обыкновение посылать Люси красные розы?

И тут Крессиде, по примеру Арабии, решила выкинуть Люси из головы, хотя бы на время. Она побежала в нижний этаж, чтобы взглянуть, как там Джереми, и вежливо поблагодарить его за розы, хотя их парадность и говорила о том, что это лишь составная часть делового соглашения.

Как только она постучала, Джереми сразу же открыл дверь. Крессиде едва успела заметить, что он неплохо выглядит, несмотря на бледность, как Мимоза рыжей торпедой проскочила мимо ее ног и помчалась наверх.

— С ней явно не все в порядке, — заметила Крессиде.

— Просто на нее нашло. Совершенно неуправляемая кошка. Я сообщил ей, что она едет в Париж.

— Правда?

— Только на бумаге. Если и вы тоже поедете. Нет, не говорите. Я знаю, Том этого не одобрит. Неужели всемогущая тень Тома будет витать над нами вечно?

— По-моему, и с вами не все в полном порядке, — сухо отметила Крессиде. — Видимо, и вы, и Мимоза просто хотели обратить на себя внимание.

— Зато про вас уж никак не скажешь, что вам не хватает внимания, — проворчал Джереми, глядя на сноп роз, с которых она еще не сняла целлофановую обертку.

— Да, это действительно экстравагантный жест с вашей стороны. Надеюсь, за них заплатит ваш автор или журнал. Я понимаю, что вы не преследовали никакой цели, кроме деловой, но все же они очень красивы.

— Минуточку! — Подвижная бровь Джереми снова взвилась до самых волос. Он был одновременно и доволен, и раздосадован. — Вы благодарите не того, кого надо. Я не посылал вам никаких роз. Мои заказаны на завтра, и боюсь, это всего лишь жалкая дюжина. Том быстро развивается. Это подкуп, или он действительно склонен покупать снопами цветы не в сезон?

— Конечно, нет. Он бы потратил деньги разумнее, — ответила Крессиде колко, потому что только в этот момент поняла с чувством вины, что сегодня она впервые не получила письма от Тома и даже не обратила на это внимания. — Нет, это не от Тома, — решительно добавила она. — Если только он не сошел с ума. — И она стала срывать целлофановую обертку в

надежде найти там карточку. — Однажды он прислал мне гардению, чтобы я приколла ее на юбилейный обед его фирмы. Мы тогда объявили о помолвке. Он думал, что это очень нарядно. О-ох...

Карточка задрожала во внезапно онемевших пальцах Крессиды и упала бы, если бы Джереми не подхватил ее.

Это был картонный квадратик с траурной рамкой и надписью "In Memoriam".*

— Вы рассказали Арабии, как я вам говорил? — сурово спросил Джереми.

— Нет, не рассказала, у меня не было времени. Утром, когда я уходила, она еще не встала, а сегодня вечером... Как я могу сегодня вечером?

— Может быть, сегодня самое время, — буркнул Джереми, однако объясниться вразумительней не пожелал. — Если только вы не захотите уехать немедленно.

— Уехать! — тупо повторила Крессиды.

— На Юстонский или Паддингтонский вокзал, или откуда там идет поезд к вам домой, к Тому.

— Уехать сейчас! — запротестовала Крессиды. — Вы с ума сопли! Как я могу уехать, когда праздник даже еще не начался? Это же мой праздник!

Джереми загадочно посмотрел на нее.

— По всей видимости, мне не следовало ожидать, что вы решитесь разочаровать старую леди, несмотря на то, что она, вероятно, была бы счастлива что-нибудь этакое сотворить с вами. Что ж, тогда не вините меня, если из-за вашего доброго сердца у вас будут неприятности. Идите одеваться, и будьте для них Люси. Доставьте им еще разок удовольствие. И тогда, возможно, нам представится случай положить эти чертовы розы на вашу могилу.

— Джереми! Вы говорите — они. — Крессиды вцепилась в его слова. — Но кто "они"?

— Хотел бы я это знать, — тихо проговорил он. — Хотел бы я знать.

Одна мисс Глори хоть что-то знала о розах, но и она сообщила лишь, что взяла их у посыльного. Названия цветочного магазина на карточке не было.

— Честное слово, он, наверное, только и думает, что о вас, — сказала она Крессиде. — В это время года такие цветы наверняка стоят целое состояние.

— Но я не знаю, кто их послал.

Мисс Глори ей не поверила. Она подмигнула, застенчиво опустила глаза и прибавила:

— Счастливая девушка. У вас столько поклонников! И все они богаты! — И скрылась на кухне, чтобы присмотреть за обедом.

Богаты? Может, это и есть разгадка? Во всем доме единственным богатым человеком была Арабия. Означали ли эти розы прощание с Люси и приветствие Крессиде, новой Люси? Джереми так и думал, только, судя по всему, подозревал, что в этом букете таится нечто более страшное, чем жест мучительного прощания. Почему он так подумал?

*Вечная память [лат.].

Но времени на разговоры у нее не оставалось. Сегодня вечером непременно представится случай поговорить с Арабией наедине и настоять на том, чтобы она была с ней откровенной. Очень многое нуждается в объяснении. Розы, ностальгическое напоминание о Люси, стали последней каплей.

Крессида приколотла одну розу к вырезу платья и весело направилась на вечеринку. Обеденный стол был накрыт в нише у высоких окон бального зала. Через полчаса все собрались вокруг него. Мисс Глори, более чем всегда походившая на плоскую фигурку из картона, в узком черном платье и с девической ниткой жемчуга на тощей шее, сновала на кухню и обратно, принося еду. Мистер Моретти был в смокинге, он объяснил это тем, что ему придется уйти пораньше, чтобы попасть вовремя в свой ночной клуб. Его великолепию даже отдаленно не могли соответствовать миссис Стенхоуп и Досон. Миссис Стенхоуп в сером казалась еще более незаметной и похожей на сову, чем всегда, а на Досоне был твидовый пиджак, в котором он каждый день ходил на работу — видимо, единственная его приличная одежда.

Но зато Арабия являла собой замечательное зрелище. Она, наверное, надела все свои драгоценности и блестела как бирманский бог. Она явно не питала склонности к скромным украшениям. Ей нравились большие роскошные камни в тяжелой оправе. В основном это были полудрагоценные камни, и скоро Крессида поняла, что они не такие уж дорогие, как казалось на первый взгляд. Гранаты — не рубины, бирюза — не изумруды. Да и большие камни, блестевшие в вырезе ее платья и на пальцах, могли оказаться простым стеклом, но от этого впечатление сказочного богатства не меркло.

Досон, по крайней мере, был совершенно ошеломлен и не отрывал глаз от искрящейся фигуры. Арабия полностью отдавала себе отчет в том восхищении, которое вызывает, и понимала, что центр праздника — она сама. Это было как раз то внимание, которое она любила и на которое отвечала в своей неподражаемой манере.

— Да-да, смотрите на меня, — посмеивалась она, — вы никогда не увидите другую домовладелицу, которая выглядела бы так же. Нет, у некоторых из них наверняка в старых чайниках хранятся целые состояния и, может быть, побольше, чем мое, но вид у них всегда столь же непривлекательный, как у старой ветоши. А я люблю выглядеть роскошно. Ну как, сегодня я роскошно выгляжу? Скажи мне, мальчик.

Она похлопала Досона по острому подбородку, и он залился краской, пробормотав:

— Вы выглядите чудесно, миссис Болтон.

Весьма удовлетворенная, потому что никогда не упускала случая порадоваться комплименту, хотя, по всей вероятности, презирала Досона — долговязого и на редкость непривлекательного юнца, Арабия решила и дальше развивать эту тему.

— Вообще-то, именно шейх, мой старый друг, научил меня не скупиться. Он любил великолепие, и я тоже, в глубине души. И потому в пустыне я расцвела. Ах, как я расцвела в пустыне! Джереми, прекратите поднимать брови! По-вашему, я все выдумываю?

— Но очень интересно.

Арабия стукнула по столу.

— Противный мальчишка! Я говорю чистую правду. Правду! Посмотрите на это кольцо — подарок индийского раджи. А брошь подарил мне мой второй муж на десятую годовщину нашей свадьбы. Серьги кушил третий муж в Пекине после того, как мы добрались до Китая древним Шелковым путем. А это восхитительное ожерелье подарил шейх. Да, я знаю, оно несколько вульгарное и аляповатое, но роскошь, роскошь прежде всего! Помню ювелирную лавку в Багдаде... Но все вы смеетесь надо мной! Глупая разраженная старуха!

Она обвела стол вызывающим взглядом. Мистер Моретти быстро вскочил и изящно поклонился ей.

— Мадам, вы великолепны. Выглядите, как языческая богиня.

Арабия улыбнулась.

— Именно такого рода комплименты делал мне шейх. Попозже мы с вами потанцуем. Вы танцуете почти как жиголо, которого я знавала в Сингапуре, и поверьте, это большой комплимент. Ах, в жизни столько начал и концов, потом опять начал.

— А еда стынет, — кисло заметила мисс Глори. — Я снова спрашиваю, кто будет резать утку?

— Сейчас мы это решим. Давайте сначала выпьем вина. Джереми, наполните бокалы. А потом я скажу тост.

Джереми покорно налил всем розового вина, Арабия, сидевшая во главе стола, встала и подняла свой бокал.

Крессида на секунду испугалась. Что скажет сумасшедшая сверкающая старая леди? Вдруг она собирается пить за покойную Люси?

Но необъяснимым образом лицо Арабии вдруг стало нежным и почти робким. Своим теплым хриловатым голосом она произнесла:

— За весну. Давайте выпьем за возвращение весны.

После этого вечеринка продолжалась, как любая другая вечеринка со столь странным подбором приглашенных. Еду съели, вино выпили, со стола убрали, поставили его на место, а мисс Глори после нескольких начальных аккордов вдруг запела: "О, последняя летняя роза, цветешь ты одна..."

— Под это нельзя танцевать, — нетерпеливо возразила Арабия.

Мистер Моретти поднял свою тонкую изящную руку.

— Прошу вас, дорогая леди. Одну минутку. Это моя любимая песня.

Показалась ли Крессиде, что его глаза скользнули по розе, приколотой на ее груди? Она не была уверена, так же, как и в том, что миссис Стенхоуп и Досон не уставились на цветок, который она так беззаботно решилась приколоть. А вот Арабия на него смотрела, это точно. Она впервые обратила внимание на украшение Крессиды, и ее глаза под нависшими веками вдруг приняли таинственное выражение.

— Красная роза, — прошептала она. — Дорогое мое дитя...

— "Все милые твои подружки увяли, нет их боле..." — пела мисс Глори своим высоким тонким голосом.

— Но раз вы мне их прислали... — удивленно начала Крессида.

— Я? Послала вам? Дорогое дитя, зачем? Это ее цветы, а вы же знаете, что я решила больше не думать о ней. О, мисс Глори, ради Бога, прекратите эту похоронную песню! У нас все-таки вечеринка.

Пальцы мисс Глори быстро пробежали по клавишам. Арабия по-хозяйски обхватила Крессида и надменно вскинула голову.

— Ежели кому-то, — начала она своим звучным голосом, — кажется, что посылать Крессиде любимые цветы моей дочери — забавно или даже сентиментально, то я бы хотела сообщить им, что такого рода поступки больше не встретят моего одобрения. Двадцать лет я горевала по своей дочери, а это достаточно долго. Я сказала вам, что в жизни много начал. Сегодня вы присутствуете при одном из них. У меня другая дочь, я волшебница, я колдунья. Это новая Крессида Люси. Она молода, весела и очень-очень добра. — Старая тонкая рука обхватила талию девушки неожиданно крепко, так что камни ее перстней и богато украшенных браслетов впелись в тело Крескиды. — И я не буду больше надоедать вам своими рассказами о Люси. Теперь она похоронена и лежит в могиле.

Все это выглядело нелепо и мелодраматично, ведь никто из присутствовавших не знал умершую девушку. И все же странная, колдовская тишина воцарилась в комнате. А когда Арабия с какой-то колкой веселостью объявила, что всем следует быть любезной с Крессидой, иначе, когда она станет их новой домовладелицей, а однажды это произойдет, то может выгнать их всех и оставить одних кошек, все с облегчением услышали звон разбитого бокала и увидели, что миссис Стенхоуп пролила вино себе на юбку.

Арабия расхохоталась.

— Не надо нервничать, моя дорогая. Могу заверить вас, Крессида слишком добра, чтобы обидеть кого бы то ни было. Она вас не выставит.

Покрасневшая миссис Стенхоуп нервно терла свое платье.

— Это Досон толкнул меня, — прошептала она. — Он такой неловкий.

Смущенный Досон прижал свои костлявые локти к бокам.

— Извини, ма, — пробормотал он.

— Мне надо пойти переодеться. Простите. — Миссис Стенхоуп поспешила прочь, и ее птичий шепоток замер.

А посредине комнаты вальсировал мистер Моретти, широко улыбаясь в пустоту.

— Через пять минут мне пора уходить. Потанцуйте со мной первым, дорогая леди.

Мисс Глори с восторгом повернулась к инструменту и бодро заиграла. Арабия поплыла в объятиях мистера Моретти, а Джереми, который некоторое время скучал где-то на заднем плане, взял Крессида за руку:

— По-моему, я достаточно окреп для танцев.

Крессида двигалась как во сне.

— Джереми, мне кажется, что все сошли с ума. Кто послал мне красные розы?

— У Арабии бывают провалы памяти, — ответил он.

— Но зачем? Зачем быть такой ласковой со мной, а за моей спиной разыгрывать кошмарные шутки?

— Это происходит потому, что, как я и предполагал раньше, вы очень напоминаете ей Люси. Иногда ей это нравится, но вдруг, в редкие мрачные минуты, она начинает ненавидеть вас, возмущаться, что вы живы, а Люси умерла.

— Джереми, вы действительно в это верите?

Он кивнул, но в глазах его она заметила сомнение, лицо его прорезали глубокие борозды, на щеках запали тени.

— Джереми, вы еще нездоровы. Вам не следует здесь находиться. В конце концов, еще вчера у вас была высокая температура.

— Милая леди, я бы со смертного одра поднялся, чтобы присмотреть за вами.

— За мной? Но... Значит, вы думаете...

Холод снова подступил ближе. Все несло в себе угрозу — и бодряя музыка мисс Глори, и легко двигающаяся фигура мистера Моретти, создававшая аккуратный черный фон для Арабии, и скучающий в дверях Досон...

— Возможно, кому-то здесь не доставляет радости мысль о том, что вы стали наследницей Арабии, — тихо произнес Джереми своим небрежным тоном. — Возможно, этот кто-то считает вас узурпатором.

— Конечно, — перевела дыхание Крессида. — Как же я глупа.

— Красива, но глупа.

— Но ни у кого здесь нет никаких притязаний на наследство. Не могут же жильцы надеяться унаследовать состояние домовладелицы.

— А как насчет вас?

— Да, конечно, я жлища, но дело в том, что я не хочу этих денег, не хочу быть наследницей Арабии. Но как я могу ранить ее лучшие чувства? Она же просто счастлива. И, как я уже говорила вам, я не собираюсь оставлять себе эти деньги.

— Если доживете до их получения, — сухо заметил Джереми.

— Джереми, не думаете же вы... Значит, вы считаете, что извещение о смерти и "in memoriam" — серьезные предупреждения? Но...

Не обращая внимания на ужас, звучащий в ее голосе, Джереми спокойно продолжал:

— Мисс Глори живет здесь дольше всех остальных. В течение нескольких лет она терпит выходки Арабии и ее эксцентричный нрав, а она, обратите внимание, не служанка. После смерти Арабии мисс Глори станет бездомной. Моретти, как и вы, поселился здесь недавно. Он кажется достаточно безобидным, но принадлежит к тому типу людей, для которых никакие деньги не бывают лишними. Может быть, он мечтает открыть свой собственный ночной клуб. Вы заметили, как Арабия упивается его старомодной любовью?

— Он флиртует с мисс Глори. Может, они оба в заговоре. А траурной музыкой он дает выход своему извращенному чувству юмора.

— Это началось только с тех пор, как в доме поселились вы, — вставил Джереми.

— Ах, вот оно как!

Теперь все возбужденное внимание Крессида было приковано к мистери Моретти, к его соломенным волосам, к розовому лицу, кургузно склоненному к Арабии. К его плавному, изощренному танцу.

Джереми продолжал спокойно анализировать.

— Стенхоупы живут здесь три месяца. Она — нервная, как кролик. Видимо, страшно боится Арабии, но по какой-то причине решила оставаться здесь. Может, потому, что Арабия берет за квартиры недорого, а может, по какой-нибудь другой, тайной причине. Заметили ли вы, как Досон вьется

вокруг Арабии, все время предлагает свои услуги и ведет себя, как основательно раздавленный червяк?

— Но Арабия его терпеть не может, — заметила Крессида.

— И правильно делает. Но разве любящая мамаша в состоянии понять, что другим людям ее драгоценное чадо не слишком нравится? Вполне вероятно, что миссис Стенхоуп спит и видит, как старая леди и шагу ступить не может без ее сына, а тут явились вы и нарушили все ее планы.

— В тот день она сказала мне, что комната уже сдана! Она сделала это нарочно?

— Почему бы и нет? На что мог рассчитывать очкарик Досон, если бы ему пришлось соревноваться и с вами, и с вечно живой легендой о Люси?

— Они все время говорят об убийствах, — прошептала Крессида, — но никогда ничего подобного не сделают. У них не хватит духу на что-нибудь посерьезнее, чем хитрые интриги.

— Тогда переходим ко мне, — не унимался Джереми. — Таинственный обитатель полуподвального помещения, коварный похититель хорошеньких девушек... Нет, хорошенькая — это не то слово... Вы доверчивы, до идиотизма мягкосердечны и заслуживаете всего, что с вами может случиться, но, как бы то ни было, в один прекрасный день я все-таки перенесу на холст ваш взгляд.

— Джереми! Мы же говорим о вас. А вы собирались стать наследником Арабии до того, как появилась я? В конце концов, вы живете в полуподвале под дурацким предлогом — будто бы ловите воров...

— И у меня нет денег, и я беру все, что хочу, даже то, что принадлежит другому.

Он еще крепче обхватил ее. Комнату внезапно заполнил голос Арабии.

— Вы что там, любовь крутите? Джереми, потанцуйте со мной. Винсенту пора уходить.

— Да, я полностью исчерпал свои ресурсы, — сказал Моретти в своей обычной напыщенной манере и склонился к руке Арабии. — Дорогая леди, это был восхитительный праздник. Но, увы, мне пора обратно в ад.

— Где вам и место, — спокойно отреагировала Арабия. — На нем лежит некая печать дьявола, не так ли? Эти его выбеленные волосы, опаленные брови. Адским огнем обожгло, конечно.

Арабия звучно рассмеялась и повернулась к Джереми.

Но в эту минуту миссис Стенхоуп снова вошла в комнату. Она сменила мышино-серое платье на такую же, хотя и коричневую, шерстяную тряпку, которую надевала после обеда по будням. Единственной уступкой празднику было девичье жемчужное ожерелье, сохранившееся с юности. Миссис Стенхоуп вошла в комнату, нервно теребя его и шепча извинения за свое временное отсутствие.

— Как неловко получилось у меня с вином.

Поскольку все молчали, а Арабия уставилась на нее исподлобья, словно пряча презрение, Крессида произнесла:

— Какое милое ожерелье.

Миссис Стенхоуп схватилась за карандаш с такой торопливостью, словно боялась, что, если не поспешит, то уже не сумеет вступить в разговор. "Моя мать подарила мне его на восемнадцатилетие."

— Очень славное, — прошептала Крессида.

Праздник внезапно кончился. Мистер Моретти ушел, музыка прекратилась, Арабия была преисполнена тайного презрения к серой мышке, которая неожиданно привлекла всеобщее внимание сначала разлитым вином, а потом своим жалким девичьим ожерельем.

И когда в холле заорала Мимоза, это было воспринято всеми почти как долгожданное развлечение. Слышались какие-то удары, грохот и еще более отчаянные вопли кошки, которая явно ринулась к себе, в цокольный этаж.

Крессида, стоявшая ближе всех к двери, первой оказалась у лестницы. Она не знала, кто идет за ней, но подумала: почему все лампы погашены и только в дальнем конце холла тускло горит один светильник, так что лестница тонула в темноте. Мимоза! Кто-то просто издевается над ней! Вчера ей подсунули какую-то сомнительную еду, сейчас... Но откуда этот грохот?

Сзади слышны были встревоженные голоса. Крессида пошарила по стене в поисках выключателя, затем голос Джереми позвал: "Крессида!". И тут кто-то в темноте толкнул ее, и она упала.

Но ничего плохого не случилось. Она успела ухватиться за перила и потому не скатилась по крутым каменным ступенькам до самого низа, лишь слегка вывихнула колено. А теперь чьи-то руки крепко обхватили ее, и кто-то ее целовал!

Загорелся свет. Держал ее Джереми, и так крепко, что она едва дышала. Губы девушки еще ощущали тепло его поцелуя.

Почему он вдруг поцеловал ее? Но раздумывать было некогда.

— Мимоза! — позвала Крессида.

— Крессида! С вами все в порядке? — раздался сверху голос мисс Глори. Голос звучал сдавленно и хрипло, словно она пережила страшный испуг. Взглянув вверх, Крессида увидела миссис Стенхоуп, которая с ужасом уставилась на нее сквозь свои большие очки, и тут же появился Досон. Мимоза яростно вырывалась из его рук, но была жива и здорова.

Крессида встала на ноги.

— Со мной все в порядке, — смеясь сказала она. — Почему вы все так встревожились? Я просто поскользнулась в темноте. Досон, как Мимоза?

Джереми взял у Досона кошку и внимательно осматрел ее. Мимоза по-прежнему отчаянно сопротивлялась, выпустив когти.

— Она всего лишь чего-то испугалась, — сказал Джереми. — Хотел бы я знать, чего.

— Это я могу вам сказать, мистер Винтер. — И Досон, словно фокусник, вынув руку из-за спины, показал сплюснутую жестяную банку с пропущенной сквозь нее веревкой. — Это было привязано к хвосту Мимозы. Она чуть не разорвала меня, пока я отвязывал. Ничего удивительного, что она так вопила.

Лицо Джереми потемнело.

— Кто это сделал?

Он свирепо окинул взглядом всех присутствовавших. Но на кого тут было глядеть — на мисс Глори, которая вдруг словно постарела и смотрела сердито и недоверчиво, на миссис Стенхоуп, которая дрожала всем телом, на Досона, который освободил Мимозу ценой расцарапанных до крови рук?

— Наверное, уличные мальчишки, — предположил Досон. — Я видел, как они ее дразнили. Наверное, они поймали ее, привязали банку и бросили в окно.

— Какое еще окно? — спросил Джереми с сомнением.

— Может быть, мое, как и вчера. — Крессида, прихрамывая, стала подниматься по лестнице. За ней последовали остальные. И точно, окно было приподнято, сквозь него просачивался туман. Крессида твердо знала, что захлопнула его, но защелка, старая и ненадежная, криво повисла на раме.

— Сами видите, на этом доме проклятье. Или на этой комнате.

— Черт-те что на этом доме, — воскликнула мисс Глори и выскочила из комнаты, словно охваченная смертельным страхом.

— А где Арабия? — спросил Джереми.

— По-моему, пошла наверх, — сказал Досон. — Это наверняка уличные мальчишки, мистер Винтер. Они решили, что хорошо позабавятся, если испортят праздник.

Это звучало правдоподобно. Но отнюдь не объясняло, почему Арабия так внезапно исчезла и почему, когда все поднялись справиться о ней, заперлась и отказалась выйти.

15

Крессида беспокоилась за нее. Старая леди всей душой наслаждалась праздником, так что, несмотря на склонность к быстрым переменам настроения, вряд ли неприятность с Мимозой могла столь резко вогнать ее в мрачность.

И еще одна мысль не давала покоя Крессиде. Она упала с лестницы, потому что кто-то толкнул ее. Это могло произойти случайно, а могло и намеренно. От такого падения она бы не умерла, но серьезно расшиблась бы. Вполне вероятно, что несчастный случай находился в одном ряду с прочими глупыми, но весьма неприятными происшествиями, которые особого вреда не приносили, но обладали каким-то беспокоящим, дьявольским привкусом. Как будто их постановщик хотел не просто злобно позабавиться.

Была ли постановщиком Арабия? Скрывало ли ее добродушие и обаяние страшную ненависть ко всем молодым и недурным собой девушкам, которые напоминали ей покойную дочь? Может быть, Крессиду завлекли в западню, чтобы сначала поиграть с ней, а потом...

Нет, полный бред. И теперь, когда дом погрузился в темноту и спокойствие, когда во владение бальным залом вновь вступила мисс Глори (Крессида сама помогала ей вносить горшки с цветами и ставить на место узкую кровать), Крессида снова поднялась по лестнице и постучала в дверь Арабии.

За дверью послышались шаркающие шаги, и донесся приглушенный, осторожный шепот Арабии:

— Кто там?

— Это я, Крессида. Вы не впустите меня?

— Нет, дорогая, нет. Уходите, прошу вас. Совсем уходите.

— Вы имеете в виду — из дома? — изумилась Крессида.

— Это самое лучшее, — донесся голос из-за двери.

Опять послышалось шарканье и короткий вскрик Ахмеда, будто его стиснули или наступили на него.

— Но Арабия! — Крессида тихо постучала костяшками пальцев в дверь. — Нельзя же так поступать, да еще после такой чудесной вечеринки. Почему вы заперли дверь?

— Потому что оказалась слишком легковерна. Как я могла быть такой легковерной? Что бы подумал обо мне шейх? Глупая старуха, вот кто я такая!

— Арабия, дорогая! Не надо мелодрам. Откройте дверь.

— Не осмеливаюсь, моя милая. Не осмеливаюсь.

— Неужели вы действительно делали все эти странные вещи? — Голос Крессиды так и напрашивался на отрицательный ответ.

— Во всем виновата я. Вам не следовало переступить порог этого дома. На нем лежит проклятие. Крессида, вы меня слушаете?

— Слушаю.

— Вы действительно меня любите? Хотя немножко? Просто за то, что я глупая старуха, которая любит яркие краски, жизнь и роскошь, и которая хочет быть доброй?

Крессида почувствовала, что по ее щекам текут слезы. Ей очень хотелось защитить Арабию, обхватить рукой ее усталое тело, обремененное роскошью, вернуть веселье в ее великолепные глаза.

— Конечно! Конечно люблю! — ответила она.

Из-за двери послышался глубокий вздох.

— Тогда игра стоит свеч, — донесся чуть слышно шепот Арабии.

Когда поздно ночью Крессида вспомнила неожиданный поцелуй Джереми после ее падения — а это вовсе не был тот утешительный поцелуй, которым успокаивают удивившегося ребенка, — она услышала какой-то шум за своей дверью. Не давая себе времени на то, чтобы испугаться, Крессида вскочила с постели, накинула халат и открыла дверь так быстро, что человек, прислонившийся к ней, чуть не ввалился в комнату.

Она сдавленно вскрикнула и посмотрела в улыбающееся лицо явно не расквашивающегося в своем поведении Джереми.

В руке он держал чертежную доску, а у его ног вытянулась крепко спавшая Мимоза.

— Мы с Мимозой заканчиваем наше путешествие в Париж, — объяснил он. — Мимоза немного нервничает, а мне все представляется просто замечательным.

— Но почему это надо делать здесь? — воскликнула Крессида. — В холодном холле, на сквозняке, когда вы толком еще не оправились от гриппа? И вообще, сейчас уже далеко за полночь. Или в этом доме все сумасшедшие?

— Нет, — протянул он. — Всего лишь осторожные.

— Джереми... — В глазах ее застыл немой вопрос.

— Вчера вы присматривали за мной, а сегодня — я за вами.

— Но не можете же вы провести так всю ночь! Из-за того, что кто-то несколько раз глупо подшутил надо мной!

— У вас чувство юмора развито сильнее, чем у Мимозы. Она не считает, что банка на хвосте — такая уж забавная шутка.

— Значит, вы не думаете, что это уличные мальчишки...

— Я вообще не видел на этой улице никаких мальчишек. А вы? Таких, во всяком случае, которые играли бы на улице в десять часов вечера в темноте и тумане.

Крессида посмотрела ему в глаза.

— Я все-таки не так глупа, как вы говорите. Да, есть тут кое-что, во что я не решаюсь поверить.

— Вот и правильно, — успокаивающе произнес Джереми. — Я, например, просто устроился здесь поработать ночью. Мне тут хорошо, и прошу вас больше меня не беспокоить. Ложитесь и поспите немного.

— Если уж так надо... вам, наверное, будет удобнее в моей гостиной?

— А Том одобрил бы это?

— При чем тут Том!

Джереми не сказал ни слова, но улыбка с его губ перепорхнула в глаза. Он последовал за ней в комнату и положил чертежную доску на стол. Потом взял на руки Мимозу, которая любезно разрешила устроить себя на столе возле вазы с розами.

— Прекрасно. Сейчас мы поужинаем у Фуке. А вы отправляйтесь в постель. К вам это не имеет никакого отношения.

Крессида зевнула.

— Я так хочу спать, что больше не могу волноваться. И как бы то ни было, сегодня вечером Арабия взяла на себя вину за все. Так что тайны больше не существует. Я думала, что возненавижу чокнутую старуху. Но не возненавидела. Я все еще думаю, что она чудесная, и собираюсь жить здесь и заботиться о ней, а уж в деньгах ее я совершенно не заинтересована, если у нее вообще есть какие-нибудь деньги, в чем я сомневаюсь. Большая часть ее драгоценностей фальшивая. Иначе и быть не может.

— Идите спать, — повторил Джереми. — Мы с Мимозой возьмем вас в Париж в другой раз. Отправимся в Булонский лес, в Фонтенбло. Весной. Наши окна будут выходить на Сену и на Собор Парижской Богоматери. Тюльпаны и настоящая мимоза. Кофе с рогадиками и магазины на рю де ла Пэ. Сады Тюильри, или вы, как Мимоза, предпочитаете фонтаны на площади Согласия?

Но Крессида уже тихо улыбалась во сне.

А наверху не спала Арабия, хотя и лежала в постели. Она знала, что сегодня вообще не заснет. Оставалось только провести ночные часы с наибольшим комфортом. Если оставить гореть все лампы в спальне и гостиной, к ней должны вернуться уверенность в себе и храбрость. И она уже не будет беспомощной старухой, которая дрожит в темноте от стыда за собственную трусость.

Ахмеду не понравился включенный свет, и он неодобрительно взъерошил перья. В гостиной несколько ламп с яркими, собранными в складки и обшитыми бахромой абажурами сияли по-праздничному. Они чем-то походили на большую гореть украшений, которую Арабия, сняв с себя, положила на туалетный столик.

Ей всегда нравились яркие краски и блеск. Даже в молодости она любила яркие шарфы и массивные украшения. В последние годы Люси смеялась над ней и просила снять хотя бы один браслет, хотя бы одну нитку жемчуга.

А теперь она могла закрыть свое одряхлевшее тело блестящими камешками, просто обвеситься ими, и никто над ней не посмеется.

Нет, она ошибается. Теперь у нее есть Крессида. Крессида снова внесла тепло в ее сердце, она была мила, весела, добра, искренна. Так что игра стоила свеч, несмотря ни на что. И она доведет ее до конца.

Каков бы этот конец ни был... Что это за звук она слышит? Вкрадчивый шепот в соседней комнате? Арабия привстала, напряженно прислушиваясь.

Как плохо, что сегодняшний праздник оказался испорчен. Очень плохо. Такой веселый, замечательный праздник. Можно было подумать, что все призраки похоронены.

Теперь она знала, что никогда они не будут похоронены.

16

Проснувшись, Крессида увидела стоявшую перед ней мисс Глори с чайным подносом.

— Мистер Винтер тоже хочет чаю? — спросила она своим невыразительным голосом.

Крессида приподнялась, ей захотелось смеяться, хотя комната была полна серого, туманного света, а длинное лицо мисс Глори казалось еще длиннее и еще унылее, чем обычно.

— Он все еще там? — спросила она.

— Спит в кресле.

— Бедняжка Джереми! Вчера ему взбрело в голову, что мне необходим сторожевой пес.

Она была готова к тому, что мисс Глори отнесется к ее объяснению весьма скептически, и уже ждала появления на ее лице лукавой девичьей улыбки, которую до сих пор мог вызвать только мистер Моретти. Но, к ее удивлению, мисс Глори сохраняла полнейшую серьезность.

— Может быть, в этом он и прав, — сказала она и выскользнула в дверь.

Но тут же вернулась и, звякая посудой, поставила чашку и молочник на стол в гостиной. Этот шум, должно быть, разбудил Джереми, потому что мисс Глори произнесла: "И время тоже. Сейчас уже девятый час" таким тоном, словно присутствие Джереми в этой комнате было самой естественной вещью на свете.

В дверях спальни Крессиды возник Джереми.

— Мне ужасно жаль, но я заснул. Мне бы следовало уйти отсюда до расвета.

— Не думаю, что это может иметь хоть какое-то значение, — сказала в ответ Крессида. На сердце у нее было легко и весело, события прошлой ночи казались пустыми фантазиями, которые дневной свет полностью развеял.

— Ничего не произошло, — загадочно обратился к ней Джереми. — Тут для вас письмо от Тома. Дать сейчас?

— Нет, прочту его после завтрака.

— Умница. Соберитесь с силами.

— Зачем?

— Чтобы сказать "нет". Вечером жду вас на обед, а потом вы мне попо-
зируете.

Вечером... Крессида подумала об Арабии, упорно не желавшей отпи-
рать свою дверь, о таинственных происшествиях, вчерашних опасениях
Джереми за нее. Но что, впрочем, может сегодня случиться? Она спо-
койно поработает в магазине мистера Маллинза, позавтракает в кафе за
углом, не пойдет делать ничего неосторожного, не предпримет ничего,
что могло бы ее расстроить, даже придет домой до наступления темны-
ты. Сегодня она решительно оставит историю Люси в сторону.

А если так, то что может помешать ей съесть обед вместе с Джереми, в
нижнем этаже, который уже стал для нее привычным прибежищем?

— Хорошо, — сказала она, — я приду.

Перед тем, как уйти на работу, Крессида взбежала наверх и постучала в
комнату Арабии.

— Кто там? — снова послышался осторожный вопрос.

— Опять Крессида. Пожалуйста, откройте дверь. Я хочу поблагодарить
вас за очаровательный праздник.

— Вот и хорошо, моя дорогая. Я рада, что вам понравилось, — донес-
ся измученный голос, впервые звучавший как голос семидесятипяти-
летней старухи.

— Арабия, вы больны?

— Нет, дорогая. Только очень устала.

— Почему вы заперлись?

— Потому что так безопаснее.

— Арабия... По-моему, вы что-то выдумываете. Никто не причинит вам
вреда. И потом...

— Вы сами не понимаете, о чем говорите, — возразила старая леди. —
О, как я ненавижу этот дом, как я его ненавижу! Мне бы верблюда, песча-
ные барханы. Ветер пустыни, вот бы я ожила...

Она так и не открыла дверь, и Крессида медленно пошла обратно. На ле-
стнице она увидела мисс Глори с подносом, на котором стоял завтрак.

— Мисс Глори, что происходит с миссис Болтон?

— Она боится быть отравленной, только и всего.

Ответ, произнесенный благоразумным голосом мисс Глори, прозвучал
совершенно нелепо.

— Отравленной! Какой бред! Ведь она сама...

— Бред или не бред, но она заставляет меня все пробовать, — переби-
ла ее мисс Глори. — Какая ей разница, умру я или нет. Хотя, откровен-
но говоря, и мне безразлично, каким образом придется помирать.

И она с мрачным видом направилась к двери, сказав: "Это я", и скры-
лась в комнате, проникнув туда в едва приоткрывшуюся щель.

Затем дверь снова закрылась, и Крессида услышала, как в замке повер-
нули ключ.

До ухода Крескиды на работу произошло всего лишь одно странное со-
бытие. Это относилось к мистеру Моретти, который вышел в коридор в ха-
лате и раздраженно взывал:

— Розовый бутончик, вы обо мне сегодня забыли? Где вы, Розовый бутончик, прелесть моя?

Но мисс Глори находилась у Арабии и слышать его не могла. Невероятно, но все же она пренебрегла мистером Моретти ради Арабии. Прежде первым свой завтрак неизменно получал мистер Моретти. Значило ли это, что она серьезно озабочена поведением Арабии, или же любвеобильный поклонник вызвал ее неудовольствие? Последнее предположение не укладывалось у Крессиды в голове.

Никто ни словом не обмолвился о ее вчерашнем падении. И потому она очень удивилась, когда мистер Маллинз спросил ее, почему она прихрамывает.

— О, правда? Я и не заметила. Вчера вечером поскользнулась на лестнице и ударилась коленом. Ничего страшного.

— Как же вы поскользнулись?

Действительно ли в голосе мистера Маллинза не было ничего, кроме вежливой озабоченности, или же он отчего-то счел подозрительным ее падение?

— Мы все пошли посмотреть, что творится с Мимозой, света в холле не было, и я поскользнулась, — быстро проговорила Крессида, глядя в ласково озабоченные глаза мистера Маллинза. — Мистер Маллинз, по-вашему, Арабия сумасшедшая?

— Нет, — сразу же ответил он.

— Но вы не представляете, какие странные поступки она совершает последнее время. Да и это объявление в газете, разве оно не странное?

— Всего лишь смелая, может быть, довольно глупая заявка на запоздалое счастье, которое она, по-моему, заслуживает.

— Конечно, заслуживает, я знаю. Но если я скажу вам, что в эту минуту она сидит в комнате, которую заперла своей собственной рукой, вы по-прежнему будете утверждать, что она не сумасшедшая?

— В любом случае я знаю — что бы Арабия ни делала, у нее на это есть разумные причины.

Мистер Маллинз глядел на нее настолько свирепо, насколько вообще позволяло его добродушное лицо. Крессида рассмеялась, и напряжение ее спало. Возможно, это очередной спектакль, особенно если учитывать любовь Арабии к таинственности и мелодраме.

Тем не менее, чуть позже, как только раздался телефонный звонок, мистер Маллинз стал настойчиво уговаривать Крессиду вернуться домой.

— Кто-то позвонил сообщить вам, что Мимоза заперта в вашей комнате, а ключ есть только у вас.

— Мимоза! — воскликнула Крессида. — Наверное, она осталась у меня с ночи. Они с Джереми провели ночь... — Крессида вспыхнула, сообразив что говорит. — Я имею в виду... то есть, у Джереми вчера возникла странная мысль, что после падения на лестнице меня надо охранять. Я не позволила ему провести ночь за порогом и предложила посидеть в моей гостиной. Мимоза тоже была с ним и спала на кушетке. Помню, что видела ее сегодня утром. Какая же я идиотка — взяла и заперла кошку!

— А она не может побыть у вас до конца рабочего дня? — предложил выход мистер Маллинз.

— Конечно, могла бы, будь все в порядке, но позавчера она оказалась в моей комнате полуживая, а вчера вечером ей на хвост привязали консервную банку. Просто не знаю, что и думать, мистер Маллинз. Наверное, это полтергейст или что-нибудь в этом роде. А Джереми ее так любит!

Мистер Маллинз позволил себе подмигнуть.

— Ну тогда ее следует освободить немедленно. Бегите. И поскольку сегодня у нас так тихо, вам, по-моему, нет смысла возвращаться. Последите за Арабией или приготовьте чаю любящему молодому человеку.

— Мистер Маллинз, вы — золото. Я вас обожаю. — Крессида помчалась за пальто и шляпкой.

Когда она отперла дверь и вошла в комнату, там не было и следа Мимозы. Она позвала ее, заглянула под кушетку, под кровать и вдруг задумалась, кто же звонил в магазин. Мистер Маллинз ничего не сказал ей об этом. Она же почему-то предположила, что сообщение передал Джереми, но теперь в этом сомневалась, потому что Джереми наверняка ждал бы ее прихода. Поблизости никого не было, и во всем доме не слышалось ни звука.

Она уже собралась выйти из комнаты и разыскать Джереми, как вдруг заметила, что большой гардероб в спальне открыт. Но она не оставляла его открытым. И что за платья там висят? Это не ее одежда. Разноцветные платья, бобровое манто и темно-серый костюм. Окончательно сбита с толку Крессида решила рассмотреть поближе. Сунув голову в темное пространство шкафа, она ощутила слабый затхлый запах камфары и сухих цветочных лепестков. Засохшие розы, платья сшиты по моде тридцатых годов. Гардероб Люси, озарило ее в тот момент, когда она ощущала потемневшую серебряную парчу. На дальнейшее обдумывание времени не было, потому что кто-то сзади с силой толкнул ее в гардероб. Она ударилась головой о дальнюю стенку, и на нее навалилась темнота — душная, пропитанная сладким запахом темнота. Дверца за ней захлопнулась.

— Выпустите меня! Эй, вы там! Выпустите меня!

В ответ не раздалось ни звука. Человек, который прятался за открытой дверцей шкафа в ожидании того момента, когда она заинтересуется неожиданно обнаруженными платьями, наверняка толкнул ее в шкаф и запер дверцы одним ловким движением. А теперь крадучись исчез, оставив ее задыхаться тут.

Нет, этот кто-то не ушел. Крессида слышала его тяжелое дыхание, он, видимо, прислонился к дверце шкафа и наслаждался ее мольбами.

Это дыхание! Где же она его раньше слышала! Вспомнила! Сегодня утром так дышала за своей запертой дверью Арабия, в этом дыхании чувствовался и возраст, и глубокое волнение.

— Арабия! — со слезами взмолилась Крессида. — Это вы! Пожалуйста, выпустите меня. Какую нелепую игру вы затеяли.

Ответом ей было молчание, потом раздался хриплый смешок. Крессида колотила в дверцы. Ей стало жарко, на лбу выступил пот.

— Арабия! Я же умру здесь, среди платьев Люси. Вы же не хотите, чтобы я умерла? Вы говорили, что любите меня!

Послышался шаркающий звук, а потом хриплый шепот:

— Вы должны были уехать отсюда, как я вам и говорила. Какое право вы имеете присваивать жизнь Люси? Самозванка!

Вот слово и произнесено! Но это еще было не все.

— Сиди там и умирай! — раздались злобные слова, и шаркающие шаги начали удаляться.

— Арабия! — взвизгнула Крессида в ужасе и отчаянии.

Но старая дама уже находилась вне пределов слышимости. Крессида осталась одна, задыхаясь от затхлого запаха платьев умершей девушки.

Должен же быть в доме еще кто-то, кто услышит ее крики и стук. Мисс Глори, миссис Стенхоуп, Джереми. Он так преданно служил ей сторожевой собакой ночью и теперь вряд ли далеко отсюда.

Но ведь он думал, что она находится в полной безопасности на службе. Он мог уйти, чтобы узнать, не зарегистрирована ли смерть Люси под фамилией Мередит. Люси, возлюбленная супруга Ларри Мередита. Бедная Люси, у которой нет даже могилы, потому что сумасшедшая старуха не желает признавать ее смерть.

— Джереми! Миссис Стенхоуп! Мисс Глори!

Мисс Глори, наверное, отправилась за покупками. Миссис Стенхоуп может просто отдыхать у себя в комнате, а это слишком далеко, не докричишься. Любопытный Досон, обожающий убийства и дурно пахнущие розыгрыши, на службе. Да, Арабия выбрала самое подходящее время для того, чтобы разыграть свою последнюю и самую дьявольскую шутку.

Скорее всего, Арабия и звонила мистеру Маллинзу, а наивный дурачок ничего не заподозрил. Да и Крессида тоже. Силки были расставлены надежно. Мимоза, дважды бывшая в опасности, вполне могла оказаться в опасности и в третий раз.

Неужели ей суждено умереть из-за игривой кошки, похожей на подсолнух?

— Пожалуйста, выпустите меня отсюда! Пожалуйста!

Она рыдала, постепенно слабея. Тяжелый запах сухих роз был невыносим. Вдруг до нее донесли слабые звуки музыки.

От румбы к реквиему.

Эти слова, внезапно сверкнувшие в ее мозгу, пробудили ее от беспмятства, в которое она все больше и больше погружалась. И вовсе она не умрет! Это же мистер Моретти играет на скрипке! Он был у себя в комнате! Он услышит ее, если она закричит. Услышит!

Последним отчаянным усилием воли Крессида собралась с духом и начала кричать и стучать кулаками, пока в кровь не разбила косточки пальцев. Потом прислушалась. Музыка умолкла. Приближались шаги, чья-то рука повернула ключ гардероба. Дверцы распахнулись.

— Да... Это я тут... Не идиотство ли... — прошептала Крессида и рухнула на пол, как марионетка, у которой оборвались нитки.

Мистер Моретти был сама доброта. Он тотчас принес бренди и заставил Крессида выпить, потом сел рядом с ней на кушетку и спокойно заговорил, давая ей время прийти в себя.

А она все повторяла:

— Зачем, зачем она делает такие ужасные вещи? Она смеялась надо мной. Неужели хотела, чтобы я там умерла?

— Нет, не думаю, что вы там умерли бы. Там, вероятно, ужасно душно, но какое-то количество воздуха все равно поступает. Беда в том, что вы запаниковали.

— А вы бы не запаниковали на моем месте? — возмутилась Крессида.

— Конечно, и я бы запаниковал. Но если бы это случилось со мной, я ни минуты не оставался бы в этом доме.

Он посмотрел на Крессида добрыми глазами. В лице светилось участие.

— Вы полагаете... здесь опасно оставаться?

— Да, уверен в этом. Тем более, вы говорили, что были и другие предупреждения. Вы могли и не умереть в шкафу, но в следующий раз...

Крессида затрясло. Хотя она и глотнула бренди, но все еще была в шоке и размышлять здраво пока не могла. Ей казалось, что платья Люси, издающие сладковатый душный запах, все еще давят на нее, лишают дыхания и самой жизни.

— Вам надо уехать, — серьезно продолжал мистер Моретти. — Теперь вы понимаете, в каком положении оказались. Арабия — персонаж из "Джекилла и Хайда". Один день она очаровательна, а на другой... вы сами знаете. Люси — ее навязчивая идея.

— Она действительно ненавидит меня за то, что я жива, — прошептала Крессида. — Никогда не думала, что смогу поверить в такое, но теперь...

— У вас хватит денег на дорогу домой? — спросил мистер Моретти. — Если нет, буду рад одолжить вам.

— Вы очень добры, но у меня есть деньги. Мистер Маллинз заплатил мне вперед. О, дорогой мистер Маллинз!

— Сейчас не время беспокоиться о мистере Маллинзе. Сначала — ваша безопасность. Разве не так? Идите, собирайте вещи, и я отвезу вас на вокзал.

Но Крессида не могла пошевелиться. Хотя и немного вещей предстояло ей уложить в свою сумку, но она была не в состоянии достать ее и начать сборы.

— Не думайте ни о чем, — попросил мистер Моретти. — Просто уезжайте. Дома, в безопасности, вы сразу же все забудете. Я позову миссис Стенхоуп, пусть она соберет ваши вещи.

Прежде чем Крессида успела остановить его, он вышел, но вскоре вернулся. За ним следовала миссис Стенхоуп. Запыхавшаяся, с неестественно расширенными глазами, она походила на очумелую от ужаса сову, которую внезапно разбудили среди дня.

— Бедное дитя! — прошептала миссис Стенхоуп. — Мистер Моретти мне все рассказал, и он прав. Мы с Досоном так и думали с самого начала.

Мы всегда понимали, что она... не без странностей. Очень даже не без странностей. А сегодня ночью мы слышали, как она разговаривала.

— Разговаривала?

— Сама с собой. Или со своим кошмарным попугаем. — Рука миссис Стенхоуп привычным движением потянулась к горлу. — Досон вот-вот придет, — прошептала она. — И проводит вас на вокзал.

— А я выясню, когда отходит ваш поезд, — любезно предложил мистер Моретти. — Вам же необходимо прийти в себя, ведь ничего страшного с вами не случилось.

— Пока не случилось, — добавила миссис Стенхоуп. — Где ваша сумка, дорогая?

Совместными усилиями они вывели Крессида из странного состояния беспомощности и отчаяния. Она заставила себя встать и снять с верхней полки шкафа свою сумку, а потом показать миссис Стенхоуп, какие из платяев в гардеробе принадлежали ей.

При виде старомодных нарядов, висевших в шкафу, глаза миссис Стенхоуп расширились еще больше.

— Ну и ну, — только и сказала она и стала быстро укладывать вещи, которые всего лишь неделю назад энергично и взволнованно собирала в своем Оукшотте Крессида, готовясь к путешествию в независимую и взрослую жизнь.

— Я думаю, ей надо подняться и попрощаться со старой леди, — сказал мистер Моретти. — А как по-вашему, миссис Стенхоуп?

А как же остальные — мисс Глори, которая была всегда так добра к ней, и Джереми... Джереми, чья дерзость никогда не вела ни к чему плохому...

— Больше никого нет дома, — добавил Моретти, словно прочитал ее мысли. — Винтера я видел по дороге домой, он ждал автобуса, а мой Розовый бутончик отправился за покупками. — (Действительно ли миссис Стенхоуп бросила на него презрительный взгляд, когда он шутливо упомянул о мисс Глори?) — Мы прощаемся с ними за вас. Но вам, по-моему, следовало бы хоть немного отомстить этой старухе. Сообщите ей, что вы уезжаете и что она лишается своего любимого развлечения.

Крессида, еще не пришедшая в себя после испытанного потрясения и после внушительной порции бренди, которую ее заставил выпить мистер Моретти, позволила, чтобы миссис Стенхоуп отвела ее наверх, заботливо поддерживая под руку.

Крессида постучала в белую дверь:

— Арабия! Я уезжаю. Я уезжаю от вас.

— Громче! — велела миссис Стенхоуп.

Но Арабия, видимо, притаилась за дверью, прислушиваясь, потому что откликнулась сразу.

— Что? Кто там? Кто уезжает?

Звучание знакомого голоса Крессида уже не могла выдержать. Ах, Арабия, нелепая старуха, как бы я любила вас! Она повернулась и побежала вниз, думая только об ожидавшем ее поезде, о сумрачном вокзале и о телеграмме, которую надо было отправить Тому.

Спустившись в холл, Крессида увидела Досона. Он возник как джин из бутылки, тощий и гибкий.

— Очень вовремя, — с удовольствием сказал мистер Моретти. — Ты проводишь мисс Барклай на поезд?

Досон перевел глаза с застегнутой сумки на Крессида, одетую по-дорожному, потом быстро взглянул на мать.

— Тут было еще одно... событие, — многозначительно прошептала миссис Стенхоуп.

— Ну-у-у! Конечно, я провожу ее на поезд. Возьмем такси. Туман опять очень густой, а в тумане происходят всякие странные вещи.

Такси проезжало мимо дома, и Досон энергично помахал ему. Миссис Стенхоуп застенчиво пожала ей руку, прошептала: "Взбодритесь, все уже позади", мистер Моретти открыл дверцу и склонился в галантном поклоне.

— Прошу вас, мисс Барклай, помните, что ради вашей безопасности мы лишаем себя вашего общества. Это большая потеря для нас.

— Псих! — едва слышно проворчал Досон. — Скажите это вашей мисс Глори!

Внезапно миссис Стенхоуп взбежала по ступеням и возбужденно взмахнула рукой, указывая на окно наверху. Крессида подняла глаза и увидела неясные очертания лица Арабии, прижатого к стеклу. Волосы ее были взлохмачены, и казалась она совершенно несчастной. Руки, распростертые по стеклу, выглядели по-детски беспомощными.

Глаза Крессиды наполнились слезами. Неужели ей надо уезжать? Бедная старая леди, она остается наедине со своим безумием. Что с ней будет?

Но Досон уже подталкивал ее к такси и сам садился в машину.

— Пэддингтон, — коротко сказал он водителю, — и побыстрее, нам надо успеть к поезду.

Последнее, что увидела Крессида, был мистер Моретти, дружеским ласковым жестом обхватывающий талию миссис Стенхоуп. Этот человек с мягкими манерами и любезными речами знал, как понравиться женщинам. Покраснела ли в стыдливом замешательстве бесцветная и незаметная миссис Стенхоуп?

Досон тоже заметил это, его тощее тело неприязненно напряглось.

— Вечно вьется возле юбок, — сказал он. — Даже мама не наглядится на него.

— Да на что там глядеть? — спросила Крессида.

Разозленный Досон не ответил.

— Только все, что он делает, он делает для самого себя, даже когда притворяется, будто для других старается.

— Даже когда помогал мне уехать? — спросила Крессида.

— Тут другое дело, — ворчливо признал Досон. — Но любой бы сделал то же самое. — Он перестал сердиться и с интересом повернулся к Крессиде. — А что, старая леди и впрямь заперла вас в шкафу? Ну, это да! Следующим номером был бы яд, это точно, как в аптеке.

Туман поглотил Драконий дом. А для Арабии, стоявшей у своего окна, он поглотил такси, и она осталась одна. Совсем одна, потому что некому больше было любить ее, отвлекать от надвигавшейся зимы. Как и раньше.

Правда, скоро она не будет знать ничего ни о весне, ни о зиме, потому что близится опасность. Скоро опасность приобретет конкретные очертания.

ния. И свистящий голос, произнесший "Я тебя ненавижу!", в последний раз достигнет ее земного слуха.

Быстрыми движениями костлявых пальцев Арабия распустила голубое вязанье — крошечную перчатку, и бросила комок шерсти в Ахмеда.

— Кто бы мог подумать, что она такая пугливая? — спросила она у взъерошенной птицы. Ахмед сражался с опутавшей его шерстью и только сердито покрякивал. — Если она такая, значит, тем лучше, что она уехала.

Арабия открыла дверь, нарочито громко повернув ключ, вернулась в свою ярко освещенную неопрятную комнату и стала ждать шагов...

18

Крессида вытерпела общество Досона только до Паддингтона. Там она решительно сказала:

— А теперь езжайте домой. Я не хочу, чтобы вы провожали меня на платформу.

— Но мама сказала...

— Не имеет никакого значения, что сказала ваша мама. Я в состоянии сама сесть в поезд. Идите. Я хочу остаться одна.

Досон обиженно пожал плечами и неловко протянул ей руку. Крессида поняла, сколько ребяческого в том, как он надулся, и почувствовала угрызения совести.

— Извините меня, просто я не могу больше разговаривать об убийствах.

Досон торжественно кивнул.

— Потому, что вы сами были близки к этому.

Он помахал неловким, но дружелюбным жестом и оставил ее одну.

Крессида купила билет и пошла на платформу. Туман стоял над путями, желтыми клубами окутывая фонари. На вокзале, как обычно, было шумно, пахло дымом. Подошел поезд, из зала высypали пассажиры и выстроились у турникета. Крессида ясно представила себе, как окончится ее путешествие, как она выйдет из купе на холод, медленно пойдет к выходу, ища глазами светловолосую голову Тома и его серьезное лицо.

Тут она вспомнила, что не позвонила Тому и не предупредила его, что возвращается домой. На это у нее еще оставалось время. По ту сторону турникета стояла телефонная будка. Крессида подхватила свою сумку и поспешила туда, объяснив контролеру, что ей нужно позвонить.

Будка была пуста. Она рывком открыла дверь. Пахло застоявшимся дымом. Дышать было нечем, почти как в шкафу, набитом платьями Люси. Люси... ее завораживающая, наполовину непонятная история... теплая привязанность Арабии, столь неожиданно превратившаяся в ненависть... мягкие, но решительные слова мистера Маллинза о том, что Арабия в трезвом уме и полной памяти... аромат красных роз, розы, которые Джереми... Джереми! Они же договорились пообедать у него. Она совсем забыла. И даже записки не оставила. Нет, она не может так поступить, надо вернуться и принести ему извинения. Она должна... конечно, она должна вернуться в Драконий дом. Там Арабия, по-детски прижавшись лицом к стеклу, следила за ее отъездом. Там, в теплом ярком полуподвале, Джереми и Мимоза, которых окружают рисунки, веселые краски, там забавная, ни к чему не

обязывающая болтовня о путешествии в Париж. Там, как аромат, как полузабытая песня, витает призрак Люси...

Неужели она не узнает конца своей собственной истории, как не узнала историю Люси? Нет, уж эту она досмотрит до конца.

Крессида расплатилась с шофером такси и бодро поднялась по ступенькам. Дверь была не заперта, в холле горели все лампы, но нигде не было ни души. Она коротко постучала в дверь Арабии и подождала.

Послышалось медленное осторожное шарканье (что же могло произойти, отчего Арабия вдруг стала такой подозрительной и осторожной?).

— Кто там? — донесся шепот.

— Это я, Крессида. Я вернулась. Пожалуйста, впустите меня.

Дверь приоткрылась. Показалось лицо Арабии — измученное, с запавшими глазами, очень старое лицо. Недоверчивость на нем сменилась радостью.

— Дитя мое! Дорогое мое дитя!

Сухая старческая рука схватила руку Крессиды и втянула девушку в комнату. И лишь когда дверь была закрыта и тщательно заперта на замок, Арабия, повиснув на Крессиде, разрыдалась так, что лицо ее совершенно искажилось.

— Тише, дорогая, тише, — успокаивала ее Крессида. — Вот я и вернулась. Я и не собиралась уезжать, просто не подумала как следует.

— Вы не должны были возвращаться, — хрипло произнесла Арабия. — Вы — дурочка. Это слишком опасно.

Крессида ласково погладила ее.

— Я беспокоюсь о вас, потому и вернулась. Ведь только это и имеет значение, правда?

Глаза Арабии широко открылись, став нежными, ласковыми и красивыми. Вся магия этой необычайной женщины вернулась к ней, придавая лицу то незабываемое выражение, которое так восхищало Крессида.

— О, моя дорогая! Только это и имело значение всегда.

О происшествии со шкафом ничего не было сказано. Потом, когда Арабия немножко успокоится, Крессида заговорит об этом. Пора, наконец, выяснить все раз и навсегда. Но чуть попозже, когда Арабия вновь обретет свое самоуверенное легкомыслие и утратит столь очевидный облик перепуганной старой женщины. А сейчас надо было только поглаживать ее, словно взъерошившего свои перья Ахмеда.

Когда с чайным подносом вошла мисс Глори, Арабия уже настолько оправилась, что предприняла попытку навести порядок в комнате, она взбила подушки, расставила по местам стулья и сматывала нитку распущенной голубой перчаточки, которая, казалось, успела зацепиться за все, что было в комнате. Ахмед на своей жердочке яростно приглаживал перья и что-то горланно сам себе рассказывал. Какая жалость, что он не умеет говорить, подумала Крессида. Возможно, он один во всем доме знает правду.

— Вы вернулись? — спросила мисс Глори. — Вы сумасшедшая или просто храбрая до глупости?

Ее желтоватое лицо стало еще желтее, а глаза — совершенно безжизненными. Больна ли она, спрашивала себя Крессида, или несчастна?

Но что же случилось, почему девичье лукавство, сверкавшее в этом взгляде, вдруг сменилось выражением глубокого разочарования? Явно мистер Моретти сделал что-то неподобающее, как явно и то, что об опале, в которую он попал, ему еще не известно. Не ожидая, пока Крессида объяснит свое возвращение, мисс Глори продолжала:

— Наш друг художник будет в полном восторге. Он помчался на Пэддингтонский вокзал как ненормальный, когда услышал, что вы уехали. Если хотите узнать мое мнение, интерес его к вам не чисто академический. Тем глупее с его стороны. Любовь! Все это ловушка и иллюзия. — Она перевела свой безжизненный взгляд на Арабию. — Теперь у вас есть мисс Барклай, пусть она и пробует вашу еду, а я пошла.

— Нет. Пробуйте вы, как всегда. Я не могу допустить, чтобы Крессида рисковала своей жизнью, — возразила Арабия.

— Ха! — презрительным тоном сказала мисс Глори. — А что, спрашивается, она тут делала всю неделю? Прекрасно, я рискну своей никому не нужной жизнью еще раз. Она вбила себе в голову, — объяснила мисс Глори Крессиде, — что в ее еду могут подмешать яд. — Она попробовала чай, поджаренный омлет, тонкий бутерброд и откинулась на спинку стула.

— Ну вот! Я все еще жива и чувствую себя прекрасно.

— Спасибо мисс Глори. Это очень мужественный поступок. А теперь принесите мне еще чашку чаю и молочник для Крессиды. И тогда мы все почувствуем себя намного лучше. Кстати, Крессида, сегодня ко мне приходил мой поверенный. Я дала ему указания относительно моего нового завещания, и завтра он принесет мне его на подпись.

— Арабия...

— Ни слова, дорогое дитя. Признаю, меня потрясло ваше решение уехать, но даже тогда я не собиралась менять свою волю. Нет, ни слова. Позвольте, я налью вам чаю. И мы развеселимся. О, как славно снова развеселиться.

Выпив чаю, Крессида сказала, что должна пойти повидать Джереми и извиниться перед ним за несостоявшийся обед. Но Арабия вцепилась в нее. К ней снова вернулся страх.

— Не уходите надолго, дорогая. Не оставляйте меня одну. Я стала трусливой старухой.

Крессида пообещала сразу же вернуться и побежала вниз. Она надеялась, что ей снова повезет и никто ее не заметит, но от ушей Досона никуда не денешься. Он возник на лестничной площадке и воскликнул:

— У-у! Мисс Барклай! Что заставило вас вернуться?

— Я кое-что забыла. — Крессида постаралась ответить ему как можно беспечнее.

— У-у! Прямо в осиное гнездо! Вот мать-то расстроится. Опять будет не спать всю ночь и прислушиваться.

Крессида понимала, что должна испытывать благодарность к Стенхоупам за заботу о ее благополучии. Но внезапно их любопытство, их мрачная торжествующая подозрительность стали ей невыносимы.

— Ей нет никакой необходимости так изнушать себя, — холодно заметила Крессида. — Я вполне в состоянии присмотреть за собой сама.

В том-то и дело, что нет. Если бы не мистер Моретти, она бы потеряла сознание, а то и умерла бы в запертом шкафу. Но одна мысль о Досоне, о его нездоровом пристрастии к насилию, о его любопытной, вечно шепчущей мамаше возмущала ее.

— По-моему, вы сошли с ума! — Голос Досона нагнал ее на лестнице. Но она больше не слушала, так как заметила, что дверь Джереми открыта и оттуда протянулся гостеприимный луч света.

Спокойная и сдержанная, она вошла в комнату.

— Прошу прощения за то, что опоздала, но я все-таки пришла.

Он стоял посреди комнаты. На нем был плащ, волосы намочили от тумана. Мимоза терлась о его ноги, выгибая спину и всячески стараясь привлечь к себе внимание. Но Джереми был слишком озабочен, чтобы заметить ее ужимки.

Только появление Крессиды и ее извиняющийся голос вывели его из задумчивости. Он вскинул голову, мрачность сбежала с его лица, темные глаза засияли.

— Не делайте этого больше! Ни в коем случае! — Он кинулся к ней и заключил в объятия.

19

Но опять его поцелуй, горячий и волнующий — настолько волнующий, что она предпочла не задумываться над этим, — оказался очень коротким. Она решительно высвободилась из его объятий.

— Джереми, сейчас не время! Слишком много всего произошло!

— Может быть, вы недооцениваете важность именно этого происшествия?

Крессида старалась не встречаться с его сияющими нежностью глазами.

— Это не происшествие. По крайней мере, не то, о котором сейчас надо думать.

— Почему вы убежали?

— А где были вы, когда позвонили про Мимозу? Это же явно ловушка.

— Кто позвонил?

— Не знаю. Говорил по телефону мистер Малпинз. Ему и в голову не пришло задавать какие-либо вопросы. А я подумала, что это вы звонили.

— В это время я, как обычно, занимался проверкой фактов, — сказал Джереми. — И мне удалось выяснить кое-что еще: Люси Болтон никогда не умирала. И Люси Мередит тоже.

— Она вышла замуж еще раз после смерти Ларри, — сразу же решила Крессида. — Например, за Монти. А может быть, за того человека, которому писала то письмо. У нее была другая фамилия. Иначе и быть не могло.

— Может быть, и так, — сказал Джереми. — Но это не срочный разговор, а срочный касается того, что вам, по-моему, следует пригласить Арабию провести ночь у вас в комнате.

— У меня в комнате? — неуверенно повторила Крессида. — Но...

— Да, я знаю, что сегодня днем вас ужасно напугали. Но поверьте мне, это важно.

— Джереми... Вы действительно думаете, что она в опасности? Что она ничего не выдумала?

Джереми взял ее за руки.

— Почему вы вернулись после того, как убежали?

— Потому что... потому что я все думала, какая Арабия добрая и милая, и как она будет горевать после моего отъезда. Я видела, как она смотрела из окна, она была настолько потрясенной, словно лишилась последнего, что оставалось у нее в жизни. Я понимаю, во мне она видит Люси, да тут еще замешался весь этот ужас с деньгами, но... я должна была вернуться.

— И по этой же причине вы должны заставить Арабию провести эту ночь в вашей комнате. Из любви к ней, а не из страха.

— А если она не захочет?

— Я об этом подумал. Вы угостите ее горячим шоколадом и бросите в него вот это. — Он повернул ее руку ладонью вверх и положил на нее маленькую белую таблетку. — Совершенно безвредная. Она только уснет, а я думаю, хороший ночной отдых ей будет полезен. Теперь последнее.

— Что еще?

— Было бы лучше, если бы вы сумели провести ее к себе так, чтобы никто этого не видел.

— Невозможно. Вы же знаете Стенхоупов. Да и мисс Глори всюду рыщет. Мистер Моретти тоже бдительности не теряет. Хотя сегодня днем это меня спасло, слава Богу.

— Моретти уходит в свой ночной клуб в десять часов. Всех остальных я беру на себя. В пять минут одиннадцатого ведите Арабию вниз. Скажите, что хотите угостить ее ужином. В общем, придумайте что-нибудь. А теперь самое разумное, по-моему, вернуться к ней. В пять минут одиннадцатого, помните!

Крессида взглянула в побледневшее серьезное лицо Джереми, потом на маленькую белую таблетку у себя на ладони. Сердце ее холодили неприятные предчувствия, но она знала — все, что велит ей Джереми, она сделает, не задавая никаких вопросов и ничего толком не понимая.

Крессида, разумеется, нимало не удивило, что миссис Стенхоуп, исполненная страха, уже ждала ее, стиснув до белизны свои худые руки. Конечно, Досон успел доложить матери о ее возвращении.

— Мисс Барклай! Что же заставило вас вернуться?

Этот вопрос был задан напуганным шепотом.

— Я так захотела, — спокойно ответила Крессида. — Люблю доводить свои дела до конца.

— До конца! Именно этого вы и добьетесь. Вашего конца! — Ее дрожащий костлявый палец указывал на Крессида.

— Я так не думаю. — Крессида старалась сохранять спокойствие, хотя дрожащая фигурка вновь пробудила в ней уже ставшее привычным ощущение чего-то холодного и коварного, постоянно витающего в этом доме. — Я просто вспомнила, как ласкова и добра была со мной Арабия и как я ей за это обязана, несмотря ни на что.

Миссис Стенхоуп вытащила свой блокнот и трясущейся рукой написала: "А вы не думаете, что она привязывает вас к себе, но когда вы потеряете свою жизнь, это уже не будет иметь никакой цены?"

Крессида сердито оттолкнула блокнот.

— Извините, миссис Стенхоуп, но если вы так думаете, я могу только презирать вас.

— Денжки-то никто не презирает, — донесся из-за двери голос Досона. "Я знаю, насколько она сумасшедшая, — яростно царапала бумагу миссис Стенхоуп, — живя наверху, я кое-что слышу".

Она обернулась к сыну за поддержкой.

— Мы же не можем насильно открыть ей глаза, если она не желает видеть. Мы помогли ей уехать, а она вернулась, так что теперь это не наша забота.

— И никогда не было вашей заботой, — холодно отрезала Крессида и пошла по коридору к двери Арабии.

Дойдя до нее, она невольно обернулась и увидела, что "прелестная" парочка смотрит на нее, как загнипнотизированная. Миссис Стенхоуп снова стиснула руки, а у Досона, несмотря на все его видимое безразличие, на лбу блестел пот.

Арабия ждала ее. Она облачилась в один из своих живописных нарядов, надела украшения и диадему, которая в эту минуту сидела у нее на голове удивительно прямо, и приветствовала Крессиду в царственной манере.

— Входите, моя дорогая. Джереми очень сердит на меня за то, что я лишила его вашего общества? Впрочем, ведь не его жизнь находится в опасности сегодня ночью.

Она ввела Крессиду в залитую огнями комнату. Ахмед, упрямо нахохлившись, сидел на своей жердочке и решительно не желал открывать глаза.

— Я обожаю приглушенный свет, — продолжала Арабия. — Но не сегодня. Сегодня мы должны быть начеку, замечать любую тень, слышать любую звук.

На свой лад она вела себя не менее драматично, чем миссис Стенхоуп, но не было в ней этой жалкой трусости, напротив, она чуть ли не с приятным возбуждением готовилась противостоять опасности. Во всем ее поведении сквозил гордый вызов. С возвращением Крессида она вновь обрела свою неподражаемую живость, вытряхнула себя из страха, как из пыльного мешка, и была готова встретить лицом к лицу таинственного врага.

— Арабия, почему вы думаете, что вам грозит опасность? — спросила Крессида.

— Я не думаю, дитя мое, я знаю. Разве весь дом не дышит ею? — Она взмахнула руками, украшенными кольцами, и ее диадема съехала набок. — Грифы, все они грифы!

Услышав знакомое слово, Ахмед вынул голову из-под крыла, что-то недовольно буркнул и снова устроился спать.

Арабия улыбнулась и ласково погладила Крессиду по руке.

— Послезавтра все будет в порядке. Только не теряйте мужества до послезавтра. Оказывалась я в положениях и похуже. Однажды в Тибете нас с мужем захватило враждебное монгольское племя. Приходилось вам когда-нибудь питаться одним кислым козьим молоком? Нет, конечно не приходилось. Поверьте, смерть в сравнении с этим — просто чепуха. — Тряхнув головой, Арабия поправила диадему и продолжала говорить. Двухдневное

молчание и одиночное заключение кончились, плотину прорвало, и жизнь снова стала восхитительной.

Крессида посматривала на часы. Некоторое время она слышала тоненькое мяуканье скрипки мистера Моретти — он снова и снова играл свою любимую элегию, несколько раз по лестнице кто-то проходил, она предположила, что это Досон.

В десять часов Крессида прервала поток воспоминаний Арабии.

— Вам, наверное, пора немного отдохнуть. А что, если я приготовлю чашку горячего шоколада?

— Восхитительно, моя дорогая! Как вы заботливы.

— Но мне бы хотелось, чтобы вы спустились ко мне. В конце концов, вы же ни разу меня там не навещали.

— В вашу комнату?

Веки Арабии опустились, скрывая ее мысли.

— И вы немного смените обстановку, — вела свою линию Крессида. — Вы целые сутки не выходили отсюда. А если не пойдете, я буду думать, что вы и меня подозреваете.

— Нет, дорогое дитя, только не вас. Нет, нет, я не могу этого вынести. Хорошо, мы пойдем к вам и выпьем горячего шоколада. И правда, надо сменить обстановку. Только посмотрите, моя дорогая, чтобы никого вокруг не было. Я не хочу, чтобы все в доме знали о моих передвижениях. Ахмед, красавец мой, ты останешься здесь и последишь. А вы, моя прелесть, будете там в полной безопасности.

Крессида увидела, что дверь Стенхоупов плотно закрыта. Двери в балльный зал тоже были закрыты, и через них доносились неясные голоса. Один голос принадлежал Джереми, кому принадлежал второй, Крессида не смогла определить.

Она сообщила, что путь свободен.

— Какая замечательная мысль, моя дорогая! — шептала старая леди. — Они и не подумают искать меня там. Пошли быстрее. И ни звука!

Какая фантастическая шутка! Шкаф в спальне был тщательно закрыт, он надежно укрывал столь памятные затхло-душистые платья, которые когда-то весело и доверчиво надевала покойная Люси. Арабия сидела на красной бархатной кушетке, в своей диадеме набекрень снова похожая на подвыпившую королеву, и смеялась.

— Мы их провели! Какая замечательная мысль! — говорила она хриплым шепотом.

В своей крошечной кухоньке, где Арабия ее не видела, Крессида растворила в горячем молоке белую таблетку. Потом взяла шоколад и отнесла его в комнату. Старая леди с удовольствием прихлебывала из чашки.

— Вы не хотите, чтобы его проверили на яд? — спросила Крессида.

— Нет, дитя мое, нет!

— Тогда почему же вы подозреваете бедную мисс Глори?

— Эта женщина очень глупа. — Арабия сделала еще один глоток, усаживаясь поглубже на удобную кушетку, ее диадема залихватски съехала на левое ухо. — Грифы! — выпалила она своим глубоким голосом.

Крессида уселась возле ног Арабии. Старая леди на секунду положила свою узинанную тяжелыми перстнями руку на ее голову.

— Так, бывало, и Люси сидела, — сказала она, впервые за два дня по собственной инициативе упомянув имя Люси.

— Арабия! Люси ведь вышла за Ларри, да?

Рука соскользнула с головы.

— Да, она вышла за него.

— Вы не одобряли этот брак?

— Почему же? Одобрала. Он был славный молодой человек, но не пара Люси. Я этого боялась, правда, устроила ей красивую свадьбу.

— Да, — мягко сказала Крессида. — Я видела фотографию.

— Фотографию? — встрепенулась Арабия. — Слишком много вы раскопали, дерзкая девчонка.

— Она была у мистера Маллинза. Он и хотел, чтобы я нашла ее, но не понимаю, зачем ему это надо было.

— Альберт Маллинз! — Арабия уже не совсем четко выговаривала слова. — Он по-настоящему верный друг. Но и он вечно все выведывает. Все выведывает.

— А почему бы и не выведывать? Если Люси вышла замуж за Ларри, то к чему все это беспокойство из-за ребенка?

— Какого ребенка?

Глаза Арабии затуманились.

— Но вы же, разумеется, знали о ребенке. Вы говорили, что он и был причиной смерти Люси.

— Я сказала это? — В голосе Арабии звучало некоторое удивление. — Моя дорогая, я рассказываю столько разных историй. Например, насчет шейха... там, знаете ли, не все правда. Мой муж не позволил бы мне...

— Ребенок, Арабия. Ребенок Люси. Мы говорим об этом.

— У меня было голубое вязание, — сонно продолжала Арабия. — Я его распустила. Все целиком. Оно больше не имеет формы. С этим покончено. Навсегда.

Крессида наклонилась к ней. О, зачем она так рано дала ей таблетку? Арабия почти спала. Кто же думал, что снотворное так быстро подействует?

— Арабия! Откройте глаза! Скажите мне, почему умер Ларри? Пожалуйста! Это очень важно.

— Ларри! — низким голосом проговорила Арабия. Внезапно она подняла руку и поднесла ее к глазам, но в следующее мгновение рука ее отяжелела и упала. Арабия спала.

Крессида тихонько сняла диадему с аккуратно причесанных седых волос и поудобнее уложила спящую. Лежа на кушетке в богатом платье, со сверкающими украшениями на шее, с яркими камнями на узловатых пальцах, Арабия выглядела величественно.

Туман перешел в дождь. Крессида слышала, как он стучит по стеклу, как ветер порывами бьется в окно. На улице было тихо. Только изредка доносились чьи-то шаги или шум быстро мчавшейся машины.

В доме тоже было тихо. Что делают его обитатели? Миссис Стенхоуп и Досон улеглись, должно быть, в свои целомудренные постели, но даже во сне уши у них наверняка стояли торчком. Бедная мисс Глори, у которой на лице написано тяжкое разочарование, возится, верно, на кухне, хотя ско-

рее всего лежит в своей узкой кровати в бальном зале под затейливой лепниной потолка. Мистер Моретти, благополучно пребывающий вне дома, тоскует, верно, по своим элегиям и играет легкомысленную танцевальную музыку. Джереми... это загадка. Он чем-то занят. Но Крессида доверяла ему безгранично и знала, что его надо слушаться, каких бы поступков он от нее ни потребовал.

Она тщательно закрыла все двери, с особыми предосторожностями заперла ту из них, которая выходила в коридор. Она не боялась. Главным возмутителем спокойствия, думала Крессида, была Арабия, но Арабия благополучно спала рядом и явно не представляла собой никакой опасности. Так чего же ей бояться?

Что это? Неужели кто-то ходит наверх, в комнатах Арабии? Крессида напряженно вслушивалась. Неужели кто-то рыщет в комнатах Арабии, надеясь, что там нет никого, кроме беззащитной старой женщины? Нет, снова все стихло. Да и не было там никого. Все она выдумала. Только порывистый ветер стучит в окно, да дождь шумит.

Арабия дышала тяжело и ритмично. Крессида выключила все лампы, кроме одной, на камине. В затемненной комнате ее охватила дремота. Был такой длинный, нервный день, и она устала больше, чем думала. Вполне можно поспать. Ничего страшного. Джереми действует. Он знает, что делает. Совершенно не о чем беспокоиться.

Но вот тревожно вскрикнул Ахмед! Крик прозвучал чуть громче, чем обычное его хрипкое ворчанье, но в затихшем доме этот звук наводил ужас. Крессида посмотрела, не проснется ли Арабия, разбуженная голосом своего любимца, но она не шевельнулась, да и наверху было тихо, словно Ахмед не испугался, просто ему что-то привиделось во сне.

Теперь тишина воцарилась надолго. Крессида дремала, машинально вслушиваясь сквозь сон в шум дождя и хрипкое дыхание рядом. Вдруг она выпрямилась — входная дверь отворилась и захлопнулась. Кто-то быстрыми шагами прошел через холл, и открылась другая дверь.

Видимо, мистер Моретти вернулся из ночного клуба. Что-то рано он сегодня пришел. Сейчас едва ли пробило полночь. Обычно он приходил после трех, а то и после четырех.

Но ничего таинственного в его возвращении не было. Он вошел, как всегда, не скрываясь, и почти сразу же в холле издала свой жалобный пронзительный вопль Мимоза.

Это означало, думала Крессида с быстро бьющимся сердцем, что дверь Джереми открыта, а Джереми... Что делает Джереми?

Да ничего он не делает, потому что минуты шли, а в доме снова стояла тишина.

От внезапно навалившейся усталости Крессида вдруг стала нетерпеливой и раздраженной. Если что-то должно произойти, то почему не происходит?

Ох! Снова крадущиеся шаги наверху. На этот раз Ахмед крикнул во всю мощь, и Арабия проснулась.

Жутким голосом она закричала "Люси!" и вскочила на ноги. На лице ее был написан непередаваемый ужас.

— Я должна пойти наверх. Я должна посмотреть ей в глаза. — И она заковыляла к двери.

Крессида кинулась наперерез.

— Нет, Арабия, нет! Вам нельзя наверх. Джереми сказал, что нельзя.

Усилием воли Арабия окончательно стяхнула с себя дурман, вскинула голову и гордо посмотрела на Крессида.

— А какое право имеет Джереми запретить мне подняться в мои собственные комнаты? Джереми тут ни при чем. Это дело мое и моей дочери. Пожалуйста, разрешите мне пройти. Я хочу взглянуть ей в глаза.

— Арабия! Наверху не Люси. Это кто-то другой...

Но Ахмед снова крикнул, и Арабия вырвалась из рук Крессиды, направляясь к двери и шепча:

— Смелее! Смелее!

Крессида ничего не могла поделать, ей оставалось только следовать за старой леди.

— Арабия! Люси там нет. Она умерла. Вы же сами мне говорили.

Из комнат Арабии донесся приглушенный визг. Арабия остановилась, схватившись за столбик перил.

— Быстрее! — Казалось, что ноги не слушаются ее. Она умоляюще посмотрела на Крессида. — Люси кого-то убивает. Это должна быть я. Она делает ошибку. Скажите ей, быстро!

Этого не может быть, думала ошарашенная Крессида. Просто Арабии приснился кошмар, вызванный снотворной таблеткой. Люси наверху нет, и она никого не убивает.

Но кто же кричал?

Сама того не желая, она стала подниматься по лестнице. Крессида прошла не больше полдесятка ступенек, как вдруг тишину в доме прервал пронзительный женский голос:

— А-а-а! Отравительница! Иезавель!

Потом послышался топот, глухой удар, как будто кто-то спрыгнул с кровати, и снова быстрые шаги. Опять кто-то закричал. Это был не тот голос, который кричал раньше, а крик человека, охваченного приступом отчаянного ужаса. Что-то тяжело покатилося по ступеням, как будто кто-то поскользнулся на мраморной закругленной лестнице и упал.

Буквально в следующую секунду все постояльцы оказались тут же и мистер Моретти, еще не снявший смокинга, и Досон — съезжившаяся полудетская фигурка в пижаме, — уже наполовину спустившийся с лестницы, и мисс Глори, туго затянутая в халат, с удивительно аккуратными локонами седых волос, Джереми, вместе с Арабией стоявший на коленях над неподвижным телом миссис Стенхоуп.

Она была меньше своего сына Досона и казалась совсем ребенком. Ее тяжелые очки упали, или же она их вовсе не надевала, и ее лицо потеряло совиное выражение, оно стало остреньким и лисьим, рот немного запал, глаза полузакрылись.

Когда Джереми положил руку ей на грудь, она вздрогнула и затихла. Он наклонился еще ниже. Потом поднял голову и взглянул на мистера Моретти, стоявшего с отвисшей челюстью, обнажающей темную пещеру рта.

— Вызовите доктора, — сказал Джереми коротко. — Но боюсь, вашей жене уже ничего не поможет.

— Жене! — прошептала мисс Глори. Кожа на ее лице стала пергаментной.

— М-ма! — произнес Досон голосом испуганного ребенка, которого бьет неодолимая дрожь.

Но ключ к разгадке был у Арабии, растрепанной, изможденной, внезапно резко постаревшей. С неторопливым достоинством она подняла голову и очень спокойно сказала:

— Люси! Наконец она умерла.

20

ЛЮСИ! Не успел никто и слова сказать, как мисс Глори взбежала по лестнице и скрылась в комнате Арабии. И тут же выскочила оттуда со стаканом воды. Вниз она спускалась медленно, словно несла что-то очень ценное. Ее холодные злые глаза остановились на мистере Моретти.

— Анализ покажет много интересного, я уверена, — сказала она своим невыразительным плоским голосом. — Я могу даже предложить это вам, мистер Моретти, вместо утреннего чая.

Мистер Моретти выставил вперед руку, словно защищаясь. Губы его задрогали.

— Это она... не я! Она... знала всякие штуки... Поймите меня...

Но Досон, внезапно вернувшийся к жизни, свирепо наставил на него указательный палец. Лицо его перекошилось от ненависти.

— Только ты один и виноват! Только ты, мразь!

Джеремии положил руку на его трясущееся плечо.

— Спокойно, старик. Думай, что говоришь. По-моему, и ты не кристально чист.

Досон торжествующе вскинул голову.

— Нет, чист! В этой воде нет ничего, кроме безобидного порошка. Может отправлять на анализ. Ничего не найдете.

Мистер Моретти рванулся к нему.

— Значит, ты не сделал этого, негодяй?

— Что ж, по-моему, я должен был позволить, чтобы она опять впуталась в историю? Пока мы валялись дурака, пугали людей, все было в порядке. Очень даже весело. Но я никогда и не думал, чтобы сотворить такое на самом деле. Ну уж нет! Ни за какие деньги! — Он повернул голову и бросил на мистера Моретти взгляд, исполненный откровенной ненависти. — И уж никак не для того, чтобы ты, мерзкий червяк, разбогател! У тебя ни на что духу не хватает! Нас заставил работать! Видеть тебя больше не желаю. — И он упал на колени рядом с недвижимым маленьким телом. — О, мам! Мама!

Миссис Стенхоуп (она же Люси Болтон, Люси Мередит, Люси Монтгомери, иначе Моретти) лежала на кровати в комнате наверху, которая ждала ее так давно. Она лежала на красивом покрывале в атласном свадебном платье, в котором выходила замуж за Ларри, в окружении всех своих богатств — старых бальных платьев, незаконченного дневника, пустого флакона из-под духов, девичьих недорогих украшений. В том числе жемчужного ожерелья, украшавшего ее шею в день памятной вечеринки.

Теперь она с аккуратно причесанными волосами и розой в сложенных руках выглядела юной и невинной. Но в рисунке губ проглядывала таинственность, в остром подбородке чувствовалась твердая воля. Смерть не смогла стереть с ее лица знаки алчности и коварства, лицедейства и жестокости.

Сначала Арабия горько плакала. Это она попросила положить миссис Стенхоуп в комнате наверху.

— Поймите, я оплакиваю не эту женщину, которую вы знали, — с достоинством говорила она. — Я оплакиваю мою малышку, мою утраченную Люси, которую я так любила.

Она признала, что уже на вечеринке поняла, кто такая миссис Стенхоуп. Поначалу Люси удачно скрывалась за своими очками и приглушенным голосом, что было очень умно с ее стороны. За пятнадцать лет, в течение которых Арабия ее не видела, она очень изменилась. К тому же, у нее был тот тип красоты, который в юности удивительно привлекателен, но к среднему возрасту от этого очарования не остается и следа. Она понимала, что, вероятнее всего, выдать ее может голос, и придумала очень хитрый ход, чтобы замаскировать его, причем лишь однажды потеряла бдительность. Это было в ту ночь, когда Крессида услышала ее крик, потому что мистер Моретти, потеряв терпение в ожидании результатов их замысла, стал грозить и душить ее.

Но на празднике, когда Арабия вдруг объявила, что делает Крессида своей наследницей, миссис Стенхоуп решила: настала пора дать понять, кто она такая на самом деле. Она пошла наверх, якобы для того, чтобы сменить залитое вином платье, а на самом деле, чтобы надеть жемчужное ожерелье, которое Арабия подарила ей на восемнадцатилетие и которое просто не могла не узнать.

Арабия узнала и ожерелье, и своего врага. Тогда-то она и начала записывать, понимая, что, пока завещание не написано ею и не засвидетельствовано, она находится в крайней опасности.

— Но не могла же родная дочь погубить вас, — в ужасе шептала Крессида.

— Она мне не родная дочь, — объяснила Арабия. — Она дочь моей сестры. И жила со мной только четыре года. Наверное, поэтому я и не узнала ее сразу, когда она появилась здесь. Ведь я не растила ее с рождения. Моя сестра вышла замуж за человека, который оказался редким негодяем, просто на удивление плохим человеком. Он бросил ее, и она умерла, когда Люси было пятнадцать лет. Вот тогда Люси и стала моей дочерью. Она была такой хорошенькой, такой ласковой. О, конечно, я баловала ее. А кто бы поступил иначе? Я могла позволить себе это, а она была для меня единственным светом в окошке. Все это веселье, вечеринки и балы — правда. Так оно и было. И розы, и поклонники, и смех. И Ларри, ее первый муж. Он был славный молодой человек и обожал ее. — Арабия умолкла, чтобы вытереть глаза. И тут же нежность исчезла с ее лица, оно стало почти уродливым. — Ларри умер через три года после свадьбы. Яд.

— Это не Люси, — задохнулась Крессида.

— Люси. Его милая любящая жена. О, не обошлось без подстрекательства, заверяю вас. Это все ее гнусный любовник, Монти. Он получил пять лет за пособничество, а надо бы больше, намного больше.

— Монти! — прошептала Крессида, полностью захваченная страшной историей Арабии.

— Да, Монти. Или Моретти. Как вам больше нравится. Я же говорила, это червяк, слизняк воючий. Как могла она так отчаянно в него влюбиться?

— Его имя было в дневнике. А еще начатое письмо. И ребенок! Она должна была родить ребенка от Монти. Поэтому ее и не повесили.

— Бог свидетель, я ничего не знала о ребенке. После смерти Ларри и до ареста она жила здесь. В течение нескольких недель смерть Ларри казалась естественной. Острый приступ гастрита, говорили врачи. Но сиделка что-то подозревала. В общем, ее арестовали здесь, в этом доме. Горюющая вдовушка, которую я всячески ублажала — ах, я-то действительно была опечалена! — сидела в это время наверху и писала о Монти в своем старом дневнике.

— Недостающие страницы, — задумчиво проговорила Крессида. — Вы их вырвали.

— Я уничтожила все, что касалось этой части жизни Люси. Я решила, что со дня своей свадьбы с Ларри она для меня больше не существует. Для меня она умерла трагической и невинной смертью. Только так я могла не сойти с ума.

— Но... ведь она продолжала жить.

— Не для меня. Она была дочерью своего отца, а не матери. Для меня она была ничто. Я вычеркнула ее из своей жизни.

Даже теперь безжалостное величие Арабии производило на Крессида сильное впечатление. Это было так похоже на нее. В своей жизни она признавала только яркие краски, любовь, драму, счастье, но не печаль и поражение. Так что это поражение тоже должно быть вычеркнуто из сознания, словно его никогда и не было.

— Поверьте, я ничего не знала о ребенке, — продолжала она. — А если бы и знала... Что я могла сделать? Но я ничего не знала до того вечера, когда вы принесли мне вязаную перчаточку. Какой удар!

— Этот ребенок — Досон, — заметила Крессида.

Тут Джереми, который до сих пор только молча слушал, вступил в разговор и дал краткое пояснение.

— Он родился в тюрьме, когда Люси уже отбывала свой срок. Отец, который, разумеется, был осведомлен о его существовании, не желал ничего о нем знать. Он вырос в приюте и уже служил у бакалейщика мальчиком на побегушках, когда его мать вышла на свободу. Она сразу же разыскала его и дала ему малую толику любви, которой он никогда раньше не знал. В результате он стал восхищаться всем, что бы ни задумала эта коварная женщина. Она понимала, что явиться сюда открыто, назвавшись приемной дочерью Арабии, — бесполезно, поэтому и появилась здесь под чужой личиной в надежде, что Досон сумеет втереться в доверие к своей двоюродной бабушке. Она была преданной матерью, что, пожалуй, понятно, если учиты-

вать долгое тюремное заключение, и ей просто не приходило в голову, что ее сын не всем кажется таким привлекательным, как ей. А у Досона голова пошла кругом от того, что его любят и восхищаются им. Мозги-то у него хорошие. Он получил работу в аптеке и стал проявлять нездоровый интерес к ядам и наркотикам. Никогда не знаешь, что может пригодиться, говорил он. А тут неожиданно объявился Моретти. Вот вам и гриф, как вы выражаетесь.

Арабия энергично закивала.

— Именно гриф! Самому не хватает духу убивать, но на мертвое тело набросится алчно! Моретти обнаружил, что Люси по-прежнему в его власти. Он думал, что она вернулась сюда, чтобы помириться с приемной матерью, ну, а свой кусок пирога он не намерен был упускать. Когда выяснилось, что никакого примирения не предвидится, Моретти решил вмешаться и поторопить события. — Джереми развел руками. — Ну, а остальное вы знаете.

— Нет, я не знаю, — решительно сказала Крессида. — А как насчет шуток, которые надо мной шутили и которые... — Она повернулась к Арабии. — Простите меня, дорогая, но я думала, что это вы.

— Им было выгодно говорить, что я не в своем уме. Может быть, отчасти я сумасшедшая, но на другой лад. Я вас не пугала, моя милая.

— В основном, это работа Досона, — продолжал Джереми. — У него удивительная способность двигаться бесшумно, и он неистощим на злые выдумки. Это он запер вас в комнате Люси, послал извещение о смерти и преследовал вас в тумане. В тот вечер он дал своей матери безобидную микстуру, от которой она неважно себя почувствовала. Он же дал Мимозе таблетку, которая одурманила ее на время. Ему доставляло мрачное удовольствие рассказывать про убийц и яды. У бедного мальчика действительно изломанный характер.

— А шкаф? — спросила Крессида.

— Эту пьесу поставил и исполнил сам маэстро, который наделен, как выяснилось, замечательным талантом звукоподражателя. Он продержал вас в шкафу достаточно долго для того, чтобы вас охватила паника, а потом ускорил ваш отъезд. Вообще-то, если бы вы не вернулись, Арабии уже ничего не грозило бы, потому что они возвратились бы к своему первоначальному плану — сделать Досона объектом ее привязанности. Но когда они увидели, что вы опять тут, то поняли: Арабия должна умереть прежде, чем будет оформлено ее завещание, по которому вы станете ее наследницей. В конце концов, даже если бы Досону не удалось завоевать ее пылкую привязанность и не было бы никакого завещания, ее наследницей стала бы Люси как ближайшая родственница. Но завещание, по которому все отходило к вам, стало бы для них роковым. И после вашего возвращения у них не было другого выхода.

— Откуда вы все это узнали? — спросила Крессида. — Откуда вы знали, что Арабии нельзя было провести ту ночь в своей комнате?

— Благодаря тому дню, который я провел в постели из-за гриппа, — ответил Джереми. — Никто не знал, что я дома, и я подслушал одно слово, по которому многое понял.

— Какое?

— Чей-то голос — тогда я не узнал его. Но теперь понимаю, что это была миссис Стенхоуп, — сказал "Монти". И мне стало ясно, что враг тут, в доме. Но тогда я боялся, что он обрушится на вас.

— Потому и присидели всю ночь... — прошептала Крессида.

— Это было совсем нетрудно, — ответил Джереми.

— Продолжайте, — повелительно произнесла Арабия. — Отложите на потом вашу любовь.

Глаза Крессиды встретились с глазами Джереми и заметили в них испуганное признание. Нелегко ей было сосредоточиться на том, что оставалось ему рассказать.

— Здесь в нашу историю вступает мисс Глори. Как вам известно, она была до безумия влюблена в Моретти, который, судя по всему, не упускает случая испробовать свое обаяние на любой женщине, невзирая на возраст и внешность. Но в день вечеринки она полностью утратила иллюзии. Когда Мимоза побежала вниз по лестнице (с консервной банкой на хвосте, которую ей привязал милейший Досон) и Крессида, последовав за ней, поскользнулась, мисс Глори узнала правду. Крессида толкнула. И толкнул ее Моретти. Мисс Глори видела это. Естественно, она потеряла всякое доверие к нему и задумала отомстить. В конце концов, она доверилась мне, и мы вместе разработали план. Мы подозревали, что покушение на Арабию состоится в ночь перед тем, как она подпишет завещание, так что надо было заставить ее провести эту ночь у вас, Крессида, а мисс Глори должна была лечь в ее постель. Она все это хорошо устроила, и волосы завилы, и Ахмед спокойно сидел на своей жердочке. Однако он все-таки заметил подмену и крикнул, как вы слышали. Он напугал Люси, и она взвизгнула.

— Люси?

— Всем было известно, что, проснувшись, Арабия выпивала стакан воды, который ставила рядом с кроватью с вечера. Миссис Стенхоуп думала, что будет совсем просто подменить стакан на тот, который она принесла с собой и в котором был растворен бесцветный, но смертельный яд. Стакан подменили. Остальное вы слышали.

Крессида вспоминала обвиняющий вопль, а потом крик дикого ужаса.

— Мы не хотели, чтобы она умерла, — сказал Джереми.

— Так лучше, — пробормотала Арабия. — Гораздо лучше. Что ей оставалось? — Лицо ее искажилось. — Бедная дурочка. Но я должна что-то сделать для мальчика. В конце концов, он выказал порядочность и даже мужество. Хорошая школа, профессия. Как вы думаете, Крессида?

— Да, конечно, вы должны это сделать, — с радостью подхватила Крессида. — И вообще, Арабия, я ведь не хочу ваших денег, и никогда не хотела. Просто позволяла вам так думать, чтобы не ранить ваши чувства.

— Бог вас благослови! — Старая леди расплакалась. — Бог вас благослови, дитя мое. Позвольте открыть одну тайну. Большая часть моих драгоценностей фальшивая. А дом заложен. Это влияние шейха. Он поощрял мою страсть к экстравагантности. Я сорила деньгами направо и

налево. Но я прекрасно пожила. Такое славное, волнующее время. В ту пору жизнь никогда не была скучной. Да что я! Жизнь и сейчас вовсе не скучная. Конечно же, я вижу, вы хотите остаться вдвоем. Очень хорошо, оставайтесь. В конце концов, у меня есть Ахмед и мисс Глори. И мальчик. Я должна сделать что-то для него...

И Арабия вышла, стараясь держаться прямо. Но в эту минуту ни Крессида, ни Джереми не думали о ней и о ее исполненном достоинстве уходе.

— Ну, как поживает Том? — спросил Джереми.

— Ой! — виновато вскричала Крессида. — Ой, какой ужас! Я же забыла прочитать письмо Тома. А ведь оно пришло еще вчера утром.

Джереми заулыбался, бровь его поползла вверх.

— Вы думаете, надо сделать это сейчас?

— О да. Как плохо с моей стороны. Бедный Том. Он решит, что мне все равно.

— А вам не все равно?

Крессида озадаченно нахмурилась.

— Джереми! Пожалуйста, не смущайте меня. Я... я не знаю. Нам с ним нравятся разные вещи. Я... я убежала от этой ужасной кровати. У нее изголовье как могильный камень. Дайте мне хотя бы прочесть письмо.

Она взяла письмо с каминной полки и разорвала конверт. Джереми принялся слоняться по комнате. Он не желал, чтобы она хоть на минуту забыла о его присутствии. Вошла Мимоза и замыкала, требуя внимания к своей особе с распушенным хвостом и исполненными хитрости золотыми глазами. Джереми взял ее на руки и слушал ее глухое удовлетворенное мурлыканье.

— Давай поедем в Париж, Мимоза. И оставим здесь равнодушных девиц, пусть за ними присматривают их скучные провинциальные женихи.

— О, жалкий человек! — крикнула Крессида. — И неделю он не мог хранить верность! Никогда бы не поверила!

Джереми выхватил у нее письмо и прочел: "Кресс, я ничего не могу поделать, у меня такое чувство, что мне все больше и больше нравится Мари Мэден. У нас с ней так много общего..."

Джереми подбросил письмо в воздух и расхохотался.

— Славный старина Том! Соль земли!

— Джереми! Неужели вас не волнует, что меня оскорбили?

— Оскорбили, вы говорите? — Он схватил ее в объятия и закружил по комнате. — А это вас оскорбляет? Или вот это? О, Крессида Люси, я вас обожаю с той минуты, как вы свалились практически мне в руки на ступеньках дома Арабии. А вы меня любите? Подарите ли вы мне всю ту любовь, которую никогда не дарили Тому? Крессида, я спрашиваю вас!

Конечно же, она его любит. Она поняла, что обязательно влюбится в него, как только раскрыла глаза, лежа на его кушетке, и встретила его сияющий взгляд. И что еще более важно, это было ясно всем, даже милому мистеру Маллинзу, которого беспокоила дружба Крессиды с Ара-

бией из-за трагической ее хитрости, но который, храня верность, ни словом о ней не обмолвился.

Но уж слишком уверен Джереми в ее ответе. Он заслуживает того, чтобы поддержать его некоторое время в неизвестности. Она хотела его помучить. Но вдруг в голову ей пришла забавная мысль, которой нельзя было не поделиться, — ее лицо озарилось счастьем оттого, что рядом с ней находится человек, с которым она будет делиться забавными мыслями всю жизнь.

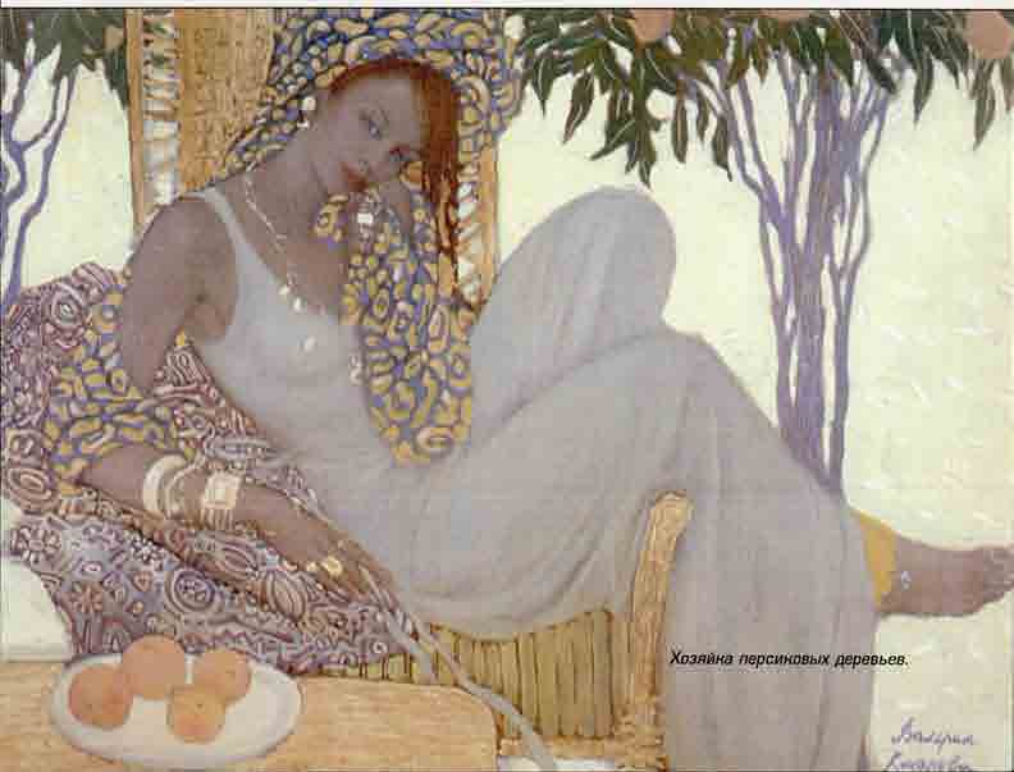
— Джереми! — с озорной улыбкой произнесла Крессида. — Давайте пошлем Тому что-нибудь страшно викторианское в качестве свадебного подарка. То-то ему понравится!

Перевод с английского Натальи Мальхиной. ■

ВАЛЕРИЯ КОЦАРЕВА

Мир, созданный этой молодой московской художницей, — необычайно гармоничен и уравновешен. Это тихий, без бурь и потрясений, ласковый мир женщины. В нем много цветов, красивых девушек и детей.

Хозяйка персиновых деревьев.

*Валерия
Котзарева*

Дети на берегу моря, на лугу, усеянном цветами, на уютной летней веранде. Действие на полотнах Валерии протекает неторопливо и плавно, словно замедленная съемка в кино. Между героями — молчаливый диалог, интрига лишь угадывается, ситуация кажется уже пережитой. Все очень спокойно, умиротворенно и эстетично. И почти каждая работа насыщена пронзительно белым цветом. Белый цвет, пожалуй, самый любимый художницей. Он — как символ вечного, вневременного совершенства. Подчеркивает юную чистоту и даже, как ни странно, будит фантазию. "Сумеречное настроение", "А я не ревную" — именно тот случай. Недосказанность, полунамени, неразрешенные конфликты...

Композиции своих картин Валерия выстраивает, как кадр кинофильма. И это понятно. Ведь она заканчивала ВГИК по специальности "художник по костюму кино и телевидения". А до этого были художественная школа и художественное училище имени 1905 года. Отец — художник-дизайнер — первый заметил способности дочери, а вот старшая сестра, тоже художница, стала для Валерии своеобразной музой. Именно она служит моделью для большинства картин Валерии.

"Главное для меня, — говорит Валерия, — освобождение от суетности бытия. Я сознательно ухожу в выдуманный мной мир: созерцания, раздумий. Это мир камерных чувств — затаенных и мечтательных. Немного мистики, немного романтизма".

В творчестве Валерии сталкиваются реальность и вымысел, и при точности натуры присутствует некоторая недосказанность, словно художница предлагает зрителю прочесть между строк скрытый смысл сюжета. Так, например, картина "Бе-

рег Белого моря", где на берегу моря изображены прелестная молодая женщина и мальчик, держащий раковину, — строится на полутонах, недоговоренности. А в композициях "Завтрак", "Прогулка", "Утро" — четкая ассоциация с другим временем, потому упор делается на символическом обобщении. На память приходят и образы тургеневских девушек, и изысканные интерьеры Вермеера Дельфтского. И всем этим работам

свойственна особая пластика, попытка метафорического истолкования пространства. Валерия связывает цвета с чувствами, которые хочет выразить, и как бы проверяет на слух эту музыкальную гамму.

Первая выставка художницы прошла семь лет назад в Доме кинематографистов, когда она еще училась в институте. Тогда же ее пригласили сотрудничать с московскими галереями "Элита", "Замоскворечье", "Ари-

на". А в конце прошлого года у Валерии состоялась персональная выставка в галерее Дюссельдорфа, в Германии. Сейчас она готовится к выставке, которая пройдет в Манеже. И хотя Валерия еще очень молода, желания ее, похоже, уже сбываются. Она свободный художник. И надо добавить — щедрый. Потому что дарит своим зрителям красоту и искренние чувства...

Людмила Кандалова ■

В ТРИ ПОГИБЕЛИ

ОТ ОСТЕОХОНДРОЗА
не умирают, но жить
с НИМ — МУЧЕНИЕ

Все болезни —
от нервов...

Андрей Головенкин, мануальный терапевт

«У вас лечат острый хондроз?» — спрашивают иногда мои пациенты, явно ассоциируя название известного недуга с производными от слов хондра, хондрить. Забавная aberrация человеческого слуха, но не случайная. Сопровождается это заболевание, как правило, острыми, резкими прострелами — чаще в нижней части спины и шее. Ясно, что хорошего, бодрого настроения и радостного мироощущения такое самочувствие человеку не приносит.

Вообще же, «остеон» в переводе с греческого означает «кость», а «хондроз» — «хрящ», то есть остеохондроз — это заболевание позвоночника, состоящего из позвонков и межпозвоночных хрящей (дисков). Сущность остеохондроза — в старении и изнашивании межпозвоночных дисков, которые теряют способность к расширению (амортиза-

ции), а также в смещении позвонков и сращивании их. Именно из-за этого человек с возрастом уменьшается в росте, становится все более согнутым.

Часто мои пациенты после лечения с удивлением обнаруживают, что стали не только стройнее, но и выросли на несколько сантиметров. А все потому, что благодаря мануальной терапии позвоночник вновь стройный и гибкий, как в молодости, да и сами пациенты молодеют. Особенно наглядно это подтверждается у женщин: они от сеанса к сеансу расцветают, словно сбрасывая груз лет. После курса мануальной терапии в сочетании с индивидуально подобранными упражнениями и массажем они становятся моложе на десяток лет.

Почему восстановление позвоночника так влияет на весь организм? А вы вспомните, что через него проходит спинномозговой канал, в котором находится спинной мозг. От него отходят нервные корешки, управляющие нашими органами и системами. Вам, конечно, знакомо выражение — «все болезни от нервов»? Так оно и есть. Поэтому состояние позвоночника — это состояние всего организма. Можно сказать без преувеличения: позвоночник — стержень жизни...

Я много раз наблюдал, как при лечении остеохондроза люди избавляются от гастритов и колитов, от язвенной и мочекаменной болезни, от бронхиальной астмы и кожных заболеваний. А еще — поверьте мне! — от фригидности и импотенции. У меня была пациентка, которая прожила в браке пять лет и не могла забеременеть. Ее долго и безуспешно лечили специалисты по бесплодию, и она уже поставила на себе крест. А ко мне пришла, как вы понимаете, совершенно по другому поводу. Накануне же было мое удивление, когда, избавившись от остеохондроза, она однажды позвонила и счастливым голосом сообщила, что готовится стать ма-

Будьте здоровы!

терью. Добавлю, что роды у нее прошли легко, без осложнений, ребенок родился здоровым... Кстати, статистика показывает, что женщины страдают остеохондрозом чаще мужчин. Возможно, они просто чаще обращаются к врачам, но есть, конечно, и объективные, чисто физиологические причины. Беременность, роды и уход за ребенком в первые годы его жизни, когда женщина испытывает большие физические нагрузки, провоцируют заболевание. Да и сама жизнь наших женщин гораздо труднее, чем у мужчин. Попробуйте-на отработать положенное, потом потолкаться по магазинам, потом приготовить, подать, убрать, постирать и т.д. И так каждый день. Откуда тут взяться стройности, грации?

К сожалению, количество заболевших с каждым годом увеличивается, сегодня остеохондроз составляет 70 процентов среди всех заболеваний периферической нервной системы. Снижается и возраст больных. Довольно часто это дети 12-15 лет. И неудивительно, ведь они по многу часов сидят неподвижно за уроками и перед телевизором, носят тяжелые портфели, а физкультурой занимаются мало. В результате нарушается осанка, потом искривляется позвоночник — возникает сколиоз, который приводит к ранним проявлениям остеохондроза. Но все-таки чаще это, конечно, болезнь людей среднего и пожилого возраста.

"Звоночки" от позвоночника

Волею судьбы я, врач скорой помощи, как-то попал на курсы усовершенствования врачей по неотложной неврологии. И там преподаватель познакомил нас с отдельными приемами мануальной терапии. Я к тому времени уже имел некоторое представление о предмете, так как, прочитав множество специальной

литературы по заболеваниям позвоночника, конечно, наткнулся и на эту древнюю науку, именуемую в народе костоправством.

Когда преподаватель решил показать манипуляции на позвоночнике, я предложил использовать в качестве пациента меня — у меня тогда начиналось очередное обострение остеохондроза. Преподаватель провел на мне всего две простенькие манипуляции, и вдруг я почувствовал необычайную легкость во всем теле, подвижность и гибкость спины. Улетучилась ноющая боль. С этого дня началось мое постепенное выздоровление.

Что же такое мануальная терапия, и чем она отличается от обычного массажа? "Манус" — рука. Это воздействие руками на позвоночник, мышцы, суставы, но в отличие от массажа — более глубинное воздействие. Приемы мануальной терапии можно лечить даже внутренние органы.

А лечение остеохондроза всегда начинается с правильной постановки и коррекции каждого позвонка и позвоночника в целом. Но этого мало! Обязательно надо привести в порядок мышцы и связки, размягчив их путем массажа и укрепив путем специально подобранных упражнений. Создается так называемый мышечный корсет, облегчающий нагрузки на позвоночник.

Поскольку позвоночник находится в неразрывной связи с мышцами и связками, его окружающими, то, не добившись их мягкости и эластичности, невозможно полностью привести в порядок позвоночник. И не верьте тем мануальным терапевтам, которые, хрустнув пару раз вашими позвонками, говорят, что вы уже здоровы. Без работы с мышцами и связками полное излечение невозможно! Скорее всего, вы очень скоро получите новое обострение.

Искусный мануальный терапевт способен творить чудеса. Самая "прият-

ная" для позвоночника поза — лежа. Но это не значит, что самая полезная. Просто в горизонтальном положении позвоночник испытывает минимальные нагрузки. В положении стоя нагрузка, например, на поясничные позвонки возрастает в два с половиной раза, а сидя в согнутом положении — в 10 и более раз, так как здесь действует закон рычага. Вот почему больше всего страдают обострениями остеохондроза поясничного отдела позвоночника люди так называемых сидячих профессий: бухгалтеры, экономисты, водители.

Конечно, дело не только в профессии, но и в физических данных каждого человека. Если он тучный и рыхлый, а мышцы у него слабые, то нагрузка на позвоночник возрастает во много раз. И наоборот, упругий пресс и крепкие мышцы спины берут на себя 30-50 процентов нагрузки, идущей на позвоночник. Кроме того, при правильных и регулярных физических упражнениях тренируются не только мышцы и связки, но и улучшается структура самих костей — они приобретают упругость и прочность и могут выдерживать огромные нагрузки. А вот у малоподвижных людей кости становятся ломкими и хрупкими — из них вымывается кальций.

(Так и быть, скажу для безнадежных ленивцев: одним из самых лучших продуктов, содержащих кальций, является мед. Съедая в день хотя бы одну столовую ложку меда, вы избежите повышенной ломкости и хрупкости костей.)

Безусловно, движение — жизнь! Это истина. Но, к сожалению, многие о ней забывают, особенно с возрастом. Надо постоянно и регулярно давать адекватную нагрузку на весь организм, заставляя двигаться каждый сустав, а вместе с ним — сокращаться и растягиваться мышцы и связки. Если этого нет, может развиваться полная неподвижность сустава.

Часто ко мне обращаются люди с сильно запущенным остеохондрозом, когда уже развилась частичная неподвижность того или иного сустава. В этих случаях стараюсь путем специальных упражнений, иногда через боль, вернуть больному радость движения. Но всегда предупреждаю, что многое зависит от самого человека: достигнутый успех надо постоянно поддерживать и развивать. К сожалению, есть пациенты, которые из года в год приходят ко мне с обострениями остеохондроза, каждый раз все более тяжелыми. Болезнь продолжает свое наступление на них, потому что они не выполняют рекомендаций и не желают менять жизненный уклад. Нет, дорогие мои, хотите быть здоровыми — не ленитесь, работайте над собой, не надейтесь, что врач все исправит.

Но и работать над собой надо с умом: давать организму достаточную нагрузку, но не чрезмерную. Запомните: позвоночник не любит резких движений, особенно с ротацией, то есть с поворотом вокруг оси.

Особенно вредны чрезмерные нагрузки для растущего позвоночника. И тут могу поделиться собственным печальным опытом. Так хотелось в детстве побыстрее стать сильным. Еще в начальной школе я до изнеможения поднимал чугунный утюг. Затем, в 11-13 лет, приезжая летом в деревню, старался почаще и побольше носить воду из колодца. В 14 лет увлекся гириями, опять же — чрезмерно нагружая себя и делая многие упражнения неправильно. А уже в 16 лет, во время похода, когда приходилось таскать тяжеленные рюкзаки и байдарики, возникли первые острые боли в пояснице...

Сегодняшние пацаны делают те же ошибки. Помогите им избежать их и не калечьте детей сами. Вот, например, сейчас очень моден большой теннис, и многие родители отдают своих детей в

секцию с 6-7 лет. Непростительная поспешность: ребенок подолгу находится в полусогнутом положении, нагрузки на разные части тела неодинаковы, да и ракетка для малыша еще тяжеловата. Стоит ли удовлетворять собственные амбиции за счет здоровья детей?

Если рядом нет специалиста

Конечно, если остеохондроз уже заявил о себе изматывающей болью, лучшее, что вы можете сделать, — обратиться к опытному мануальному терапевту. Но! Во-первых, не везде такой специалист есть. Во-вторых, не всякий, назвавший себя мануальным терапевтом, таковым является. В последнее время расплодилось немало "умельцев", прошедших двухнедельные курсы и решивших, что уже вправе пользоваться больных. Такой подход только дискредитирует действительно хороший метод. Если вы не уверены в докторе, лучше не рисковать, а попробовать самому помочь себе несложными, но обязательно регулярными упражнениями.

Для каждого типа остеохондроза, в зависимости от локализации боли, необходимы свои упражнения. Но могу дать вам, дорогие читатели, полезные общие рекомендации, которые станут для вас прекрасной профилактикой обострений остеохондроза.

1. Подготовительные упражнения.

а) Лечь спиной на иппликатор Кузнецова на 15-20 минут, постепенно прорабатывая сначала пояснично-крестцовый отдел (сгибая ноги и подтягивая колени к груди); затем грудной отдел (глубокие вдохи и выдохи, напрягаясь и расслабляясь); воротничковую зону (упираясь ступнями в пол, приподнимать таз и поясницу). Лежать на иппликаторе до появления тепла и даже жара в спине.

б) Если нет иппликатора, то любимым массажером или скрученным полотенцем промассировать ступни ног, икры и бедра, а затем и всю спину до чувства тепла в этих частях тела.

2. Упражнения на укрепление мышц живота.

Исходное положение: лежа на спине на ровной поверхности или наклонной доске.

а) Руки в замке на затылке, ноги согнуты в коленях, упираются в пол на

ширине плеч. Движение коленями и животу и обратно до появления мышечной боли. Для утяжеления упражнения выполнять его на наклонной доске, ноги внизу.

Лежа на спине, согнуть колени, обхватив каждое колено (левое — левой, а правое — правой) рукой. На вдохе — плавно тянуть колени на себя, головой стараясь достать колени или продви-

4

5

6а

б) Плавное сгибание верхней половины грудной клетки на 30-40 градусов. Выполнять до появления мышечной боли. Для утяжеления упражнения делать его на наклонной доске, лежа головой вниз.

в) Плавно сгибать туловище в грудном отделе наискосок, т.е. правым локтем к левому колену и затем левым локтем к правому колену, не разрывая сцепленных на затылке рук. Выполнять до появления мышечной боли.

3. Упражнения для малого таза.

Исходное положение: лежа на спине, руки вдоль тела, ноги согнуты в коленях, ступни вместе, упираются в пол.

а) Делаем плавный подъем таза до линии "колени — подбородок" или чуть выше и возвращаемся в исходное положение. Выполнять до усталости, в перспективе — 100-150 раз.

б) Ступни ног упираются в пол как можно дальше друг от друга. Плавно поднимаем таз и на высоте подъема крепко снимаем ягодичцы, опускаясь, расслабляем их.

4. Упражнения для растяжения мышщ-сгибателей спины.

нуть ее между ними как можно дальше, задержать дыхание на 5-7 секунд и смотреть при этом вверх. Затем — взгляд вниз между коленей, выдох, расслабление и в то же время еще более сильное притягивание коленей к голове. Повторить 3-5 раз, с каждым выдохом увеличивая сгибание туловища.

Затем поначаться на согнутой спине, не выпуская коленей, и сесть с раскочки.

5. Упражнение для растяжения мышщ-ротаторов спины с использованием изометрии.

Сидим на полу, правая нога согнута в колене на 90 градусов и лежит на полу, левая согнута в колене и стоит над правой ногой. Голеностопный сустав левой ноги касается колена правой. Туловище поворачиваем влево, правым локтем упираемся в левое колено. Задерживаем дыхание на вдохе на 5-7 секунд и при этом пытаемся развернуть корпус вместе с головой вправо, а правым локтем, упирающимся в левое колено, оказываем минимальное сопротивление. Затем поворачиваем корпус и голову влево, делаем выдох, расслабляемся и одновременно увеличиваем ротацию туловища влево. Повторяем 3-5 раз, с каждым разом увеличивая ро-

тацию влево и продвигая правый локоть ближе к левому тазобедренному суставу. Выполнять то же упражнение в другую сторону, меняя расположение ног.

бать туловище к полу и возвращать в горизонтальное положение, можно с небольшим прогибанием назад. Постепенно довести выполнение упражнения до 30 раз, затем утяжелить его,

7

86

8г

6. Упражнение для укрепления мышц спины и таза.

Исходное положение: лежа на животе.

а) Под область таза подложить пару подушек или свернутое одеяло так, чтобы тело приняло полусогнутое положение.

Руки за спиной сцеплены на пояснично-крестцовой области. На вдохе плавно выпрямляем туловище относительно пола до горизонтального уровня. На выдохе — расслабление и возвращение в исходное положение. Повторить 5-7 раз.

Исходное положение то же, но руки сцеплены на затылке. Выполнять также 5-7 раз.

Руки вытянуты перед собой. На вдохе приподнять руки от пола, вытянуть их как можно сильнее вперед, смотреть вперед и тянуться за ладонями. Повторить 5-7 раз.

б) Для освоивших и легко выполняющих предыдущие упражнения — лечь областью таза лицом вниз на табуретку, голени закрепить сверху или их должен кто-то держать, руки находят-ся в замке на затылке. Плавно сги-

добавив на затылок груз в 3-5 кг, и снова постепенно довести до 30 раз.

в) Исходное положение такое же, как в предыдущем упражнении, но при выполнении разворачивать туловище то вправо, то влево по 5—10 раз в каждую сторону.

7. Упражнения для снятия напряжения в мышцах спины.

После выполнения предыдущего упражнения рекомендую встать на колени и локти и выполнять плавные сгибания и прогибания в спине — так называемое упражнение "проснувшейся кошки". Затем можно встать, ноги на ширине плеч, руки на поясе, проделать вращательные движения тазом по 30—60 раз в обе стороны.

8. Упражнения для растяжения мышц и связок плечелопаточной области.

а) Сидя или стоя. Правая рука согнута в локте и максимально заведена за левое плечо, ладонь левой руки удерживает локоть правой. На вдохе задерживаем дыхание на 5—7 секунд и оказываем минимальное давление ладонью

левой руки на локоть правой в сторону ограничения движения, то есть пытаемся еще дальше завести правую руку за левое плечо. Самой же правой рукой при этом оказываем также минимальное сопротивление ладони левой. На выдохе расслабляем правую руку и еще дальше заводим ее за левое плечо. Повторить 3—5 раз. Затем поменять положение рук и все повторить.

б) Правая рука согнута в локте и максимально заведена за голову, ладонь левой руки обхватывает локоть правой руки. На вдохе задерживаем дыхание на 5—7 секунд и оказываем минимальное давление ладонью левой руки на локоть правой в сторону ограничения его движения, при этом локтем оказываем сопротивление. На выдохе расслабляем правую руку и еще больше заводим ее за голову в левую сторону. Повторить 3—5 раз, затем то же проделать с другой рукой.

в) Руки согнуты в локтях за спиной. Правая рука максимально заведена в левую сторону.левой ладонью крепко удерживать правую руку за запястье. На вдохе оказываем минимальное давление на правую руку в сторону ограничения ее движения, то есть тянем ее в левую сторону, самой же правой рукой оказываем минимальное сопротивление в течение 3—5 секунд. А на выдохе расслабляем правую руку и дальше заводим ее влево. Повторить 3—5 раз, затем поменять руки.

г) Руки сцеплены в замок за спиной, причем одна согнута сверху, другая снизу. Если руки не достают друг до друга, то использовать полотенце. На вдохе тянуть руки в разные стороны (одну вверх, другую вниз). На выдохе расслабить руки и увеличить их движение навстречу друг другу. Повторить 3—5 раз. Проработать две позиции: а) верхняя рука согнута со своей стороны и заведена за свое плечо, б) верхняя рука согнута и заведена за плечо другой руки.

9. Упражнения для мышечно-связочного аппарата шеи.

а) Статические упражнения.

Стоя или сидя. Руки в замке на: 1) затылке, 2) лбу, 3) подбородке. Затем руки раздельно: 1) правая ладонь на правом ухе, 2) левая ладонь на левом ухе. Руки и голова неподвижны, оказывают друг на друга плавное обоюдное минимальное давление по 10 секунд в каждой позиции.

б) Динамические упражнения, то есть последовательные плавные движения головой.

1) Вправо-влево в горизонтальной плоскости, постепенно увеличивая амплитуду движения, стараясь с каждым разом как можно дальше заглядывать за плечо. Повторить 20—30 раз в каждую сторону.

2) Вправо-влево во фронтальной плоскости, плавно наклоняясь правым ухом к правому плечу, затем левым ухом к левому плечу, смотреть прямо перед собой, плечи неподвижны. Повторить 20—30 раз в каждую сторону.

3) Наклоны головы вперед 20—30 раз.

4) Наклонить голову как можно ниже и подвигать подбородком параллельно грудной клетке. Повторить 10—15 раз. То же упражнение, но голова уже поставлена прямо, без наклона к груди.

5) Встать в угол комнаты так, чтобы плечи были закреплены между стен, и попытаться подвигать головой вправо и влево, но наклоняя голову и смотря прямо перед собой, 10—15 раз.

в) Обхватить ладонями голову так, чтобы большие пальцы находились на скуловых дугах, а остальное — на затылке. На вдохе поднимаем взгляд вверх, задерживаем дыхание на 5—7 секунд, оказывая минимальное давление затылком на пальцы рук. Затем — взгляд вниз, делаем медленный выдох, расслабляем мышцы шеи и плавно вы-

тягиваем голову вниз и вперед. Повторяем 3—5 раз, с каждым разом увеличивая наклон головы и ощущая, как тянутся мышцы шеи и верхнегрудного отдела спины.

10. Изометрическое упражнение для растяжения всех мышц спины.

Повиснуть на перекладине (высота такая, чтобы до перекладины доставать вытянутыми руками). Ноги, несколько согнутые в коленях, не должны доставать до пола. На вдохе посмотреть вверх, чуть-чуть запрокинув голову назад, задержать дыхание на 5—7 секунд, продолжая смотреть вверх. Затем перевести взгляд вниз, слегка наклонить голову и сделать медленный выдох, расслабляя мышцы спины. Повторить 3—5 раз, с каждым разом все больше и больше растягиваясь, а затем мягко сойти с перекладины.

Если есть боли в ягодице или ноге, старайтесь в дальнейшем при упражнении на перекладине держать мышцы ягодиц в напряженном состоянии и не расслаблять их на выдохе, а расслаблять лишь мышцы спины. Тем, кто хорошо овладел этим упражнением, можно рекомендовать во время выдоха и расслабления мышц спины делать плавные ротационные движения туловищем вправо-влево по 2—4 раза в каждую сторону, постепенно увеличивая ротацию.

11. Упражнение на дыхание с элементами аутотренинга.

Лежа на спине. Ноги согнуты в коленях, упираются в пол на ширине плеч, руки вытянуты вдоль тела и свободно лежат на полу. Сделать глубокий полный вдох, максимально расширяя грудную клетку, представляя при этом: вы поглощаете какую-то энергетическую субстанцию ("энергетическое облачко"), которая заряжает ваш организм новой энергией, оздоравливает и обновляет все клетки вашего тела. Задержать дыхание на 5—7 секунд. За-

тем сделать медленный выдох носом, представляя при этом, что "энергетическое облачко", которое вы поглотили, движется по позвоночнику и выходит в том месте, где у вас боль, или через копчик. Продолжать такое дыхание 5—10 минут, отмечая с каждым выдохом, что вы все больше наполняетесь новой жизненной силой, а боль уходит, уходит совсем и больше никогда не появляется в вашем теле.

Это дыхательное упражнение можно применять и в целях профилактики, и для снятия сильного болевого приступа, продлевая его выполнение до 40—60 минут.

Все это — основа вашего оздоровительного комплекса. Делайте эти упражнения регулярно, каждый день, в крайнем случае, через день. Желание, настойчивость, целеустремленность — и победа будет за вами! ■

конкурс! КОН

Итак, дорогие друзья-кулинары, в этом номере мы, как и обещали, подводим итоги нашего конкурса "Пальчики оближешь".

Если помните, ваши рецепты мы начали публиковать в № 12 прошлого года. Жюри с удовлетворением отмечает, что конкурс получился на славу, наши читатели оказались очень изобретательными поварами — в редакции теперь есть рецепты от самых простых блюд до самых изысканных, таких, какие готовят только в ресторанах. Коротче говоря, у жюри было много работы, чтобы определить победителей конкурса, ведь надо было призовые блюда еще и приготовить, а потом, естественно, попробовать.

Прежде чем назвать победителей, познакомьтесь еще с несколькими вкусными рецептами наших читателей.

Е.В. Турбин из города Насли Челябинской области пишет: "Совсем недавно кроме жареной картошки да яичницы ничего не умел приготовить. Теперь мне по плечу супы, каши и холодные закуски — жена и дочь мои блюда встречают на "ура!"

Паштет лечебный

Шпротный паштет выложить в миску или вазочку, добавить 100 г майонеза, 3-4 зубчика тертого чеснока, перемешать, слегка охладить в холодильнике. Блюдо готово. Можно делать бутерброды, есть ложками. Для праздничного стола украсьте паштет зеленью, вареным яйцом. Отличная получается закуска!

Буженина особая

Свиную голову (продукт недорогой) разрезать на 10-12 частей, сложить в большую эмалированную кастрюлю, посолить, поперчить и поставить на медленный огонь. У нас на печи кастрюля стоит всю ночь. Утром кинуть в нее несколько лавровых листиков. А еще теплые куски мяса, дав стечь бульону, отделить от костей, затем уложить на марлю слоями: слой постного мяса, слой сала, между ними — чеснок. Марлю сверху завязать, придать грузом и поставить в холодное место. Охлажденный спрессованный кусок освобождается от марли, режется ножом — вкусно и дешево! Этот рецепт годится и как основа для приготовления заливного мяса или холодца.

Татьяна Яковлевна Шубина из Москвы делится своими секретами: "Многие хозяйки с пренебрежением относятся к свежемороженой салане. А я готовлю из нее вкусную закуску наподобие сардин. Моим домашним она очень нравится. Попробуйте и вы.

"Сардинки" домашнего приготовления

Салану очистить от чешуи, отрезать голову, удалить внутренности и тщательно промыть. Каждую рыбку слегка натереть солью, уложить на противень в один слой и поставить на 20 минут в нежаркую духовку. После этого сложить салану в кастрюлю или жаровню, залить растительным маслом, добавить лавровый лист, перец горошком и

курс! конкурс!

поставить в духовку на полтора-два часа. Готовность салата можно определить по сухой золотистой корочке. Хранить ее следует в прохладном месте.

Салат «облава»

Отваренную до полуготовности свеклу порезать на кружн
ни, обвалять в
м у -

не, посо
лить и обжа
рить с двух
сторон. Сняв
свеклу со сковоро
ды, посыпать ее тер
тым чесноком, поперчить
и подать с майонезом или
сметаной. Дешево, полезно,
вкусно!

Татьяна Андреевна Нуйдина из Азова Ростовской области, наша постоянная читательница, прислала целую тетрадь рецептов. Вот самые оригинальные:

«Красная икра»

1—2 селедки вымочить в молоке или воде. 200 г свежей моркови натереть на мелкой терке. 1 плавленый сыр и 100 г сливочного масла

нан следует растереть. Все продукты пропустить через мясорубку, придать блюду красивую форму и поставить в холодильник. «Икру» можно подать на закуску, делать бутерброды, украсив их зеленью.

Домские баранчики

Замесить крутое тесто из муки, яиц и воды. Для фарша сварить картофель, растереть его и смешать с жареным на растительном масле луком. Тесто тонко раскатать, вырезать ста-

каном кружочки и, разложив начинку, варить в подсоленном кипятке. Подавать вареники с растительным маслом и жареным луком.

В.В. Бледных из станицы Шапсугской Краснодарского края предлагает

быть любой по вкусу, но не слишком жирной.

Ирина Емельчева из Краснодарского края фантазирует на своей кухне таким образом.

Сытное окошечко

У нескольких кусочков белого хлеба — количество зависит от аппетита и числа жаждущих завтрака — вырезать мякоть по краям корочки. Получается окошечко. Поджариваем его на масле с одной стороны. Переворачиваем и сразу внутрь окошечка разбиваем яйцо. Закрываем сневородку крышкой и доводим до готовности. Выложив "окошечки" на тарелки, посыпать рубленой зеленью. Еще вкуснее это блюдо будет с любым простым, по сезону, салатом, приправленным подсолнечным маслом. Это может быть редис с зеленым луком и укропом, огурцы с зеленью и т.д.

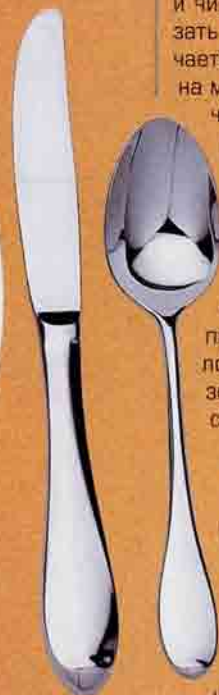
Плов "Желудочность"

Тщательно промытый рис поджарить со сливочным маслом до прозрачности, переложить в кастрюлю, залить водой (сверху 2—3 см) и поставить в духовку. 200—400 г колбасы или сосисок, нарезанных кубиками, поджарить с нашинкованным луком в растительном или сливочном масле до золотистого цвета лука, добавить нарезанный перец и крупно потертую морковь и довести до готовности. Теперь смешать все это с рисом. Нюхать, пропорции продуктов берутся по вкусу.

К этому плову я подаю соус "Гроза": хорошо перемешать сметану, очень много измельченного чеснока, соль, мелко порезанную зелень, молотый перец.

Бартерный картофель

Несколько картофелин почистить, срезать "крышечки" и вынуть серединку. Приготовить начинку из мелко порубленных — репчатого лука, чеснока, хрена, моркови, кусочка свежего сала или сливочного масла — и начинить картофелины. Закрывать отверстия крышечками и поставить в духовку. Наню только услышите вкусный запах — вытаскивайте. Кстати, начинка может

Е. Н. Пешкова из Вилючинска Намчатской области делится весьма оригинальными рецептами:

Крапивные пельмени

Хорошо промытые листья крапивы обжарить с луком и остудить. Приготовить тесто: два стакана муки просеять, насыпать горной и в углубление вылить 1 стакан горячей воды. Тесто слегка посолить, хорошо перемешать. Лепить и варить пельмени как обычно. Подавать с любимыми приправами: маслом, сметаной, соусами.

Жареное варенье

В высокую сковороду высыпать малину или клубнику. Жарить, помешивая, 15 минут. Высыпать равное по весу ягодам количество сахара. Снова жарим, помешивая, еще 15 минут. Горячее варенье раскладываем по банкам.

Л. А. Соболева из поселка Красные Баки Нижегородской области прислала старинный, очень простой рецепт, доставшийся ей от бабушки.

Молокочный суп

В цельное коровье молоко положить свежие грибы, лучше всего белые, но подойдут и подберезовики, подосиновики, маслята. Посолить, поставить в русскую печь. Вот и все. Норма продуктов произвольная. Ничего не добавляйте в такой суп: лук, картофель, морковка — все это изменит и испортит вкус "бабушкиного" супа.

Белла Абдулаевна Батырова из Махачалы любит угощать своих гостей творожным пирогом —

Чуду

Замесить мягкое тесто, соединив муку с 1 яйцом, 1 чайной ложкой сахара, щепоткой соли, стаканом ке-

фира и 0,5 чайной ложки соды. Разделить тесто на 2 неравных части и, раскатав большую часть, положить на смазанную маслом сковороду так, чтобы края были приподняты. Сверху положить начинку и накрыть ее меньшей лепешкой, тщательно слепив края. Смазать верхнюю лепешку желтком, а посередине сделать дырочку. Выпекать в духовке 30—40 минут при температуре 200°. Готовый пирог накрыть чистым полотенцем на полчаса — от этого он станет еще вкуснее.

Начинку приготовить из творога, яиц, поджаренного на масле или маргарине лука, любимых специй, молотого перца, соли — количество зависит от размера сковороды или формы для выпечки.

На этом мы заканчиваем публикацию рецептов. От души благодарим всех, кто принял участие в конкурсе. Победителями его, по единодушному мнению жюри, стали:

- I место печь СВЧ получает Ирина Емельяева из Краснодарского края.
- II место печь-гриль завоевала И. А. Нуйдина из Азова Ростовской области.
- III место ростер вручается Татьяна Шубиной (Москва).

Жюри нашло возможным отметить поощрительным призом — годовой подпиской на журнал "Смена" — и кулинарные способности одного мужчины — это Е. В. Турбин из Насли Челябинской области.

Поздравляем всех призеров, высылаем призы по почте и приглашаем других читателей "Смены" принимать активное участие в наших конкурсах! ■

Мы продолжаем знакомить Вас с "маленькими хитростями", столь нужными в семейной жизни, домашнем хозяйстве. Как всегда, ждем ваших писем с откликами и собственными советами...

Взрослым — о детях

Чтобы на детской кровати не сбивалась простынка, рекомендуем к нижней стороне матраца пришить зажимы от старых подтяжек. Защелкните ими края простыни. Приспособление, кроме того, поможет вам (особенно ночью!) сменить простынку.

Наклеивать аппликации на детскую одежду из ткани, выдерживающей высокую температуру, очень удобно с помощью полиэтиленовой пленки и утюга. Пленку вырезают по контуру рисунка, кладут между аппликацией и тканью и проглаживают горячим утюгом.

Из старой шапки-ушанки можно сделать отличные меховые рукавички для ребенка. От шапки отрезают уши, делают в них отверстия, пришивают палец — и морозы не страшны.

Просмолить деревянные лыжи можно и без помощи газовой горелки. Для этого нужно использовать электролампочку мощностью 200 Вт с отражателем. Прогрев получается равномерным и глубоким, а пропитка окажется качественной.

Если под воротником пальто пришить крючок, то школьная сумка, которую носят через плечо, спадать не будет.

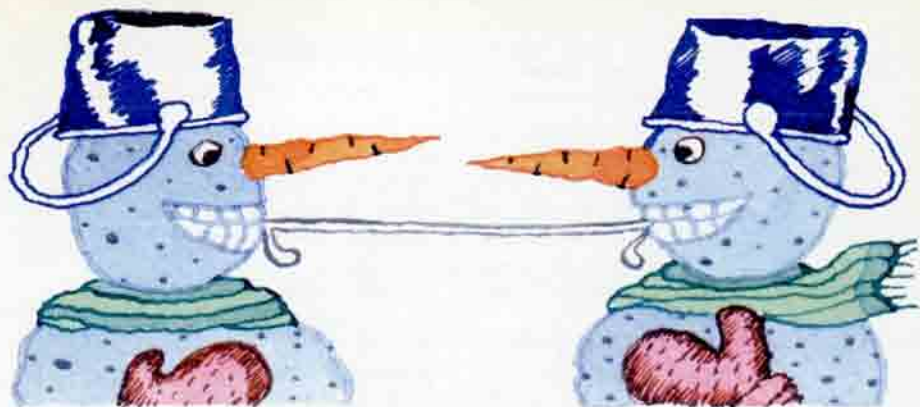
Если у портфеля сломался замок, то лопнувшую пружину можно заменить куском пористой резины. После такого ремонта замок будет служить исправно.

Много хлопот доставляет жевательная резинка, прилипшая к детской одежде. Приложите к ней на несколько минут кусок льда — она легко снимется.

Высохший фломастер прослужит еще немало, если его "оживить" 2-3 каплями бензина. Только не забывайте плотно фломастер закрывать.

Можно не отмечать рост ребенка на дверном косяке. Лучше наклейте на стену клеенчатый сантиметр — сразу будет видно, насколько вымахало ваше чадо.

Если шариковая ручка стала плохо писать, следует подержать кончик стержня над огнем или в кипятке, затем опустить его в холодную воду и сделать "пробу пера".

В некоторых домах форточкой служит узкая створка рамы. Для детей она представляет определенную опасность. Укрепив с наружной стороны окна металлические или деревянные планки, вы застрахуете ребенка от несчастного случая.

Во саду ли, в огороде

Много выпало снега в этом году. Кому — беда, а садоводу радость: снег — кормя и защита, и влага. Но в конце зимы под тяжестью снега могут поломаться ветви яблонь и груш, пострадать кусты смородины, крыжовника, малины, ежевики... Стряхните весной снег с деревьев и кустов, осторожно освободите от него молоденькие деревца.

Мыши весной голодают, поэтому особенно опасны в саду — повреждают кору на деревьях, в первую очередь — молодых. Так что в оттепель утопчите снег вокруг яблонь и груш. Мыши через таную преграду до деревьев не доберутся. Не помешает уплотнить снег и между грядками с чесноком, тюльпанами, земляниной, зеленью и луком.

Каждый раз по весне садоводы

волнуются: как перезимовали деревья? Можно и до наступления весны узнать, как повлияла на них зима. Когда морозы миновали, побывайте в саду, срежьте по несколько веточек яблони, груши, вишни, сливы, напишите этикетки, чтобы не перепутать, заверните в газету и подержите некоторое время в прохладном месте, чтобы ветки постепенно отогрелись. Потом можно поставить их в воду комнатной температуры.

Через 2-3 дня выньте веточку из воды, острым ножом срежьте поперек, внимательно рассмотрите место среза. Если древесина у 2-3-летней плодовой веточки светлая — все в порядке, а если побурела — значит, подморожена. Сильно срезы почернели — считайте, дерево замерзло... Ветка с поврежденной древесиной будет жить, переболит, а вот когда почернел камбий (круговое зеленоватое кольцо между древесиной и корой), считайте, что она погибла окончательно, ее придется срезать.

Проверьте также состояние плодовых почек (они сидят на укороченных веточках, верхушка у них закругленная, а почки ростовые наверху заостренные, как бы прижатые к веточке). Плодовые почки — это буду-

Домашний доктор

Рецепт тибетских монахов

Этот рецепт найден экспедицией ЮНЕСКО в 1971 году в тибетском монастыре и переведен с глиняных табличек на все языки. Датируется он примерно 4—5 тысячелетием до нашей эры.

Назначение: очищает организм от жировых и известковых отложений. Резко улучшает общий обмен веществ — в результате сосуды становятся эластичными, что предупреждает инфаркт миокарда, стенокардию, склероз, паралич, образование различных опухолей; исчезает шум в голове, восстанавливается зрение. При точном лечении омолаживается организм.

Приготовление: тщательно промыть и очистить 350 граммов чеснока, мелко нарезать и протереть его деревянной или фарфоровой ложкой; отмерить 200 граммов этой массы, взяв ее снизу, где больше соку, положить в стеклянный сосуд, залить 200 граммами 96-процентного спирта. Сосуд плотно закрыть и хранить в темном прохладном месте 10 дней. Затем массу процедить через плотную ткань, отжать. Через два-три дня можно начать лечение.

щий урожай. Лезвием бритвы осторожно разрежьте почку вдоль, от верхушки к основанию. Если в разрезе она светло-зеленая — значит, здорова, а если потемнела, то пестик и тычинки замерзли. Если так — не быть хорошему урожаю на этом дереве. У вишни и черешни плодовые почки гибнут при температуре воздуха минус 32—33°C. Вишня весной цветет, а плодов нет...

И такой совет. Передайте жене (а коль не женаты — любимой девушке) привет из собственного сада. Для этого веточки после эксперимента "на выживание" оставьте в воде, подрезав их наискосок, и воду меняйте каждые 2—3 дня, иногда обновляя срезы. Через полмесяца почки набухнут, распахнутся покровные зачатки и проглянут на свет зачатки будущих зеленых листьев и цветков. Будет у вас чудный букет с бледно-розовыми пахучими лепестками.

А если вы праздники отмечаете в саду, то не забудьте о ваших питомцах. Прямо по снегу облейте кипляком стволы яблонь и груш, кусты смородины и крыжовника. Вы уничтожите не только споры мучнистой росы, но и зимующих под корой вредителей. И никакой химии.

Пить каплями с холодным молоком (четверть стакана) строго по схеме. Принимать за 15—20 минут до еды, пока не кончится смесь. Повторный курс лечения проводить не раньше, чем через 6 лет.

Дни приема	Завтрак (в к а п л я х)	Обед	Ужин
1-й	2	2	3
2-й	4	5	6
3-й	7	8	9
4-й	10	11	12
5-й	13	14	15
6-й	15	14	13
7-й	12	11	10
8-й	9	8	7
9-й	6	5	4
10-й	3	2	1
11-й	25	25	25

Как стать красивым

К тому же тибетская медицина советует (для наружного применения) супер-рецепты для омоложения и освежения кожи:

Совет первый: Для увлажнения кожи лица вместо утреннего умывания пропитать и слегка помассировать лицо кусочками льда. Можно пригото-

вить его из отвара лекарственных растений: календулы, липового цвета, ромашки (2 столовые ложки на 2 стакана воды). Вскипятить, настоять 15 минут на медленном огне, охладить и заморозить.

Совет второй: Если лицо шелушится, поможет такая процедура. Приготовьте липовый отвар: 1 чайную ложку измельченного липового цвета залить 100 граммами холодной воды, довести до кипения, настоять 15 минут на медленном огне. Процедить, добавить 1 чайную ложку цветочного меда. Этим отваром обильно смачивайте очищенную кожу лица и шеи в течение недели. Процедуру лучше делать лежа, расслабившись и "отключившись".

Совет третий: Сделать питательную маску: 1 столовая ложка сметаны, 1 столовая ложка творога, 1 чайная ложка морской соли. Всю массу тщательно перемешать и нанести на лицо. Маску держать 15—20 минут, затем смыть теплой, а потом холодной водой.

Прантичум вели

Елена Евдонинова

Татьяна Смолина

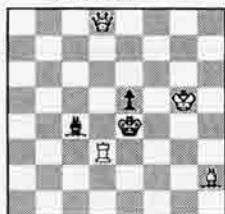
Александр Куленкамп ■

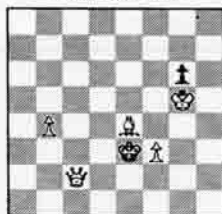
Под редакцией международного гроссмейстера **Винтора Чепижного**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

В. ДЯЧУН
 Мукачево, Украина

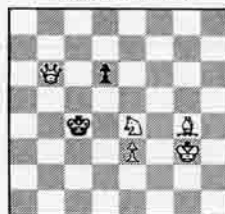
#2

Б. ЖЕНЕРУН
 Полтава, Украина

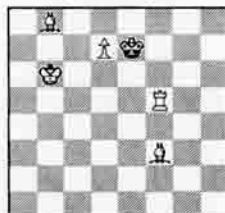
б) после 1-го хода #2

Л. ЛЕБЕДЕВ
 г. Бобринск, Беларусь

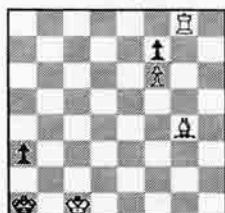
#2

С. ДЕМИДИУК
 Брест, Беларусь

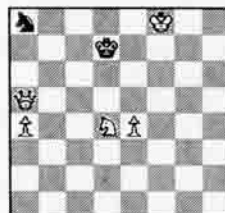
#3

В. СУЧНОВ
 Чебоксары

б) Сg4-g7 #3

**В. ИВАНОВ, М. МУЗЫНА,
 Н. ПАРХОМЕНКО**

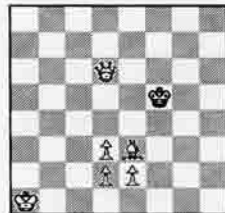
#3

Ю. СУШНОВ
 Санкт-Петербург

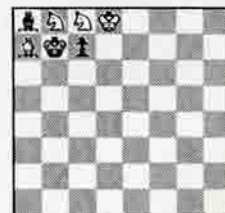
#4

В. ЖЕЛТОНОВИЧ
 Екатеринбург

#4

В. ЛУНЬЯНОВ
 г. Александровское, Ставропольский кр.

#4

**Приводим решения задач,
опубликованных в №№ 5-7 "Смены" за 1997 год.**

Правильные ответы на все задания прислали Е. БОСЫХ (пос. Утта, Калмыкия),
Ю. КАРТАШОВ (Санкт-Петербург), В. КОЖАКИН (Магадан), В. КОЗЫРЕВ (д. Нина,
Эстония), И. НЕКРАСОВ (Архангельск), Г. ПОПОВ (Якутск), В. СИМОНОВ (Самара)

"Смена" № 5, 1997

43. З. Гуат. а) Фе6; б) 1. ФГ3; в) 1. Фд7
44. Ю. Лялюшкин. 1. Ле3
45. В. Коваленко. 1. Лб1, 1. Крд5? е2!
46. А. Зарх. 1. Ке6
47. М. Чернушко. 1. Сd8
48. Н. Чистяков. а) 1. Сб6 Кра3 2. Ке6 Кра4 3. Ла5х; б) 1. Сб6 Кра6 2. Сб7 Кра7 3. Ке6х
49. Н. Резвов. 1. Сd6 Сf6 2. Сf8, 1... Сf4 2. еf
50. В. Иванов, В. Свергунов. 1. Са5 еb 2. Сб6 Кра6 3. Сб7х, 1... ба 2. б6 Кра6 3. Сf1х, 1... Кра8 2. Сс6
51. Д. Гижко. 1. Кh3 Крг2 2. Сf1 Крh1 3. Кf2х, 1... Кh2 2. Сб7 Кf3 3. Сf3х
52. М. Рейтман, В. Черноус. 1. Сf3 еf 2. Крf5 Крд5 3. Леd3х, 1... h2 2. Ch1 Крд5 3. Леd3х
53. В. Антипов. 1. Ла5 Крe1 2. Крд3 Крf1 3. Лg5, 1... Крe2 2. Лf5 Крe1 3. Крд3, 1... Крг2 2. Ке3 Крг1 3. Сg3, 2... Крh3 2. Сf2, 2... Крf3 3. Крд3
54. Н. Зинovieв. а) 1. Кb1 Крд5 2. Кс3 Крд6 3. Крe8 Крe6 4. Ле6х, 2... Крe6 3. Лb4 Крд6 4. Лb6х; б) 1. Кf1 Крд5 2. Ке3 Крд6 3. Крe8 Крe6 4. Ле6х, 2... Крe6 3. Лf4 Крд6 4. Лf6х; в) 1. Ка3 Крe5 2. Крe7 Крд5 3. Ке2 Крe6 4. Ле5х, 1... Крд5 2. Крe7 Крe5 3. Кf3 Крд5 4. Ле5х; г) 1. Ле4 Крe5 2. Крe7 Крд5 3. Ке2 Крe5 4. Ле5х, 1... Крд5 2. Крe7 Крe5 3. Кb3 Крд5 4. Ле5х
55. М. Кормильцев. 1. Лg5 Сe8 2. Ле8 (дуаль — 2...Лd5) Крe8 3. Лd5, 1... Сg8 2. Лd5 (a5) Сf7 3. Лd8 (a8)
56. В. Мельниченко. Мат в 4 хода. а) 1. Лd7 Сg7 2. Сg3 Сh6 3. Лd2, 1... Сd6 2. Лd6 Крh2 2. Крf2; б) 1. Крf2 Крh2 2. Лd1 Сd6 3. Лd6
57. П. Лоурidas. 1. Крe7 Крe5 2. Кf6 Крд6 3. Фb5 Крe7 4. Крf7 Крe8 5. Кd5 Крд8 6. Фе8х

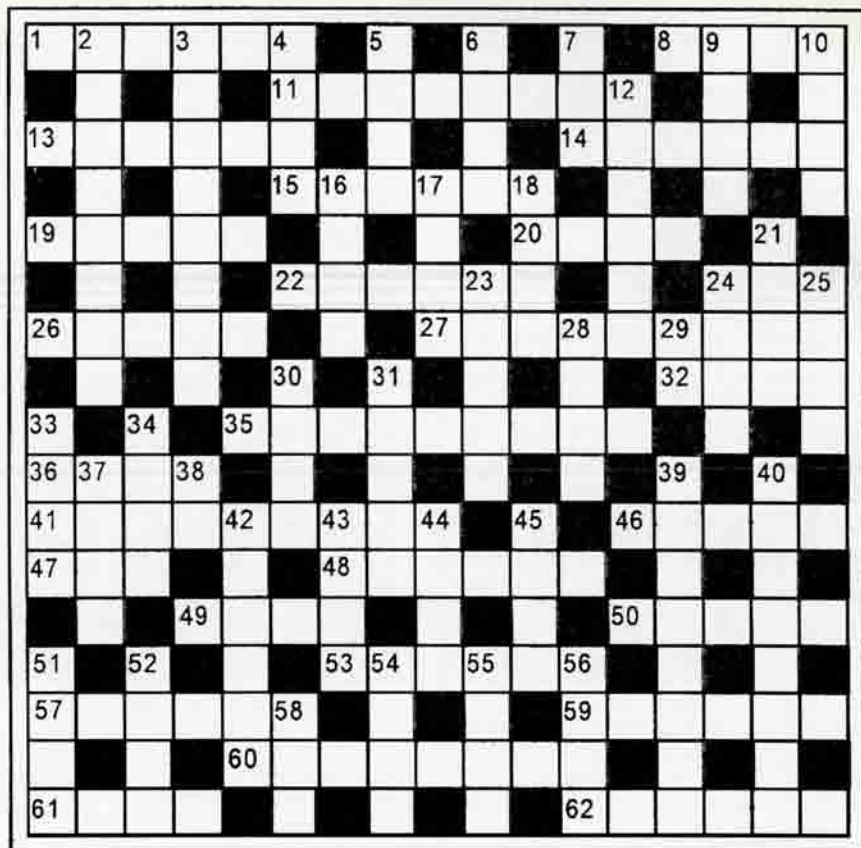
"Смена" № 6, 1997

58. В. Кириченко. 1. Фf5, 1. Фg4? f5!
59. В. Мельниченко, Н. Чернявский. 1. d4!, 1. Фd3? Ка3!
60. Н. Зинovieв. а) 1. f8!j!; б) 1. f8!k; в) 1. f8c!; г) 1. f8f!
61. С. Ковалев. 1. Крf5 е2 2. h5, 1... Крг8 2. Крг6
62. В. Кожакин, А. Шахназарян. 1. Фd7 Кра3 2. Фb5, 1... е3 2. Фb5
63. В. Винокуров, В. Желтоножко. 1. Фh1 Крb3 2. Сc4 Кра4 3. Фd5х, 1... Крд2 2. Фе4 Крд1 3. Фе2х
64. В. Сонин. 1. Крд3 Крb2 2. Лh2 Кра3 3. Фf8х, 2... Кра1 3. Фg1х, 1... Крb4 2. Лa6 Кра3 3. Фb3х
65. В. Лукашев. 1. Фf1 g5 2. Фf2, 1... Крг5 2. Фh3, 1... Крh4 2. Фf4
66. Л. Лебедев. 1. Ле3 Крh2 2. Лd3 Крh1 3. Лh3х, 1... Крг3 2. Сg1 Крh3 3. Лd3х

67. С. Демидюк. 1. Фе5 Крf7 2. Сc4 Крh7 3. Фh5 Крf6 (f8) 4. Фg5 (f7)х, 2... Крe8 3. Фе7 Крf8 4. Фf7х, 2... Крг6 3. Фf8 Крh7 4. Сe2х
68. П. Лоурidas. 1. Фе3 Крe4 2. Крf7 Крf4 3. Крf6 Крe4 4. Сg2 Крf4 5. Фf3х, 2... Крд5 3. Сg2 Крд6 4. Фе6 Крe5 5. Фf6х
69. Б. Сушков. 1. Сe3 g6 2. Крд4 g5 3. Сf2 g4 4. Сh4 g3 5. Лf6х, 1... g5 2. Сf2 g4 3. Сh4 Крf4 4. Крд4 g3 5. Лf6х
70. М. Марандюк. 1. Фb! Крд7 2. Фb7 Крe6 3. Фе7 Крf5 4. Фе4 Крг5 5. Фg4х, 2... Крд8 3. Са3 f5 4. f4 Крe8 5. Фе7х, 1... Крf7 2. Фе7 Крг6 3. Фg7 Крf5 4. Фg4 Крe5 5. Фе4х, 1... f5 2. Фd6 Крf7 3. Фе7 Крг6 4. Фg7 Крh5 5. Фh6х; 1. Фе5? Крf7 2. Фе7 Крг6 3. Фg7 Крf5 4. Фg4 Крe5 5. Фе4х, 1... f5 2. Фd6 Крf7 3. Фе7 Крe6 3. Фg7 Крf5 4. Фе4 Крг5 5. Фg4х, 1... f5 2. Фd6 Крf7 2. Фе7 Крг6 4. Фg7 Крh5 5. Фh6, 1... Крf5!
71. В. Барсуков. 1. b3 еb 2. Фе2 b2 3. Сс3 Крb1 4. Крb3 Кра1 5. Сb2, 2... Крb1 3. Крb3 Кра1 4. Са3 (дуаль — 4. Крe2) Крb1 5. Ке3
72. В. Антипов. 1. Сb7 Кра7 2. Сb6 Крb8 3. Сe7 Кра7 4. Ch2 g1Ф 5. Сg1 Крb8 6. Са6 Кра8 7. Крb6 Крb8 8. Ch2 Кра8 9. Сb7х

"Смена" № 7, 1997

73. В. Антипов. 1. Фh7
74. В. Зенков. а) 1. d4; б) 1. e8K
75. С. Радченко. 1. Ке2
76. Л. Салай. 1. Лb2
77. Н. Зинovieв. а) 1. Лb3; б) 1. Лf4
78. В. Коваленко. а) 1. Лf3; б) 1. Лf5
79. Ю. Сушков. 1... Крe4 2. Фе3, 1...d4 2. Кd2, 1. Кc1! Крд4 2. Фе2, 1... Крe4 2. Фf6
80. Н. Чистяков. а) 1. Кd3 Кра1 2...Лe3 Крb1 3. Лe1х; б) 1. Кd7 Кра5 2. Сe6 Кра6 3. Лa3х; в) 1. Ке6 Кра4 2. Лb2 Кра3 3. Лa2х
81. В. Сонин. 1. Фg3 Крe5 2. Фd6 Крb5 3. Фb6х, 1...f4 2. Фе3 Крe4 3. Кd6х, 1...g4 2. Фf4 Кра5 3. Фе4х, 1...Крe4 2. Кd6
82. В. Иванов. 1. Крe8 Крe6 2. Лh6 Крe7 3. Сd6х, 1... Крf6 2. Сd6 Крe6 3. Лh6х, 2... Крг7 3. Се5х, 2... Крг5 3. Се7х
83. В. Желтоножко. 1. Фf7 Крд4 2. Фе6, 1... Крe5 2. Крe5
84. А. Василенко. 1. Крf2 f4 2. Кg7 f3 3. Кf5х, 1...fg 2. Кg3
85. В. Винокуров, В. Желтоножко. 1. Фе5 Крд2 2. Фе1 Крд3 3. Крb2
86. В. Кожакин. а) 1. Сg1 Кра5 2. Кb7 Крe6 3. Кd8; б) 1. Крe5 Крe5 2. Ке4 Крe6 3. Кg5; в) 1. Крb5 2. Ке4 Крe6 3. Кg5; г) 1. Лg7 Крf5 2. Ке3 Крe6 3. Ке2
87. П. Лоурidas. 1.0-0-0 Кра4 2. Лd5 f4 3. Крe2 f3 4. Ке3 Крb4 5. Крд3 f2 6. Лb5 Кра3 7. Крe2

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Название красивого мужчины еще у древних греков. 8. Восточная мера длины (около семи километров). 11. Один из древнейших символов беспорсных царей. 13. Народ, чьим первым просветителем был М.Евсевьев. 14. Остров, с которого иноки в 1793 году принесли христианство на Аляску. 15. Горячий сторонник войны. 19. Знан суммы в математине. 20. "Территория любви" по Н.Михалнову. 22. Слуга д'Артаньяна. 24. Система летосчисления. 26. Философ, первый выборный ректор Берлинского университета. 27. Зверь, с наким В.Розанов сравнивал женщину на картине Л.Банста "Ужин". 32. Овсяна, залетающая из США на Чукотку. 35. Женщина, способная напустить на левоверных людей порчу. 36. Фигура, олицетворяющая в китайской символике небо и понятие ян. 41. Христианская сента III века, предшественница русских скопцов. 46. В средневековом Новгороде или Пскове — совет господ, в западноевропейских городах — ... 47. Главная линия любой симметрии. 48. Французский критик, друживший с Вольтером до смерти сатирина. 49. Путеводная звез-

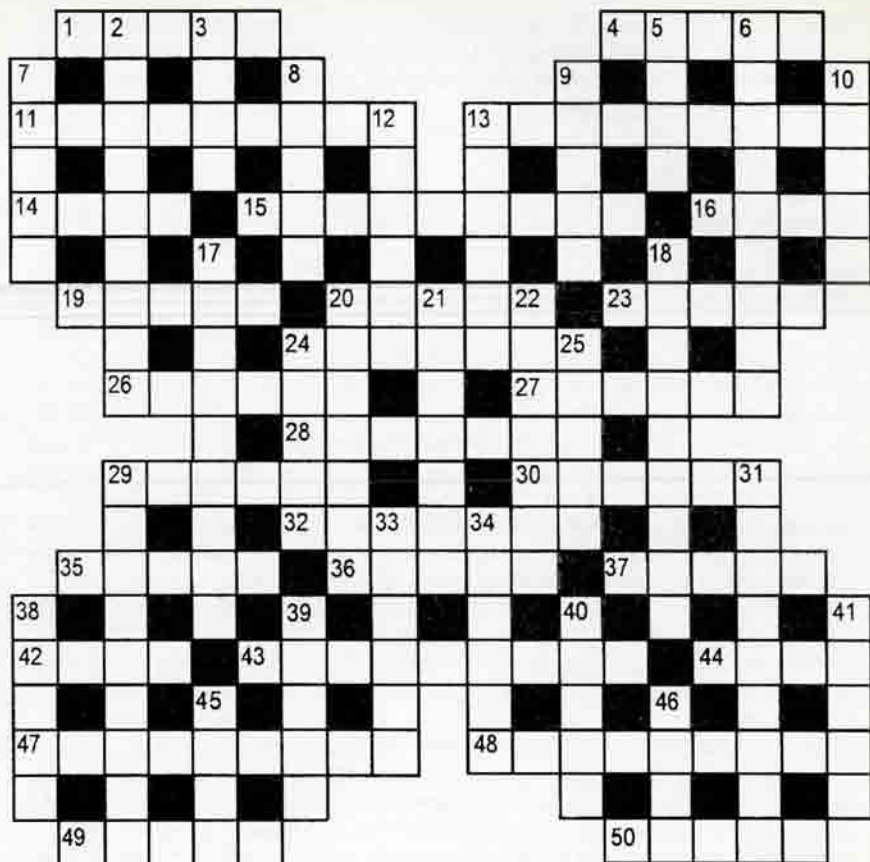
да, накой нет у Обломова. 50. Ни два, ни полтора, ни половина. 53. Плавный танец персиянки. 57. Мастер угощения до отвращения. 59. Поэт, чьи "Труды и дни" — по сути наставление завистливому брату Персу. 60. Двадцать доз соображающих на троих. 61. "Той ты, Русь, моя родная, ... — в ризах образа (С.Есенин). 62. Белый полевой шлат.

По вертикали. 2. Тиран Сирануз в то время, когда в них приехал Платон. 3. Дело недреманного ока. 4. Пернатый коллентив. 5. "Второй орган речи" (Н.Станиславский). 6. Художник, которого Дидро назвал "лицемером из лицемеров". 7. "Убийца противников" у фараона Рамзеса II. 9. Дерево, по которому назван болгарский город смеха. 10. "...возьми семейства ваши оба" — пожелание Мернуцио Монтенни и Напулетти. 12. Тибетская часть Брахмапутры. 16. Специя, без которой обходится шабаш ведьм. 17. Соглашение барышников о скупке и перепродаже товаров. 18. Парус на трех ноньках. 21. Крылатый пиджак. 23. Композитор, начавший фортепьянное творчество с вариаций на тему "Дон Жуана" Моцарта. 24. Вулкан более чем с двумястами конусов и кратеров. 25. Остров на севере Чукотки, чью похоть на головной мозг отражает его название. 28. Французский летчик, первый воздушный почтальон. 29. Французский писатель, потомственный хирург. 30. "Самая красивая, самая удивительная и самая беспринципная женщина-шпионка". 31. Спасительница князя Гвидона и его матери. 33. Название женщины у североамериканских индейцев. 34. Старинная торговая мера сыпучих тел. 37. Совокупность особей с общими признаками внутри ареала. 38. Художник, написавший в Италии портрет Герцена и привезший его в Россию, залив бумагой с изображением евангелиста. 39. Свойство человека с распанутой душой. 40. Итальянский дипломат, предавший Людовика XIV; возможная "Железная масна". 42. Птица, понижающая гадов. 43. Труднодоступная травная поляна в горах Тироля. 44. Брат Устины Кузнецовой, выдавший ее замуж за Е.Пугачева. 45. Царица музыкальных инструментов. 51. Процесс, накой в буддийских храмах символизируют фигуры стражей с закрытым ртом. 52. Английский эконоимст и философ, чья рассеянность породила массу анекдотов. 54. Сионим русского за рубежом. 55. Священный огонь у литовских язычников. 56. Важнейший источник культуры, по Й.Хейзинге. 58. "Мистер..." — так называли А.Громыко западные дипломаты.

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2.

По горизонтали. 4. Чуйна. 7. Цветы. 10. Египет. 12. Гиляровский. 13. Полинрат. 14. Швабы. 15. Код. 16. Рени. 17. Вес. 19. Дюр. 20. Бомба. 21. Фидеист. 25. Хамза. 26. Томск. 27. Город. 30. ...ягненок... 32. Виола. 36. Дум. 38. Зло. 39. Арии. 40. Мом. 41. ...щенок. 44. Ихневмон. 45. Сфрагистина. 46. Юнкерс. 47. Тябло. 48. Арама.

По вертикали. 1. Лемпира. 2. Киплинг. 3. Белна. 5. Улит. 6. Клятва. 8. Вист. 9. Тригорское. 11. Ромбoid. 12. Гарем. 15. Нью. 17. ...вор... 18. Сброд. 19. Денор. 22. Лангдорфия. 23. Взем. 24. Эскиз. 28. Богемия. 29. Тло. 31. Нум. 33. Оляха. 34. Триммер. 35. Пианист. 37. Жюстер. 42. Чернь. 43. Карл. 44. Икем.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Непоседа. 4. Цветок перед цветением. 11. Кустарник, из плодов которого египтяне давили масло уже четыре тысячи лет назад. 13. Вышедшая из употребления славянская азбука. 14. Пьеса В. Маяковского. 15. Неизменяемая математическая величина. 16. Агава, из чьих листьев получают волокно. 19. Народ, венами не подозревавший, что под ногами у них — алмазы. 20. Занавеска, скрывающая кровать. 23. Время снимать урожай. 24. Вид занятий в вузе. 26. Венгерский гроссмейстер, в "матче вена" игравший на третьей доске и победивший. 27. Сова, чье оперение имитирует сосновую кору. 28. Кратко изложенное содержание книги. 29. Вспышка огня, света. 30. Привязанный к седлу дорожный мешок. 32. Нукурузная кочерыжка с зернами. 35. Русский философ, написавший книгу "Яд большевизма". 36. Посредник в торговых сделках. 37. Французский писатель, писавший слова "Долг" и "Честь" с большой буквы. 42. Русское имя Сарры Абрамсон в драме А. Чехова "Иванов". 43. Предшественник нсеронса. 44. Буква старого русского алфавита, бывшая символом беспо-

лезности. 47. Грубая одежда, наную носят монахи и отшельники в знак смирения. 48. Русская драматическая актриса, которую на сцену шестилетней впервые вывел ее знаменитый отец. 49. Пружинный заним для стержня. 50. Остроумное изречение.

По вертикали. 2. Приставка к астрономической трубе для рассматривания поверхности Солнца. 3. Серия советских автоматических межпланетных станций. 5. Молочный показатель коров. 6. Способ защиты металлических изделий от коррозии. 7. Действующий вулкан на острове Парамушир. 8. Одежда для облака у В. Маяковского. 9. Домашний водоем. 10. Родительское напутствие в дорогу. 12. Головоломный зимний спорт. 13. Восточный мифический зверь с туловищем льва и орлиными крыльями. 17. Боевой самолет. 18. Человек, не различающий отдельные цвета. 20. Путешественник на своих двоих. 21. Политик демократического толка. 22. Работник при камере смерти в фашистских концлагерях. 24. Густой сахарный раствор. 25. На чужой ... не нанинешь платон (поговорка). 29. Азиатская птица, из чьих гнезд варят суп. 31. Сналопаз. 33. Дерево, упоминаемое в песне "Хас-Булат удалой". 34. Система основных идей в научной области знаний. 38. Кондитерское изделие. 39. Полный комплект пленки фильма для демонстрации в кинотеатре. 40. Германское племя, давшее название европейской стране. 41. Озаренный край. 45. Шум от гусениц танка, трактора. 46. Двадцать одно.

Составил **М. Ачулич**, Омск ■

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2.

По горизонтали. 1. Эпоха. 6. Домби... 10. Обойщик. 13. Тормоз. 15. Раковина. 16. "Млада". 17. Поп. 18. Агин. 22. Шкид. 23. Фазенда. 24. Частота. 25. ...рай... 28. Ион. 29. Юнкере. 30. Ерема. 33. Львов. 34. Алпатов. 35. Цин. 37. ...люб. 39. Волхова. 40. Милунов. 42. Урок. 44. Коло. 45. Бал. 47. ...Гримм. 49. Каснадер. 51. Бабуин. 52. Ниневия. 53. Колье. 54. Онеан.

По вертикали. 2. Партизан. 3. Хром. 4. Ябеда. 5. Эйр. 6. Динозавр. 7. Окоп. 8. Бричка. 9. Штраф. 11. Щап. 12. Жажда. 14. Злыдень. 19. Гарольд... 20. Ней. 21. Бальзан. 22. Шторм. 26. Неелова. 27. Амфибол. 31. Полон. 32. Хориямб. 35. Цонокотуха. 36. Ахмадие. 37. Люн. 38. Сутки. 39. Войско. 41. Волна. 43. Оргия. 45. Бань. 46. Лен. 48. Мян. 50. Рея.

ДИНАМИЧНЫЙ для ОВНОВ март даст возможность внутреннего обновления и расцвета личности. Жажда к действию будет утолена возросшим физическим и умственным потенциалом. Жизнь бьет ключом и во многом может измениться к лучшему.

В марте **ТЕЛЬЦАМ** необходимо использовать свою способность защищаться от природных сил земли, чтобы успешно завершить важные дела и не позволить соперникам чинить препятствия на их пути. Терпеливость и верность в дружбе станут им хорошей подмогой.

Март благоприятствует **БЛИЗНЕЦАМ** в исполнении их желаний и укреплении жизненно важных позиций. Инстинктивное восприятие мира поможет им вовремя почувствовать опасность и не допустить осложнений в отношениях с окружающими.

РАКУ придется выбраться из своей норки и отогреть под теплым мартовским солнышком свойственные ему изобретательность и трудолюбие, чтобы активно включиться в профессиональную деятельность, не забывая решать и личные проблемы. А пылкость и чувствительность желательно охладить.

ЛЕВ не прощает оплошностей другим, что может значительно осложнить его жизнь в марте. Однако свойственное ему самопожертвование оценят многие, что принесет Льву не только деньги и удачу, но и новых верных друзей.

Несмотря на то, что **ДЕВА** не умеет подчеркивать свои достоинства и извлекать из этого выгоду, март сделает это за нее, придав ей необычайную привлекательность и обаяние. И для работы, и для любви — это "медовый месяц", но помните: завистники еще не перевелись.

ВЕСАМ надо заняться привычной для них работой и взвесить все "за" и "против", чтобы правильно определиться в выборе новых жизненных целей. Будущее принесет свои плоды, если выполнить прежние обязательства и суметь нейтрализовать соперников.

СКОРПИОНАМ март благоприятствует особенно в бизнесе. Их не трогают внешние эффекты, они всегда зрят в корень, что высоко оценят люди влиятельные, способные улучшить их социальное и материальное положение. Близкие потребуют внимания и затрат чуть больше, чем хотелось бы.

Пожелание СРЕЛЬЦУ в марте — «не наломать дров». Возросшие жизненная энергия и эмоциональность потребуют выхода и появится непреодолимое желание — перевернуть мир. Но что ждет в результате: успех или...?

КОЗЕРОГ — мудрый стратег, поэтому ему не надо бояться строить самые смелые планы на будущее, а март для этого самое удачное время. Кроме того, в этот период привлекательность и интуиция Козерогов достигнут своего апогея, в связи с чем значительно расширится круг общения.

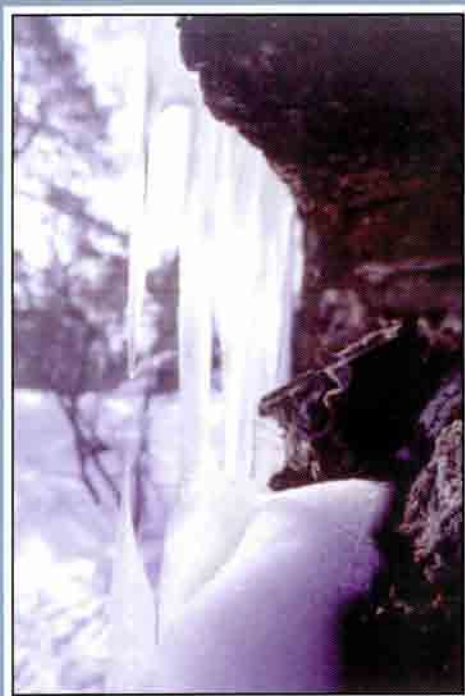

фото: Илья Козлов / ИИИ / Фотобанк

Активный во всех отношениях март потребует от **ВОДОЛЕЕВ** большей сдержанности в словах и поступках. Все будет прекрасно, если они сумеют более реально и критично взглянуть на окружающий мир. Будьте осторожны в делах и внимательны на дорогах, которые к ним ведут.

РЫБАМ пришла пора вынырнуть из вселенной их переживаний. Март для них — «звездное время», которое принесет и любовь, и здоровье, и творческое вдохновение. Но придется преодолеть свойственную им нерешительность и наконец сделать свой выбор.

Откройте для себя

АВСТРАЛИЮ

ВМЕСТЕ С

"АУДИА ТРЭВЭЛЗ"

Москва, Комсомольский пр., 17А

Тел.: (095) 246-00-15, 247-36-94,

247-36-99

Факс: (095) 246-61-25